Ex Oriente Lux

Четвертая международная студенческая конференция востоковедов и африканистов: сборник избранных статей конференции

The 4th International Student Conference on Asian and African Studies:
Collection of Selected Conference Articles

Санкт-Петербургский государственный университет www.spbu.ru

The 4th International Student Conference on Asian and African Studies

EX ORIENTE LUX

Saint Petersburg, November 1-2, 2019 Collection of Selected Conference Articles

> St. Petersburg «Skifia-print» 2020

Четвёртая международная студенческая конференция востоковедов и африканистов

EX ORIENTE LUX

Санкт-Петербург, 1–2 ноября, 2019 Сборник избранных статей конференции

Санкт-Петербург 2020 УДК 811.4 + 811.5 ББК 81.2я43 + 71.41(4/8) Е97

Ответственный редактор: канд. филол. наук А. В. Челнокова (СПбГУ)

Редколлегия:

В. А. Розов, О. А. Соколов, А. В. Шарапова А. А. Яковлев

Е97 Ex oriente lux: Четвёртая международная студенческая конференция востоковедов и африканистов. Санкт-Петербург, 1–2 ноября 2019 г.: сборник избранных статей конференции / [отв. ред.: к. филол. н. А. В. Челнокова]. — СПб.: Скифия-принт, 2020. — 266 с.

Ex oriente lux: the 4th International Student Conference on Asian and African Studies. St. Petersburg, November 1-2, 2019: Collection of Selected Conference Articles / Ed. by A. V. Chelnokova. St. Petersburg: «Skifia-print», 2020. — 266 p.

ISBN 978-5-98620-426-0

УДК 811.4 + 811.5 ББК 81.2я43 + 71.41(4/8)

РАЗДЕЛ І. ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

«ПРЕСТУПНАЯ ПОЛИТИКА»: КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ УЧАСТИЯ РОССИИ В ПОДАВЛЕНИИ ВОССТАНИЯ ИХЭТУАНЕЙ 1898–1901 гг. В ТРУДАХ СОВРЕМЕННИКОВ 80
Смешко Елизавета Игоревна ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ РЕФЕРЕНДУМА В ЗАПАДНОЙ САХАРЕ
Шатохина Арина Андреевна ЛОРД КЁРЗОН НА ПОСТУ ВИЦЕ-КОРОЛЯ ИНДИИ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ОБОРОНА ГРАНИЦ
Янькова Александра Дмитриевна ПРОБЛЕМА СЕПАРАТИЗМА И ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КНР В СУАР
РАЗДЕЛ II. ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
Алиева Камилла Абдулаевна К СЕМАНТИКЕ АНАЛИТИЧЕСКОГО СОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛОМ BOL- В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ 103
Арсеньев Михаил Николаевич ТОЛКОВАНИЯ НИСБЫ في В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ДОПОЛНЕНИИ К СЛОВАРЮ НИСБ ИЗ СОБРАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН (В976)
Васина Алёна Сергеевна ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕМЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТЕСС ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ
Дубровина Юлия Александровна МОТИВНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА САЛМАНА РУШДИ «ДЕТИ ПОЛУНОЧИ»
Ермолина Арина Ивановна ОСОБЕННОСТИ ПЕСЕН БЕНГАЛЬСКИХ ЛОДОЧНИКОВ 128
Кожина Юлия Андреевна КУЛЬТУРНАЯ МНОГОПЛАНОВОСТЬ РОМАНА «ЦВЕТЫ В ЗЕРКАЛЕ» ЛИ ЖУЧЖЭНЯ И ЕЕ СВЯЗЬ С ТВОРЧЕСКИМ ЗАМЫСЛОМ АВТОРА
Комарова Алена Павловна ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ДРАМАТУРГА О ТХЭСОКА

Кривошеина Алина Сергеевна ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ КОРЕИ	144
Круглова Екатерина Дмитриевна ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ФЕНОМЕНА НОВЕЙШЕЙ КИТАЙСКО-ЯПОНСКОЙ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ КИТАЯ И ЯПОНИИ	149
Куршева Анастасия Александровна СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ПЕРЛОКУТИВНОГО ЭФФЕКТА В КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ СИ ЦЗИНЬПИНА)	152
Лопатин Матвей Денисович ЧЕРЕПАХА И ЭПОС О ГИЛЬГАМЕШЕ	158
Панкова Валентина Викторовна РОМАН-ЭПОПЕЯ КАМЛЕШВАРА "KITNE PAKISTAN" КАК ОБРАЗЕЦ ЖАНРА ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНА	164
Проничева Анна Андреевна СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПИСКОВ РУКОПИСЕЙ «МАКАМАТ» АС-СУЙЮТИ И АЛ-ХАРИРИ	170
Пустоветова Алина Геннадьевна ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ ОЦУИТИ «ZOO»	176
Цветкова Елена Владимировна ПОСЛОВИЦЫ О РОДИТЕЛЯХ И ДЕТЯХ НА ЕГИПЕТСКОМ ДИАЛЕКТЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА	181
Швец-Тэнэта-Гурий Ульяна Олеговна АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ФИЛИППИНАХ: СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА	187
РАЗДЕЛ III. КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ	
Анфилова Наталья Владимировна ТРАДИЦИОННЫЙ ДОМ СЕВЕРНЫХ ТОРАДЖЕЙ И ЕГО ОРНАМЕНТ	192
Балуева Екатерина Вадимовна ОБРАЗ КИТАЯ ВО ФРАНЦУЗСКИХ СМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «LE MONDE»)	198

Гранкина Дарья Геннадьевна «ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА» — ПЕРВЫЙ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ В РОССИИ	203
Забелина Дарья Андреевна ДУРАКИ И ШУТЫ В ФИЛИППИНСКОМ НАРОДНОМ ТЕАТРЕ :	208
Князева Анна Александровна ФАКТОР РЕЛИГИИ В ПРОБЛЕМЕ СУИЦИДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ	215
Лунева Александра Игоревна ЯВАНСКИЙ МИФ О БОГИНЕ ЮЖНОГО МОРЯ НЬЯИ РОРО КИДУЛ	220
Мазеина Мария Вячеславовна ОБРАЗ МИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ОММЁДО В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ	226
Махлаюк Артур Николаевич ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛЬВА В ИКОНОГРАФИИ ЗАПАДНЫХ ЖЕНСКИХ БОЖЕСТВ И БОГИНИ ДУРГИ	232
Меркулова Ксения Евгеньевна ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭТНОПСИХОЛОГИИ ЯПОНСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА	237
Миронова Дарья Робертовна ФЕНОМЕН ХАЛЛЮ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	242
Пивоварчук Влада Витальевна ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЯПОНСКИХ СЛАДОСТЕЙ ВАГАСИ В ПЕРИОД ЭДО (1603–1867) И ИХ РОЛЬ В ТРАДИЦИОННОЙ ЧАЙНОЙ ЦЕРЕМОНИИ	247
Смирнова Анастасия Михайловна ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА АФГАНИСТАН XIX В	252
ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПА «СЯО» НА РАЗВИТИЕ КОНФУЦИАНСКОЙ МОДЕЛИ «ЖЭНЬ» И МОИСТСКОЙ МОДЕЛИ «ВСЕОБЩЕЙ ЛЮБВИ И ВЗАИМНОЙ ВЫГОДЫ»	259

РАЗДЕЛ I.

История, политика, экономика

Бахвалова Анастасия Алексеевна

ЮДЗЁ ВЫСОКОГО РАНГА КВАРТАЛА ЁСИВАРА (ПЕРИОД ЭДО)

Уральский федеральный университет Факультет международных отношений, кафедра востоковедения 4 курс (бакалавриат) anastasiia bakhvalova@yahoo.com

Bakhyalova Anastasija

HIGH-RANK YOSHIWARA'S COURTESANS YUJO (EDO PERIOD)

Ural Federal University Faculty of International Relationships, Department of Oriental Studies 4 year student (B.A.)

Аннотация. В настоящей статье на основе как письменных, так и изобразительных источников («Ёсивара-сайкэн», трёхстипия сэнрю, гравюры укиѐ-э) описываются юдзѐ («девы веселья») высокого ранга в единственном легальном веселом квартале Эдо — Ёсивара (1603-1868). Подробно анализируется «Ёсивара-сайкэн» 1792 г. издания, серия гравюр Э. Кэйсая «Токайдо», приводятся примеры сэнрю, наиболее ярко иллюстрирующих повседневность юдзѐ, с пояснениями и переводом на русский язык.

Abstract. This article based on both written and pictorial sources (Yoshiwara-saiken, senryu poems, ukiyo-e prints) describes high-rank courtesans yujo in Yoshiwara, the only licensed pleasure quarter in Edo (1603 –1867). Yoshiwara-saiken edited in 1792, series of prints by E. Keisai are analyzed in detail, examples of senryu poems that most clearly illustrate everyday life of yujos are given with explanations and translation into Russian.

Ключевые слова: период Эдо, Ёсивара, «веселые кварталы», Ёсивара-сайкэн, юдзѐ **Key words:** Edo period, Yoshiwara, pleasure quarters, Yoshiwara-saiken, yujo

Настоящая статья посвящена 遊女 (ю:дзѐ; дева веселья) высокого ранга в единственном легальном веселом квартале города Эдо — Ёсивара. Несмотря на их значительную роль в повседневной жизни японцев и яркий след в искусстве и литературе Японии, тема юдзѐ практически не раскрыта в отечественной историографии.

Квартал Ёсивара более или менее представлен читателю в редких изданиях на русском языке, к числу которых, например, относится монография искусствоведа А. Э. Пушаковой «Квартал удовольствий» [Пушакова, 2016] — прокомментированный сборник гравюр укиѐ-э из собрания Государственного музея Востока и частной коллекции К. Данелия, иллюстрирующих быт веселого квартала. Также англоязычная монография Дж. И. де Бекера «Город, куда не приходит ночь: история Ёсивара» [De Becker, 1899] была издана на русском языке в переводе А. И. Шмелева под названием «Гейши. История, традиции, тайны». Автор знакомит читателей с классификацией публичных домов, приводит медицинскую и юридическую статистику, детально описывает быт юдзѐ, однако больше внимания уделяет первой половине периода Мэйдзи (1868–1912), современником которого он является, чем интересующему нас периоду Эдо (1603–1868).

Ёсивара был самым оживленным кварталом сèгунской столицы, одним из Эдо сандзэн-рè (яп. 江戸三千両) — трèх популярнейших туристических мест, где за вечер можно потратить тысячу рè (от пятидесяти до ста миллионов иен в современном эквиваленте). Не только мужчины, но также женщины и дети, во время крупных фестивалей и праздников приходили весело провести время в Ёсивара. Квартал оказал большое влияние на культуру, нравы и язык эпохи Токугава (1603–1868). Ойран дотю (яп. 花魁道中) — пышные шествия роскошно одетых знаменитых красавиц квартала, главных законодательниц мод страны, вдохновляли художников на создание шедевров гравюр укиè-э, драматургов — на написание пьес театра Кабуки. Благодаря Ёсивара на свет появилось множество памятников литературы таких жанров как сэнрю (шуточные трехстишия), а также сярэбон (юмористические рассказы), коута (песни «веселых кварталов») и др. [Бахвалова, Буракова, 2019. С.141]

Основной задачей данного исследования является описание особенностей быта юдзѐ высокого ранга в квартале Ёсивара в период Эдо. Важнейшим письменным источником для изучения юдзѐ является «Ёсивара-сайкэн», полуофициальный путеводитель, издававшийся 1-3 раза в год со второй половины XVII в. Также был проанализирован сборник сэнрю квартала Ёсивара периода Эдо под ред. Ё. Сато [Сато, 1999], рассмотрена серия гравюр Э. Кэйсай «Токайдо. Сугороку для юдзѐ» [Кэйсай Эйсэн] и др.

В период Эдо существовал бизнес по продаже «Ёсивара-сайкэн», который назывался сайкэн-ури (яп. 細見売り). Жители и гости города могли свободно приобретать данный путеводитель. Главная функция «Ёсивара-сайкэн» состояла в своего рода каталогизации всех заведений, расположенных в квартале: большая часть информации приводится в таблицах и содержит только короткие сегменты текста. В основном это ранжированные списки юдзè, своеобразные «прайслисты» и перечни персонала, доступного для найма. Информация о каждой юдзè в «Ёсивара-сайкэн» передается с помощью символов, поэтому, даже не имея воз-

можности точно прочитать их имена, возможно провести демографические исследования, а своеобразные «логотипы» публичных домов позволяют следить за судьбой каждого заведения.

Рассмотрим выпуск «Ёсивара-сайкэн» за 1792 г. [Ёсивара-сайкэн, 1792]: всего в нем 56 страниц. На первой странице представлен «прайс-лист». Вверху в таблице перечислены все существующие на момент издания ранги в порядке убывания (справа налево), сперва высшие ранги без аидзируси (яп. 合印): 1) 太夫 (таю: ; букв. великий муж) (без аидзируси), 2) 格子(ко:си; букв. решетка) (без аидзируси); далее с аидзируси: 3) よび出し(ебидаси; букв. по приглашению) и 付まわし(цукэмаваси; букв. оплата через посредника) (с аидзируси в виде двойной 山形 (ямагата; форма горы) и одной черной 星 (хоси; пятно), 4) さんちゃ(сантя; вид зеленого чая) (=//=), 5) 座敷持(дзасики-моти; букв. владелица банкетного зала) (ямагата без хоси), 6) 部屋持 (хэя-моти; букв. владелица комнаты) (с аидзируси в виде одной «горы»). Стоимость посещения указана в зависимости от времени: дневное или ночное, и достигает 90 моммэ (= 1 рè 2 бу или ок. 100 тыс. иен в современном эквиваленте).

Ниже перечисляются даты момби (яп. 紋日), особых праздничных дней, когда в квартале устраивались гуляния. Тремя крупнейшими событиями считались цветение вишен (март-апрель), праздник фонарей (июль) и фестиваль Нивака (август), тесно связанный с Инари — божеством-покровителем Ёсивара. В этот день юдзѐ, синдзо и камуро устраивали театральные представления, пели и танцевали. В праздничные дни стоимость услуг повышалась в два раза.

На второй странице записывается стандартное предисловие, далее, с третьей страницы представлена карта квартала. С восьмой страницы начинается улица Эдотè-иттèмэ, в самом начале которой располагаются самые дорогие «зеленые дома» (яп. 青楼сэйро: ; публичный дом). Каждый из них занимает половину страницы. Меньшие дома получают треть страницы, четверть или шестую часть страницы.

Каталог «зеленых домов» проходит от улицы к улице через весь квартал Ёсивара, записывается название каждой улицы (Накано-тè, Эдотè-иттèмэ, Эдотè-нитèмэ, Кèмати-ттèмэ, Кèмати-нитèмэ и др.), отмечаются ворота. Списки заведений продолжаются до страниц 45-46. У каждого «зеленого дома» обозначено название, изображен «логотип», внутри дома перечислены все юдзè с аидзируси. Также у заведения обозначен вид его мисэ (яп. 見世): черным квадратом обозначается веранда с полной решеткой или омисэ (яп. 大見世), черным треугольником с черно-белым кругом — решетка с открытой четвертью в верхнем правом углу или тюмисэ (яп. 中見世), черно-белым кругом — полностью открытая решетка или комисэ (яп. 小見世).

В конце выпуска приведен список гэйся (яп. 芸者), как женщин, так и мужчин. В двух верхних строках мужчины-гейши указаны по фамилиям, записанным иероглифами, а гейши-женщины, в нижних пяти рядах, перечислены только по личному имени, записанному азбукой хирагана. На последней странице указано имя издателя: Цутая Сигэсабуро. Семейство Цутая было самым знаменитым издательским домом периода Эдо, в особенности оно известно публикациями таких известных художников укиè-э, как Утамаро, Сяраку и др.

Период правления Токугава имеет образ мирного и благополучного времени, когда прекратились междоусобицы и начался рассвет пышной городской культуры. Однако в эпоху Эдо Япония пережила множество потрясений: землетрясения, пожары, извержения вулканов и др., что привело к трем самым суровым периодам массового голода — Кèхо (1732), Тэммэй (1780-е) и Тэмпо (1833–1836) [Прасол, 2012. С.17]. Долгое время для бедняков единственным способом спасти семью оставалось когаэси — умерщвление новорожденных детей, в особенности дево-

чек. Однако куда более рациональной была продажа дочерей в веселые кварталы в возрасте 5-6 лет. Так поступали не только крестьяне, но и жители нагая (яп. 長屋), своеобразных коммунальных домов, из бедных районов города, разорившиеся торговцы и даже обедневшие самураи.

Сначала девочки поступали в публичный дом в качестве прислужниц юдзѐ — камуро (яп. 秃). В 13–14 лет они переходили в должность синдзо (яп. 新造), старших учениц. Синдзо подразделялись на фурисодэ-синдзо (яп. 振袖新造) и томэсодэ-синдзо (яп. 留袖新造), девочек с длинными и короткими рукавами, также отдельно от них существовали хиккоми-синдзо (яп. 引込新造) и хиккомикамуро (яп.引込秃), которые не прислуживали «старшим сѐстрам», и чаще всего их воспитанием и обучением занимались непосредственно владельцы «зеленого дома». В 15–17 лет они впервые чернили зубы и становились юдзѐ. Средний срок службы юдзѐ в Ёсивара составлял около 10 лет, таким образом покинуть квартал по истечении контракта 年季明け (нэнки-акэ; конец срока найма) они могли только в возрасте 25–27 лет [Андо, 2016. С.25].

На протяжении всего периода Эдо численность юдзѐ квартала Ёсивара колебалась от 2000 до 7000 чел., на нее оказывали влияние различные факторы: указы бакуфу, пожары, стихийные бедствия и т.д. Прослеживалась тенденция роста численности за счет юдзѐ низких рангов. Высокоранговые юдзѐ составляли обычно не более 1% от общего числа. На основе проанализированных нами «Ёсивара-сайкэн» с 1660 по 1863 гг. мы можем заключить, что юдзѐ высокого ранга содержались в одних и тех же домах в разные периоды времени: Тамая, Огия, Накамандзия, Эбия, Окамотоя и др. крупные «зеленые дома» лидировали до конца эпохи Эдо.

Высшим рангом юдзѐ считался ранг таю. Далее по нисходящей шли: коси, сантя, умэтя, какои и цубонэ. В годы Мэйва (1746–1772) таю и коси исчезают из Эдо, вытесненные ѐбидаси, тюсан и цукэмаваси. Все три ранга причислялись к высшим и уважительно назвались 花魁 (ойран; предводительница цветов) [Сато, 1999. С.4].

Уже в самом раннем возрасте девочке, попавшей в Ёсивара, необходимо было проявить себя и упорно трудиться, чтобы в будущем добиться высокого статуса. Основными критериями, по которым оценивались юдзе, были манеры, уровень образования и красота. Это правило оставалось неизменным на протяжении всего периола Эдо. Поэзия вака и хайкай, китайская поэзия канси, кадо (флористика, искусство икэбана), кодо (искусство составления ароматов), седо (каллиграфия), садо (чайная церемония), игры го и сеги, танцы буе, старинные песни кекеку, владение музыкальными инструментами, — это и многое другое изучали камуро и синдзо, чтобы добиться звания ойран. Самосовершенствование составляло досуг юдзе высокого ранга. «せつさたくまの功成つて太夫職(сэссатакума-но ко:на-ттэ таю:-сèку; должность таю — это награда за неустанную работу над собой)», — так звучит одно из сэнрю. сочиненное в период Эдо [Сато, 1999. С.4]. Об этом же ярко свидетельствует, к примеру, серия гравюр знаменитого художника Кэйсая Эйсэна (1790–1848), мастера бидзинга. Серия носит название «Токайдо. Сугороку для юдзе: пятьдесят три пары Ёсивара» и была издана в 1821-1823 гг. Всего в серии 55 гравюр, и на 20 из них женщины изображены в процессе интеллектуальной и творческой деятельности: на двенадцати из них юдзѐ читают или пишут, на пяти гравюрах — играют на музыкальных инструментах, на одной — ойран занимается живописью.

Например, гравюра №12 [Кэйсай Эйсэн], на которой изображена ойран из дома Огия: непринужденно опершись спиной на три роскошных футона, сложенных стопкой, и подтянув колени к груди, она увлеченно изучает свиток. У ее ног на полу лежит книга. На женщине богатое кимоно, а в сложной прическе более пятнадцати заколок из черепахового панциря. Эти заколки, а также трехслойный футон, свидетельствуют о высоком ранге этой юдзѐ. На гравюре №14 [Кэйсай Эйсэн] мы видим похожую картину, только ойран из дома Маруэбия выглядит еще более сосредоточенной, подавшись вперед и склонившись над свитком. У нее так же много заколок в прическе и такие же босые ноги: юдзѐ не надевали носков таби. Интересна и гравюра №49 [Кэйсай Эйсэн], на которой ойран дома Саномацуя читает, непринужденно сидя за столом. Перед ней лежит раскрытая книга, но женщина задумчиво смотрит вдаль, обдумывая прочитанное. Книги окружают ее повсюду: они лежат на столе, под столом, а также на книжной полке у стены. Таким образом, мы можем видеть, что юдзѐ много времени посвящали самообразованию.

Сэнрю являются еще одним уникальным по полноте источником, освещающим быт юдзѐ в квартале Ёсивара эпохи Токугава. Благодаря сэнрю, мы можем иметь представление о мельчайших подробностях повседневной жизни высокоранговых юдзѐ: какую литературу они читали, в какие игры играли в свободное время, с какими финансовыми проблемами сталкивались. Мы даже можем предположить, какие у них были вредные привычки, или какими заколками они украшали прически, как чернили зубы [Бахвалова, Буракова, 2019. С.144].

Ойран существовали в окружении дорогих вещей: нарядная одежда, пышное убранство покоев, но они никогда не подавали виду, если испытывали какие-то финансовые затруднения. Реальное положение вещей отразилось в сэнрю: 《足袋屋さんばかりに借がありません (табия-сан бакари-ни кари-га аримасэн; только в носочной лавке нет займов)» [Сато, 1999. С.26]. Юдзѐ не носили носков таби, поэтому не покупали их. Данное сэнрю иллюстрирует, что долгов у юдзѐ не было только в той лавке, услугами которой они не пользовались.

Юдзѐ высокого ранга тратили заработанные деньги не только на собственные нужды, но также они были вынуждены покрывать расходы вверенных им камуро и синдзо. Колоссальных затрат требовала церемония хацуканэ (яп. 初鉄漿), первого чернения зубов. Юдзѐ самых низких рангов не могли себе позволить охагуро (яп. お歯黒), но все, начиная с хэя-моти, соблюдали эту традицию. Канэ (яп. 鉄漿) — краситель для чернения зубов, «железный сок» (раствор ацетата железа с добавлением чернильных орешков сумаха) стоил больших денег, однако позаботиться о чернении своих подопечных было задачей старшей юдзѐ.

Еще больших затрат, чем само чернение, требовал обычай рассылать цукэганэ (яп. 付金), своеобразные приветственные дары (в денежной форме), чайным домикам в день церемонии хацуканэ, чтобы заручиться их расположением. «初鉄漿よりは付金が身にしみる(хацуканэ-èри-ва цукэганэ-га ми-ни симиру; цукэганэ заботит сильнее, чем хацуканэ)» [Сато, 1999. С.23].

После о-хагуро колоссальных затрат также требовали гребни куси (яп. 櫛) и заколки когай (яп. 笄). Основным материалом для их изготовления служил черепаховый панцирь. Одна шпилька стоила в среднем 4-5 рè, в прическе их было около шести-восьми и больше. «傾城のかうべに亀が五六疋(кэйсэй-но каубэ-ни камэ-га гороппики; в прическе куртизанки пять-шесть черепах)» [Сато, 1999. С.42].

Проанализировав «Ёсивара-сайкэн» (1660–1863), сборник сэнрю квартала Ёсивара периода Эдо под ред. Ё. Сато и рассмотрев серию гравюр Э. Кэйсая «То-

кайдо. Сугороку для юдзѐ» мы пришли к выводам. Во-первых, среди юдзѐ существовала строгая иерархия, обозначенная в «Ёсивара-сайкэн» с помощью аидзируси «ямагата». До 1764 г. высшим рангом был таю. После 1764 г. — сантя, позднее — ѐбидаси, тюсан и цукэмаваси. Во-вторых, существовало вежливое обращение к юдзѐ высокого ранга — ойран, ставшее собирательным названием. Необходимо отметить, что ойран и гэйся — это разные профессии. В-третьих, юдзѐ обладали высоким уровнем образования: практически все умели читать и писать, а юдзѐ высокого ранга владели различными искусствами. В-четвертых, таю и ойран составляли не более 1% от численности всех юдзѐ квартала и содержались только в самых крупных домах, существовавших на протяжении практически всей истории Ёсивара. В заключение, у юдзѐ было больше шансов достичь статуса ойран, если она проходила обучение в Ёсивара с детства.

Библиография

- Андо Юитиро. Эдо-но иромати. Юдзѐ-то Ёсивара-но рэкиси [Веселый квартал в Эдо. История Ёсивара и его куртизанок] / Юитиро Андо. — Токио: Кандзэн, 2016. — 230 р.
- Бахвалова А. А. Быт высокоранговых юдзе квартала Ёсивара в трехстишиях сэнрю (период Эдо) / А. А. Бахвалова, А. А. Буракова // Наука и практика в XXI веке [Электронный ресурс]: межвузовский сборник научных трудов с международным участием (г. Астрахань, 15 октября 2019 г.) — 2019. — Вып. 4. — С. 140-144.
- Ёсивара-сайкэн 1660 г.: [Электронный документ]. URL: (https://www.mfa.org/collections/object/yoshiwara-kagami-mirror-of-the-yoshiwara-315922). Проверено 10.03.2019.
- Ёсивара-сайкэн 1739 г.: [Электронный документ]. URL: (http://dl.ndl.go.jp/info: ndljp/pid/2539872). Проверено 16.03.2019.
- Ёсивара-сайкэн 1762 г.: [Электронный документ]. URL: (http://dl.ndl.go.jp/info: ndljp/pid/2539488). Проверено 17.03.2019.
- Ёсивара-сайкэн 1775 г.: [Электронный документ]. URL: (http://dl.ndl.go.jp/info: ndljp/pid/2539485). Проверено 14.03.2019.
- Ёсивара-сайкэн 1792 г.: [Электронный документ]. URL: (http://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/wo06/wo06 01325 0002/index.html). Проверено 18.03.2019.
- Ёсивара-сайкэн 1836 г.: [Электронный документ]. URL: (http://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/wo06/wo06 01531 0003/index.html). Проверено 18.03.2019.
- Ёсивара-сайкэн 1849 г.: [Электронный документ]. URL: (http://dl.ndl.go.jp/info: ndljp/pid/2539876). Проверено 16.03.2019.
- 10. Ёсивара-сайкэн 1855 г.: [Электронный документ]. URL: (http://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/wo06/wo06 01531 0007/index.html). Проверено 17.03.2019.
- 11. Ёсивара-сайкэн 1863 г.: [Электронный документ]. URL: (http://dl.ndl.go.jp/info: ndljp/pid/2539875). Проверено 10.03.2019.
- 12. Кэйсай Эйсэн. Токайдо. Сугороку для юдзè: пятьдесят три пары Ёсивара: [Электронный документ]. URL: (http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/1304901?tocOpened=1). Проверено 15.05.2019.
- 13. Прасол А. Ф. От Эдо до Токио и обратно. Культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава. / А. Ф. Прасол. М.: АСТ, 2012. 479 с.
- 14. Пушакова, А. Э. Квартал удовольствий / А. Э. Пушакова. М.: ГМВ, 2016. 144 с.
- Сато Ёдзин. Сэнрю Ёсивара бэнран [Справочник сэнрю Ёсивара] / Ёдзин Сато. Токио: Сансэйдо, 1999. — 404 р.
- De Becker, J. E. The Nightless City, or, The History of the Yoshiwara Yūkwaku / J. E. De Becker. Yokohama: Z. P. Maruya & Co, 1899. 441 p.

Богданов Даниил Юрьевич

ИНФОРМАЦИОННАЯ БОРЬБА В РЕВОЛЮЦИЯХ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» НА ПРИМЕРЕ РЕВОЛЮЦИИ 2011 Г. В АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЕГИПЕТ

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра арабской филологии 1 курс (аспирантура) bogdanofff.daniil@yandex.ru

Bogdanov Daniil

INFORMATION WARFARE IN REVOLUTIONS OF THE ARAB SPRING: CASE OF EGYPTIAN REVOLUTION 2011

St.Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Arabic Philology 1 year student (postgraduate)

Введение

В работе рассматривается информационный аспект произошедшей в 2011 году в Египте революции, в итоге которой к власти пришли братья-мусульмане. Этот переворот стал одним из звеньев прокатившейся по Ближнему Востоку Арабской весны — череды цветных революций, имевших разный итог. Несмотря на то, что уже в 2013 г. власть перешла в руки представителей египетской армии — что, на наш взгляд, закономерно для Египта, где военные всегда играли решающую роль — революцию 2011 г. можно назвать удавшейся. Цели, которые ставили перед собой деятели оппозиции, были достигнуты: тридцатилетний режим Мубарака свергнут, правительство переформировано, верхушка власти заменена. Таким образом, целью работы является рассмотрение успешного опыта египетской оппозиции по оказанию мощного информационно-психологического влияния на население.

Теоретический аспект

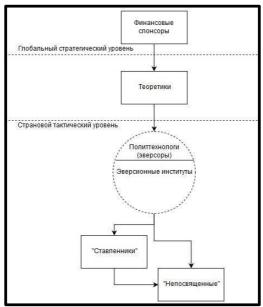
Прежде всего, в контексте данной работы нас интересует определение цветной революции и то, чем она отличается от революции «классического» типа:

«Цветная революция — это два неразрывно связанных социальных процесса: 1) комплекс социальных изменений, выражающихся в массовых протестных действиях, влекущих за собой смену правящей элиты на контрэлиту и/или представителей старой правящей элиты, перешедших в оппозицию; 2) «цветная революция» как комплекс используемых политических технологий смены правящего режима в интересах внутренних и внешних сил (технолого-конспирологический аспект данного явления)» [Гапич, Лушников, 2016. С.15].

В случае с «цветным» сценарием происходит только смена верхушки власти, создается видимость социального сдвига, тогда как фактически имеет место только своего рода «дворцовый переворот».

В данной работе автор считает приемлемым использование термина «эверсор» (и производных), предложенного А.Э. Гапичем и Д.А. Лушниковым. Так, «...«эверсор» — это специалист по политическим переворотам. В рамках нашей книги производные от термина «эверсия» и «эверсор» обозначают...аспект социально-политической деятельности, направленной на дестабилизацию политической ситуации и смену существующего правящего режима» [Гапич, Лушников, 2016. С.9].

Теперь, когда мы определились с понятийным аппаратом данного исследования, время перейти к рассмотрению организационной структуры цветной революции. Рассмотрев ряд реальных примеров, мы смогли разработать следующую схему:

Из всего списка «действующих лиц» нас в рамках данной работы сильнее всего интересует деятельность политтехнологов или эверсоров. Именно они работают с населением конкретной страны и должны учитывать все национальные, политические, социальные и иные особенности данного общества. Они же проводят сбор и обработку данных, их анализ, разрабатывают стратегию и тактику переворота, координируют действия акторов («ставленников») и масс («непосвященных»), а также выполняют многие другие задачи, важные для осуществления переворота.

В своей деятельности эверсоры используют широкий ассортимент инструментов влияния и получения информации: СМИ, социальные сети, блоги, видеохостинги, краудсорсинг, флешмобы и т.д.

Специфические черты египетской революции

Основной особенностью революции 2011 г. в АРЕ является то, что это один из первых государственных переворотов в мире, основным каналом антиправительственного информационного воздействия в котором стал интернет. Как отмечает в своей книге «Revolution in the age of social media. The Egyptian popular insurrection and the internet» Линда Эррера, прогрессия числа интернет пользователей в Египте выглядела следующим образом: 2000 г. — 300 000 человек, 2006 г. — 6 млн, 2008 г. — 10,5 млн, 2010 г. — 17 млн [Herrera, 2014, P.12].

Предпосылками революции можно считать ряд непопулярных решений Хосни Мубарака, вывод на политическую арену его сына Гамаля, а также, безусловно, факт 30-летнего действия Закона о чрезвычайном положении. Что же касается события, непосредственно спровоцировавшего начало переворота, то здесь можно назвать даже конкретную дату: 6 июня 2010 г. В этот день в Александрии два полицейских на глазах общественности пытали и зверски убили молодого египтянина — программиста по профессии — Халеда Мухаммада Саида. Безусловно, и до этого в АРЕ действовали оппозиционные группы («Кефайя», «Движение молодежи 6 апреля», сторонники Мухаммада Барадеи и др.), однако именно дело Саида стало нулевой точкой отсчета революции.

Несколькими днями позже Ваэль Гоним — директор регионального офиса по развитию Google, египтянин по национальности, создал в Facebook страницу « الْخَافَ («Все мы Халед Саид»), посвященную этому событию. В дальнейшем она стала основным рупором оппозиции.

Вся деятельность Гонима по администрированию страницы укладывается в концепцию «туннеля продаж» (об этом заявляет он сам) [Гоним, 2012. С.93], суть которой в адаптации к эверсионным реалиям заключается в переводе аудитории от пассивных действий к активным через следующие шаги:

- 1) убеждение людей присоединиться к странице и читать записи;
- 2) подталкивание к взаимодействию с контентом (лайки, комментарии);
- 3) поощрение принятия участия в онлайн-акциях страницы;
- 4) поощрение принятия участия в оффлайн-акциях.

Обсуждения в Facebook и онлайн-флешмобы переросли в «Немые стояния» на набережных, затем — в демонстрации и митинги, а под конец — в марш на площадь Тахрир и масштабные столкновения с полицейскими силами.

В течение января 2011 г. группа эверсоров готовилась к важной дате — Дню египетской полиции, отмечаемому 25 числа. Опираясь на пример Туниса (там накануне была свергнута власть Зин аль-Абидина бен Али), Гоним и его сторонники хотели провести массовую демонстрацию с целью повлиять на власть. Выбранный день был удобен для оппозиции. Во-первых, потому что это общенациональный выходной, во-вторых, потому что с самого начала полемика вокруг убийства Халеда Саида была непосредственно связана с полицейским самоуправством.

Далее были последовательно проведены две акции: «Jan25» и «Jan28». Суть их заключалась в сборе большого количества людей, их шествию через Каир к площади Тахрир и проведению там сидячей забастовки. Первая акция имела успех, хотя участников к вечеру и разогнала полиция. Вторая же стала для режима «началом конца». Отчасти это было обусловлено закономерным развитием оппозиционного движения, отчасти — опрометчивыми действиями правительства.

Так, в ночь на 28 января были отключены все мобильные сети в стране. Ожидалось, что это помешает координации действий протестующих. Однако власть не учла, что восстание зашло слишком далеко. Новости уже распространялись «на улице», а не только через интернет или мобильную связь. К тому же, подобные меры вызвали даже обратный эффект, заставив выйти на улицу даже граждан, не заинтересованных в перевороте, а просто хотевших понять, что происходит.

Специфика революции, устраиваемой через интернет, такова, что этап сбора информации эверсоры могут практически совместить с этапом подготовки аудитории. Многие инструменты, использованные оппозицией в 2010–2011 г., такие как опросы в Facebook, просмотр статистики страницы, сервис Google Moderator и др., дали эверсорам неоспоримое преимущество перед властью в оперативности и гибкости процесса сбора информации, а зачастую — и достоверности результатов.

Грамотно была использована и страновая специфика: замещение технических каналов связи во время их отключения традиционными — распространением слухов через собрания на пятничных молитвах.

Достаточно ясно видно, что в своей деятельности Ваэль Гоним руководствовался принципом ненасильственного сопротивления, предложенным Джином Шарпом. Не обязательно из этого следует, что Гоним осознанно руководствовался брошюрой «От диктатуры к демократии» или вообще читал ее. Впрочем, ради справедливости стоит отметить, что труд Шарпа был переведен на арабский язык и активно размещался на арабоязычных сайтах. Также достаточно популярен среди египетских эверсоров был и принцип сетевой организации эверсионной системы — с его разветвленностью аппарата управления.

Анализ материалов

Для выполнения практической части данной работы была выработана следующая методика: отобраны четыре значимых источника, представляющих разные действующие силы египетской революции; из каждого источника взяты по две статьи, одна — освещающая дело Халеда Саида, другая — демонстрации 25 января; проведен разбор и анализ ключевых слов и словосочетаний, имеющих выраженную эмоциональную или идеологическую окраску. Далее было произведено сравнение полученного материала и сделаны выводы об основных приемах информационно-психологического влияния, использованных в статьях.

Список источников таков:

- Al-Jazeera медиа-гигант арабского мира. Один из наиболее популярных у египетской оппозиции каналов. Он в контексте данной работы олицетворяет «умеренную оппозицию».
- «Аль-Ахрам Уикли» одна из крупнейших египетских газет. Представляет собой проправительственный источник.
- 3. IkhwanWeb новостной и информационный сайт организации «Братьямусульмане», широко освещавший события 2010-2011 г., в том числе, размещая статьи других издательств (например, тех же «Аль-Ахрам» или Huffington Post). Здесь оппозиционное СМИ.

 Huffington Post — американское интернет-издание, также имеющее и арабскую секцию. В данной работе оно представляет «голос мировой общественности».

Поскольку формат данной статьи не позволяет разместить здесь переведенные материалы, мы приведем только выводы из анализа. За более подробной информацией Вы можете обратиться к автору работы.

Тема «Убийство Халеда Саида»

Основными приемами, использованными изданием Al-Jazeera, являлись апелляция к общечеловеческим ценностям («гордость», «достоинство», «личная неприкосновенность») и навешивание ярлыков по отношению к полицейским силам («жестоко», «жгут огнем» и т.д.)

В то же время, проправительственная «Аль-Ахрам» довольно сдержанно обращается с образом Саида, давая ему всего два определения — как жертвы пыток и при описании его израненного лица. В описании полиции присутствует важное слово «предположительно», с помощью него подчеркивается возможная недостоверность версии с убийством. Достаточно пространно египетская «Аль-Ахрам» дала характеристику оппозиции. Так, несколько раз был упомянут раскол внутри оппозиционного лагеря, нескоординированность действий, а также политизация происшествия. В определенной мере здесь задействуется неявное сверхобобщение при создании имиджа оппозиционных сил как ненадежных, неорганизованных.

Сайт «Братьев-мусульман», в свою очередь, прибегает к апелляции к общественному мнению («обширная критика в мировом масштабе», «по всему Египту») относительно разных объектов.

В статье Huffington Post явно прослеживается широкий спектр различных приемов. Так, автор текста Мона Эль-Тахави использует инфантилизацию Саида в совокупности с индивидуализацией, которые наиболее кричаще заметны во фразе «едва дорос до бритья» (стоит помнить, что речь идет о 28-летнем мужчине). Навешивание ярлыков на полицию осуществляется посредством четырехкратного употребления словосочетания «полицейская жестокость» и трехкратного — «избиение» и его производных. Сверхобобщение применяется при описании содержания видео, выложенного Саидом; используются символы («праща», «стихи из Корана и Библии»). Также автор манипулирует осознанием групповой принадлежности египетской молодежи, сообщая им, что они являются членами нескольких обширных групп: поколения Мубарака, поколения Facebook и группы риска «полицейской жестокости» (когда говорит, что «лицо Халеда могло принадлежать любому»).

Тема «Протесты 25 января»

На основе собранного материала можно сделать следующие выводы: в случае статьи, опубликованной Al-Jazeera, спектр используемых приемов остался тем же, за некоторыми исключениями, однако использованы они более грубо. Так, при создании ярлыков Al-Jazeera обращается к цитированию, таким образом слагая с себя ответственность за использование резких понятий «тираны и деспоты», «лакеи». Как и прежде, производится апелляция к общечеловеческим ценностям

(«национальное единство», «честь»). Среди новых приемов следует отметить символизацию — «новый рассвет», «пожилая египетская мать в слезах».

«Аль-Ахрам» прибегает к сверхобобщению и приведению примеров, стремясь показать контраст между требованиями и намерениями протестующих («создание рабочих мест», «свобода», «демократия») и последствиями демонстраций («драки с полицейскими», «подрывают общественную безопасность», «уничтожение (порча) собственности», «вандализм», «движение перекрыто» и т.д.)

IkhwanWeb, во-первых, применяет атрибуцию, привязывая такие явления как безработица и коррупция исключительно к режиму Мубарака, во-вторых, эксплуатирует общечеловеческие ценности: «активность», «отстаивание прав».

Издание Huffigton Post, в свою очередь, апеллирует к общественному мнению («плохая репутация полиции», «не только в Каире», «по всей стране»), а также навешивает ряд ярлыков — как отрицательных на режим («авторитарное правление» Мубарака, получение «помощи США»), так и положительных на оппозицию («молодые», «технически подкованные» и т.д.).

Библиография

1.1. Литература на русском языке

- 1. Гапич А.Э, Лушников Д.А. Технологии цветных революций: Монография. 2-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2016. 126 с.
- 2. Гоним В. Революция 2.0: Документальный роман / Пер. с англ. Т. Даниловой. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2012. 352 с.
- 3. Люттвак Эдвард Н. Государственный переворот: Практическое пособие / Пер. с англ. Платошкина Н.Н. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. 326 с.
- Митина О.Э., Евдокименко А.Э. Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация. // Вестник ЮУрГУ №40, 2010. Челябинск: 2010. С.29–38.
- Ражбадинов М.З. Анатомия египетской революции 2011: Египет накануне и после политического кризиса в январе-феврале 2011 г. — М.: Институт востоковедения РАН, 2013. — 42 с.
- 6. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской — М.: Новое издательство, 2005. — 84 с.

1.2. Литература на английском языке

Herrera L. Revolution in the age of social media: the Egyptian popular insurrection and the Internet. London: Verso, 2014. — 171 p.

1.3. Литература на арабском языке

 Шаабан, Ахмад Баха эд-Дин. Сираату-табакат фи маср — мукадамат саурат 25 янаир 2011. Мактабат аль-усра, 2011. 263 с. («Классовая борьба в Египте — предпосылки революции 25 января 2011 года»).

II. Электронные ресурсы

2.1. Электронные ресурсы на русском языке

9. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. [Электронный ресурс]. Сайт электронной библиотеки «Киберленинка».

URL: https://cyberleninka.ru/article/v/egipetskaya-revolyutsiya-2011-goda-sotsiodemograficheskiy-analiz (дата обращения: 21.05.2019).

2.2. Электронные ресурсы на английском языке

- 10. В поддержку Халеда Саида // сайт IkhwanWeb [2005–]. [Electronic resourse]. URL: https://www.ikhwanweb.com/article.php?id=25507 (Дата обращения 21.05.2019).
- 11. Египетская революция в тени Туниса // сайт IkhwanWeb [2005–]. [Electronic resourse]. URL: https://www.ikhwanweb.com/article.php?id=27931 (Дата обращения 21.05.2019).
- 12. Египтяне объединяются в немом протесте против полицейской жестокости и закона о чрезвычайном положении // сайт IkhwanWeb [2005–]. [Electronic resourse]. URL: https://www.ikhwanweb.com/article.php?id=25444&ref=search.php (Дата обращения 21.05.2019).
- 13. Поколение Myбарака/Поколение Facebook // сайт HuffPost [2019]. [Electronic resourse]. URL: https://www.ikhwanweb.com/article.php?id=25412 (Дата обращения 21.05.2019).
- 14. Что происходит в Египте? // сайт HuffPost [2019]. [Electronic resourse]. URL: https://www.huffpost.com/entry/whats-going-on-in-egypt_n_815734 (Дата обращения 21.05.2019).

2.3. Электронные ресурсы на арабском языке

 Al-Jazeera.net [Электронный ресурс]: Мутазахиру маср яльджиун ли-ль-интернет. [2019]. URL:

https://www.aljazeera.net/news/arabic/2011/1/26/%d9%85%d8%aa%d8%b8%d8%a7%d9%87%d8%b1%d9%88-%d9%85%d8%b1-

%d9%8a%d9%84%d8%ac%d8%a4%d9%88%d9%86-

%d9%84%d9%84%d8%a5%d9%86%d8%aa%d8%b1%d9%86%d8%aa (дата обращения: 21.05.2019). («Египетские демонстранты обращаются к интернету»).

 Al-Jazeera.net [Электронный ресурс]: Таарих аль-хабат аш-шаабийя фи маср. [2019]. URL:

https://www.aljazeera.net/news/arabic/2011/1/30/%d8%aa%d8%a7%d8%b1%d9%8a%d8%ae-%d8%a7%d9%84%d9%87%d8%a8%d8%a7%d8%aa-wd8%a7%d9%84%d9%87%d8%a8%d8%a7%d8%aa-wd8%a7%d8%a8%d8%a7%d8%aa-wd8%a7%d8%a8%d8%a7%d8%aa-wd8%a7%d8%a8%d8%a7%d8%aa-wd8%a7%d8%a8%d8%a7%d8%a-wd8%a7%d8%a8%d8%a7%d8%a8%d8%a7%d8%a8-wd8%a7%d8%a8-wd8%a7%d8%a8-wd8%a8-wd8%a8-wd8%a8-wd8%a8-wd8%a8-wd8%a7%d8%a8-w

%d8%a7%d9%84%d8%b4%d8%b9%d8%a8%d9%8a%d8%a9-%d9%81%d9%8a-

%49%85%48%55%48%b1 (дата обращения: 21.05.2019). («История народных восстаний в Египте»).

 Al-Jazeera.net [Электронный ресурс]: Тазахурат аль-масрийин... Расаиль ли-н-низам. [2019]. URL:

https://www.aljazeera.net/news/presstour/2011/1/27/%D8%AA%D8%B8%D8%A7%D9%87%D8%B1%D8%A7%D8%AA-

%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%B5%D8%B1%D9%8A%D9%8A%D9%86-

%D8%B1%D8%B3%D8%A7%D8%A6%D9%84-

%D9%84%D9%84%D9%86%D8%B8%D8%A7%D9%85 (дата обращения: 21.05.2019). («Демонстрации египтян...Послания режиму»).

- 18. Al-Jazeera.net [Электронный ресурс]: Тандид бимакталь шаб тахта ат-таазиб бимаср. [2019]. URL: https://www.aljazeera.net/news/humanrights/2010/6/11/%d8%aa%d9%86%d8%af%d9%8a%d 8%af-%d8%a8%d9%85%d9%82%d8%aa%d9%84-%d8%b44d8%a7%d8%a8-%d8%aa%d8%aa-%d8%aa-%d8%aa-%d8%aa-%d8%aa-%d8%aa-%d8%aa-%d8%b0%d8%b0%d9%8a%d8%a8-%d8%a8%d9%85%d8%b5 (дата обращения: 21.05.2019). («Осуждая убийство мололого человека в Египте»).
- 19. Аль-Ахрам [Электронный ресурс]: Тазахурат хашида би-ль-кахира ва-ль-мухафазат. URL: http://www.ahram.org.eg/archive/Al-Ahram-Files/News/60419.aspx (дата обращения: 21.05.2019). («Массовые демонстрации в Каире и провинциях»).

Винокурова Татьяна Владиславовна

О ПОЗИЦИЯХ ДВИЖЕНИЯ ТАЛИБАН В АФГАНИСТАНЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Институт стран Азии и Африки, кафедра истории стран Бли жнего и Среднего Востока 4 курс (бакалавриат) e-mail: tanyavinokurova@mail.ru

Vinokurova Tatiana

THE PRESENT POSITION OF THE TALIBAN IN AFGHANISTAN AND BEYOND

Lomonosov Moscow State University Institute of Asian and African Studies, Department of The Middle East History 4 year student (B.A.)

В работе на основе ряда афганских СМИ источников на языках дари и пушту, а также на основе ряда зарубежных СМИ источников на английском языке анализируется внутренняя и внешняя политика «Исламского движения Талибан» на современном этапе.

The article analyses the domestic and foreign policies of the Taliban movement at the present time based on a number of Afghan media resources in Dari and Pashto as well as foreign media resources in English.

Ключевые слова: Афганистан; движение Талибан; война; установление межафганского диалога; вывод иностранных войск; миротворческие усилия

Key words: Afghanistan; The Taliban Movement; war; intra-Afghan dialogue establishment; withdrawal of foreign troops; peacemaking efforts.

«Бесконечная» гражданская война, начавшаяся в 1978г., кровопролитие, уход советской армии из Афганистана в феврале 1989г., раскол армии, падение коммунистического режима Наджибуллы, захват власти душманами (муджахедами), борьба за власть между наиболее могущественными вооруженными группировками, которые поддерживались различными внешними силами и организациями, — все эти факторы способствовали разрушению хозяйства, гибели и эмиграции гражданского населения, фрагментации власти и децентрализации страны.

Другим исторически важным для Афганистана последствием вышеперечисленных процессов, проходивших последние четверть века (с падения монархии в июле 1973г.), является появление на политической арене новой группировки «Исламское движение Талибан». Она зародилась в 1994г. на пограничных территориях Афганистана и Пакистана. Участниками этого военно-политического образования были афганские пуштуны, окончившие пакистанские медресе. В большинстве своем это были выходцы из маргинальных слоев общества, выросшие в бедности и воспитанные в духе обычаев и традиций, бытующих среди пуштунских племен.

Заручившись поддержкой местного населения и многих видных политических деятелей Пакистана, талибы в короткие сроки сумели захватить Герат, Джелалабад, Кандагар и впоследствии Кабул и узурпировали власть на захваченных территориях страны.

3 апреля 1996 г. в Кандагаре территория, находившаяся под контролем талибов, была провозглашена Исламским Эмиратом Афганистан во главе с муллой Мухаммадом Омаром, которому был присвоен титул «амир аль-муминин» (арабск. «повелитель правоверных»). Закон в новом государстве опирался на догматику ислама — в основном на исламское законодательство (шариат).

Большую роль в истории Исламского Эмирата сыграл лидер организации «аль-Каида» Усама бен Ладен, имевший прочные как дружеские, так, в дальнейшем, и семейные связи с лидером движения Талибан Мухаммадом Омаром. Организованные «Аль-Каидой» теракты в Кении и Танзании в 1998г. и отказ талибов выдать США одного из наиболее разыскиваемых террористов того времени послужили для администрации США предлогом для нанесения ракетных ударов по территории Афганистана. Обострились отношения талибов и с РФ, когда талибы официально признали Чеченскую Республику Ичкерию и начали поддерживать еè вооружèнные формирования. Таким образом, талибы в эти годы взяли курс на поддержку исламского терроризма, превратив подконтрольные им территории в международные центры терроризма и наркобизнеса.

После того, как на Усаму бен Ладена возложили ответственность за теракты 11 сентября 2001 г., «Международные силы содействия безопасности» (ISAF) во главе с США начали полномасштабную военную операцию на территории Афганистана, после чего Исламский Эмират перестал существовать как военное государственное образование талибов [Р. Р. Сикоев, 2004. С.63].

Стоит отметить, что движение Талибан во времена своего расцвета и могущества, т.е. во времена существования Исламского Эмирата Афганистан (1996—2001), контролировало более 85% территории, что не удавалось ни одной легитимной власти в стране за последнее время. Так, согласно заявлению МИД РФ, современное правительство во главе с Ашрафом Гани контролирует только лишь 30% всей территории.

Военное присутствие стран НАТО в Афганистане началось с операции «Несокрушимая свобода» осенью 2001 г. и продолжается до сих пор. Как известно, Белый дом поддерживает действующего президента Ашрафа Гани Ахмадзая в борьбе против талибов и местных экстремистов, однако разногласия между Вашингтоном и Кабулом по разрешению кризиса существуют и по сей день.

Сегодня деятельность организации признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного суда от 14 февраля 2003 года на основании представления Генпрокуратуры, подкрепленного материалами ФСБ.

Однако стоит отметить, что данный запрет не помешал делегации талибов принять участие в переговорах «Московского формата» по Афганистану 9 ноября 2018 г., где были собраны все заинтересованные в содействии мирного процесса стороны. Важно осознавать, что данный формат переговоров носил неофициальный характер проведения консультаций по прекращению войны и налаживанию мира в ИРА.

Основной целью данного доклада является попытка выявления современных направлений внутренней и внешней политики «Исламского движения Талибан».

Особое внимание уделяется проблемам установления американо-афганского диалога и влияния талибов на ход мирного процесса в Афганистане.

Так как основные события, рассматриваемые в данной работе, происходят в настоящее время, основным источником информации о них послужили материалы СМИ — как афганские, так и зарубежные.

Основная часть

В Афганистане на повестке дня стоит вопрос о постепенном выводе американских войск и передаче стратегического контроля в стране центральному правительству страны и местным силам безопасности.

Еще 5 декабря 2011 г. в Бонне (Германия) открылась международная конференция по Афганистану, в которой участвовало около 90 делегатов со всего мира. Главной темой обсуждения была поддержка Афганистана силами НАТО после передачи афганской армии и полиции ответственности за безопасность в стране [4].

В тот же день немецкая газета «Deutsche Welle», делая акцент на военном присутствии Германии в Афганистане, ссылаясь на журналиста Марка Зелигера, заявила о том, что Хамид Карзай (тогдашний президент Исламской республик Афганистан) не сможет самостоятельно обеспечить безопасность в стране, т.к. талибы, со своей стороны, только и ждут вывода иностранных войск для начала полномасштабного наступления.

В январе 2011 г. состоялся первый официальный визит президента ИРА Хамида Карзая в Российскую Федерацию, что указывало на его стремление заручиться политической поддержкой Москвы.

Обратим внимание на то, что разговоры о выводе американских войск ведутся уже не один год, и начались они не при избрании Дональда Трампа на пост президента США. Барак Обама в годы своего президентства (2009–2017 гг.), заявлял о том, что необходимо положить конец военному присутствию в этой стране и тем самым дать возможность другим странам-участницам международной коалиции сосредоточить свое внимание на подготовке афганских полицейских и военнослужащих, чем и занималась Германия. Осенью 2014 г. было заключено американо-афганское соглашение о стратегическом партнерстве, согласно которому на территории Афганистана осталось порядка 10 тыс. американских военнослужащих [Белокреницкий, Сикоев, 2014. С.192].

Согласно информации, предоставленной послом РФ в Кабуле Александром Викентьевичем Мантыцким в интервью «Российской газете», талибы на сегодняшний день контролируют более 50% территории Афганистана (состояние на февраль 2019 г.), что определяет роль и место движения Талибан (ДТ) в урегулировании кризиса и налаживании межафганского диалога.

В настоящее время по всему миру предпринимаются различные инициативы, содействующие установлению прямого мирного диалога между противоборствующими силами в Афганистане: талибами и правительством Кабула.

Одна из первых подобных инициатив с участием представителей ДТ была предпринята Москвой. Консультации «Московского формата» 9 ноября 2018 г. можно считать дипломатическим успехом РФ, т.к. в этот день удалось посадить за стол переговоров Хамида Карзая (экс-президента ИРА), представителей Высшего совета мира Афганистана (ВСМА — консультативный орган, созданный для

налаживания контактов с ДТ) и представителей ДТ из политического бюро организации в Дохе, а также делегации из Китая, Ирана, Пакистана и Таджикистана. По окончании заседания было объявлено о готовности продолжать и расширять консультации по Афганистану и в дальнейшем.

4 апреля 2019 г. афганское информационное агентство — бло ньюс", ссылаясь на секретаря Высшего совета мира Афганистана — Омара Даудзая, заявило о том, что правительство Афганистана официально пригласило представителей ДТ на Лойю Джиргу (всеафганское собрание старейшин), что, по его мнению, способствовало бы представительству на ней всех слоев афганского общества. Данный шаг отражает готовность афганского правительства к налаживанию диалога и к поиску пути к национальному примирению.

28 мая 2019 г. на конференции по случаю 100-летия установления дипломатических отношений между Россией и Афганистаном, где также присутствовали представители ДТ (глава политического бюро «Талибана» в Катаре мулла Абдулла Гани Барадар), министр иностранных дел Российской Федерации, Сергей Викторович Лавров, выразил позицию страны в целом: «Сегодня Россия проводит политику содействия восстановлению Афганистана в качестве мирного, независимого и процветающего государства, свободного от терроризма и наркотиков... Выступаем за полный вывод иностранных войск из страны, призываем все афганские стороны к скорейшему началу переговоров».

Следующим шагом была встреча в столице Катара Дохе 7 июля 2019 г. — в этот раз при содействии Германии. Президент США Д. Трамп прервал переговоры в Дохе, в качестве аргумента использовав гибель американского военнослужащего в результате очередного теракта в Кабуле. Ответственность за теракт взяло на себя движение Талибан.

Отношения ДТ с США

Переговоры США с представителями движения Талибан начались осенью прошлого года, когда в Вашингтоне окончательно сформировалось осознание необходимости вывода войск США и других стран НАТО и достижения компромисса между Кабулом и ДТ на основе поиска и выработки формулы определенного раздела власти [Конаровский, 2019. С.19]. Стоит отметить, что по ходу своих переговоров с талибами правительство США нуждалось в консультациях и с российской стороной, в том числе и потому, что осознавало значение внешних факторов содействия процессу примирения между основными военно-политическими и идеологическими противниками в Афганистане.

В апреле 2019 г. в Москве была достигнута важная стратегическая договоренность между Россией, Китаем и США по подходам к мирному процессу в Афганистане, где акцент был сделан на уважении суверенитета, независимости и территориальной целостности страны, поддержке мирного процесса, призыве к нему талибов и готовности оказывать процессу необходимое содействие. Из этого следует, что РФ делает акцент на том, что каждая вышеперечисленная страна не должна содействовать поддержке международных террористических организаций, которые имеют свои интересы в Афганистане. Следующая встреча в Пекине повлекла за собой присоединение Пакистана к этой группе стран — государства, которое имеет большое влияние на руководство ДТ.

Налаживание диалога между США и ДТ на данный момент затрудняется большим количеством терактов, ответственность за которые берут на себя талибы. США, выступавшие за проведение президентских выборов, 28 сентября 2019 г. столкнулись с заявлениями талибов бойкотировать данное мероприятие, на фоне чего диалог между США и талибами временно приостановлен. Однако, хоть и с чрезвычайно низкой явкой и фиксацией процедурных нарушений, выборы всетаки состоялись.

Москва и Пекин уже выразили серьезную озабоченность ситуацией и призвали Вашингтон и талибов к возобновлению диалога.

25 октября в Москве состоялась международная встреча, посвященная афганскому урегулированию, где участвовали представители четырех стран: РФ, США, КНР и Пакистана. «С российской стороны отмечена необходимость скорейшего возобновления переговоров между США и движением талибов, а также продолжения совместных усилий вовлеченных стран по содействию межафганскому диалогу», — отмечается в заявлении российского внешнеполитического ведомства.

Заключение

Нынешние формы и методы политической борьбы, характерные для движения Талибан, свидетельствуют о том, что оно продолжает оставаться экстремистским течением, которое для достижения своих стратегических и политических целей прибегает к насилию, ссылаясь при этом на исламские символы веры. Талибы отрицают любое проявление демократии и прогресса, насаждая религиозный консерватизм и реставрируя исламские нормы жизни в их архаической средневековой трактовке, что препятствует их компромиссу с умеренными политическими силами страны.

Вместе с тем, как и некоторое время тому назад, талибы, будучи мощной военно-политической организацией, апеллирующей к религиозным чувствам населения и его надеждам на скорое наступление мира, сегодня являются одной из главных политических сил страны, которая напрямую влияет на режим прекращения огня и урегулирование мирного процесса.

В случае прихода к власти талибов после полного вывода иностранных войск с территории Афганистана серьезно увеличатся возможности движения и их партнеров из числа сторонников исламского экстремизма по распространению вооруженной активности в государства Центральной Азии. Усиление ДТ вызовет рост активности подрывных вооруженных групп в Таджикистане, Узбекистане, Киргизии и Казахстане. Это породит волну беженцев и неминуемо спровоцирует конфликт с сопредельными Афганистану государствами, что впоследствии может угрожать национальной безопасности Российской Федерации, США, КНР.

Скорее всего, после вывода войск НАТО и США финансовые потоки, направляемые из США на урегулирование внутренних проблем, сократятся, что в итоге отразится на экономике и жизни мирного населения, которые и сейчас находятся на низком уровне.

Следует подчеркнуть важность постепенного налаживания межафганского диалога, которое мы наблюдаем сегодня. Как отметил бывший посол РФ в ИРА (2002–2004 гг.), М.А. Конаровский, выступая на лекции в ИСАА МГУ: «Пока сам афганский народ между собой не договорится, все усилия в установлении мира в

Афганистане внешними силами тщетны». Важно заметить, что это понимает и правительство Афганистана. 28 октября в интервью —Russi Today" глава исполнительной власти Абдулла Абдулла заявил: «Если будет достигнут мир, не будет необходимости в международном военном присутствии в Афганистане».

«Россия убеждена, что конфликт в Афганистане не имеет военного решения, единственный возможный путь урегулирования и достижения мира — политика дипломатическими средствами», — заявил Сергей Викторович Лавров на конференции, посвященной 100-летию установления дипломатических отношений между РФ и ИРА.

Гражданка Афганистана, президент Ассоциации Най Кала Тайба Рахим, чьи социальные проекты в марте 2010 г. были оценены в Женеве, в интервью журналу Международного Комитета Красного Креста заявила о том, что «будущее Афганистана находится в руках афганцев», решение его сегодняшних проблем не может прийти и не придет извне. Афганцам пора самим взглянуть в лицо своим проблемам, заняться урегулированием собственных разногласий и выработать решения, соответствующие реальным условиям страны.

Надеемся на прекращение войны на территории Афганистана, от которой мирное население этой страны страдает уже долгие годы.

Библиография

- —ВМоскве состоялась международная встреча, посвященная афганскому урегулированию" http://afghanistan.ru/doc/133916.html
 - 2. Тамбы прибыли в Москву на заседание по случаю 100-летия дипотношений РФ и Афганистана" https://tass.ru/politika/6478384
 - 3. Международный журнал Красного Креста, избранные статьи из №880-881, 2010-2011гг. https://cyberleninka.ru/article/v/buduschee-afganistana-v-rukah-afgantsev
 - 4. —Bon Conference: NATO will not abandon Afghanistan" https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news 81510.htm?selectedLocale=en
 - —Междуародная конференция по Афганистану: прощание с иллюзиями" https://p.dw.com/p/13J3E
 - 6. http://www.umsl.edu/services/govdocs/wofact2001/geos/af.html#Govt
 - 7. Сикоев Р.Р. Тамбы"/ М.: Ин-т востоковедения, 2004. с. 11, 63
 - 8. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Дижение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана"/ М.: Ин-т востоковедения, 2014, с.192
 - 9. Конаровский М.А. «США В АФГАНИСТАНЕ: ОТ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЙ-ФОРИИ ДО ДИЛЕММЫ ВЫВОДА ВОЙСК»/ журнал «Международная жизнь», 2019. https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/102019/files/assets/downloads/publication.pdf

Вишнякова Ирина Андреевна

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА НА СТРАНИЦАХ ИСЛАМ-СКОЙ ПРЕССЫ В ИРАНЕ В 1950-1960-Х ГГ.

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки 1 курс (магистратура) iranvishnyakova@gmail.com

Vishnyakova Irina

PALESTINIAN PROBLEM IN THE PAGES OF THE ISLAMIC PUBLICATIONS IN IRAN IN THE 1950-1960S.

St. Petersburg State University Faculty of Asian and African studies, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries I year student (M.A.)

Данная статья посвящена оценке роли иранской мусульманской прессы 1950-1960- х гг. в формировании общественного мнения касательно палестинской проблемы.

The article is devoted to determination of the role of Iranian Islamic newspapers of the 1950-1960s, in the construction of public attitudes towards the Palestinian issue.

Ключевые слова: Иран, исламская пресса, Палестина, XX век.

Key words: Iran, Islamic media, Palestine, XX century.

На протяжении тридцати лет, разделявших создание на территории Палестины независимого государства Израиль (1948 г.) и свержение последнего иранского шаха Мухаммада Резы Пехлеви (1919-1980, во главе государства в 1941-1979 гг.), ирано-израильские отношения представляли собой образец стабильного и взаимовыгодного сотрудничества. После того, как в марте 1950 г. иранское правительство де-факто признало государство Израиль, Тель-Авив постепенно стал главным военно-политическим союзником и торговым партнером Тегерана на Ближнем Востоке [Vilāyatī, 1380 [2001/2]. Р. 5-6, 203, 261].

Неудивительно, что проблема оккупации Израилем исконных арабских земель, а также судьба палестинских беженцев практически не освещалась в иранских средствах массовой информации того времени. Данное обстоятельство обусловило собой неосведомленность большей части населения Ирана о текущей ситуации в Палестине и положении арабского населения Святой земли [Hāšimī Rafsanjānī, el. 2].

Единственным источником информации о палестинской проблеме для иранского населения являлось местное исламское духовенство. Уже зимой 1947-1948 г. с протестными речами, обличавшими политику стран Запада по отношению к Палестине, стали выступать известный иранский богослов айатолла Абу ал-Гасим

Кашани (1885-1962) и его последователь, лидер исламской организации «Федаины ислама¹» сейид² Навваб Сафави (1924-1956) [Rahnamā, 1368 [2007]. Р. 46].

Стоит, однако, отметить, что большая часть иранского духовенства не только не поддерживала позицию Кашани и Сафави, но выступала с ее решительной критикой. После негативного опыта участия в Конституционной революции 1905-1911 гг. представители духовного сословия практически полностью отошли от политической деятельности, опасаясь преследования со стороны властей [Каптибī, 1378 [1999/2000]. Р. 255]. Особенно остро ситуация обстояла в шиитских богословских академиях — хаузах (перс. "ك, "ح"), преподаватели которых считали занятие политикой порочащей духовное звание деятельностью. Студентов хауз — туллябов, замеченных в симпатии идеям айатоллы Кашани и «федаинов», лишали стипендии, которая зачастую являлась единственным источником их существования [Ibid].

Тем не менее, даже такие суровые меры не сумели послужить препятствием для развития политической мысли среди иранской религиозной молодежи 1950-х гг. Так, в январе 1950 г. молодой богослов Мустафа Рахнама (1926-2013) приступил к изданию журнала «Жизнь мусульман» (перс. " الله "). На тот момент Рахнама уже обладал колоссальным опытом журналистской деятельности. С ранней юности он публиковал статьи в газетах родного Керманшаха и иракского Наджафа, где он получил религиозное образование. Именно в Наджафе Рахнама впервые познакомился с идеями антиколониальной борьбы и антисионизма, ставшими неотъемлемой частью содержания «Жизни мусульман» [Rahnamā, 1368 [2007]. Р. 48].

Интересно, что Мустафа Рахнама, являвшийся радикальным сторонником примата ислама над всеми сферами общественной жизни, в течение длительного времени выступал последовательным противником айатоллы Кашани, ставя последнему в вину его политический союз с национально-либеральными силами, возглавляемыми доктором Мухаммадом Моссадегом (1882-1967). Этот союз сыграл двойственную роль в истории иранского антисионистского движения: с одной стороны, в 1951 г., Мосаддег, незадолго до этого избранный премьер-министром Ирана, объявил об отмене решения о признании Израиля [Vilāyatī, 1380 [2001/2]. Р. 9]. С другой стороны, свержение правительства Мосаддега в ходе государственного переворота 1953 г. обернулось тяжелым ударом по возглавляемому Кашани движению в поддержку Палестины. Этот удар рикошетом затронул и Мустафу Рахнама, который был арестован и отправлен в ссылку на один из островов Персидского залива [Хиѕгаwšāhī, el.].

¹ Перс. «жертвующий собой во имя благой цели».

² Почетный титул мусульманина-потомка пророка Мухаммада (ок. 571-632).

сти [Rahnamā, 1368 [2007]. Р. 48]. Тем не менее, именно журналистская деятельность Мустафы Рахнама послужила толчком к развитию исламской студенческой прессы 1960-х гг., в которой освещение политических вопросов вышло на качественно иной уровень.

В 1950 г., вскоре после выхода из печати первого номера «Жизни мусульман», в редакцию издания пришло письмо от одного юноши из Табриза. Мальчик, которому на тот момент было 12 лет, учтиво просил Рахнама выслать ему бесплатный выпуск журнала, поскольку он не мог позволить себе тратить много денег на покупку необходимой для самообучения литературы. Ответом на это послание стала бесплатная подписка на все номера «Жизни мусульман» [Хизгаwšāhī, el.].

Этим юношей был сейид Хади Хусрувшахи (род. 1938/9), выходец из известной в Иранском Азербайджане семьи богословов, который с детства питал интерес к журналистике и публицистике. Поступив на обучение в одно из самых престижных религиозных учебных заведений страны — хаузу священного города Кум — Хусрувшахи попал в самый центр развития иранской оппозиционной политической мысли. В 1959 г. началось его сотрудничество со студенческим журналом «Шиитское направление» (перс. "إن المناقب والمناقب المناقب المناقب

В разгар политической реакции, наступившей после событий 1953 г., руководство хаузы еще с большим подозрением относилось к участию студентов в политической жизни общества, в особенности к занятию журналистикой. По воспоминаниям известного иранского политического деятеля Мехди Карруби (род. 1937), однажды некий преподаватель застал его у газетного киоска за чтением заголовков статей и осудил юношу за этот поступок, неподобающий добропорядочному студенту-богослову [Каггиьї, 1378 [1999/2000]. Р. 255]. Авторы «Шиитского направления» поставили своей целью изменить существовавший порядок вещей и сделать прессу орудием защиты исламских ценностей в стремительно меняющемся мире.

Изначально издание (выходившее как в форме журнала, так и в виде ежегодного альманаха) было посвящено актуальным вопросам богословия и исламского права, а статьи для него писали преподаватели хаузы Кума и мусульманские ученые со всей страны. Переломным моментом в истории «Шиитского направления», как и всего исламского движения в Иране, послужили события 1963 г. Тогда, после серии протестов против непопулярных решений шахского правительства, власти выслали из страны главного идеолога протестного движения — айатоллу Рухоллу Хомейни (1900-1989), а также применили насилие по отношению к демонстрантам, что послужило причиной многочисленных жертв. Однако данные репрессивные меры не только не остановили рост протестных настроений среди иранского духовенства, но, напротив, стали причиной развертывания полномасштабной революционной борьбы [Хиѕгаwšāhī, 1391 [2012/3]. Р. 30].

Именно в этот период авторы «Шиитского направления» стали затрагивать по-настоящему острые темы общественно-политического характера. В частности, в том же 1963 г. Акбар Хашеми Рафсанджани, близкий друг и ученик Хомейни, впервые за долгое время открыто заговорил о палестинской проблеме, опублико-

3

³ Интересно, что Рафсанджани и его товарищи также были знакомы с творчеством Мустафы Рахнама: по воспоминаниям Хашеми Рафсанджани, он читал книгу «Статистика мусульман» и счел ее довольно интересным произведением [Bihištī bah rivāyat-i Hāšimī].

вав полномасштабный очерк «Израиль и Палестина» (перс. "الطزائ فَ فَاضط "). В заключительной части этой работы, представлявшей собой резюмирующий перевод книги иорданского политика Акрама Зу айтира (1909-1996) «Палестинская проблема» (араб. «إنْفَ ضُ حَانَ فَاضَاتُ , Рафсанджани писал о сионистской угрозе, нависшей над исламским миром, и о необходимости борьбы с Израилем [Hāšimī Rafsanjānī, 1342 [1963/4]. Р. 255-9].

Тем не менее, Рафсанджани и его товарищи прекрасно понимали, что в долгосрочной перспективе печатать статьи подобного характера в легальной прессе, а именно в богословском журнале, у них не получится. В конечном итоге Рафсанджани, Хади Хусрувшахи и двое их товарищей по обучению в хаузе — Али Худжжати Кермани (1937/8-2000) и Махмуд Ду'айи (род. 1941) приняли решение об издании подпольной газеты — «печатного органа студентов хаузы Кума» [Хизгаwšāhī, 1391 [2012/3]. Р. 30].

С большим трудом им удалось, не привлекая лишнего внимания властей, приобрести фотокопировальное устройство и доставить его в безопасное место [Ibid., р. 30-31]. Результатом нескольких месяцев плодотворной работы — а все статьи не только нужно было отпечатать на пишущей машинке, но и размножить на копировальном аппарате и проброшюровать - стал первый номер «Откровения» (перс. "المواقع "Такое название издание получило по двум причинам: вопервых, оно вышло в свет в религиозный праздник - годовщину получения пророком Мухаммадом Божественного откровения; во-вторых создатели газеты считали своей важнейшей задачей передачу слов пророка и дальнейшее процветание его общины [Ibid., р. 62-63].

Распространение газеты также было организовано при соблюдении всех возможных предосторожностей. Активисты из числа наиболее надежных туллябов не знали, кто стоит за изданием «Откровения», и всерьез полагали, что газета издается в Тегеране. В столице и крупных провинциальных городах издание распространялось среди местных студентов-богословов, обучающихся светских учебных заведений, рабочих, а также так называемых «базари» - мелких торговцев и ремесленников [Ibid., р. 13, 67-68].

Одной из наиболее часто обсуждаемых на страницах газеты тем являлась палестинская проблема. Упоминания Палестины, Израиля и сионистского заговора встречаются в 12 выпусках «Откровения» из 14. Статьи, посвященные Палестине, носили говорящие и даже провокационные заголовки: «Израиль — лагерь империализма», «Израильский агрессор», «Освободите Палестину!» [Ві'tat, 1379 [2000/1]. Р. 135-136, 186-188, 213-214]. Автор последней работы выступал за немедленное объединение вооруженных сил всех мусульманских государств с целью освобождения Палестины [Ibid., р. 214].

Стоит отдельно отметить, что для авторов «Откровения», как и для их идейных предшественников, палестинская проблема являлась прямым следствием проводимой странами Запада и, отчасти, СССР империалистической политики. Именно поэтому Рафсанджани, Хусрувшахи и их единомышленники воспринимали борьбу с Израилем как борьбу с мировым империализмом и колониализмом, угрожавшими и их родному Ирану.

Провокационный характер материалов, публикуемых в «Откровении», сделал их авторов желанной целью для сотрудников органов государственной безопасности. За два года издания газеты Хади Хусрувшахи и Али Худжжати Кермани неоднократно задерживались властями, однако в ходе допросов и обысков доказать

их причастность к изданию «Откровения», а также выйти на след подпольной типографии сыщики так и не смогли [Xusrawšāhī, 1391 [2012/3]. Р. 37-38].

Последний номер газеты вышел 31 мая 1965 г. Вскоре после этого Хусрувшахи и Хашеми Рафсанджани в числе многих студентов были арестованы по подозрению в связях с тегеранскими революционными кружками, один из членов которых застрелил премьер-министра страны Хасана Али Мансура (1923-1965, во главе правительства в 1964-1965 гг.) [Ibid., р. 37]. Рафсанджани был подвергнут жестоким пыткам, однако сумел сохранить в тайне адрес «безопасного дома», в котором находилось оборудование для книгопечатания [Ibid., р. 38].

Впоследствии это оборудование использовалось Хади Хусрувшахи и его единомышленниками для изготовления листовок и прокламаций [Ibid., р. 48]. В частности, в 1967 г. Хусрувшахи издал прокламацию «Долой Израиль!» (перс. "الخزائ), в которой осуждал преступления израильских властей по отношению к палестинским арабам. Иранская молодежь, писал он, должна принять самое деятельное участие в войне с колониалистами и их наймитами-израильтянами [Ibid., р. 138-140]. Согласно опубликованным впоследствии документам шахской службы безопасности САВАК, это воззвание стало причиной сожжения в Тегеране неизвестными лицами здания, принадлежавшего членам местной иудейской диаспоры [Ibid., р. 32-33].

Прокламация «Долой Израиль!», а также множество других документов антишахского движения, включая полное собрание выпусков «Откровения», были сохранены Хади Хусрувшахи и опубликованы под его редакцией уже после Исламской революции 1978-1979 г. Стоит отметить, что юношеское увлечение идеями борьбы с израильской агрессией во многом определило дальнейший жизненный путь господина Хусрувшахи. В послереволюционный период, будучи известным ученым и публицистом, он издал ряд оригинальных и переводных произведений, посвященных истории арабо-израильского конфликта и поиску путей решения палестинской проблемы.

Акбар Хашеми Рафсанджани после освобождения из тюрьмы стал одной из центральных фигур иранской духовной оппозиции. Спустя много лет в интервью телепередаче «Рассказы о революции» Рафсанджани назвал издание «Откровения» крайне полезным делом. По его словам, газета стала площадкой для распространения идей, которые невозможно было донести до народа в ходе публичных выступлений и проповедей [Hāšimī Rafsanjānī, el. 1].

Трудно переоценить личный вклад Хашеми Рафсанджани в превращение палестинской проблемы в один из краеугольных камней иранской внешней и внутренней политики. Благодаря его работе над очерком «Израиль и Палестина» для журнала «Шиитское направление» и многочисленным статьям в «Откровении» в иранском обществе появился запрос на получение актуальной информации о ситуации в палестинском регионе. Это требование было удовлетворено Рафсанджани посредством перевода книги Акрама Зу айтира «Палестинская проблема», получившего высокую оценку айатоллы Хомейни и ставшего настоящим учебником политинформации для кружков революционеров. В этот же период Хомейни стал использовать сотрудничество шахского правительства с государством Израиль в качестве одного из обоснований необходимости свержения существующего строя [Хитаіпī, 1382 [2003/4], P. 32].

Таким образом, освещение палестинской проблемы на страницах исламской прессы Ирана 1950-1960-х гг. сыграло важную роль в формировании обществен-

ного мнения на данный счет. Благодаря этому борьба с Израилем как с детищем мирового империализма и главной угрозой мусульманскому миру стала одним из ключевых пунктов идеологии и политической программы иранской духовной оппозиции, воплотившимся на практике после победы Исламской революции 1978-1979 гг.

Библиография

- Bihištī bah rivāyat-i Hāšimī [Электронный документ]. URL.: https://www.jamaran.ir/ تشرف تخشلخار الشرف المنافخال 84312/41. Проверено 01.11.2019.
 - Bi'tat: Našriyah-yi dāxilī-yi dānišjūyān-i ḥawzah-yi 'ilmiyah-yi Qum dar 1342-1344 / Hādī Xusrawšāhī [et al] // Majmu'ah-yi asnād-i nihdt-i islāmī-yi Īrān. In 4 vol. Vol. 1 / ed. H. Xusrawšāhī. Qum: Markaz-i barrasīhā-yi islāmī; Tihrān: Kulbah-yi šuruq, 1379 [2010/11]. 234 p.
 - Hāšimī Rafsanjānī, Akbar. Isrā'īl va Filistīn / A. Hāšimī Rafsanjānī // Maktab-i tašayyu'. 1342 [1963/4] — Vol. 10. - P. 216-259.
 - 4. Hāšimī Rafsanjānī, Akbar. Muṣāḥibah-yi āyatullah Hāšimī Rafsanjānī bā barnāmah-yi —Rivāŋt-i inqilāb" [Электронный документ] URL.: https://rafsanjani.ir/records/ألوب-را نسر اَوَسَالِه فَظَجانَى- اَالْسُى-ا . Проверено 10.09.2019.
 - Hāšimī Rafsanjānī, Akbar. Muṣāḥibah-yi āyatullah Hāšimī Rafsanjānī dar bārah-yi dawrān-i inqilāb [Электронный документ]. URL.: https://rafsanjani.ir/records/أرض على المواحد المواحد
 - Karrubī, Mahdī. Muşāḥibah bā ḥujjat-ul-islām va-l-muslimīn Mahdī Karrubī // Ātār-i 'ilmī-yi kūngrah-yi Īmām Xūmaynī va ḥukūmat-i islāmī. — Tihrān: Mu'assisah-yi tandīm va našr-i ātār-i imām Xumaynī, 1378 [1999/2000]. - P. 255.
 - Madanī, sayyid Jalāl al-Dīn. Āyatullah Kāšānī va mas'alah-yi Filistīn // Šāhidyārān. 1385 [2007] Vol. 16. -. P. 92-94.
 - 8. Rahnamā, Muştafā. Zamīnah az nadar-i jahānī farāham-ast: Muṣāḥibah bā šayx Muṣtafā Rahnamā dar mawdu'-i bīdārī-yi islāmī // Sūrah. 1386 [2007]. Vol. 31. P. 45-53.
 - 9. Vilāyatī, 'Alī Akbar. Īrān va tahavvulāt-i Filisţīn: 1939-1979 / 'A. A. Vilāyatī. Tihrān: Vizārat-i umūr-i xārijah, markaz-i čāp va intišārāt, 1380 [2001/2]. 293 p.
 - 10. Xumainī, Rūḥallah. Filistīn az dīdgāh-i imām Xumaynī / R. Xumainī. Tihrān: Mu'assisah-yi tandīm va našr-i ātār-i imām Xumaynī, 1382 [2003/4]. 285 p.
 - 11. Xusrawšāhī, sayyid Hādī. Xāṭirāt-i mustanad-i Sayyid Hādī Xusrawšāhī dar bārah-yi: našriyāt-i maxfī-yi ḥawzah-yi 'ilmiyah-yi Qum / S. H. Xusrawšāhī, S. M. Xusrawšāhī. Qum: Kulbah-yi šurūq, 1391 [2012/3]. 192 p.
 - Xusrawšāhī, sayyid Hādī. Yād-i az mubāriz-i tanhā; šayx Muṣṭafā Rahnamā (baxš-i nuxust) [Электронный документ]. -URL::http://www.khosroshahi.org/main/index.php?Page=definition&UID=3899153. Проверено 08.09.2019.

Грехов Арсений Александрович

«КОДЕКС БОКСЕРА» КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ БРУНЕЯ XVI ВЕКА

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра филологии Юго-Восточной Азии 4 курс (бакалавриат) arseniy997@gmail.com

Grekhov Arsenii

"BOXER CODEX" AS ONE OF THE SOURCES ON THE HISTORY OF BRUNEI IN XVI CENTURY

St. Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Philology of South East Asia 4 year student (B.A.)

Статья посвящена «Кодексу Боксера» — одному из важных источников по истории султаната Бруней в XVI веке. В рамках статьи был рассмотрен вопрос об авторе этого анонимного произведения, проанализировано содержание части кодекса, посвящèнной султанату Бруней, а также проведено сравнение содержания кодекса с другим историческим документом того времени — записками итальянского путешественника А. Пигафетты.

The paper deals with the —Boxer Codex", one of the significant sources on the history of Brunei in XVI century. It examines the question about an author of this anonymous work and analyses the content of the part of the work dedicated to Brunei. The author also compares the content of the —Boxer Codex" with another historical document of that time — the notes of Italian explorer A. Pigafetta.

Ключевые слова: Кодекс Боксера; Бруней; история Брунея; Борнео; Генералкапитанство Филиппины; Антонио Пигафетта.

Key words: Boxer Codex; Brunei; history of Brunei; Borneo; Captaincy General of the Philippines; Antonio Pigafetta.

Началом колонизации стран Востока европейскими державами ознаменовался XVI в. Пиренейские державы, Португалия и Испания, начали вести свою жестокую, колониальную политику. Уже в начале столетия португальцы появились в Нусантаре, что привело к перераспределению сфер влияния в регионе. С падением Малакки в 1511 г. традиционный торговый баланс в регионе был нарушен. Старые центры силы и торговли начали постепенно приходить в упадок, а им на смену стали возникать новые. Одним из таких центров был султанат Бруней. Несколько десятилетий XVI века стали «золотым веком» Брунея. В этот период государство смогло расширить свои границы и установить сюзеренитет над прибрежными территориями Борнео и юго-западной частью Филиппинского архипелага, в том числе над Манилой. В Султанате процветала торговля. Одним из основных экспортных товаров была камфора. Подробная информация о процветающем государстве на Борнео впервые была получена европейцами из дневниковых записей итальянского путешественника Антонио Пигафетты.

Однако «золотой век» Брунея был недолгим. Уже во второй половине столетия в султанате начались внутренние распри. В то же самое время испанцы и португальцы активно захватывали торговые пути и ключевые порты в Нусантаре. Это означало новый передел сфер влияния и перераспределение торговли в регионе, и, как результат, упадок торговли в Брунее. Упадок торговли и междоусобицы сделали Бруней легкой добычей для европейских колонизаторов. Первыми воспользовались слабостью султаната Бруней испанцы, захватив часть брунейских владений на Филиппинском архипелаге.

Ситуация продолжала ухудшаться. Через некоторое время после захвата филиппинских владений Брунея испанцы совершили удачный военный поход на султанат (1578 г.) и даже ненадолго захватили столицу государства. Однако подчинить себе Бруней у испанцев не получилось. Из-за эпидемий и активного сопротивления местного населения захватчики были вынуждены уже через три месяца оставить столицу. Хотя государство вернуло себе временно утраченную независимость, в нем не было внутренней стабильности.

С самого начала своей колонизаторской деятельности на архипелаге пиренейские державы составляли различные отчеты, кодексы и т.п. В настоящее время документы, оставшиеся от испанцев и португальцев, являются для нас одними из источников по истории стран региона. Историографический материал по истории султаната Бруней состоит преимущественно из такого рода документов. Одним из источников является «Кодекс Боксера» (англ. Boxer Codex).

«Кодекс Боксера» был приобретен ученым Чарльзом Боксером (Charles Ralph Boxer), специалистом по Дальнему Востоку, на аукционе в 1947 г. В 1950 г. документ впервые был опубликован. Сейчас он хранится в библиотеке Университета Индианы, город Блумингтон, США.

Документ был составлен примерно в 1589-1591 гг. В нем содержится информация о странах, окружавших испанские владения на Филиппинах в XVI в. Кодекс был составлен как справочник для испанской администрации о торговле в регионе, а также о потенциальных союзниках и врагах Испании. Одна из частей документа посвящена султанату Бруней (страницы 71-86).

Вопрос авторства документа до сих пор остается открытым, однако на этот счёт существует несколько версий. Один из главных исследователей манускрипта Дж. Кэрролл утверждает [Carroll, 1982. С. 14], что возможным автором кодекса мог быть действующий губернатор Филиппин Гомес Перес Дасмариньяс (Gomez Perez Dasmariðas, 1590-1593) или его сын Луис (Luis Perez Dasmariðas, 1593-1603), ставший после смерти отца губернатором.

В то же самое время ученый выдвигает еще одну гипотезу, считая, что документ мог быть составлен лишь по поручению губернатора, так как на основании своих исследований документа Кэрролл пришел к выводу, что почерк в «Кодексе Боксера» принадлежит секретарю губернаторов, который, возможно, лишь записал необходимую колонизаторам информацию о соседних государствах.

В предисловии к переводу части кодекса, касающейся Брунея, под названием —Ватаі in the Boxer Codex" (рус. Бруней в Кодексе Боксера), Кэрролл указывает [Carroll, 1982. С. 15], что манускрипт мог быть составлен и кем-то из окружения бывшего губернатора Филиппин Франциско де Санда (Francisco de Sande, 1575-1580), который в 1578 г. совершил поход на столицу Брунея, или же кем-то из людей де Санда, участвовавших в походе. Такие люди, как отмечает автор статьи, вполне могли проживать в Маниле в 1590-х гг.

Вместе с тем, автор допускает ещѐ одно предположение о потенциальном авторе документа [Саггоll, 1982. С. 15]. Дело в том, что в статье отмечается факт отсутствия каких-либо оскорбительных высказываний в сторону ислама или мусульман (мавров), что не соответствовало тогдашней политике и воззрениям испанцев, резко негативно относившихся к мусульманам и исламу. Этот факт, на наш взгляд, служит основным аргументом в пользу того, что автором документа не являлся кто-то из колонизаторов; ещѐ одним указанием на это можно считать то, что в документе иногда используются тагальские и малайские слова. Согласно этой версии документ был составлен автором, владевшим тагальским и малайским языками, проживавшим в Маниле и исповедовавшим ислам. Эта версия подкрепляется тем фактом, что испанский генерал-губернатор Франциско де Санд во время планирования атаки на султанат Бруней вербовал мусульманских купцов с острова Лусон с целью собрать необходимые сведения о внутреннем положении в Брунее.

Несмотря на то, что Кэрролл в исследовании выдвигает несколько гипотез касательно автора документа, эти тезисы в основном не имеют весомых доказательств и строятся лишь на предположениях и немногочисленных фактах.

В самом «Кодексе Боксера» можно обнаружить много информации, помогающей реконструировать ситуацию в Брунее в конце XVI в. Анонимный автор отразил в манускрипте такие аспекты, как географическое положение страны, ее календарь, список титулов и церемоний при дворе, особенности быта.

Так, например, согласно записям, всè население Брунея — около 8 тысяч человек — проживало вдоль русла реки Бруней (Вогпеу), на этой же реке располагался дворец султана. На ней же находился рынок, открытый дважды в день: утром и в полдень. Главным транспортным средством являлись небольшие лодки, на которых местные жители передвигались по реке. В городе была построена мечеть. В султанате использовали 9 различных титулов для знати, судебной властью обладали 4 главных судьи (все они были братьями или сыновьями султана).

Наиболее интересная для историков часть документа, касающаяся политического положения в государстве, крайне мала. В этой части есть лишь упоминание о том, что султанат Бруней полностью потерял контроль над областью Самбас (северо-запад острова Борнео). В кодексе сказано, что теперь эти земли принадлежат королеве Явы. В то время ни одно государство Явы, в том числе и Маджапахит, не достигало такой мощи, чтобы напрямую контролировать своих отдаленных вассалов. Отсюда можно сделать вывод о том, что эти земли были лишь в номинальной зависимости от Явы и выплачивали ей дань, как это делал и Бруней в XIII-XIV вв.

Тем не менее, изучив эту часть документа, мы можем сказать, что султанат не полностью потерял власть и влияние в регионе. Автор кодекса отмечает, что Бруней контролировал несколько островов близ Борнео и султанат Сулу, который выплачивал ему дань. Помимо этого правящая в Брунее династия связала себя династическими браками с султанатом Сулу.

Помимо попыток расширения влияния за пределами Борнео, Бруней пытался полностью подчинить себе коренные народы внутри острова. Одним из таких народов были висаи или усаи (англ. uisayas), сохранявшие традиционные верования и выплачивавшие дань султану. В одном из абзацев содержится информация, что висаи были постоянно недовольны своим положением, периодически восставали и отказывались платить дань, что приводило к карательным походам со стороны султаната.

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что «Кодекс Боксера» содержит комплексную информацию о положении дел в Султанате Бруней в конце XVI

в. Однако на основе только одного документа невозможно полностью реконструировать политическую жизнь при дворе султаната Бруней. Поэтому в данном исследовании предлагается сравнить информацию из «Кодекса Боксера» и более раннего источника по истории султаната — дневниковых записей итальянского путешественника и участника экспедиции Магеллана (1519-1522) Антонио Пигафетты (Antonio Pigafetta).

В своих дневниках Пигафетта [Nicholl, 1975. С. 8-13] описывает султанат Бруней как сильный политический, военный и торговый центр региона, где активно идёт процесс исламизации. Он указывает на подчиненное Брунею положение султаната Сулу, который выплачивал дань и периодически подвергался нападениям со стороны Брунея. В вассальной зависимости от султаната находились и несколько островов, расположенных неподалеку от Борнео. Более того, на службе у султана Брунея находился потомок династии султанов, владевших территориями на острове Лусон, в том числе и городом Манила, которые были в вассальной зависимости от Брунея. В записях итальянского путешественника есть упоминание о том, что Бруней вел борьбу с Явой за власть над вассальными территориями на Борнео и был одним из крупнейших центров торговли, славившийся на весь регион торговлей камфорой.

Несмотря на то, что точная дата исламизации султаната Бруней доподлинно неизвестна (официальной датой считается 1368 г.), и это заслуживает дальнейших исследований, можно точно сказать, что на момент 20-х годов XVI в. в султанате шел активный процесс исламизации. Это подтверждается тем, что новая исламская столица султаната Бруней вела настоящую войну с приверженцами старых верований, которые находились в старой столице государства. Основываясь на данных из дневников Пигафетты, нельзя сделать вывод, что процесс исламизации султаната был полностью завершен.

Если обратиться к данным из «Кодекса Боксера», можно выяснить, что пропесс исламизации государства продолжился, но все еще не завершился. Об усилении ислама свидетельствует тот факт, что в султанате победила сторона, выступавшая за исламизацию страны, так как, судя по всему, приверженцы старых верований были разгромлены в войне, которую описал Пигафетта. В Брунее в конце XVI в. было несколько должностей, которые напрямую были связаны с религией, например, специальный человек, который обучал население исламу. Также процедуры развода и деления наследства осуществлялись в соответствии с исламским правом. Но все же нельзя однозначно утверждать, что в Брунее вся система была приведена в соответствие с нормами исламского права. Например, автор посвятил уголовным преступлениям несколько страниц документа, но при этом не дал никакого точного свидетельства, что судебные процессы по уголовным делам велись по исламскому праву. Мы можем лишь предполагать, что судебная система опиралась на нормы исламского права, так как такие судебные процессы, как деление наследства и расторжение брака, велись по исламским обычаям, или, по крайне мере, эти нормы оказали на нее сильное влияние.

В пользу незавершенности процесса исламизации говорит и то, что в султанате существовала легальная неприкрытая проституция, а жители во время праздников употребляли алкогольные напитки — рисовое вино арак.

Согласно записям, сделанным Антонио Пигафеттой, Бруней был крупным центром торговли в Азии, а камфора, произраставшая здесь, продавалась в дальние страны. В кодексе также говорится о том, что камфора была важным продук-

том торговли Брунея, и о том, что страна всè еще, даже несмотря на поход испанцев в 1578 г. и потерю влияния в регионе, оставалась сильной торговой державой, имевшей крупный торговый флот.

Итак, на основе документа можно сделать следующие выводы: после «золотого века» Брунея (1511-1578 гг.) страна сильно уступила свои позиции испанским колонизаторам, которые захватили часть владений Брунея на Филиппинском архипелаге и стали в значительной мере контролировать торговые маршруты в регионе. Серьезные последствия для Брунея имел поход испанцев на столицу султаната, совершенный в 1578 г. Несмотря на то, что испанцы не смогли закрепиться на Борнео, политическое и торговое влияние Брунея начало сокращаться еще более быстрыми темпами. К концу столетия Бруней потерял часть своих вассалов, а в самой стране происходили восстания коренных племен и конфликты среди правящих слоев. События последующих веков не способствовали улучшению ситуации. В первой половине XVII в. некогда бывший вассалом Брунея султанат Сулу восстал против своего бывшего сюзерена и нанес ему несколько тяжелейших военных поражений. К 1904 г., моменту установления протектората Великобритании над Брунеем, от некогда великой торговой империи осталась лишь малая часть со слабой экономикой и постоянными внутренними междоусобицами.

Таким образом, «Кодекс Боксера» является одним из важнейших источников по истории султаната Бруней. Документ содержит важную историческую и этнографическую информацию, помогающую реконструировать ситуацию в султанате Бруней в конце XVI - начале XVII вв. К сожалению, данное исследование касается лишь небольшой части тех исторических вопросов и проблем, которые поднимает данный документ, и является первой попыткой их анализа. Поэтому историография Брунея в целом и «Кодекс Боксера» в частности требуют дальнейших и более комплексных исследований.

Библиография

- Травкин, П.С. Бруней в дневниках Антонио Пигафетты / П.С. Травкин // ХХХ Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: К 150-летию академика В. В. Бартольда (1869-1930). 19-21 июня 2019 г.: Материалы конгресса / отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб., 2019. Т. 2. С. 425-427.
 - 2. Carroll, J. Berunai in the —Boxr Codex" [with commentary] / J. Carroll // Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society. 1982. Vol. 55, № 2. P. 1-25.
 - 3. Crossley, J.N. The Early History of the Boxer Codex / J.N. Crossley // Journal of the Royal Asiatic Society. 2014. Vol. 24, № 1. P. 115-124.
 - 4. Nicholl, R. European sources for the history of the sultanate of Brunei in the sixteenth century / R. Nicholl. Bandar Seri Begawan: The Star Press, 1975. v, 104 p.
 - 5. Saunders, G. A history of Brunei / G. Saunders. London: Routledge, 2002. 226 p.
 - Souza, G.B. The Boxer codex: Transcription and translation of an illustrated late sixteenthcentury Spanish manuscript concerning the geography, ethnography and history of the Pacific, South-East Asia and East Asia / G.B. Souza, J. Turley. — Boston: Brill Academic Pub, 2015. — 712 p.

Забродин Евгений Дмитриевич

РОЛЬ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ СОВРЕМЕН-НОЙ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Санкт-Петербургский государственный университет Восточный факультет, кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки 1 курс (магистратура) eugenezabrodin@gmail.com

Zabrodin Evgeniy

THE ROLE OF LABOR MIGRATION IN THE ECONOMY OF MODERN SAUDI ARABIA

St.Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Theory of Social Development of Asian and African Countries 1 year student (M.A.)

В статье рассматривается влияние трудовой миграции на экономическое развитие Саудовской Аравии. Анализируется социальное положение и правовой статус трудовых мигрантов в королевстве, а также проводится обзор мер, предпринимаемых руководством страны при реализации «саудизации» рынка труда. Особое внимание уделяется рассмотрению таких уникальных для саудовской экономики явлений, как кэфаля, привилегированная икама и нитакат.

The article discusses the impact of labor migration on the economic development of Saudi Arabia. It analyzes the social and legal status of labor migrants in the kingdom, and also reviews the measures taken by the country's leadership in the implementation of "Saudization" of the labor market. Particular attention is paid to the review of such unique phenomena for Saudi Arabia as *kafala*, privileged *iqama* and *nitaqat*.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, трудовая миграция, Саудовское Видение 2030, Мухаммад ибн Салман, привилегированная икама, кяфаля

Key words: Saudi Arabia, labor migration, Saudi Vision 2030, Muhammad ibn Salman, privilege iqama, kafala

С конца 30-х гг. XX в., когда на территории Саудовской Аравии были открыты огромные запасы нефти, иностранная рабочая сила играла значительную роль в развитии экономики королевства. Бурно развивавшаяся нефтедобывающая отрасль во второй половине прошлого столетия требовала все большего количества как высококвалифицированных и высокообразованных специалистов, так и низкоквалифицированных рабочих. В результате, к концу 1980-х гг. руководство страны, опасаясь чрезмерной зависимости саудовской экономики от иностранной рабочей силы, предприняло первую попытку «саудизации» рынка труда. Так, 4-й по счету пятилетний план развития королевства (1985–1989 гг.) включал в себя

пункты, согласно которым значительную часть иностранцев, занимавших в тот период около 70% всех имевшихся рабочих мест, предполагалось со временем заменить саудовскими подданными [Wynbrandt, 2010. P.252]. Однако в полной мере добиться поставленных задач саудовскому руководству не удалось, и результатом первого этапа «саудизации» стала лишь депортация с территории страны около 300 000 нелегальных иммигрантов.

К вопросу о необходимости реструктуризации рынка труда саудовское правительство вынуждено было вернуться в начале XXI в. по причине непростой демографической ситуации: по состоянию на 2002 г. половину населения королевства составляла молодежь младше 18 лет; уровень же безработицы среди трудоспособных саудовцев 20–24 лет составлял 28% [Wynbrandt, 2010. Р.284]. Для решения данного вопроса государство обязало частные саудовские компании, состоявшие из 20 и более сотрудников, иметь в своем штате не менее 30% саудовских граждан [Буровцев, 2014. С.139]. Однако в 2002 г. в королевстве общее число предприятий, подходящих под данные критерии, составляло лишь около 10000 с общим числом сотрудников около 300 000, что не привело к полноценному решению проблем с трудоустройством местных жителей [Wynbrandt, 2010. Р.286].

В 2005 г. в Саудовской Аравии был принят Низам о труде, до настоящего времени регулирующий трудовую деятельность иностранных работников на территории государства. Согласно статье 33 данного закона, Министерство труда королевства принимает решение о приеме на работу иностранного сотрудника в случае выполнения им следующих условий: работник въехал в страну на законных основаниях и имеет право на работу; работник обладает профессиональной компетенцией или же академической квалификацией, необходимой стране; работник заключает договор с работодателем и переходит под его ответственность [Низам о труде. С.24]. Последний пункт регулируется особой системой кяфаля, позволяющей работодателю контролировать деятельность работника-мигранта во время его нахождения на территории королевства. Слово кяфаля образовано от арабского трехбуквенного глагола إلى имеющего значение «гарантировать», «ручаться», «опекать». Однако, при всех своих плюсах, в реалиях современной Саудовской Аравии кяфаля зачастую становится не только способом «опеки» над иностранным работником, но и инструментом его чрезмерной эксплуатации. Так, работодатель (или кяфиль), поручаясь за сотрудника-иммигранта перед государством, в действительности получает практически безграничную власть над ним. Нередки случаи превышения работодателем-кяфилем своих полномочий в обход существующего трудового законодательства, а именно: ограничение передвижения иностранного работника по стране, запрет на его выезд из королевства и даже перепродажа «прав» на него другому кяфилю [France 24]. Данные нарушения вызывают критику части мирового сообщества и приводят к обвинениям в систематическом нарушении прав человека со стороны крупных международных правозащитных организаций [Azhari, 2016. P.62].

В качестве меры по «саудизации» рынка труда и снижению зависимости экономики королевства от трудовой миграции в 2011 г. было объявлено о запуске системы *Нитакат*. Благодаря ей, государство получило возможность контроля за выполнением частными компаниями квоты, установленной для приема на работу саудовских граждан. Чем больше сотрудников, обладающих саудовским паспортом, числится в штате компании, тем выше становится еè рейтинг, и тем больше возможностей для дальнейшего развития ей предоставляет государство. Нарушение же числа саудов-

ских подданных в штате компании влечет за собой не только штрафные санкции, но и ограничение возможности приема на работу иностранцев в будущем, что для многих сфер эквивалентно ликвидации предприятия [De Bel-Air, 2015].

С приходом к власти группы молодых реформаторов, возглавляемых Мухаммадом ибн Салманом, представившим в апреле 2016 г. стратегию развития Саудовской Аравии до 2030 г., наступил новый существенный этап в реструктуризации саудовского рынка труда. Помимо заявлений о необходимости диверсификации саудовской экономики, во вступлении к программному документу «Саудовского Видения 2030» отмечалось, что главным богатством страны являются не природные ресурсы, а «амбиции еè народа и потенциал молодого поколения» [Saudi Vision 2030. P.6]. В рамках стратегии «Саудовского Видения 2030» особое внимание уделяется предоставлению саудовской молодежи больших возможностей для самореализации, в том числе и профессиональной. Под контролем Мухаммада ибн Салмана, назначенного в 2017 г. наследником саудовского престола, «саудизация» рынка труда становится важнейшим элементом модернизации экономики королевства.

Одной из значительных мер, предпринятых наследным принцем, стало продолжение политики депортации нелегальных мигрантов, начатой еще при короле Абдулле. Так, за период с 2013 по 2018 г. с территории королевства было выслано 2,7 млн нелегальных мигрантов. С 2017 г. был введен налог для экспатов на пребывание в королевстве, составляющий 24 доллара США в месяц (с 2020 г. планируется его четырехкратное увеличение) [Тасс]. В январе 2018 г. Министерство труда и социального развития объявило о значительном сокращении возможностей для трудоустройства иностранных работников в следующих сферах торговли, прежде прочно ассоциировавшихся жителями королевства с трудом экспатов: продажа техники и электроники, медицинских приборов, автозапчастей, мебели и одежды [Saudi Gazette]. Таким образом, особенностью «саудизации» рынка труда в последние годы можно считать не только усиление давления на иностранных работников, но и ограничение видов их трудовой деятельности на территории королевства.

В контексте изменений, происходящих на саудовском рынке труда, особый интерес представляет сфера транспортных перевозок. В 2017 г. в Саудовской Аравии насчитывалось около 1,376 млн трудовых мигрантов, работавших водителями (около 7% от всех трудовых мигрантов в королевстве) [De Bel-Air, 2018. Р.4]. Снятие в июне 2018 г. запрета на управление саудовскими женщинами транспортных средств может уже в скором будущем привести к резкому сокращению спроса на иностранную рабочую силу в сфере перевозок. В трудовой деятельности в данной сфере, считавшейся большинством саудовских мужчин недостаточно престижной, планируется задействовать прежде неактивное женское население королевства, для части которых право на управление транспортным средством представляется символом свободы и грядущих перемен [De Bel-Air, 2017. Р.6].

Одним из необходимых условий для перехода от ресурсоориентированной экономики к инновационной является возможность привлечения высококвалифицированных специалистов и инвесторов со всего мира. В соответствии с объявленными в программном документе «Саудовского Видения 2030» ценностями («Привлечение талантов с высокой квалификацией со всего мира») [Saudi Vision 2030. P.37], в 2018 г. было объявлено о ведении к 2021 г. системы привилегированной *икамы* — особого вида на жительство, рассчитанного на привлечение иностранных инвесторов и высокооплачиваемых специалистов с высоким уров-

нем образования и профессиональных знаний, необходимых королевству. Предполагается, что за ежегодный взнос (около 3800 долларов США) владельцу привилегированной *икамы*, все чаще сравниваемой мировыми СМИ с американской Green Card, будет предоставлена возможность не только проживать и трудиться на территории королевства без предварительного поиска партнера-кяфиля, но также получать весь спектр социальных услуг, доступных саудовским гражданам.

На сегодняшний день не существует единого взгляда на вопрос: «Является ли обилие мигрантов на саудовском рынке труда реальной проблемой для развития экономики королевства?» Для ответа на него необходимо обратиться к статистике. Численность населения Саудовской Аравии по состоянию на середину 2019 г. составляет 34,218 млн человек, более половины которых — молодежь до 25 лет [General Authority for Statistics of the Kingdom of Saudi Arabia]. По данным Главного статистического управления Королевства Саудовская Аравия, число занятого населения во 2 квартале 2019 г. составило чуть менее 13 млн человек, доля же саудовских граждан среди этого числа составила лишь 24% (чуть более 3 млн занятых) [General Authority for Statistics of the Kingdom of Saudi Arabia]. При участии оставшихся 76% от общего количества трудящихся, представленных трудовыми мигрантами, происходит развитие тех отраслей экономики, которые не смогли бы функционировать, опираясь лишь на саудовских подданных, ввиду как недостатка трудовых ресурсов в королевстве, так и недостаточной престижности отдельных профессий для его граждан.

В то же время, несмотря на очевидную пользу от присутствия иностранных работников на саудовском рынке труда, стоит отметить, что огромные ресурсы, аккумулируемые экспатами, представляющими практически треть населения Саудовской Аравии, утекают в другие страны. Так, по данным за 2018 г., сумма денежных переводов из Саудовской Аравии составила около 33,6 млрд долларов США, что составляет 4,3% от годового ВВП королевства [World Bank]. Исследователи отмечают, что вкупе с неуплатой налогов мигрантами, находящимися в статусе нелегальных, существенный вред развитию саудовской экономики наносит формирование черного рынка труда и, как следствие, развитие криминала. [Медушевский, 2018. С.34]

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- Несмотря на важную роль трудовых мигрантов в функционировании экономики королевства, наблюдается явная тенденция на замещение иностранных работников в ряде сфер саудовскими гражданами.
- Многочисленные нарушения прав экспатов в КСА влекут за собой критику части мирового сообщества, что наносит существенный урон международному имиджу королевства и его инвестиционной привлекательности
- 3) Проводимую королевством политику «саудизации» рынка труда стоит рассматривать не в качестве попытки полного избавления от миллионов экспатов, активно задействованных в сфере низкоквалифицированного труда, а скорее в качестве борьбы с нелегальной миграцией, обременяющей экономику Саудовской Аравии.
- 4) Политика «саудизации» может быть рассмотрена также в качестве способа активизировать трудовую деятельность части саудовских граждан, привыкших к щедрым пособиям по безработице за годы высоких цен на нефть.

Библиография

- 1. Буровцев М.В. Трудовая миграция в Саудовской Аравии: тенденции и особенности развития// Труд и социальные отношения. 2014. №1. С.137–143. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary 21460077 96181924.pdf (Проверено 16.10.2019)
 - Выслать мигрантов: как Саудовская Аравия справляется с падением цен на нефть// TACC. [Электронный ресурс]. — URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7001819 (Проверено 18.10.2019)
 - 3. Медушевский Н.А. Миграция в Саудовскую Аравию: социальный и религиозный вопросы (2011-2017 гг.)// Исламоведение. 2018. Т.9, №1. С.29–41. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32787530_22741067.pdf (Проверено 18.10.2019)
 - Низам о труде (араб.яз.). [Электронный ресурс]. URL: https://hrdf.org.sa/Content/files/labor_system.pdf (Проверено 17.10.2019)
 - Azhari A. The Kafāla _sponsorship' system in Saudi Arabia: A critical analysis from the perspective of international human rights and Islamic law// The SOAS Journal of Postgraduate Research. 2016. №10. Pp. 61-80. URL: https://eprints.soas.ac.uk/24680/1/09_AAzhari_Kafala_Sponsorship.pdf (Проверено 16.10.2019)
 - 6. De Bel-Air F. Demography, Migration and Labour Market in Saudi Arabia// Gulf Labour Markets and Migration. 2018. №5. 27 р. [Электронный ресурс]. URL: http://gulfmigration.org/media/pubs/exno/GLMM EN 2018 05.pdf (Проверено 16.10.2019)
 - 7. De Bel-Air F., Shah N.M., Fargues P. Possible Impact of Saudi Women Driving on Female Employment and Reliance on Foreign Workers// Gulf Labour Markets and Migration. 2017. №4. 9 р. [Электронный ресурс]. URL: https://gulfmigration.org/media/pubs/exno/GLMM_EN_2017_04.pdf (Проверено 16.10.2019)
 - 8. De Bel-Air F. The Socio-Political Background and Stakes of _Saudizing' the Workforce in Saudi Arabia: the Nitaqat Police// Gulf Labour Markets and Migration. 2015. №3. 25 р. [Электронный ресурс]. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/34857/GLMM_ExpNote_03_2015.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Проверено 16.10.2019)
 - 9. En Arabie saoudite, des employées de maison sont vendues sur Internet// France 24. [Электронный ресурс]. URL: https://observers.france24.com/fr/20180313-arabie-saoudite-employees-maison-sont-mises-encheres-internet (Проверено 19.10.2019)
 - 10. Labor Force Survey// General Authority for Statistics of the Kingdom of Saudi Arabia. [Электронный ресурс]. URL: https://www.stats.gov.sa/en/34 (Проверено19.10.2019)
 - 11. Migration and Remittances Data// The World Bank. [Электронный pecypc]. URL: https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data (Проверено 17.10.2019)
 - 12. Population by Age Groups and Gender// General Authority for Statistics of the Kingdom of Saudi Arabia. [Электронный ресурс]. URL: https://www.stats.gov.sa/sites/default/files/population_by_age_groups_and_gender_en.pdf (Проверено 19.10.2019)
 - 13. Saudi Arabia: Youth unemployment// The Global Economy cite. [Электронный ресурс]. URL: https://www.theglobaleconomy.com/Saudi-Arabia/Youth_unemployment (Проверено 18.10.2019)
 - Saudi Vision 2030 document, 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://vision2030.gov.sa/sites/default/files/report/Saudi_Vision2030_EN_2017.pdf (Проверено 17.10.2019)
 - Wynbrandt J. A Brief History of Saudi Arabia, Second Edition. New York: Infobase Publishing. 2010. 334 p.

16. 12 activities off-limits for non-Saudis// Saudi gazette. [Электронный ресурс]. — URL: http://saudigazette.com.sa/article/527249/%20SAUDI-ARABIA/12-activities-off-limits-for-non-Saudis (Проверено 19.10.2019)

Зенков Максим Алексеевич

ЭКСПАНСИЯ КНР И МЕНЯЮЩЕЕСЯ СООТНОШЕНИЕ СИЛ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Санкт-Петербургский Государственный Университет Факультет Международных отношений 2 курс (бакалавриат) zenmaxim2002@gmail.com

Zenkov Maksim

CHINESE EXPANSION AND SHIFTING BALANCE OF POWER IN THE INDO-PACIFIC REGION

St.Petersburg State University Faculty of International Relations 2 year student (B.A.)

В статье анализируются стратегические последствия изменения соотношения сил в Индо-Тихоокеанском регионе и их ключевого выражения — экономической и политической экспансии Китая. Меняются контуры сфер влияния, а малые страны получают возможность диверсификации внешней политики. Усложняются отношения между ведущими державами обострение конкуренции сочетается с ростом взаимозависимости. Рассматриваются возножности уравновешивания восхождения Китая со стороны США, Японии, Австралии и Индии, на месте которой в трансформирующейся региональной системе делается акцент.

The article provides an analysis of some strategic consequences, caused by the shifts in the balance of power in the Indo-Pacific region and its key reflection — economic and political expansion of China. The spheres of influence are changing with the smaller states acquiring an opportunity to diversify their foreign policy. The relations between the leading powers are becoming more complex: sharpening competition is coupled with growing interdependence. Options for counterbalancing China's rise from the side of India (which is payed an accent), US, Japan and Australia are considered.

Ключевые слова: экспансия Китая; инфраструктурные инвестиции; Индо-Тихоокеанский регион; инициатива «Пояса и пути»; Quad

Key words: Chinese expansion; infrastructure investments; Indo-Pacific region; Belt and Road Initiative; Quad

Рост реального ВВП КНР, в период с 1999 г. по 2018 г. составивший в среднем 9%, стал инструментом масштабной экспансии и в значительной степени обусловил ее необходимость [WB, 2018]. Под экспансией мы будем понимать государственную политику, направленную на расширение экономического (торгового, инвестиционного) и военно-стратегического присутствия в регионе.

Инфраструктурные инвестиции: потребность и предложение

В докладе Азиатского банка развития от февраля 2017 г. утверждается, что в период с 2016 г. по 2030 г. потребность развивающихся стран Азии в затратах на инфраструктуру будет измеряться в 1.7 трлн долларов в год, требующихся для

«поддержания динамики роста, искоренения бедности и ответа на изменение климата» [АDB, 2017]. Недостаточная развитость дорожных сетей, морских и речных портов препятствует углублению регионального разделения труда. Отстающее от темпов урбанизации расширение городской инфраструктуры, низкая доступность воды и электроэнергии провоцируют социальное и политическое напряжение в наименее развитых странах региона (Бутан, Бангладеш, Лаос, Мьянма, Непал, Камбоджа), тогда как для других низкое качество инфраструктуры чревато попаданием в «ловушку среднего дохода» [Бордачев, Лихачева, Чжан, 2015]. Разрыв между необходимым и реальным уровнем инвестиций в среднем оценивается в 6,2%, 5,7 % и 4,1 % ВВП для малых тихоокеанских стран, Южной и Юго-Восточной Азии соответственно [ОЕСD, 2018]. В связи с этим привлечение иностранных инвестиций в инфраструктурный сектор становится *политическим приоритетом* развивающихся стран ИТР.

В структуре инвестиционных потоков Азиатско-Тихоокеанского региона устойчиво возрастает вес китайских капиталов. Объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страны АСЕАН в период с 2002 по 2014 г. увеличивался в среднем на 17,79 % ежегодно (с 19,09 до 136,18 млрд долл.). ПИИ из КНР росли вдвое быстрее — с 1,97 млрд до 8,87 млрд со средним приростом в 35,73 %; стоит учесть эффект «низкой базы», ведь в 2014 г. они составляли скромные 6,51 % от совокупной массы ПИИ в регионе, уступая ЕС (19,29 %), Японии (9,83 %), США (9,58 %) и инвестициям внутри АСЕАН (17,9 %) [Nathapornpan, 2016. P.5–7].

В 2013 г., когда Си Цзиньпин впервые представил мегапроект «Пояса и пути», глобальные инвестиции из Китая увеличились на 15%, японские — на 10%, тогда как американские упали на 8%. В 2015 г. индийская газета Frontline описывала происходящий сдвиг так: ушли те времена, «когда страны Большой семерки были главными источниками избытков капитала, который пускался в нуждающиеся регионы... [теперь] США являются крупнейшим должником. Потоки капитала носят в основном частный характер, а те, что направляются с государственного уровня, составляют все меньшую долю» [Chandarasekhar, 2015].

Важно отметить, что частные игроки не в состоянии восполнить нехватку инфраструктурных инвестиций: здесь мы сталкиваемся с классической дилеммой создания общественных благ в условиях повышенных рисков осуществления проектов в развивающихся странах [Сведенцов, 2017]. Многосторонние банки развития также не располагают достаточными для полноценного преодоления разрыва ресурсами, ежегодно одобряя кредиты на сумму около 110 млрд долларов (3% мировой потребности в инфраструктурных инвестициях) [Suchodolski, Demeulemeester, 2018. P.582].

Таким образом, финансовые возможности, предоставляемые Китаем в рамках двухсторонних отношений, экономических коридоров и ведомых Пекином международных институтов (АБИИ и др.) становятся для многих стран региона исключительно значимыми, *безальтернативными* в своем масштабе. С 2005 г. по июнь 2018 г. Китай вложил в крупные строительные проекты в странахучастницах инициативы «Один пояс — один путь» 480 млрд долларов и готов инвестировать до 4 трлн долларов в ходе воплощения данной инициативы [ОЕСD, 2018. P.16–17]. Способность Китая соответствовать одному из ключевых политических приоритетов меньших стран ИТР предоставляет мощный рычаг расширения влияния.

Конкуренция и традиционные сферы влияния

Первым стратегическим последствием изменения в соотношении сил является переопределение контуров сфер влияния. Значение китайских капиталов для экономического и социального развития большинства стран региона достаточно велико, чтобы долгосрочные стратестические связи, не обеспеченные сегодня интенсивным экономическим взаимодействием, претерпевали эрозию. Политическая и экономическая картина региона становится все более конкурентной, проникновение Китая создает для меньших стран возможность диверсификации связей и игры на противоречиях между ведущими державами.

Показательно то, как избранный в 2015 г. на пост премьер-министра Непала Шарма Оли изложил свою внешнеполитическую повестку: «У нас с Индией отличная взаимосвязанность и открытая граница <...> однако нельзя забывать, что у нас два соседа. Мы не хотим зависеть от одной страны или иметь один выбор» [Chowdhury, 2018]. Сотрудничество с Китаем не только самоценно, но также выступает рычагом в переговорах с Индией, десятилетиями почивавшей на лаврах уникального партнера изолированной гималайской страны. Эффективность модели многостороннего балансирования налицо: правительство Индии решило противопоставить китайскому «вторжению» в Непал (транзитно-транспортное соглашение, возобновление реализации гидроэнергетического проекта, крупный транш на восстановление инфраструктуры после стихийных бедствий) 73% рост объема предоставляемых по программам помощи средств в 2019 фискальном году [Тimes of India, 2018].

Однако государственные инвестиции и кредитные линии не являются политически нейтральными: в интересах их инициаторов долгосрочное закрепление своих доминирующих позиций, ограничение курса многостороннего балансирования с целью смягчения заставляющей повышать инвестиционные «ставки» свободной конкуренции. Китайские проекты критикуют за непрозрачность, создающую условия для скрытого навязывание политических условий (например, возможность присутствия китайского военно-морского флота в возводимых портах), и предоставление займов на строительство под коммерческий процент. Учитывая неустойчивую платежеспособность экономик стран-реципиентов, предполагается, что обеспечением таких кредитов могут стать натуральные ресурсы, доля в совместных проектах или политические уступки. Хрестоматийный пример — передача 85% пакета акций порта Хамбантота (Шри-Ланка) Китаю на правах 99летней концессии в декабре 2018 г., произошедшая частично в счет долга. Согласно исследованию вашингтонского Центра глобального развития из 68 стран, активно вовлеченных в инициативу «Пояса и Пути», на 2018 г. 23 обладали кредитным рейтингом ниже инвестиционного, а восемь находились в зоне наибольшего риска (среди них Лаос, Мальдивы и Пакистан) [Коростиков, 2018; Baruah, 2018]. Три малых тихоокеанских экономики — Тонга, Самоа и Вануату - принадлежат к числу наиболее закредитованных Китаем в мире. Несмотря на выраженное стремление использовать «дипломатию долговой ловушки» для расширения влияния на малые страны региона, предлагаемые КНР кредиты остаются для местных элит наиболее привлекательной возможностью, поскольку предоставляются быстро и, в отличие от практик международных финансовых институтов, не навязывают структурных экономических реформ [Rajah, Dayant, Pryke, 2019. P.5-6].

В отношении малых стран региона будет действовать тенденция, которая синтезирует диалектику суверенитета и навязывания воли со стороны ведущих держав. Для максимизации выгод и возможностей проведения независимого курса от местных элит потребуется грамотная политическая линия. Это отсылает к понятию «буферной системы», стабилизирующей отношения между качественно более могущественными игроками. «Буферная система» может сохраняться и выполнять стабилизирующую функцию в случае проведения государством-«буфером» политики, позволяющей «сглаживать отношения между державами, не допуская их перерастания в открытый конфликт интересов» в процессе комбинирования стратегий «нейтрализма», «примыкания» и «опоры на третью силу» [Ефремова, 2016. С.96-97]. Уравновешивающую роль способны играть и международные институты. Так, в качестве условия выделения кредита находящемуся на грани дефолта Пакистану МВФ потребовал предоставить информацию об условиях кредитования в рамках проекта «Китайско-Пакистанского экономического коридора»; требование, по заявлению Сената Пакистана, было удовлетворено. Тем самым международное сообщество получает возможность заглянуть в «чековые книжки» китайской экспансии.

Постановка вопроса о предпочтении КНР иной иностранной державе в повестку избирательных кампаний малых стран региона способствует проведению ими более сбалансированного курса. Так, избранный на волне антикитайской риторики президентом Шри-Ланки в 2015 г. М. Сирисена уравновесил прокитайский курс предшественника, М. Раджапаксы, выдвинув Пекину жесткие условия по подписанию Соглашения о свободной торговле, что привело к замораживанию переговоров, и закрыв вопрос о присутствии в Хамбантоте китайских ВМС путем передислокации туда собственного флота. Речь не идет об отказе от китайских инвестиций, особенно на фоне непростой социально-экономической ситуации [Наркевский, 2018]. Образование прокитайских фракций в рамках элит становится неизбежным по мере наращивания экономического присутствия, но получение дивидендов от политики балансирования вполне может играть роль объединяющего «надпартийного» интереса.

Индийская двойственность в отношении Китая

Энтузиазм соседей в отношении китайских проектов объясняется «неспособностью Индии предложить меньшим соседям основательную помощь в развитии». Объем ВВП Индии, составивший в 2018 г. 2,726 трлн долларов, почти в пять раз уступает ВВП Китая [WB, 2018]. Более того, возможности внешней проекции экономической силы страны существенно ограничиваются внутренними факторами: разрыв между необходимыми и реальными инфраструктурными инвестициями в случае Индии составляет 2,5 % ВВП против 0,4 % у Китая [NDB, 2018 P.44-46].

Здесь лежат причины *двойственности* индийского взгляда на Китай, отразившейся в том числе в дискуссиях по поводу участия в инициативах «Пояса и пути». С одной стороны, Индия заинтересована в привлечении китайских инвестиций. С другой — активное вовлечение в инициативу, вдохновителем и двигателем которой является Пекин, будет означать легитимацию его регионального лидерства, интенсивности и форм взаимодействия с соседями. Перспектива уча-

стия Индии осложняется союзническими отношениями Китая и Пакистана, роль которого в концепции «Пояса и пути» представляется приоритетной и исключает Индию [Likhachev, 2017. P.65]. Давление на отношения оказывают и нерешенные территориальные споры, разрешению которых препятствует прежде всего отсутствие политической воли с китайской стороны [Malik, 2013, P.175].

Как следствие, Индия проводит курс, подразумевающий *ограниченное участиие* в Китайских проектах (торговый коридор Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма — ВСІМ), участие в объединениях и институтах без явно выраженного центра силы (Азиатский региональный форум, АСЕАН+), укрепление отношений с соседями в формате двухстороннего сотрудничества или лидерство в рамках субрегиональных проектов (например, не включающая Китай Инициатива Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации). На уровне двусторонних отношений Индия стремится укрепить экономическое сотрудничество с Китаем — своим крупнейшим торговым партнером - хотя в 2017 г. при общем торговом обороте в 84,44 млрд дефицит Индии составил 51,75 млрд долларов. Индийско-китайские отношения являются многоаспектными, не имея жесткой центральной оси. В более широком смысле речь идет об эволюции отношений ведущих держав региона с Китаем: их характеризует сочетание растущей взаимозависимости и напряженности вследствие повышения ставок конкурентной борьбы. Это второе стратегическое последствие китайской экспансии.

Военно-стратегическое измерение Индо-Тихоокеанского региона

Изменение соотношения сил толкает акторов системы к использованию стратегий балансирования, что ярко прослеживается в активизации стратегического маневрирования вокруг морских линий коммуникации ИТР.

Через побережье ИТР проходят поставки 70% всех потребляемых в мире нефтепродуктов [Каплан. С.5-6]. Китай, являясь крупнейшей торговой державой мира, нуждается в защите морских путей коммуникации, что будет становиться все более актуальным по мере развития портовой инфраструктуры вдоль Морского Шелкового пути. Это объясняет усилия, которые КНР прилагает для увеличения своего стратегического присутствия: отметим стремление к обустройству военных баз на островах Индийского океана и Южно-Китайского моря, сооружение портов, способных выполнять и военные, и гражданские функции (Мьянма, Пакистан. Бангладеш. Шри-Ланка), постоянное курсирование военных судов [Jaishankar, 2019. Р.16-17]. Геополитическое теоретизирование индийских «алармистов» по поводу стратегии окружения Индии «жемчужным ожерельем» китайских военно-морских объектов подкрепляется материальным основанием. Ротапия верфей позволит Пекину спускать на воду по одному авианосцу за три года, а сокращение личного состава сухопутных вооруженных сил на 200 тыс. в пользу пятикратного увеличения числа морпехов красноречиво демонстрирует стратегические приоритеты Китая.

Экономические и политические инициативы Китая в стратегическом смысле связывают Индийский и Тихий океаны воедино. Во-первых, доминирование Китая в любом из субрегионов сделает его основным гарантом безопасности и свободы движения товаров для соответствующих морских линий коммуникации и позволит навязывать условия всем заинтересованным в их стабильном функцио-

нировании сторонам. Соответствующие опасения можно увидеть за широко распространенной риторикой *«свободного и открытого»* ИТР. Реализация общей цели сдерживания Китая неразрывно связана с сохранением баланса сил в обоих субрегионах, тогда как каждый из них характеризует *недостаточность ресурсов* отдельной державы для уравновешивания Китая. Это подталкивает державы региона к географически развернутому сотрудничеству.

Четырехсторонняя инициатива США, Австралии, Индии и Японии в сфере региональной безопасности, т.н. *Quad*, хотя и выглядит потенциальным инструментом необходимого «внешнего балансирования», спустя два года после оглашения намерений все еще не получила сколько-нибудь определенного содержания и не вышла за рамки диалога.

Во-первых, имеют место расхождения в политических приоритетах. Ключевую роль для будущего *Ouad* играют отношения Индии и США. Разделяемые опасения касательно Китая являются благоприятным стимулом двухсторонних связей, но, в отличие от Великобритании и Японии в 1950-х, Нью-Дели обладает амбициями восходящей державы и сильной традицией поддержания стратегической автономии в различных формах от «неприсоединения» Неру до современного «мультиприсоединения» и будет стремиться к поддержанию отношений с ключевыми соперниками США — Китаем и Россией [Malik. 2013. P.186: Hall. 2016. Р.282]. Неслучайно через несколько месяцев после предоставления Индии статуса STA-1 (Strategic Trade Authorization-1), санкционирующего упрощенную процедуру импорта широкого круга наименований высокотехнологичной оборонной продукции из США, последовало объявление о согласовании с Россией закупки зенитных комплексов C-400 «Триумф» на сумму более 5,43 млрд долл. В то же время степень готовности идти на уступки в торговых спорах с Индией ради стратегического сближения остается под вопросом. В июне вступило в силу решение Д. Трампа о лишении Индии преференциального доступа на американский рынок, ранее при администрации Б. Обамы страна не была включена в проект Транс-Тихоокеанского партнерства. Отметим и расхождения по конкретным внешнеполитическим вопросам, таким как взаимодействие с Ираном. Распространение действия режима вторичных санкций на индийские компании затруднило их работу в строящемся иранском порту Чабахар, который задумывался в качестве альтернативы Китайско-Пакистанскому экономическому коридору с точки зрения обеспечения связи Южной Азии с Афганистаном, хотя формально порт был от санкций освобожден [Кароог, 2019].

Во-вторых, география региона задает многоуровневый плюрализм интересов, требующих согласования. Эффективное балансирование должно строиться с учетом тесной связи экономик стран АСЕАН с Китаем, не приобретать исключительно коннотации «сдерживания» [Сагайдак, Кулешова, 2016. С. 171; Вугпе, 2019]. В свою очередь, создание равноценной экономической альтернативы для стран ИТР требует разделения инвестиционного бремени. При данной модели решения о реализации проектов принимаются посредством сложных консультативных механизмов, откладывающих фазу реализации и повышающих транзакционные издержки [Вагиаh, 2018]. Инфраструктурные проекты характеризуются косвенной отдачей, которая тем больше, чем более интенсивны экономические контакты с конкретной страной, следовательно, существенно различаются сферы интересов и инвестиционные приоритеты.

Таким образом, институционализация сотрудничества в формате *Quad* маловероятна, хотя можно прогнозировать постепенную интенсификацию его использования. В рамках стратегии балансирования будут использоваться и другие возможности, например Восточноазиатский саммит, двухстороннее и трехстороннее взаимодействие участников *Quad*, но в среднесрочной перспективе формулирования *целостных альтернатив* проекту «Пояса и пути» не предвидится. Соотношение экономической и политической силы в ИТР продолжит смещаться в сторону Китая, на его стороне и преимущество наличия комплексного стратегического видения. Основной тенденцией становится растущий динамизм соотношения сил, вводящий отношения между державами в состояние постоянного переопределения. В среднесрочной перспективе это определяет такой баланс растущей напряженности и взаимозависимости, который делает крупные вооруженные конфликты маловероятными. Но эволюция ситуации, влияние на которую будут оказывать внутренние факторы проекции силы, вероятно, приведет к увеличению веса конфликтных элементов.

Библиография

- World Bank. World Bank Open Data [Электронный документ]. URL: (https://data.worldbank.org). Проверено 30.10.2019.
 - Asian Development Bank. Asia Infrastructure Needs Exceed \$1.7 Trillion Per Year, Double Previous Estimates [Электронный документ]. — URL: (https://www.adb.org/news/asia-infrastructure-needs-exceed-17-trillion-year-double-previous-estimates). Проверено 30.10.2019.
 - Бордачев Т., Лихачева А., Чжан С. Чего хочет Азия: потребление, взаимосвязанность, капитал и креативность // Россия в глобальной политике. Фонд исследований мировой политики. [Электронный документ]. — URL: (https://globalaffairs.ru/valday/Chegokhochet-Aziya-potreblenie-vzaimosvyazannost-kapital-i-kreativnost-17563). Проверено 30.10.2019.
 - China's Belt and Road Initiative in the Global Trade, Investment and Finance Landscape [Электронный ресурс] / Organization for Economic Cooperation and Development.— 2018.— URL: https://www.oecd.org/finance/Chinas-Belt-and-Road-Initiative-in-the-global-trade-investment-and-finance-landscape.pdf.
 - 5. Nathapornpan P. Spatial Estimation of the Nexus between the PRC's Foreign Direct Investment and ASEAN's Growth [Электронный ресурс] / Nathapornpan Piyaareekul; Asian Development Bank.— 2016.— URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/197531/adbi-wp597.pdf.
 - 6. Chandrasekhar C.P. China's surplus and strategy // Frontline. Электронный журнал. [Электронный документ]. URL: (https://frontline.thehindu.com/columns/C_P_Chandrasekhar/chinas-surplus-ampstrategy/article7098513.ece). Проверено 30.10.2019.
 - 7. Сведенцов В.Л. Новые международные региональные банки развития и интересы России / В.Л. Сведенцов // Мировая экономика. 2017. №1. С. 55-59.
 - Suchodolski S., Demeulemeester J. The BRICS Coming of Age and the New Development Bank / S. Suchodolski, J. Demeulemeester // Global Policy. — 2018. — Vol. 9, №4. P. 578-585.
 - 9. Chowdhury D.R. Nepal leader vows to revive Chinese dam project, open to review pact over Nepalese soliders in India // South China Morning Post. [Электронный документ]. URL: (https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2133845/nepal-leader-revive-chinese-dam-project-open-review-pact-over). Проверено 30.10.2019.

- Times of India. How India and China are vying for influence in south Asia. [Электронный документ]. URL: (https://timesofindia.indiatimes.com/india/how-india-and-china-are-vying-for-influence-in-south-asia/articleshow/63395543.cms). Проверено 30.10.2019.
- 11. Коростиков М. Колдобины Шелкового пути. Почему страны все чаще выходят из главного международного проекта Китая // Московский Центр Карнеги. Фонд Карнеги за международный мир. [Электронный документ]. URL: (https://carnegie.ru/commentary/77125). Проверено 30.10.2019.
- 12. Baruah D. India's answer to the Belt and Road: A road map for South Asia [Электронный ресурс] / D. Baruah; Carnegie Endowment for International Peace. 2018. URL: https://carnegieendowment.org/files/WP Darshana Baruah Belt Road FINAL.pdf.
- 13. Rajah R., Dayant A., Pryke J. Ocean of debt? Belt and Road and debt diplomacy in the Pacific [Электронный ресурс] / R. Rajah, A. Dayant, J. Pryke. Lowy Institute. 2019. URL: https://www.lowyinstitute.org/publications/ocean-debt-belt-and-road-and-debt-diplomacy-pacific.
- 14. Ефремова К. А. Неравновесные державы: Мьянма в стратегическом треугольнике «Китай-Индия-АСЕАН» / К. А. Ефремова. М.: МГИМО, 2016. 270 с.
- 15. Наркевский Д. Шри-Ланка: Политический шторм с геополитическим подтекстом // Российский совет по Международным делам [Электронный документ]. URL: (https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shri-lanka-politicheskiy-shtorm-s-geopoliticheskim-podtekstom/). Проверено 30.10.2019.
- Likhachev K. The Key Features of Relations between Russia and India in the Context of a Shifting Balance of Power in Asia / K. Likhachev // International Relations. — 2018. — t. 54, №2. - P. 51-78.
- 17. Malik M. India and China: As China rises India stirs // Indian Foreign Policy in a Unipolar World. London; New York; New Delhi, 2013. P. 163-191.
- Каплан Р. Муссон: Индийский океан и будущее американской политики / Р. Каплан М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. — 414 с.
- 19. Annual Report 2018 [Электронный ресурс] / New Development Bank. 2019. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2019/07/NDB AR2018.pdf.
- Jaishankar D. Acting East in the Indo-Pacific [Электронный ресурс]. / D. Jaishankar; Brookings India. 2019. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/10/Acting-East-India-in-the-INDO-PACIFIC-without-cutmark.pdf.
- 21. Hall I. Multialignment and Indian Foreign Policy under Narendra Modi / I. Hall // The Round Table. 2016, v.3. №105. P. 282-297.
- 22. Kapoor S. The Chabahar angle to Iran sanctions // The Hindu Business Line [Электронный документ]. URL: (https://www.thehindubusinessline.com/opinion/the-chabahar-angle-to-iran-sanctions/article28334469.ece). Проверено 30.10.2019.
- 23. Сагайдак Е.А., Кулешова Н.С. Интересы Индии в зоне Южно-Китайского моря / Е.А. Сагайдак, Н.С. Кулешова // Свободная мысль. 2016. №1. С. 169-178.
- 24. Byrne C. Can quad navigate the complexities of a dynamic Indo-Pacific? // Observer Research Foundation [Электронный документ]. URL: (https://www.orfonline.org/expert-speak/canthe-quad-navigate-the-complexities-of-a-dynamic-indo-pacific-55716/). Проверено 30.10.2019.

Колимбет Евгения Данииловна

ДИАЛОГ ШАНГРИ-ЛА 2019 И КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗ-ОПАСНОСТИ В АТР

Санкт-Петербургский Государственный Университет Факультет международных отношений, кафедра американских исследований 2 курс (магистратура) e.kolimbet23@mail.ru

Kolimbet Evguenia

SHANGRI-LA DIALOGUE 2019 AND KEY SECURITY ISSUES IN THE ASIA-PACIFIC

St.Petersburg State University School of International Relations, American Studies Department 2 year student (M.A.)

В статье представлены аргументы в пользу рассмотрения Азиатского саммита безопасности как механизма дипломатии «первой дорожки», рассматривается повестка дня Диалога Шангри-Ла 2019, подходы государств-участников к решению актуальных проблем региональной безопасности. Делается попытка определить место Российской Федерации в работе данной международной площадки.

This paper provides case for addressing the IISS Asia Security Summit as track one diplomacy. It analyses the Shangri-La Dialogue 2019's agenda and indicates participants' positions on topical issues regarding regional security in the Asia-Pacific. The author also attempts to assess the role of Russian Federation in the Shangri-La Dialogue's functioning.

Ключевые слова: Диалог Шангри-Ла; АТР; региональная безопасность; Южно-Китайское море; Индо-Тихоокеанское пространство; АСЕАН

Key words: Shangri-La Dialogue; Asia-Pacific; regional security; South China Sea; Free and Open Indo-Pacific; ASEAN

В период с 31 мая по 2 июня 2019 года в Сингапуре прошел восемнадцатый Азиатский саммит безопасности, или Диалог Шангри-Ла, ежегодно организуемый Международным институтом стратегических исследований (International Institute for Strategic Studies, IISS). Диалог Шангри-Ла представляет собой площадку для обсуждения актуальных проблем безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона государственными должностными лицами при участии международного экспертного сообщества. Иногда данный формат относят к дипломатии «второй дорожки» (track two diplomacy) [Коротич, 2019. С.13], однако ввиду того, что подавляющее большинство спикеров выступает не в личном качестве, а как официальные представители соответствующих государств, корректнее было бы говорить о том, что изначально Диалог Шангри-Ла занимал промежуточное положение. Однако с 2017 года произошло резкое сокращение числа спикеров, не занимающих государственные должности, а уже в 2019 году основными участниками (с возможно-

стью выступить перед аудиторией) пленарных заседаний и специальных сессий стали исключительно официальные представители государств. Таким образом, сегодня Диалог Шангри-Ла можно вполне обоснованно считать механизмом, максимально приближенным к «первой дорожке».

По данным Международного института стратегических исследований, в Диалоге Шангри-Ла 2019 прияли участие 28 министров и 44 правительственных делегата, было проведено более 200 межправительственных встреч [Sixth Plenary Session]. Последние пять лет наиболее последовательными участниками Азиатского саммита безопасности являются одиннадцать государств: Соединенные Штаты Америки. Япония. Сингапур. Индонезия. Республика Корея. Малайзия. Австралия, Новая Зеландия, Канада, Великобритания и Франция. Все эти государства участвуют в Диалоге на уровне глав оборонных ведомств. Китайская Народная Республика, хотя и не поддерживает представительство в Диалоге на высоком уровне, традиционно принимает участие в большом количестве специальных сессий, что сравнимо только с активностью США. В 2019 году в качестве делегата от КНР впервые в истории Диалога Шангри-Ла выступил министр национальной обороны и государственный советник генерал Вэй Фэнхэ [Fourth Plenary Session]. Представителем Российской Федерации в ходе Азиатского саммита безопасности с 2015 года (за исключением 2017 года, когда делегат от России не выступал в качестве спикера) традиционно является заместитель министра обороны, который произносит речь в ходе одного — пленарного или специального — заселания

Ежегодно предметом обсуждения становится широкий круг тем, касающихся безопасности региона. В 2019 году вопросом общерегионального значения стали торговые разногласия США и КНР, что указывает на приоритетность вопросов экономического развития в структуре безопасности государств региона. Как отметил исполняющий обязанности министра обороны США Патрик М. Шэнахэн, «экономическая безопасность — это национальная безопасность» [First Plenary Session], что делает защиту собственных торговых позиций в сущности предметом американской политики безопасности. Однако это выражение одинаково верно и для восточноазиатских государств, чьи экономические интересы, напротив, требуют поддержания неконфликтных отношений с Китайской Народной Республикой. Особенно широкое освещение данная тема получила в выступлениях представителей стран АСЕАН, рост национального благосостояния которых непосредственно зависит от торговых отношений между экономическими гигантами. Как Китай, так и Соединенные Штаты занимают лидирующие позиции в торговом обороте государств Юго-Восточной Азии [WITS. Trade statistics], что делает эскалацию торговой войны между Вашингтоном и Пекином сценарием крайне нежелательным для стран данного региона.

Не менее широко в ходе Диалога Шангри-Ла 2019 обсуждалась и проблема роста экономических возможностей и геополитических амбиций Китайской Народной Республики. Среди стран региона преобладает прагматический подход к данному вопросу, что хорошо заметно в риторике большинства делегатов. Этот подход довольно точно проиллюстрировал Секретарь национальной безопасности Филиппин, приведя цитату премьер-министра Сингапура, создателя сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю: «Масштаб того сдвига в мировом балансе сил, который вызван сегодня Китаем, таков, что миру стоит найти новый баланс» [Fifth Plenary Session]. Большинство государств Восточной Азии, не отрицая име-

ющихся у них противоречий с Пекином, все-таки не пытаются противостоять ему в идейном плане, ограничиваясь обсуждением конкретных спорных вопросов. Для региона экономическое, да и политическое, возвышение Китая стало неоспоримой реальностью, и, даже наращивая свой оборонный потенциал на случай возможного конфликта, восточноазиатские государства одновременно ищут пути сосуществования и даже сотрудничества с Пекином. Такая модель поведения принципиально отличается от политики Вашингтона, поскольку США связывают в единый узел противоречий все претензии к политике КНР, что серьезно затрудняет качественное улучшение двухсторонних отношений.

Проследить различие этих двух подходов к противодействию «китайской угрозе» можно на примере конфликта в Южно-Китайском море и его освещения в ходе Диалога Шангри-Ла 2019. Предметом территориального спора между Китаем и рядом государств Юго-Восточной Азии (Вьетнамом, Малайзией, Филиппинами, Брунеем) являются Парасельские острова, архипелаг Спратли и риф Скарборо [ТАСС]. Соединенные Штаты выступают с последовательной критикой односторонних действий Пекина, указывая на свою готовность оказывать заинтересованным странам помощь в сдерживании китайской экспансии и их подготовке к кризисному сценарию развития ситуации [First Plenary Session]. В риторике представителей АСЕАН в целом преобладает ориентация на постепенную выработку норм поведения на спорных территориях, совместную защиту свободы судоходства. Все они высоко оценивают переговоры по Кодексу поведения (Code of Conduct) в Южно-Китайском море и указывают их завершение в качестве необходимого условия для предотвращения открытого конфликта. Хотя такой подход к вопросу Южно-Китайского моря и обладает меньшим конфликтогенным потенциалом, чем действия США, его перспективность далеко не очевидна. По мнению экспертов, в ходе работы над Кодексом поведения даже внутри АСЕАН возникает слишком много противоречий, которые с учетом принципа консенсуса, действующего при принятии решений в организации, могут стать фатальными для такого проекта. Кроме того, даже в маловероятном случае успеха итоговый документ не будет обладать необходимой нормативной силой для сдерживания односторонних действий Китая [Nguyen Minh Quang].

Следующий темой, которая, безусловно, затрагивает интересы большинства государств Азиатско-Тихоокеанского региона, является свобода судоходства. В 2017 году совокупный объем погрузки и разгрузки торговых судов по Восточной Азии, Южной Азии и югу Тихого океана почти достиг 11 млрд. тонн, что превышает тоннаж грузов по всем остальным регионам вместе [UNCTAD]. Безопасности морских путей в этой части мира угрожают территориальные споры, и в первую очередь проблема Южно-Китайского моря, и пиратство, основными зонами распространения которого являются проливы Юго-Восточной Азии, море Сулу и территориальные воды государств юга Тихого океана. Перспективы разрешения первой проблемы, как уже было сказано выше, кажутся сомнительными, зато противодействие пиратству является основой для сотрудничества между ВМФ государств региона в деле морского патрулирования [Special Session Five].

Все вышеуказанные проблемы отражают общие тревоги стран Азиатско-Тихоокеанского региона, однако можно выделить и ряд вопросов, приоритетность которых сильно варьируется для разных субрегионов. Так, для Северо-Восточной Азии насущной оказывается северокорейская ядерная угроза, который были посвящены выступления министров обороны Республики Корея и Японии. На осно-

ве предлагаемых ими стратегий разрешения ситуации можно выделить два различных подхода к проблеме ядерной программы КНДР. Первый подход предполагает сохранение международного давления на Пхеньян и принуждение северокорейского правительства к скорейшей и полной денуклеаризации, ведущую роль Вашингтона в переговорах. Подобной стратегии придерживаются Соединенные Штаты и Япония [Second Plenary Session]. Иной взгляд на пути разрешения конфликта у правительств Республики Корея и Китая. Суть его заключается в постепенном включении КНДР в мировое сообщество, возможности ослабления санкционного давления в случае позитивных шагов со стороны Пхеньяна. Важная роль отводится межкорейскому диалогу, в частности соблюдению положений Пхеньянской и Пханмунджомской деклараций 2018 года. Предполагается, что денуклеаризация Корейского полуострова станет медленным и поэтапным процессом [Second Plenary Session]. Как представляется, второй подход является более реалистичным и имеет бñльшие шансы на успех в вопросе поддержания мира на полуострове. Однако отказ КНДР от ядерной программы при сохранении существующего строя вряд ли достижим, поскольку в ситуации международной изоляции угроза новых ядерных испытаний является едва ли не единственным доступным для Пхеньяна инструментом дипломатического давления.

Заметное место в повестке дня Лиалога Шри-Ланка 2019 получили нетрадиционные угрозы международной безопасности — гуманитарная катастрофа в Мьянме (наибольшую угрозу поток беженцев рохинджа представляет для Малайзии и Индонезии [Third Plenary Session]), рост террористической угрозы, пиратство, безопасность в киберпространстве, возможные последствия четвертой промышленной революции, экологические проблемы и природные катаклизмы. Особое беспокойство вопросом изменения климата по понятным причинам выражают представители юга Тихого океана и островных государств Юго-Восточной Азии, для которых приобретает актуальность угроза так называемой «климатической миграции» [Fifth Plenary Session]. Устранение последствий природных катаклизмов, сохранение окружающей среды и меры по замедлению темпов глобального потепления стали приоритетными вопросами при обсуждении стратегического положения юга Тихого океана в ходе специальной сессии [Special Session Two]. Темой для отдельной дискуссии стали и проблемы эффективной защиты национальных интересов в киберпространстве [Special Session Four]. Несмотря на то, что нетрадиционные угрозы постепенно становятся частью повестки дня, по большинству из перечисленных выше тем пока не происходит полноценного обмена мнениями из-за недостаточного понимания природы и возможных последствий многих из этих проблем.

Отдельно следует рассмотреть, как участники Азиатского саммита безопасности определяют границы своего региона на основе двух существующих сегодня концепций — японо-американской инициативы «Свободное и Открытое Индо-Тихоокеанское пространство» (Free and Open Indo-Pacific) и ранее устоявшегося представления об Азиатско-Тихоокеанском регионе. Помимо США и Японии, первое наименование использовали представители четырех государств — Австралии, Новой Зеландии, Индонезии и Филиппин. Все эти государства связаны партнерскими отношениями с Вашингтоном в сфере безопасности. В то же время такие сторонники значимой роли Соединенных Штатов в структуре безопасности АТР, как Республика Корея и Сингапур все же придерживаются более традиционного определения границ региона, отмечая недостаточную разработанность

концепции ИТП [Keynote address]. Использование большинством спикеров наименований «Азиатско-Тихоокеанский регион» или «Восточная Азия» может служить косвенным свидетельством отсутствия широкой поддержки концепции Индо-Тихоокеанского пространства, которое пока воспринимается как искусственная конструкция.

Крайне негативную оценку Индо-Тихоокеанскому проекту дал заместитель министра обороны Российской Федерации Фомин Александр Васильевич, охарактеризовав данную концепцию как завуалированную попытку США создать военно-политический блок [Special Session Six]. Тем не менее, Концепция внешней политики РФ от 2016 года трактует Азиатско-Тихоокеанский регион очень широко, включая в него и Центральную Азию, и Индию (так, одним из приоритетов внешней политики на данном направлении объявляется сотрудничество в формате Россия-Индия-Китай) [Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640]. Можно сделать вывод о том, что претензии Москвы к концепции ИТП носят скорее условно «идеологический», чем содержательный характер.

Как было указано выше, участие России в Диалоге Шангри-Ла носит ограниченный характер. В 2019 году Фомин выступил в ходе специальной сессии «Новые модели сотрудничества в области безопасности» с традиционным заявлением о значимости ШОС, РИК и БРИКС, а также центральной роли механизмов АСЕ-АН в формировании регионального ландшафта. В качестве реализующихся направлений сотрудничества со странами региона были отмечены противодействие терроризму, гуманитарное разминирование [Special Session Six]. Контртеррористические меры, пожалуй, стали единственным практическим вопросом регионального значения, раскрытым российским представителем, что указывает на некоторую оторванность Москвы от восточноазиатской повестки дня.

Диалог Шангри-Ла задумывался как площадка для обмена мнениями между экспертным сообществом и официальными лицами, между тем сегодня такой формат очевидно уходит в прошлое, уступая место декларации официальных позиций государств по наиболее острым вопросам региональной безопасности. Тем не менее, Азиатский саммит безопасности ничуть не утратил своих позиций, закрепив за собой место одного из основных ежегодных событий в сфере безопасности АТР.

Хотя в 2019 году в повестку дня Диалога были включены угрозы безопасности негосударственной природы, по качеству раскрытия они, несомненно, отстают от традиционных угроз. Это вполне объяснимо, учитывая сложность данных вопросов для осмысления (особенно это касается таких фундаментальных тем, как переход общества к новому социальному укладу вследствие четвертой технической революции). Ввиду затруднений, возникающих при обсуждении подобных явлений на межгосударственном уровне, имеет смысл включить в работу отдельных секций экспертов для должного осмысления проблем такого рода.

Библиография

1. Коротич, С. А. Институты «второй дорожки» в Восточной Азии: неправительственное взаимодействие в области безопасности и роль России / С. А. Коротич // Известия Восточного института. — 2015. — № 4 (28). — С. 12–23.

- Президент России. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный документ]. - URL: (http://kremlin.ru/acts/bank/41451). Проверено 03.11.2019.
- 3. TACC. Морской спор: о чем не могут договориться Китай и Филиппины [Электронный документ]. URL: (https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3448020). Проверено 03.11.2019.
- IISS Shangri-La Dialogue 2019. Fifth Plenary Session [Electronic document]. URL: (https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2019). Accessed 03.11.2019.
- IISS Shangri-La Dialogue 2019. First Plenary Session [Electronic document]. URL: (https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2019). Accessed 03.11.2019.
- IISS Shangri-La Dialogue 2019. First Plenary Session [Electronic document]. URL: (https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2019). Accessed 03.11.2019.
- IISS Shangri-La Dialogue 2019. Fourth Plenary Session [Electronic document]. URL: (https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2019). Accessed 03.11.2019.
- 8. IISS Shangri-La Dialogue 2019. Keynote address [Electronic document]. URL: (https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2019). Accessed 03.11.2019.
- IISS Shangri-La Dialogue 2019. Second Plenary Session [Electronic document]. URL: (https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2019). Accessed 03.11.2019.
- IISS Shangri-La Dialogue 2019. Sixth Plenary Session [Electronic document]. URL: (https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2019). Accessed 03.11.2019.
- IISS Shangri-La Dialogue 2019. Special Session Five[Electronic document]. URL: (https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2019/special-sessions). Accessed 03.11.2019.
- IISS Shangri-La Dialogue 2019. Special Session Four [Electronic document]. URL: (https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2019/special-sessions). Accessed 03.11.2019.
- IISS Shangri-La Dialogue 2019. Special Session Six [Electronic document]. URL: (https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2019/special-sessions). Accessed 03.11.2019.
- IISS Shangri-La Dialogue 2019. Special Session Two [Electronic document]. URL: (https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2019/special-sessions). Accessed 03.11.2019.
- IISS Shangri-La Dialogue 2019. Third Plenary Session [Electronic document]. URL: (https://www.iiss.org/events/shangri-la-dialogue/shangri-la-dialogue-2019). Accessed 03.11.2019.
- Nguyen Minh Quang. Saving the China-ASEAN South China Sea Code of Conduct // The Diplomat. [Electronic resource]. — URL: https://thediplomat.com/2019/06/saving-the-china-asean-south-china-sea-code-of-conduct/ Accessed 03.11.2019
- 17. UNCTAD e-handbook of statistics 2018 [Electronic resource]. URL: (https://stats.unctad.org/handbook/index.html). Accessed 03.11.2019.
- World Integrated Trade Solution. Trade statistics by Country / Region [Electronic resource]. -URL: (https://wits.worldbank.org/countrystats.aspx?lang=en). Accessed 03.11.2019.

Колотова Надежда Владимировна

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра Истории стран Дальнего Востока 3 курс (бакалавриат) nadyakolotova@gmail.com

Kolotova Nadezhda

CYBERSECURITY ISSUES IN VIETNAM

Saint-Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Department of History of the Far East Countries 3 year student (B.A.)

В статье представлен обзор проблем, связанных с кибербезопасностью во Вьетнаме. Рассматриваются новый закон о Кибербезопасности, принятый 1 января 2019 года и события, которые предшествовали его принятию.

The paper offers an overview of issues related to cybersecurity in Vietnam. The new Cybersecurity Law, adopted on January 1, 2019, and the events that preceded its adoption are considered in the article.

Ключевые слова: Вьетнам; кибербезопасность; киберпространство; безопасность во Вьетнаме; международная безопасность

Key words: Vietnam; cybersecurity; cyberspace; security in Vietnam; international security

Киберпространство соединяет в себе передовые технологии, которые меняют мир, воздействуют на экономику, общество, функционирование государств, которые позволяют делать то, что прежде считалось невозможным. Неограниченный потенциал киберпространства, невозможность полностью его контролировать создают множество глобальных проблем безопасности, такие как кибервойны, кибертерроризм и киберпреступность.

Кибербезопасность — это осуществление действий, ориентированных на защиту систем, сетей и программ от цифровых атак, которые направлены на получение доступа к данным и использование их в незаконных целях, таких как вымогательство, хищения, искажение и удаление информации.

Согласно Индексу глобальной кибербезопасности 2018 года [6], составленному Международным союзом электросвязи ООН, Вьетнам занимает 11 место в азиатско-тихоокеанском регионе и 50 место в мире. В то время как такие страны региона как Сингапур (6), Малайзия (8) и Южная Корея (15) попали в первую двадцатку в мире [6]. В лидерах списка значатся Великобритания, США и Франция. Россия занимает 26 место. Этот индекс составлялся с учетом правовых и технических особенностей стран, их образовательных и исследовательских возмож-

ностей, а также сотрудничества в области обмена информацией. В 2017 году Вьетнам занимал 100 место, деля его с Афганистаном.

Вьетнам становится одной из наиболее быстро развивающихся стран в Юго-Восточной Азии. Он стоит на первом месте в Юго-Восточной Азии, на втором месте в Восточной Азии, на восьмом месте в Азии и на тридцатом месте в мире по количеству доменных адресов. Примерно 92 миллиона людей имеет доступ в интернет.

Сетевая безопасность курировалась Управлением по кибербезопасности (А68) при Министерстве общественной безопасности СРВ и Управлением Полиции, отделом преступлений с использованием высоких технологий (С50). 10 августа 2018 года было создано Управление по кибербезопасности и преступлениям с использованием высоких технологий (А05) при Министерстве общественной безопасности СРВ [5].

Лидером в разработке систем защиты от различных киберугроз во Вьетнаме является корпорация Вкау при Ханойском Политехническом университете. Ущерб, нанесенный кибератаками гражданам Вьетнама в 2018 году, составил примерно 642 миллиона долларов [15]. Данные были получены в ходе реализации программы по оценке кибербезопасности технической группы Вкау. К сравнению, ежегодно в таких развитых экономиках как США, Япония, Китай и Германия ущерб от киберпреступности составляет лишь 200 миллионов долларов [14].

Общая картина кибербезопасности во Вьетнаме в последнее время имеет множество проблем: рост числа атак на устройства IoT (Интернета вещей), систематическое игнорирование новейших биометрических технологий, огромное количество фейковых новостей и вредоносных кодов, ворующих средства на счетах и кибервалюту [14].

В 2018 году был разработан проект «Сила 47», направленный на подготовку кадров для борьбы с киберпреступностью [18]. Сейчас уже привлечено более 10 тысяч специалистов в сфере компьютерной безопасности. Подписаны соглашения с ВУЗами различных стран мира с целью развития сотрудничества в подготовке кадров в данной области, в том числе и с Российской Федерацией.

С 1 января 2019 года вступил в силу Закон о кибербезопасности, который был утвержден 12 июня 2018 года Национальным собранием Вьетнама. Он включает в себя 7 глав и 47 статей, в которых говорится о деятельности, связанной с обеспечением государственной и общественной безопасности и порядка в киберпространстве, а также об обязанностях учреждений и организаций для обеспечения своей и государственной безопасности.

Новое законодательство создаст равные условия для ведения бизнеса в интернете не только для вьетнамских предпринимателей, но и бизнесменов со всего мира. После вступления закона в силу порталы Google или Facebook не будут блокироваться во Вьетнаме.

Принятие Закона о кибербезопасности поспособствовало ужесточению надзора над действиями в сети.

Ниже перечислены действия, которые стали квалифицироваться как запрещенные после вступления закона в силу:

- «1. Использование киберпространства для совершения следующих действий:
 - а) Агитация против Социалистической Республики Вьетнам.
 - b) Организации, действия, обман, сговор, подстрекательство, подкуп, тренинги, направленные против Социалистической Республики Вьетнам.

- с) Фальсификация истории, отрицание достижений революции, подрыв национального единства, дискриминация по религиозному, гендерному и расовому признакам.
- d) Ложная информация, приводящая людей в замешательство, наносящая ущерб общественно-экономической деятельности, создающая трудности для деятельности государственных учреждений или сотрудников правоохранительных органов, ущемляющая права организаций или частных лиц.
- d) Проституция, социальные проблемы, торговля людьми; размещение нецензурной, криминальной, развратной информации; искажение национальных традиций и обычаев, морали и общественного благополучия.
- е) Подстрекательство и побуждение людей к совершению преступлений.
- 2. Осуществление действий, касающихся кибератак, кибертерроризма, кибершпионажа и киберпреступности; вызывающих инциденты, атаки, вторжения, захват контроля, фальсификации, прерывания, приостановки, парализации или повреждения важных информационных систем национальной безопасности.
- Создание и внедрение инструментов, средств и программного обеспечения или совершение действий, нарушающих работу компьютерных сетей и сетей связи или препятствующих ей; распространение вредоносных программ; взлом чужих компьютерных сетей, телекоммуникационных сетей или электронных СМИ.
- 4. Сопротивление или препятствие деятельности организаций связанных с кибербезопасностью; незаконные атаки и нейтрализация мер кибербезопасности.
- 5. Использование или злоупотребление защитными действиями в сети для посягательства на суверенитет, интересы, национальную безопасность, общественный порядок и безопасность, законные права и интересы организаций или отдельных лиц или спекуляция» [17].

В мае 2019 года в ходе визита премьер-министра Вьетнама Нгуен Суан Фука в РФ были подписаны соглашения о поставке ІТ-технологий в областях электронного правительства, «умного города» и информационной безопасности между одним из ведущих поставщиков телекоммуникационных и ІТ-услуг Вьетнама Vietnam Posts and Telecommunications Group (VNPT) и российскими компаниями, в список которых входят «Ростелеком» и Kaspersky Lab [23].

А уже в июне премьер-министр издал директиву № 14/CT-TTg об укреплении кибербезопасности для улучшения позиции Вьетнама в рейтинге.

В директиве указывалось, что в последнее время правовая среда кибербезопасности во Вьетнаме постепенно улучшалась. Однако стандарты и технические регламенты в области информационной безопасности сетей пока что не отвечают практическим потребностям.

Премьер-министр также предложил отдавать предпочтения в использовании продуктов, решений и услуг отечественных предприятий, удовлетворяющим положениям законодательства об информационных системах уровня 3 или выше, информационных системах, обслуживающих электронное правительство [22].

Кибератаки

26 июля 2016 года произошел целый ряд кибератак на аэропорты Вьетнама. Были взломаны табло аэропортов Таншоннят, Нойбай, международного аэропор-

та Дананга и Фукуока, сайт государственной авиакомпании Vietnam Airlines. Вместо расписания вылетов и прилетов на табло были размещены изображения, оскорбляющие Вьетнам и Филиппины и искажающие причины конфликта в Южно-Китайском море [10].

12 июля 2016 года Международный арбитражный суд в Гааге в судебном разбирательстве между Филиппинами и Китаем постановил, что Китай не имеет никаких исторических претензий на так называемый «бычий язык» в Южнокитайском море [24].

Позднее некая китайская туристка пожаловалась, что ее паспорт после паспортного контроля был возвращен с оскорблениями, написанными на странице, где расположена карта Китая с «бычьим языком», которая подразумевает принадлежность архипелага Спратли и Парасельских островов [9; 16].

На следующий день были взломаны сайты Вьетнамской футбольной федерации и Государственного экономического университета. Кибератаки были осуществлены китайской хакерской группировкой 1937сп, известной по взломам вьетнамских и филиппинских сайтов в 2013 и 2015 годах.

Вечером 8 марта 2017 года была взломана официальная страница Vietnam Airlines (vietnamairlines.com). Однако это был не обычный взлом сайта с целью завладеть информацией. Хакер обнаружил дыры в системе безопасности сайта и решил таким образом привлечь внимание Службы безопасности Международного аэропорта Таншоннят. На сайте отображалось сообщение:

—Взломан: Вы взломаны не потому, что вы глупы, а потому что я хочу предупредить вас. Ваш интернет имеет множество пробелов в безопасности. Дорогой админ, это не шутка или сон, это реальность. Вы можете связаться со мной по адресу ***. Может быть, я даже взломал целый сервер."

Сайт восстановил свою работу в 10 часов следующего дня [19]. Вечером 11 марта было выявлено, что хакерами оказались пятнадцатилетние школьники из Хошимина и Донгная [2].

В этом году более 400 000 вьетнамских IP-адресов были инфицированы в ходе массовой кибератаки — в том числе IP-адреса, принадлежащие Правительству Вьетнама, важным информационным инфраструктурам и обычным пользователям вьетнамского интернета. Вирус рассылался по электронной почте в виде текстовых вложений. Управление информационной безопасности министерства информации и связи рекомендовало гражданам установить на свои устройства антивирусы с официального сайта министерства ais.gov.vn или с сайта Центра Скорой компьютерной помощи Вьетнама vncert.vn [8].

Цензура в киберпространстве Вьетнама

За цензуру в киберпространстве Вьетнама отвечает Министерство информации и коммуникаций. Это правительственная организация, контролирующая дела, касающиеся различных сфер информационных технологий, инфраструктуры, СМИ и интернета. Под запретом находятся порталы, критикующие политический режим, порталы оппозиционных движений (например, «Альянс свободный Вьетнам» // the Free Vietnam Alliance — www.lmvntd.org). Частично заблокированы сайты, относящиеся к «свободе вероисповедания», буддизму и каодаизму (www.caodai.net // www.caodai.org). Некоторые темы, к примеру, касающиеся гор-

цев, которые помогали американцам во время Вьетнамской войны и были, в основном, христианами, также являются частично скрытыми во вьетнамском интернете [12].

Время от времени блокировался Facebook. В 2009 году был создан специальный сайт facebookviet.com с инструкцией о том, как обойти блокировку сайта [11]. Также блокировались новостные порталы, которые писали статьи, невыгодные вьетнамскому правительству, что произошло в 2017 году с сайтом Спутник. Позднее Вьетнам добился удаления неугодной ему информации.

Согласно сервису Google.com «Отчеты о доступности сервисов и данных» [7], предоставляющему сведения о запросах государственных органов на удаление контента, все запросы на удаление контента с киберпространства Вьетнама исходят от госорганов. К примеру, Агентство по телерадиовещанию и электронной информации Министерства информации и коммуникаций Вьетнама потребовало от компании Google удалить из Google Play приложение, нарушающее законодательство. Это была игра, в которой пользователи могли сражаться против вьетнамских политиков. Название игры пока что не установлено, возможно, это Twilight Struggle. Google ограничил доступ к этому приложению на территории Вьетнама. Позднее Вьетнам снова потребовал удалить это приложение, однако Google не предпринял никаких действий, так как они «выяснили, что приложение больше не доступно в Google Play во Вьетнаме» [7].

Итоги

В настоящее время в системе обеспечения кибербезопасности существует ряд существенных недоработок: отсутствие алгоритма действий для защиты данных в условиях кибератак и отсутствие превентивного программного обеспечения, созданного с учетом всех нюансов цифрового пространства региона.

Однако, несмотря на пробелы в законодательстве и неопытность вьетнамских специалистов в данной отрасли, за последний год Вьетнам сделал огромный шаг в укреплении защиты цифрового пространства своей страны.

По данным Министерства информации и связи Вьетнама за третий квартал 2019 года произошло примерно 1500 кибератак на различные информационные системы Вьетнама. 1200 из них являются фишинговыми атаками. По сравнению с третьим кварталом 2018 года, количество кибератак во втором и третьем кварталах снизилось на 40 процентов [4]. Этого удалось достичь благодаря попыткам применения новых технологий в области кибербезопасности и нового закона о кибербезопасности.

Библиография

- B.Anh. Website của CHKQT Tân Sơn Nhất bị sự cố khóng ảnh hưởng đến hoạt động khai thác: [Электронный документ]. — URL: (https://www.caa.gov.vn/an-ninh-an-toan/website-cua-chkqt-tan-son-nhat-bi-su-co-khong-anh-huong-den-hoat-dong-khai-thac-20170309164442714.htm). Проверено: 03/04/2018
 - Bá Chiêm. Tin tặc tấn cóng hàng loạt website sân bay mới 15 tuổi: [Электронный документ]. — URL: (https://news.zing.vn/tin-tac-tan-cong-hang-loat-website-san-bay-moi-15-tuoipost727665.html). Проверено: 31/10/2019

- Cổng thóng tin điện tử Chính phủ. 10 Luật cñ hiệu lực thi hành từ 01/01/2019: [Электронный документ]. URL: (http://www.thongkecantho.gov.vn/noticesdetail.aspx?id=9545). Проверено: 15/10/2019
- Gần 1.500 cuộc tấn cóng mạng vào quý III/2019: [Электронный документ]. URL: (https://vtv.vn/cong-nghe/gan-1500-cuoc-tan-cong-mang-vao-quy-iii-2019-20191021133421436.htm). Проверено: 30/10/19
- Global Cybersecurity Index (GCI) 2017. [Электронный ресурс]. URL: (https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2017-R1-PDF-E.pdf). Проверено: 08/04/2018
- Global Cybersecurity Index (GCI) 2018. [Электронный ресурс]. URL: (https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2018-PDF-E.pdf). Проверено: 04/10/2019
- Google transparency report: [Электронный документ]. URL: (transparency report.google.com). Проверено: 28/10/2019
- Hacker tấn cóng mạng quy mó lớn vào Việt Nam: [Электронный документ]. URL: (https://vtv.vn/chao-buoi-sang/hacker-tan-cong-mang-quy-mo-lon-vao-viet-nam-20191031064219435.htm?fbclid=IwAR20WVeEa1QllFfbMK2sD019IB3PoSvLhMDiRDZH WMV18vmZ47fbpBlNc04). Проверено: 30/10/2019
- 9. Hộ chiếu lư i bò bị bói bẩn? [Электронный документ]. URL: (https://www.bbc.com/vietnamese/vietnam/2016/07/160727_china_passport_vietnam). Проверено: 05/10/2019
- 10. Mai Hà. Nhñm hacker China 1937 tấn cóng màn hình sân bay: Các chuyến bay được điều hành an toàn: [Электронный документ]. URL: (https://thanhnien.vn/thoi-su/nhom-hacker-china-1937-tan-cong-man-hinh-san-bay-cac-chuyen-bay-duoc-dieu-hanh-an-toan-728474.html). Проверено: 31/10/2019
- Open Initiative: Vietnam: [Электронный документ]. URL: (https://opennet.net/research/profiles/vietnam). Проверено: 08/04/2018
- 12. OpenNet Initiative —Contry Profile: Vietnam" (PDF) [Электронный ресурс]. URL: (https://opennet.net/sites/opennet.net/files/vietnam.pdf). Проверено: 08/04/2019
- Thái Sơn. Bổ nhiệm Cục trưởng An ninh mạng và phòng, chống tội phạm sử dụng CNC. Báo Thanh Niên: [Электронный документ]. — URL: (https://vov.vn/nhan-su/bo-nhiem-cuctruong-an-ninh-mang-va-phong-chong-toi-pham-su-dung-cnc-800233.vov). Проверено: 04/10/2019
- Tổng kết an ninh mạng năm 2017 và dự báo xu hướng 2018: [Электронный документ]. URL: (http://www.bkav.com.vn/ho_tro_khach_hang/-/chi_tiet/511114/tong-ket-an-ninh-mang-nam-2017-va-du-bao-xu-huong-2018). Проверено: 08/04/2018
- Tổng kết an ninh mạng năm 2018 và dự báo xu hướng 2019: [Электронный документ]. URL: (https://www.bkav.com.vn/trong-ngoi-nha-bkav/-/chi_tiet/601424/tong-ket-an-ninh-mang-nam-2018-va-du-bao-xu-huong-2019). Проверено: 04/10/2019
- 16. Tr.N. Hộ chiếu lư i bò của du khách Trung Quốc bị viết chữ _F*You': [Электронный документ]. URL: (https://www.nguoi-viet.com/viet-nam/ho-chieu-luoi-bo-cua-du-khach-trung-quoc-bi-viet-chu-f/). Проверено: 04/04/2018
- 17. Trong Đạt. Luật An ninh mạng chính thức cñ hiệu lực: [Электронный документ]. URL: (https://vietnamnet.vn/vn/cong-nghe/bao-mat/tu-hom-nay-1-1-2019-luat-an-ninh-mang-chinh-thuc-co-hieu-luc-498865.html). Проверено: 31/10/2019
- Truyền thóng quốc tế nñi về Lực lượng 47: [Электронный документ]. URL: (https://www.bbc.com/vietnamese/vietnam-42490249). Проверено: 05/04/2018
- Website của CHKQT Tân Sơn Nhất bị sự cố khóng ảnh hưởng đến hoạt động khai thác: [Электронный документ]. — URL: (https://www.caa.gov.vn/an-ninh-an-toan/website-cua-chkqt-tan-son-nhat-bi-su-co-khong-anh-huong-den-hoat-dong-khai-thac-20170309164442714.htm). Проверено: 03/04/2018

- 20. Довгий С., Колотов В., Сторожук Н. Влияние кибербезопасности на суверенитет страны и перспективы российско-вьетнамского сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: (https://www.academia.edu/40525852/%D0%92%D0%BB%D0%B8%D0%B8%D0%BD%D0 %B8%D0%B5_%D0%BA%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D0% B7%D0%B6%D0%B6%D0%B1%D0%B5%D0%B5%D0%B6%D0%B5%D0%B6%D0%B
- 21. Нгуен Дык Чиен. Законодательство о сетевой безопасности и основные характеристики закона о сетевой безопасности Социалистической Республики Вьетнам [Электронный ресурс]. URL: (https://cyberleninka.ru/article/v/zakonodatelstvo-o-setevoy-bezopasnosti-osnovnye-harakteristiki-zakona-o-setevoy-bezopasnosti-sotsialisticheskoy-respubliki-vietnam). Проверено: 26/10/2019
- 22. Нянзан Онлайн. Премьер-министр дал указание усилить кибербезопасность [Электронный ресурс]. URL: (https://ru.nhandan.com.vn/chinhtri/chinhtri-trongnuoc/item/1701750-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B5%D1%80-%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80-%D0%B4%D0%B0%D0%BB-%D1%83%D0%B0%D0%BB-%D1%83%D0%B0%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%B0%D0%B8%D0%B5-%D1%83%D1%81%D0%B8%D0%B8%D0%B8%D1%82%D1%8C-%D0%BA%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D0%B1%D0%B5%D0%B5%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D0%B0%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.html). Проверено: 27/10/2019
- 23. Отдел новостей. Россия поставит во Вьетнам ІТ-решения в области электронного правительства, информационной безопасности и «умного города» [Электронный ресурс]. URL: (http://d-russia.ru/rossiya-postavit-vo-vetnam-it-resheniya-v-oblasti-elektronnogo-pravitelstva-informatsionnoj-bezopasnosti-i-umnogo-goroda.html). Проверено: 27/10/2019
- Спор о Южно-Китайском море: суд в Гааге отверг права Пекина [Электронный ресурс].
 URL: (https://ria.ru/20160712/1464640532.html). Проверено: 03/04/2018
- 25. Трибунал в Гааге: у Китая нет приоритетных прав на Южно-Китайское море: [Электронный документ]. URL: (https://www.bbc.com/russian/features-36774942). Проверено: 05/10/2018

Корбовская Мария Дмитриевна

РАБСТВО В ИНДИИ IV-III ВВ. ДО Н.Э.: ВЗГЛЯД ИНОСТРАН-ЦЕВ И МЕСТНЫХ АВТОРОВ

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, факультет международных отношений, 2 курс (бакалавриат), направление: зарубежное регионоведение herryq@yandex.ru

Korbovskaya Maria

SLAVERY IN INDIA IN THE 4TH-3RD CENTURIES BC: THE VIEWS OF FOREIGNERS AND LOCAL AUTHORS

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) School of International Relations, Program of Area Studies 2-year student (B.A.)

В статье анализируются взгляды на институт рабства в Индии IV-III вв. до н. э. как иностранцев, посещавших эту страну в данный период, так и местных авторов, создавших Артхашастру и Законы Ману. Представления Онесикрита и Метасфена о правовом статусе рабов в Южной Азии сравниваются с видением положения рабов в древнеиндийских источниках. На основе синтеза взглядов сделана попытка очертить правовой статус рабов в древней Индии и ответить на вопрос, почему иностранные авторы не замечали института рабства в этой стране.

The paper analyses the views on the institution of slavery in India in the 4th — 3rd centuries BC of both the foreigners who visited this country during the given period and the local thinkers who established Arthashastra and the Laws of Manu. Onesicritus' and Megasphene's visions of the slaves' legal status in South Asia is compared to the idea of it from the ancient Indian historical sources. Synthesizing the views, the author also tries to delineate the legal status of slaves in ancient India and answer the question why the foreign authors did not notice slavery in this country.

Ключевые слова: рабство, даса, древняя Индия, иностранные авторы, Артхашастра, Законы Ману, правовой статус

Key words: slavery, dasa, ancient India, foreign authors, Arthashastra, Laws of Manu, legal status

Рабство или, как его определял Аристотель, состояние того, «кто по природе принадлежит не самому себе, а другому и при этом всè-таки человек» (Pol.1253b.II.7) [Аристотель (пер. Жебелева С.А.), 1983. С.376-644], было знакомо Индии IV-III вв. до н.э., но здесь необходимо сделать ряд оговорок:

1. О существовании рабства в Древней Индии можно говорить, если под термином «даса» / «даси» в древнеиндийских текстах подразумевается «раб» (слово «даса многозначно), что в Артхашастре и Законах Ману представляется вероятным и признается рядом индологов (А.А.Вигасин., Г.М.Бонгард-Левин, Р.С.Шарма и др.).

- Наряду с термином «даса» в источниках указываются другие наименования рабов.
- Представления античных мыслителей данного периода о рабстве в современной им Индии не сочетаются с информацией в индийских источниках и не коррелируют между собой.

Поскольку дискуссия в науке по вопросам рабства в Маурийской Индии продолжается, считаю необходимым рассмотреть этот институт в IV-III вв. до н.э. через призму как местных авторов, так и иностранцев из античного мира, их видение важно: в IV-III вв. до н.э. на базе сведений от посетивших Индию приближенных Александра Македонского и последующих «гостей» из эллинистических государств в западной цивилизации складывается «канон» описания Индии как «образца мудрости».

Взгляд на структуру социума и рабство в Индии IV-III вв. до н.э. не владевших местными языками иностранцев, представлен, в основном, сведениями Онесикрита — сподвижника Александра Македонского, сопровождавшего его в Индийском походе (327-324 гг. до н.э.), и «Индикой» Мегасфена (посла Селевка I к индийскому царю Чандрагупте), но их труды сохранились лишь в сочинениях более поздних мыслителей (Диодор Сицилийский, Страбон, Арриан и др.). На основе этих свидетельств мною была составлена Таблица 1.

Таблица 1. Представления античных мыслителей IV-III вв. до н.э. о рабстве в современной им Индии

Имя автора	Существование		Источники
	рабства в Индии		
Онесикрит	Признает, но не повсеместно	Института рабства есть лишь у некоторых древнеиндийских племен (в частности, «в стране Мусикана», Онесикрит локализует ее на самом юге полуострова Индостан (Strabo, XV.I.21)). 1. Уточняет, что «вместо рабов им [индийцам] служат юноши цветущего возраста, подобно тому как у критян афамиоты, у лаконцев — илоты».	1. Страбон (Strabo.XV.1. 54) 2. Диодор Сицилийский (Diod. II.39.5) 2. Страбон (Strabo, XV.I.24)
Мегасфен	Не признает	а. «По словам Мегасфена, ни у кого из индийцев нет рабов». б. «Все индийцы свободны, и нет ни одного индийца раба». Делит современное ему индийское общество на 7 классов: философы, земледельцы, пастухи и скотоводы, ремесленники, воины, эфоры и царские советники и сами правители. Рабы не вошли в эту классификацию.	1. Арриан (Arr. Ind. I.6) 1. Арриан (Arr.Ind.I.11- 12) 2. Страбон, (Strabo.XV.I. 54)

Комментарий к Таблице 1: на первый взгляд, мнения Онесикрита и Мегасфена о существовании института рабства в Индии не совпадают. Но, проанализировав все упоминания этими авторами рабов в древней Индии, я пришла к выводу, что, в целом, в их сведениях нет противоречия.

- 1. Онесикрит говорит о существовании института рабства в современной ему Индии не повсеместно, а лишь в очерченном самим Онесикритом ареале (Мусикана). Более того, рабов на этих территориях автор сравнивает с илотами и афамиотами, проводя прямую параллель с институтом рабства в том виде, в каком он был известен в родной мыслителю Элладе (i.e. с тем наборов прав и обязанностей, присущим рабам на родине Онесикрита). Но данный автор не видит такого правового статуса у рабов в других частях Индостана, что сближает его видение с представлениями Мегасфена.
- 2. Мегасфен говорит об отсутствии рабства в увиденной им Индии (рабы не упоминаются в его классах индийского общества), но в его сведениях имеется дополнение (Табл. 1, п.1.б), наталкивающее на мысль о том, что, возможно, автор знает о существовании в Индии рабов, но сознательно не упоминает о них: они по своему происхождению могли представлять своеобразный пришлый элемент, «неиндийцев» в глазах древнего грека, i.e. скорее исключение из правила, нежели правило.

Сведения Онесикрита и Мегасфена ориентированы на жителя античного мира: для описания Индии эти мыслители применяли категории, понятные обществу западных цивилизаций, выдержанные в рамках философской мысли того периода. Мегасфен, воспитанный на произведениях Платона и Аристотеля, актуальность которых в Древней Греции в IV-III вв. до н.э. невозможно переоценить, должен был искать рабство в Индии, ведь и Платон (Resp. V, 468—469), и Аристотель (Pol.1255a.24-25) высказывались за существование рабства, уточняя, что полезно лишь порабощение эллинами варваров, сами эллины же не должны быть рабами, что звучит схоже с формулировкой Мегасфена (Табл. 1, п.1.б).

Ни Онесикрит, ни Мегасфен не замечают в представшей перед ними Индии института рабства, распространенного повсеместно, что идет вразрез с местными сборниками наставлений, где подробно описан правовой статус раба в Индии IV-III вв. до н.э. Особенным интересно сравнение сведений Мегасфена с приписываемой его современнику Каутилье Артхашастрой, а также с Законами Ману, которые, хотя и были записаны позднее (по мнению Γ. Бриллера, во II в. до н.э. — II в. н.э. [The laws of Manu, transl. by G. Buhler,1866. P. XVIIIXLV]), все же постепенно получали свое оформление с III вв. до н.э. Для рассмотрения указанных древнечиндийских источников обратимся к Таблице 2.

Таблица 2. **Правовой статус рабов (даса) и рабынь (даси) в Артхашастре и Законах Ману**

	Источники		
	Артхашастра	Законы Ману	
Рабы по	1. Военнопленный	1. Дхваджарта (военнопленный)	
основанию	 Рожденный рабом Проданный в рабство 	 Грихаджа (рожденный в доме) Крита (купленный) 	
приобретения	4. Ставший рабом в си-	4. Дандадаса (ставший рабом в силу	
статуса	лу наказания за побег 5. Подаренный	наказания) 5. Датрирна (подаренный)	
	6. Отданный под залог	6. Пайтрика (доставшийся по	

	+«камаркара»	наследству)
	(наемные работники)	7. Бхактадаса (за содержа-
		ние)+ наемные работники
Права рабов	1. Право раба на имущество (III. 13). 2. Право раба на наследство и передачу имущества по наследству (III.13). 3. Право на неисполнение определенных видов «грязной работы» (III.13). 4. Право на освобождение за выкуп (III.13). 5. Право рабынь на половую неприкосновенность (штрафы за изнасилование рабынь владельцем) (III. 13). 6. Право ребенка рабыни быть выкупленным вместе с матерью (III.13). 7. Право работников по найму на определенный	ние)+наемные работники 1. Нет права на имущество (VIII.416). 2. Нет права на получение наследства, оно есть только у некоторых категорий рабов (например, сын шудры от рабыни может претендовать на наследство отца) (IX.179). 3. Нет права заключать договоры (VIII.163), неправоспособность раба. 4. Право давать показания при отсутствии свидетелей, занимающих более высокое положение в обществе (VIII.70). 5. Дети рабыни становились собственностью хозяина (IX.48-55).
	размер оплаты труда	
	1 1	
Дополнительны е сведения	(III.13). а) «Если продается в рабство несовершеннолетний арий, который не является рожденным рабом, то если он шудра — с его родственников взыскивается штраф в 12 пана, если он вайшья — в двойном размере, если кшатрий — в тройном и если брахман — в четверном» (III.13). b) «Млеччхам [«варварам»] не возбраняется продавать или закладывать свое потомство. Но для ариев не должно быть рабства» (III.13).	а) «Должнику полагается исполнить для кредитора равное [долгу] даже работой, [если он] равного или низшего происхождения (jati), но если более высокого, он может отдавать постепенно» (VIII.177). b) «Кшатрий, вайщий и щудра, не могущие уплатить штраф, освобождаются от долга работой; брахману полагается отдавать [долг] постепенно» (IX.229).

Комментарий к Таблице 2: анализ как Артхашастры, так и Законов Ману показывает, что в Индии IV-III вв. до н.э. существовал развитый институт рабства: представлен комплекс из нескольких подвидов «даса», выделяемых на по основанию приобретения статуса. По Табл. 2 видно, что существовало семь таких оснований, которые, претерпевали минимальные изменения (в Артхашастре не упомянуты рабы, полученные хозяином по наследству, а в Законах Ману нет прямого указания на категорию отданных в рабство под залог) и, вероятно, выводи-

лись из законных способов приобретения имущества, которых в Законах Ману упомянуто тоже семь: наследование, получение, покупка, завоевание, ростовщичество, исполнение работы, а также получение милостыни от добродетельных (ЗМ.Х.115). В Артхашастре и в Законах Ману предусмотрена возможность выйти из состояния «дасы» за выкуп и защита некоторых других прав раба.

Обшие замечания:

- Детальное описание прав рабов представляется важным в связи со значительным увеличением их численности в данный период, что, вероятно, происходило вследствие двух факторов:
 - а) Увеличение военных столкновений в этот период и обращение захваченных пленников в рабство (только в войне за Калингу Ашока захватил около 150 000 пленных [Sharma R.S. India's Ancient Past, 2005. P.201]);
 - b) Развитие денежных отношений в Индии в это время, по мнению Р.С.Шармы, могло привести к росту числа «должников», превращенных в рабов [Sharma R.S. Aspects of Political Ideas, 2005. P. 371-377].
- Понятия «раб» и «шудра» разграничены, но, вероятно, именно шудры составляли большинство среди «даса» и «камаркара» [Sharma R.S., 2002. Р.102-106], чему должны были способствовать постулаты о назначении шудр и отсутствие земли у большинства из них [Ibid., Р. 102-106].
- 3. Различия в правовом положении «дасы» (раб, живший в доме хозяина и являвшийся его собственностью («дасу» могли передать по наследству)) и «камаркары» (наемный работник, не живший в доме хозяина) существовали, но видны тенденции к снижению статуса «камаркары» до положения «дасы» (наказания для «дасы» и «камаркары» часто не отличались).
- 4. Среди рабов могли встречаться и «не шудры»: представители трех более высоких варн или военнопленные, обращенные в рабство (часто представители других племен, культур).

Рассмотрим положения раба в древнеиндийских источниках по отдельности.

Артхашастра фокусируется на основных правах «даса» из дваждырожденных. Хотя арии не должны быть рабами (Табл.2, доп.св.,6) древнеиндийские власти были явно осведомлены о существовании рабов из числа первых трех варн, поэтому в Артхашастре Каутилья стремится закрепить особые права рабов из числа «ahitaka» («дваждырожденные», ставшие рабами): штрафы для родственников, продающих несовершеннолетнего ария в рабство, их обязательство выкупить его, право «ahitaka» не выполнять грязную работу, ряд наказаний при изнасиловании таких рабынь и т.д. (Артх.III.13). Заметно разграничение между «dāsa» и «ahitaka» в названиях освобождения данных лиц (главным таким основанием был выкуп, поэтому рабу дозволялось иметь собственность, чтобы выплатить его): «adāsa» (освобождение «dāsa») и «aryatvam» (освобождение рабов из числа принадлежащих к дваждырожденным» (Артх.III.13). Но большинство прописанных прав рабов (за исключением разве что права на собственность и ряда наказаний за изнасилование женщин), вероятно, не относились к обыкновенным рабам из числа шудр, которые преобладали среди всех «даса».

Законы Ману — преемник ряда положений Артхашастры, поэтому остановимся на различиях в положении рабов в данных источниках:

- 1. Упоминается возможность наличия рабов у шудр (3M.IX.179), что свидетельствует о постепенном расширении правового статуса шудр.
- 2. Домашний раб видится как член семьи («тень хозяина»), с которым хозяин должен ладить, обращаться уважительно (3M.IV.185).
- 3. Как и в Артхашастре, определены штрафы за обращение дваждырожденных в рабство, но автор Законов Ману не устанавливает разные размеры штрафа для каждой варны, что косвенно свидетельствует об увеличении числа прецедентов обращения дваждырожденных в рабов и желании местной власти прекратить данный процесс в целом. (ЗМ. VIII.177; IX.229).
- Прописано право раба давать показания в суде при отсутствии компетентного свидетеля, занимающего более высокое положение в обществе, i.e. хотя право и ограничено, оно существовало (3M.VIII.70).

Итак, в Индии IV-III вв. до н.э. существовал ряд оснований для превращения человека в раба, схожих с основаниями приобретения имущества, но почему отношения по типу хозяин-раб ускользнули от взгляда Онесикрита и долго наблюдавшего за жизнью древнеиндийского социума Мегасфена?

Правовой статус «даса» в Индии IV-III вв. до н.э. глазами иностранцев

В Артхашастре круг прав рабов был достаточно широким, и «сужение» этого круга в Законах Ману (у «дасы» уже нет права на имущество и на получение имущества по наследству) было не очень значительным. Но Онесикрит и Мегасфен не видели за этим большим (как для раба) набором прав у «дасы» аналога правового статуса раба в более западных цивилизациях, вероятно, так как в этот период рабы в Элладе обладали гораздо меньшими правами (например, право собственности и передачи этой собственности по наследству у рабов в Элладе фактически отсутствовало) и более походили по своему правовому статусу на бесправное имущество их владельца, нежели рабы в древней Индии. Возможно, что Онесикрит видит рабство на юге Индостана, так как там правовой статус рабов мог отличаться от аналогичного в северной Индии.

Онесикрит сравнивает рабов в стране Мусикане именно с лаконскими илотами или критскими афамиотами: изначально илоты и афамиоты были завоеванным населением, почему и находились в подчинении, близком к рабству. Согласно Артхашастре и Законам Ману, «даса» тоже могли обрести статус раба вследствие их пленения (на мой взгляд, неслучайно слово «даса» в некоторых источниках, например, в Ригведе, имеет значение «чужой», «дикарь», «враг»). Подобное сравнение может означать и не очень тяжелое положение рабов не только в южных землях современной Онесикриту Индии (илоты в древней Греции не были рабами в полном смысле, а скорее занимали промежуточное положение между крепостными и рабами), но и на более северных индийских территориях, где данный мыслитель рабства не видит вовсе. Однако отождествление Р.С.Шармой рабов, увиденных Онесикритом на юге, с типичными рабами-шудрами представляется не совсем обоснованным, иначе данный иностранец, вероятно, также не нашел бы рабства и на юге. Предположу, что Онесикрит заметил институт рабства в Мусикане, так как там среди «даса»-шудр было значительное количество рабов из чис-

ла военнопленных, принадлежащих к другим племенам/культурам, что и могло броситься в глаза древнему греку.

Если в Артхашастре говорится, что рабом может стать человек из любой варны (от шудры и до брахмана) (Артх.III.13), то в дальнейшем, как видно по Табл.2, это было ограничено Законами Ману, запретившими брахману отдавать долг работой (ЗМ.VIII.177; IX.229). Указанные Мегасфеном семь классов древнеиндийского общества и вывод М.Д.Бухарина о том, что под данными классами подразумевались четыре варны [Бухарин М. Д. // Вестник древней истории, 1997. С.138-148.], показывают: у Мегасфена были причины не включать рабов в структуру индийского общества:

- ✓ Мегасфен мог разделять мнение Аристотеля (Pol. 1254b.34): рабы не входят в состав государства, а являются лишь инструментом в домохозяйстве [Там же. С.144].
- ✓ «Даса» не представляли отдельного класса, а могли быть включены в каждую варну, і.е. в каждый из этих семи разрядов, указанных Мегасфеном.

Слова Мегасфена в Табл.1, 1.б сочетаются с формулировкой, приведенной в Артхашастре: «...для ариев не должно быть рабства». Вероятно, превращение ария, принадлежащего к определенной варне, хотя и запрещалось, все же было возможным.

Выволы

- Институт рабства в Индии IV-III вв. до н.э. был комплексным, местные власти закрепили ряд прав «даса», сформировав «мягкое» подчинение рабов владельцам.
 - а. «Даса» в Индии IV-III вв. до н.э не были однородным классом общества: среди них преобладали шудры и военнопленные, но некоторую часть составляли рабы из дваждырожденных.
 - b. Варна представляется местным авторам важнее статуса раба, поэтому древнеиндийские власти делают попытки «оградить» благородные варны от обращения в рабство.
- 2. Иностранцы, приходящие в Индию IV-III вв. до н.э., не видели знакомых им форм рабства в этой стране, так как:
 - «Даса» в древней Индии были наделены более широкими правами, нежели рабы в античном мире.
 - b. Неоднородность «даса» мешала античным авторам выделить рабов в отдельный класс древнеиндийского социума, «иностранцы» включали «даса» в другие классы.
 - влияние философии Платона и Аристотеля могло обусловить намеренный отказ иностранных авторов выделить рабов в отдельный пласт в древнеиндийском обществе.

Библиография

- 1. The laws of Manu, transl. by G. Buhler, Oxford, 1866, p. XVIIIXLV.
- Sharma R.S. Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India Motilal Banarsidass, Fifth Revised Edition — Delhi, 2005, 462 p.

- 3. Sharma R.S. India's Ancient Past Oxford University Press, 2005, 422 p.
- 4. Sharma R.S. Sudras in Ancient India: A Social History of the Lower Order Down to Circa AD 600 Motilal Banarsidass, Third Revised Edition Delhi, 2002, 384 p.
- 5. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4 т. / Перевод Жебелева С.А. Т. 4. М.: Мысль, 1983. с. 376–644.
- Арриан Флавий. Индика// История и культура древней Индии/ Перевод О. Смыки с примечаниями А.А. Вигасина — М., 1990.
- 7. Артхашастра, или Наука политики / Перевод с санскрита С.Ф. Ольденбурга, Ф.И. Щербатского, Е.Е. Обермиллера, А.И. Вострикова, Б.В. Семичова.М. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959.
- 8. Бухарин М. Д. Описание индийского государства в «Индике» Мегасфена // Вестник древней истории. 1997.№ 3.
- 9. Диодор Сицилийский. Книга II, главы 16-19, 35-42 / Пер. В. В. Вертоградовой, Г. А. Тароняна. // Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). М.: «Ладомир». 2007.
- 10. Законы Maну [Элекстронный ресурс] URL:http://www.koltunov.ru/WordLiterature/ZakonyManu.htm#_Toc8385386 Просмотр от 22.09.2019.
- 11. Платон. Государство / Общ. ред. А.Ф. Лосева; В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.
- 12. Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. М.: «Ладомир», 1994.

Окорокова Алина Дмитриевна

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, ПРОВОДИМАЯ ЯПОН-СКИМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВОМ В КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕЕ 1910-1945 ГГ., ЕЁ ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет Институт международных отношений, кафедра алтаистики и китаеведения 3 курс (бакалавриат) okorokova99@bk.ru

Okorokova Alina

EDUCATION POLICY IN KOREA UNDER JAPANESE RULE 1910-1945, GOALS AND RESULTS

Kazan Federal University Institute of International relationships, Department of Altaic and Chinese studies 3 yearstudent (B.A.)

В статье на основе указов «Об образовании в Корее», издававшиеся генералгубернаторством и общественных процессов, последовавших за их реализацией, рассматриваются изменения в системе образования, устройство школ и других учебных заведений, положение этнических корейцев в системе образования. Сделана попытка проследить цели и стремления японского генерал-губернаторства в реформировании образования, их влияние на развитие общества и самосознания корейцев.

The paper deals with laws on education of Resident-General of Korea and social changes after its release. It analyses an evolution of education system and programs of schools and other educational institutions, a status of ethnic Koreans in the education system. The author tries to follow the possible reasons and results of changes in education system.

Ключевые слова: колониальная Корея, Япония, образование в Корее.

Key words: Korea under Japanese rule, Japan, education in Korea.

После того как в 1910 г. Корея утратила независимость и вошла в состав Японской империи в качестве Корейского генерал-губернаторства, одной из целей провозглашенной цивилизационной миссии японская администрация видела в подавлении государственности и национального самосознания корейского народа. Центральное место в проводимой ассимиляторской политике занимало реформирование системы образования.

За 35 лет, что Корея была колонией Японии, на Корейском полуострове выросло несколько миллионов человек, получивших образование в условиях колониального правления, учившихся на японском языке, по разработанным японцами учебным программам. Занимаясь воспитанием и образованием нового поколения, правительство формировало его политические взгляды и лояльность действующему правительству, реформам в этой области уделялась много внимания и средств.

Первые шаги по модернизации корейской системы образования были сделаны еще в период протектората, в 1905 г., что говорит об основательном и заблаговременном планировании реформ образования. За годы протектората число обычных школ было увеличено с 22 до 101, создано 15 производственных школ, и открыта старшая школа для девушек. Но в то же время 6 из 7 школ по изучению иностранного языка были закрыты [Тертицкий Ф. К. Образовательная политика Японии в колониальной Корее // Вестник РГГУ. - 2012. - №20 Востоковедение: Африканистика. — 292 с.]. Закрытие частных школ, сокращение количества обычных школ почти вдвое объяснялось тем, что школы легко могли стать «рассадниками антияпонских настроений» [Тихонов В.М., Кан Мангиль, История Кореи. В двух томах. Том 2. // В.М.Тихонов, Кан Мангиль - М.: Издательство «Наталис», 2011. — 86 с.].

После подписания в 1910 году договора о присоединении Кореи к Японии основные направления развития системы образования определялись принятием указов генерал-губернатора «Об образовании в Корее». Главной организацией, ведавшей образованием в колониальный период, был отдел просвещения, входивший в состав аппарата генерал-губернатора. До 1919 г. он входил в состав департамента внутренних дел, а в 1919 г. стал самостоятельным ведомством. Указы определяли типы учебных заведений, цели и методы работы системы образования. Всего указов было издано четыре: в 1911, 1922, 1938 и 1943 гг.

Официально преследовались такие цели, как модернизация корейского образования и приведение образовательной системы в соответствие с высокими стандартами, существовавшими в метрополии; воспитание корейцев как лояльных подданных Японской империи; распространение японского языка; расширение контингента учащихся и установление равенства меж японцами и корейцами в доступе к образованию; приобретение корейцами реальных знаний, которые можно было впоследствии применить на практике, работая во благо и процветание страны [Caprio M. Civilizing Koreans: The 1910 Debate over Korean Education // Proceedings of the 1st World Congress of Korean Studies, II. Songnam: The Academy of Korean Studies, 2002. — 6 р.].

На практике в образовательной политике можно выделить такие направления как: минимизация количества частных корейских школ, строительство вместо них японских, прогосударственных; полная замена корейской системы образования стандартизированной японской; преподавание для корейских детей по «японскому образцу» на японском языке с целью воспитания в них японского «духа» и менталитета; постепенное внедрение идеологической составляющей в учебный процесс.

В отношении преподавательского состава проводилась сегрегационная политика: на пост директора школы мог быть назначен только японец, корейцев брали на работу лишь в качестве учителей и ассистентов. Вне зависимости от статуса, все учителя считались правительственными служащими и пользовались соответствующими привилегиями.

Согласно первому Указу генерал-губернаторства об образовании, изданному в 1911 г., в Корее устанавливалась раздельная система обучения для корейцев и японцев. Начальные школы для корейцев назывались «обычными». В школу дети могли поступать по достижении восьмилетнего возраста. Обучение длилось четыре или три года. Закончивший обычную школу кореец мог поступить в производственную и

старшую обычную школы. Производственные школы подразделялись на сельскохозяйственные, технические, коммерческие и младшие промышленные. Срок обучения там составлял два или три года. В старшей обычной школе обучение было раздельным и длилось четыре года для юношей и три года для девушек.

В апреле 1916 г. генерал-губернаторство создало специальные школы, в которых выпускники старших обычных, но не производственных, школ могли продолжить образование. В некоторых таких школах был отменен запрет на совместное обучение японцев и корейцев. Срок обучения составлял три или четыре года.

Система образования для живших в Корее японцев копировала ту, что существовала в метрополии. В начальной школе дети учились шесть лет, после чего мальчики поступали в среднюю школу, где учились пять лет, а девочки — в старшую женскую школу, срок образования в которой составлял четыре года. Высшее образование можно было получить в метрополии или за границей, в Корее на тот момент университетов ещè не существовало.

Таким образом, уже с первым указом генерал-губернаторству удалось добиться значительного прогресса в области образования: образовательная система конфуцианского образца была заменена новой, вполне современной и более ориентированной на получение реальных знаний. Обучение японскому языку должно было в перспективе позитивно сказаться на управляемости и лояльности корейского населения. В то же время сегрегация учащихся на корейцев и японцев, нарушала принцип равного доступа к образованию и фактически устанавливала дискриминацию корейцев, являясь неэффективной и с точки зрения достижения целей, поставленных колониальными властями.

Следующий указ об образовании был издан в период так называемого культурного управления, (1919-1930 гг) характеризуемого смягчением политики и развитием социальной опоры колониального режима. Уже в начале 1920-х гг. была созвана комиссия для подготовки второго Указа об образовании, в составе которой помимо японских управленцев было три корейца, при этом один из них даже не владел японским языком. Общая же численность составляла 28 человек. Комиссии были поставлены следующие цели: максимальное приближение корейской системы образования к существующей в метрополии; отмена запрета корейцам поступать в японоязычные школы, а японцам — в корейскоязычные из соображений стремления к установлению равенства и консолидации обшества.

Указ был опубликован 4 февраля 1922 г. Согласно ему формально с неравенством в образовании было покончено - корейцам и японцам разрешено было поступать в любую школу - корейскую или японскую соотвественно. Кроме того, в школах начальной ступени срок обучения становился шестилетним, в школах средней ступени — пятилетним, что позитивно сказывалось на качестве получаемого образования. В школьную программу в качестве обязательного предмета вводился европейский язык: английский, французский или же немецкий. В японоязычных школах в качестве факультатива вводился корейский язык.

Колониальные власти продолжали строительство новых школ. К 1927 г. их было почти 2000, кроме того, в Корее действовали 566 частных школ. Таким образом, в среднем была примерно одна школа на район. Генерал-губернаторство ставило целью открытие ещѐ большего количества школ — по одной на каждую деревню.

Но самым значительным событием стало, безусловно, открытие Имперского университета Кэйдзè в 1923 г. Этот университет стал шестым университетом, открытым Японией и первым университетом, открытым в колонии.

Студенты делились на три примерно равные группы: корейцы, этнические японцы, проживающие на территории Кореи и японцы из метрополии. Малый процент студентов-корейцев объясняется тем, что вступительные экзамены и обучение проводились исключительно на японском языке, требовались основательные знания японской классической литературы, что создавало сложнейшие условия поступления для корейцев. Одновременно с этим для поступления не требовалось документа о среднем образовании. Бывали случаи, что студенты поступали в университет, не закончив начальной и средней школ.

Большинство преподавателей составляли японцы, за всю историю университета был лишь один профессор-кореец: Юн Тхэдон, выпускник кафедры философии Токийского имперского университета. Так же следует отметить, что в программу юридического факультета были включены предметы, посвященные истории, культуре и географии Кореи. Таким образом, университет стал научным центром полуострова. К концу 1930-х гг. конкурс составлял уже восемь человек на место. Некоторые корейцы уезжали в метрополию для получения высшего образования. К 1928 г. их число составило 3000 человек.

В целом, меры, предпринятые в рамках второго Указа способствовали формированию новой, лояльной властям корейской интеллигенции, которая должна была повести за собой общество. Увеличение числа школ облегчало доступ корейцев к образованию. Однако, несмотря на провозглашенную и формально достигнутую цель создания условий равенства японцев и корейцев в рамках учебного процесса, на практике дискриминация корейцев сохранялась, хотя и в меньшей степени.

Начиная с 30-х годов Японская империя начала проводить более активную политику ассимиляции Кореи, что не могло не сказаться на образовательном процессе. В еè рамках японское правительство начало осуществлять меры по синтоизации колонии, призывая корейцев к посещению синтоистских церемоний. Уже в 1935 г. корейским школьникам было предписано обязательное посещение синтоистских святилищ и участие в религиозных обрядах. Как населением, так руководством колонии синтоизация воспринималась не как навязывание новой религии, а скорее как один из факторов проявления лояльности японским властям.

С 1937 г. все школьники должны были выучить «Клятву поданного страны и императора» и декламировать еè по утрам перед началом занятий, по праздникам и просто по указанию преподавателей. Таким образом, влияние образования начинало распространяться на духовную сферу жизни, в очередной раз идеологически подкрепляя существующий строй.

3 марта 1938 г. был издан третий Указ об образовании в Корее. Было объявлено, что оно будет строиться на принципах «Единства метрополии и Кореи». Согласно новому указу, корейскоязычные школы получали одинаковый статус с японоязычными. Бывшие «начальные школы» стали называться «начальными школами для тех, кто обычно говорит на государственном языке», а бывшие «обычные школы» — «младшими школами для тех, кто обычно не говорит на государственном языке». В том же году был выпущен «Указ о младших школах», утверждавший новый учебный план, согласно которому корейский язык во всех школах становился факультативным.

В 1941 г. был издан новый указ и «младшие» школы были переименованы в «гражданские». Самым значительным изменением было то, что согласно этому указу из программы бывших младших школ уже совершенно исключался корейский язык. Это было частью всеяпонской политики по стандартизации школьного образования. В этом же году срок обучения в средней школе был сокращен с пяти лет до четырех, а в Имперском университете Кэйдзе открылся новый факультет — инженерный. Факультетов становится три: юридический, медицинский и инженерный.

1 апреля 1943 г. был опубликован четвертый «Указ об образовании в Корее». В отличие от предыдущих трех, он не вносил существенных изменений в образовательный процесс, а лишь подтверждал реформы 1941 г.

Таким образом, колониальное правительство держало курс на последовательное и окончательное вытеснение корейского языка из программ учебных заведений и японизацию колонии; к началу 1940-х гг. этот процесс был во многом завершен, корейский язык вытеснен из программ учебных заведений, программы стандартизированы. В таком виде образовательная система в Корее просуществовала вплоть до снятия аннексии в 1945 г.

В период колониального правительства японская империя видела цель в японизации корейского общества, ассимиляции населения. Одним из основных препятствий при проведении ассимиляционной политики было незнание большинством жителей колоний японского языка, решение этой проблемы планировалось посредством постепенного и неуклонного реформирования системы образования - колониальным властям удалось добиться значительного прогресса. Уровень грамотности повысился в десятки раз — у мужчин с 4 % до 60 %, у женшин с 0.5 % до 20 %.

Другой проблемой было отсутствие необходимого количества будущих управленцев, обладающих достаточным уровнем реальных знаний. Но с увеличением количества школ и предоставление возможности обучаться как мальчикам, так и девочкам положение изменилось. Та на момент аннексии в школу ходили 20 % мальчиков и меньше 1 % девочек, а в 1945 г. — 70 % мальчиков и около 20 % девочек. До установления японского протектората в Корее было 34 современных школы, а в 1942 г. — 3936. Был открыт первый университет. С улучшением образовательных услуг и ростом доли грамотного населения, корейцы стали лучше жить и в бытовом отношении, повысился уровень их культуры и благосостояния.

Однако стоит отметить, что даже с точки зрения интересов Японской империи принятые меры не были эффективны в полной мере. Колониальная администрация активно вмешивалась в частную жизнь корейцев, ограничивая их личные свободы, взяв с 1930-х гг. курс на вытеснение корейского языка из сферы образования, вызывая недовольство местного населения. К тому же корейцы так и не были уравнены в правах с японцами: возможность получить образование, доступ к культурным благам были существенно ниже, чем у японцев, обучение только на японском языке, особенно в университете, существенно ограничивало возможности получения образования. Это вызывало рост антияпонских настроений у части населения колонии. Наконец, с середины 30-х годов японские власти практически прекратили модернизацию и активное финансирование реформ корейского образования, что отрицательно сказалось на его качестве.

Библиография

- Тертицкий Ф. К. Образовательная политика Японии в колониальной Корее // Вестник РГГУ. - 2012. - №20 Востоковедение: Африканистика. — 292 с.
- 2. Тихонов В.М., Кан Мангиль, История Кореи. В двух томах. Том 2. // В.М.Тихонов, Кан Мангиль М.: Издательство «Наталис», 2011. 86 с.
- 3. Caprio M. Civilizing Koreans: The 1910 Debate over Korean Education // Proceedings of the 1st World Congress of Korean Studies, II. Songnam: The Academy of Korean Studies, 2002. 6 p.
- 4. Hein L. and Selden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change in Hein and Selden, eds., *Censoring History: Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States*// Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2000. 3 p.
- 5. Ли Ги Бэк История Кореи: новая трактовка // Первое марта, Москва, 2000. 361-386 с.

Сёмочкина Адель Сергеевна

«ПРЕСТУПНАЯ ПОЛИТИКА»: КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ УЧАСТИЯ РОССИИ В ПОДАВЛЕНИИ ВОССТАНИЯ ИХЭТУАНЕЙ 1898— 1901 ГГ. В ТРУДАХ СОВРЕМЕННИКОВ

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра Истории стран Дальнего Востока, История Китая 2 курс (бакалавриат) adelya semochkina@inbox.ru

Adel Semochking

CRIMINAL POLICY: CRITICISM OF THE PARTICIPATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN SUPPRESSING THE BOXER REBELLION 1898 -1901 IN CONTEMPORARY RECORDS OF EVENTS

St. Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of History of the Far East Countries, History of China 2 year student (B.A.)

В статье на базе мемуаров современников восстания ихэтуаней 1898 -1901 гг. автор предпринимает попытку представить картину мнений критически настроенной части российского общества относительно роли Российской империи в подавлении восстания. Чтобы достичь данной цели, автор посредством анализа каждого произведения и последующего их сравнения старается выяснить причины обнаруженных закономерностей и расхождений точек зрения.

In the article author aims to introduce a picture of public opinion of the judicial part of society on the role of the Russian Empire in suppressing the Boxer Rebellion 1898 — 1901 through contemporary records of events. In order to reach the goal, author tries to study reasons for discovered patterns and for divergence of opinions through analysis of each particular contemporary record of events and following comparison of them.

Ключевые слова: империя Цин, Российская империя, восстание ихэтуаней, авторысовременники, критика, общественное мнение.

Key words: the Qing dynasty, the Russian Empire, the Boxer Rebellion, contemporary records of events, critique, public opinion.

Рубеж XIX и XX веков явился переломным моментом в истории последней китайской династии Цин. Разделение страны на сферы влияния империалистических держав, политический и экономический кризисы, охватившие государство, и позорный Симоносекский мир, завершивший японо-китайскую войну 1894-1895 гг., в совокупности привели к повсеместным восстаниям, самым крупным и оглушительным из которых явилось восстание ихэтуаней 1898-1901 гг.

Параллельно происходили коренные изменения парадигмы российскокитайских отношений. После подавления восстания ихэтуаней силами союзнической армии отношения между державами стали стремительно ухудшаться, перечеркивая все достигнутые за долгие годы успехи. В глазах китайцев Россия превратилась из главного союзника и дружелюбного соседа в страну-агрессора. В России же восстание ихэтуаней вызвало всплеск антикитайских настроений, усилив уже имевшуюся в общественности подозрительность по отношению к китайскому народу. Печатные издания активно пропагандировали необходимость пребывания военного контингента в Китае для обеспечения защиты дипломатов и русских поданных.

Однако существовал и менее популярный, оппозиционный взгляд. Он преимущественно базировался на тезисах о сугубо прагматичных целях царской России в Китае, слышались обвинения в ведение властью колониальной политики. Нельзя отрицать историческую ценность обеих точек зрения, однако, со временем, именно последняя, как более объективная, вышла на первый план. Изначально более радикальная, она имела своей целью критично осмыслить события восстания, посмотреть на них под иным, не загнанным в рамки официальной идеологии, углом. Опуская «лирику», авторы-современники рассматривали события, происходившие за ширмой военных действий.

Ярким представителем данной оппозиции является Иван Яковлевич Коростовец -видный дипломат Азиатского департамента, неоднократно бывавший в Китае, востоковед. Во время восстания ихэтуаней он был направлен в Тяньцзинь временно управлять консульством России. гле его и застало разразившееся восстание. И.Я. Коростовец имел свое довольно неординарное мнение по поводу причин восстания, главной из которых он считал голод, регулярно встречавшейся в цинской империи [Коростовец, 1922. С.1]. Именно голод, а точнее неспособность китайских правителей справиться с ним в совокупности с ненавистью к европейцам, разорявшим Китай, недовольством деятельностью миссионеров стали поводом к восстанию. Делая промежуточный вывод, можно говорить о том, что восстание или, как пишет автор, мятеж ихэтуаней носил антиправительственный, освободительный характер. Примечательным является то, что И.Я. Коростовец, как повод к восстанию, упоминает и захватническую политику России в Маньчжурии, сравнивая еѐ с действиями Германии в Шаньдуне [Коростовец, 1922. С.11. Более того, говоря о причинах возвращения в Китай, липломат пишет не только о своем памятном опыте работы в этом государстве, но и о том, что ему «было интересно принять участие в осуществлении нашей новой колониальной политики» [Коростовец, 1922. С. 5]. Из этого следует, что целью России в Срединном государстве являлось получение в аренду новых территорий, способных принести доход в казну. Однако, говоря об участие России в непосредственно военных действиях. И.Я. Коростовен отмечает значительность и своевременность действий Российской империи в союзе с японскими войсками на первых порах, благодаря которым было остановлено дальнейшее распространение идей ихэтуаней [Коростовец, 1922. С. 4]. На характер действий России и еè цели лучшие всего указывает секретная телеграмма графа Муравьева вице-адмиралу Алексееву, текст которой изложил И.Я. Коростовец: в соответствии с ней действия России сводились к поддержке борьбы китайского правительства с мятежниками, защите русских подданных и русских интересов, так как «Россия занимает в Китае особое положение и преследует там отличные от других цели.» [Коростовец, 1922. С.20].

Осмелимся предположить, что, скорее всего, целью России было приобретение определенных преимуществ в Маньчжурии при сохранении добрососедских отношений с Китаем. Именно поэтому оккупация данного региона была выставлена, как его умиротворение с целью восстановления там китайской власти. Однако данный переход не осуществлялся бескорыстно — ему предшествовало подписание И.Я. Коростовцом военного соглашения в Порт-Артуре, о котором упоминалось раннее.

Частично, точки зрения Коростовца придерживается Александр Захарьевич Мышлаевский, генерал от инфантерии, историк. В своей работе А.З. Мышлаевский называет множество причин, приведших к восстанию ихэтуаней: торговая экспансия европейцев в Китае, разделение его на сферы влияния европейских держав, произвол католических миссионеров, засуха, неурожайное время - все это в совокупности породило в китайцах ненависть к европейцам, которых они считали причиной всех своих бед [Мышлаевский, 1904. С.6-15]. Данная ненависть и стала движущей силой восстания. Что примечательно, так же, как И.Я. Коростовец, А.З. Мышлаевский говорит о том, что Россия наравне с другими европейскими государствами осуществляла свои интересы в Китае: строительство КВЖД, закрепление за Россией Маньчжурии, как сферы влияния, договор о аренде Люйшуня и Лаляня от 1896 года. Однако, в представлении А.З. Мышлаевского, Россия была вынуждена соблюдать потребительское отношение к Китаю — оно было продиктовано еѐ жизненными интересами. Более того, участие Российской империи в подавлении восстания ихэтуаней также имело в своем основании жизненный интерес государства — это требовалось, дабы отстоять свое положение на Дальнем Востоке и свои претензии в этом регионе, и, конечно, защитить подданных империи на территории Китая [Мышлаевский, 1904. С.13-14]. Так что участие России в нем может быть расценено, как необходимый политический шаг, направленный на укрепление своих позиций.

Уникальной точкой зрения, резко отличающейся от двух предыдущих, обладает Александр Васильевич Верещагин — очевидец восстания, прибывший на Дальний Восток в распоряжение генерала Н.И. Гродекова, генерал-лейтенант. В его мемуарах, посвященных Китаю, четко прослеживается авторское уважение к китайскому народу. Его поражает культура и менталитет китайцев, трудолюбие, их самобытность. Именно желание китайцев сохранить самобытность, свой народный колорит, по мнению А.В. Верещагина, лежит в основе восстания ихэтуаней — пришлые европейцы могли погубить его нововведениями, чуждыми культуре Китая [Верещагин, 1903. С.7]. Для Срединного государства западный образец жизни и путь развития мог бы иметь фатальный исход из-за кардинальной разницы между китайским и европейским менталитетом и культурой. Таким образом, можно сделать вывод, что восстание носило сугубо охранительный характер. Само же восстание автор, в некоторой степени, воспринимает, как противостояние культур, в котором, несмотря на фактическое поражение Китая, проигравшими остались, как ни парадоксально, победители-европейцы. На ведение военных действий европейскими державами, в частности Россией, кроме материальных средств и сил был потрачен и немаловажный человеческий ресурс: «мы уже разорены, истощены и, конечно, не можем и думать продолжать войну...» [Верещагин, 1903. С.4]. Однако на Китае данные тяготы войны сказались в меньшей степени: «...а им горюшки мало, так как они сами себе числа не знают» [Верещагин, 1903. С.4]. Любопытным является не только необычная оценка Китая

А.В. Верещагиным, но и то, что он никаким образом не отделяет Россию от других европейских держав, рассматривая еè в том же ключе. Данный факт может говорить о непосредственном отношении автора к действиям и целям России, а именно о том, что они никаким образом не отличались от желаний Запада: получение выгоды путèм эксплуатации Китая. Таким образом, можно сделать вывод, что участие России в подавлении восстания было необязательной тратой средств и людских жизней.

В контексте данных исторических событий справедливо будет упомянуть и Владимира Ильича Ленина, который, не являясь непосредственным участником описываемых событий, представляет мнение публицистической оппозиции. Автор рассматривает восстание через призму экономики и классовой борьбы, рассуждая о тратах на ведение военных действий и о положении рабочего класса в сложившейся ситуации. Именно из него выколачивались экономические ресурсы в виде налогов, закрытия производств, урезания заработных плат, а также людские ресурсы, представленные сотнями рабочих, отправленных на фронт в Китай. Рассуждая о восстании, В.И. Ленин не раз упоминает и тех, кому выгодна сложившаяся ситуация, а именно «тузов-капиталистов» и правительство империи: первые наживаются на всè увеличивающихся заказах на производство вооружения, а вторые пытаются увеличить количество концессий в Китае, получить ещè больше земель в аренду для экономической эксплуатация Срединного государства [Ленин, 1967. С.381]. Более того, интерес представляет и тезис о тождественности судеб китайского и российского народов: люди восстали из-за гнета азиатского правительства, которые бедные крестьяне и рабочие более не могут терпеть. В таком же положении, по мнению В.И. Ленина, находятся и граждане Российской империи, которых «царское правительство не только держит... в рабстве, оно посылает его усмирять другие народы, восстающие против своего рабства.» [Ленин, 1967. С.383]. Очевидно, что автор не только не поддерживает политику России на Лальнем Востоке, но и открыто вступает в конфликт с официальными властями, обвиняя их в введение колониальной политики и попытках ускорения экономики за счет разорения Китая.

С определенной долей вероятности, можно утверждать, что в словах представленных авторов кроется истина. Тем не менее, к каждому изложенному тезису стоит относиться критически, ведь в мемуарах и статьях в той или иной степени заключено личное мнение авторов о восстание ихэтуаней. Так, стоит учитывать, что точка зрения В.И. Ленина основана на марксисткой идеологической и исторической концепции: в статье звучат тезисы о защите рабочего класса, открыто звучат призывы к смене правительства. Более того, в печатном тексте с периодической частотой упоминается словосочетание «царская шайка», а выражения «императорское правительство», «царское правительство» намеренно контекстно противопоставляются словам «русский народ», «русский рабочий класс» и пр.

Кроме того, можно заметить повторяющийся тезис о ведении Российской империей колониальной политики. Тем не менее, он приобретает различный оттенок в зависимости от того, к какому произведению мы обратимся. Так, на страницах мемуаров Ивана Яковлевича Коростовца данный тезис звучит довольно нейтрально, в духе классической политики, однако, читая работу Александра Захарьевича Мышлаевского, создается иное впечатление — можно сказать, что Россия была вынуждена прибегнуть к колониальной политике, которая была продик-

тована, так называемыми, жизненными интересами государства. Иными словами, Российская Империя была жертвой обстоятельств и, как любое другое государство, пыталась выжить на политической арене, принеся в жертву отношения с Цинским Китаем. Более категоричной точки зрения придерживается Владимир Ильич Ленин, который расценивал действия империи на Дальнем Востоке, как сугубо корыстные и экспансивные.

Мнения авторов непосредственно относительно действий российской армии в Китае также разнятся. Как И.Я. Коростовец, так и А.З. Мышлаевский считают, что отряды, направленные из царской России, лишь защищали своих сограждан, находившихся в тот момент на территории Китая, не превышая своих должностных полномочий и не причиняя вреда мирному населению Срединного государства. Однако, В.И. Ленин придерживается противоположной точки зрения, а именно обвиняет их в убийствах «безоружных жителей, их жен и детей» и иных подобного рода проявлениях жестокого поведения [Ленин, 1967. С. 380].

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что несмотря на отсутствие официальной идеологической переработки, мемуары критиков также не являются беспристрастными источниками. Личное мнение авторов, их симпатии к той или иной идеологии, а также цели, которыми они руководствовались при написании своих произведений — все это в совокупности искажает истину, кроющуюся в событиях восстания ихэтуаней.

Библиография

- Верещагин А.В. В Китае. Воспоминания и рассказы 1901 1902 гг. С.-Петербург, 1903. — 223 с.
 - 2. Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин: «Восточное Просвещение», 1922. 153 с.
 - 3. Мышлаевский А.З. Военные действия в Китае. С.-Петербург: «Бережливость», 1904. 433 с.
 - 4. Янчевецкий Д.Г. У стен недвижного Китая. С.-Петербург Порт-Артур: Издание П.А. Артемьева, 1903. 618 с.
 - Ленин В.И. Китайская война. Полное собрание сочинений. Том 4. 1898 апрель 1901. -М.: Издательство политической литературы, 1967. — 670 с.

Смешко Елизавета Игоревна

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ РЕФЕРЕНДУМА В ЗАПАДНОЙ САХАРЕ

Санкт-Петербургский Государственный Университет Факультет Международных отношений, кафедра мировой политики 3 курс (бакалавриат) yelizaveta sm@mail.ru

Smeshko Elizaveta

KEY PROBLEMS OF THE REFERENDUM ORGANISATION IN WESTERN SAHARA

St. Petersburg State University School of International Relations, Department of World Politics 3 year student (B. A.)

В статье на основе российских и иностранных источников и литературы рассматриваются конфликт в Западной Сахаре, его история, цели и действия противоборствующих сторон, положение беженцев сахрави. Сделана попытка оценить эффективность работы миссии ООН и выявить основные препятствия проведения референдума, который должен определить будущее Западной Сахары.

The article based on Russian and foreign sources and literature considers the conflict in Western Sahara, its history, goals and actions of the opposing parties, position of Sahrawi refugees. The author tries to assess the effectiveness of the UN mission and identify the main obstacles to the referendum which aims to determine the future of Western Sahara.

Ключевые слова: Западная Сахара; референдум; ООН; ПОЛИСАРИО; Марокко; беженцы; сахрави

Key words: Western Sahara; referendum; UN; POLISARIO; Morocco; refugees; Sahrawi

В 1963 году Западная Сахара была внесена в Перечень несамоуправляющихся территорий ООН. Несмотря на то, что Испания окончательно покинула ее в 1976 году, спустя более чем сорок лет данная территория на западе Африканского континента продолжает значиться в Перечне ООН. Статус Западной Сахары вызывает ряд вопросов у международного сообщества. Официальные данные ООН свидетельствуют о том, что Западная Сахара не обладает самостоятельностью, при этом не приводя сведений о ее «управляющей державе», как это представлено в отношении других несамоуправляющихся территорий. Тем не менее, деколонизация Западной Сахары и определение ее дальнейшей судьбы являются одной из ключевых задач ООН в регионе.

Миссия Организации Объединенных Наций по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС) действует с 1991 года. ООН занялась проблемой Западной Сахары еще в годы колониального присутствия Испании на данной территории. Активизация борьбы за независимость в Западной Сахаре началась в 1960-е гг. как закономерное продолжение процесса африканской деколонизации, симво-

лом которого стал «Год Африки». Были созданы такие политические организации. как Организация освобождения Сахары (1967 год), ПОЛИСАРИО или Народный фронт за освобождение Сегиет-эль-Хамра и Рио-де-Оро (1973 год), Партия национального единства Сахары (1974 год) [Besenyő, 2009. P.65–66]. В тот период вопросы деколонизации стояли на повестке дня ООН, и в 1965 году Специальный комитет по деколонизации постановил, что Испания должна покинуть территорию Запалной Сахары [Besenvő, 2009, P.73-74]. В течение последующих лет ООН приняла ряд резолюций по вопросу Западной Сахары, которые утверждали право коренного народа сахрави на самоопределение и указывали на необходимость проведения референдума. К 1976 году Испания окончательно покинула Западную Сахару, подписав перед этим Мадридские соглашения с Марокко и Мавританией, согласно которым данная территория была разделена между двумя государствами. Марокко и Мавритания, оправдывая свои притязания на бывшую испанскую колонию историческими правами, ввели туда свои войска. В 1976 году фронт ПОЛИСАРИО провозгласил создание Сахарской Арабской Демократической Республики, а в конце 1970-х гг. в ходе переговоров с Мавританией добился вывода мавританских войск с территории Западной Сахары [Макутчев, 2016. С.51-55]. Военные действия, продолжавшиеся до 1991 года, не принесли победу ни фронту ПОЛИСАРИО, ни марокканской стороне. При посредничестве ООН состоялись переговоры, и было принято решение об установлении режима прекращения огня. Совет Безопасности предложил план по урегулированию конфликта, предусматривающий проведение референдума, «на котором народу Западной Сахары предстояло сделать выбор между независимостью и интеграцией с Марокко» [7].

На протяжении более чем двадцати лет Миссия ООН в Западной Сахаре не отказывается от своих целей, но реальных результатов достигнуто не было. Следует заметить, что ООН не признает суверенитет САДР или Марокко над Западной Сахарой и стремится к поиску консенсуса, который устроит обе стороны. С самого начала миссии ключевой проблемой для ООН стало определение числа тех, кто имеет право принять участие в референдуме. В 1991 году была ООН была создана специальная Идентификационная комиссия, которая должна была определить точное количество голосующих. ПОЛИСАРИО настаивал на том, что в голосовании могут принять участие только коренные жители Западной Сахары, которые были зафиксированы в переписи населения, проведенной испанским правительством в 1974 году, и их прямые потомки. Марокко придерживалось точки зрения о том, что данная перепись населения не может служить основой для референдума, так как многие коренные жители покинули территорию Западной Сахары на поздних этапах ее колониальной зависимости. И действительно, подобные аргументы марокканской стороны подтвердили биографии некоторых ключевых деятелей ПОЛИСАРИО, которые покинули Западную Сахару в 1960 — 1970е гг.. спасаясь от жесткой политики колониальных властей, и на момент проведения переписи населения проживали в соседних Алжире, Марокко и Мавритании. Марокканская позиция заключалась во включении в списки участников референдума представителей сахрави, бежавших в Марокко, но члены фронта ПОЛИСАРИО не могли доверять противнику и всерьез опасались, что в списки будут включены сахрави, никогда не проживавшие не территории Западной Сахары и не имеющие никаких основания для участия в референдуме [Haklai, Loizides, 2015. P.47-49]. Позиция ПОЛИСАРИО вполне понятна, вель подобное расширение списков за счет жителей Марокко давало марокканскому правительству серьезное преиму-

шество. Преследуя цель усиления своих позиций в Западной Сахаре, марокканская сторона инициировала «Второй Зеленый марш», в ходе которого около 100 тысяч этнических сахрави пересекли условную границу с Западной Сахарой и разместились на ее территории. Это акт невооруженной экспансии уже использовался королем Марокко Хасаном II в 1975 году, но через некоторое время участники «Зеленого марша» прекратили свою акцию и вернулись в Марокко. Еще одна проблема определения числа голосующих была связана с населением лагерей беженцев в Алжире. В 1975-1976 гг. тысячи жителей Западной Сахары были вынуждены бежать и расселились в четырех лагерях беженцев на территории района Тиндуф на западе Алжира, ПОЛИСАРИО и Алжир не позволили провести ООН перепись населения в лагерях и предлагали руководствоваться исключительно их данными [Haklai, Loizides, 2015. P.51-53]. Около шести лет понадобилось миссии МООНРЗС, чтобы представить окончательные списки сахрави, имеющих право участвовать в референдуме по определению дальнейшей судьбы Западной Сахары. В сентябре 1998 года Комиссия предложила Предварительный список голосующих, по которому участниками референдума должны были стать около 86 тыс, сахрави, однако стороны не устроило решение ООН. Ряд апелляций, поданных Марокко и ПОЛИСАРИО против результатов работы Идентификационной комиссии, и невозможность прийти к общему мнению относительно числа голосующих привели к фактической приостановке деятельности Комиссии в 2000 году [7]. Референдум не состоялся, и его дата была отложена на неопределенный срок.

Предполагаемый референдум должен был определить будущий международно-правовой статус Западной Сахары. В 1990-е гг. годы существовало два сценария дальнейшей судьбы территории: ее полная независимость или интеграция с Марокко. [Coulon, 1999. P.58]. Очевидно, что каждый из этих вариантов вызывал резкое неприятие либо у Марокко, либо у ПОЛИСАРИО. Шаги на пути к консенсусу наметились в 2000-е гг., когда процесс урегулирования возглавил личный посланник Генерального секретаря ООН Лжеймс Бейкер, бывший государственный секретарь США. Он выступил организатором ряда переговоров между представителями Марокко и ПОЛИСАРИО, а также предложил два плана по урегулированию («План Бейкера» и «План Бейкера II») [Добронравин, 2013. С.189]. Первый план Д. Бейкера предполагал предоставление значительной автономии Западной Сахаре при включении ее в состав Марокко и был отвергнут ПОЛИСА-РИО. Когда же Д. Бейкер выступил с доработанной инициативой, предполагавшей выбор между полной интеграцией с Марокко, автономией в составе Марокко или независимостью Западной Сахары, ее резко негативно восприняло марокканское правительство, выступавшее категорически против включения в голосование последнего пункта. Предложения ПОЛИСАРИО и Марокко относительно переговоров и решения вопроса об определении статуса Западной Сахары в 2007 году, а также инициатива личного посланника Генерального секретаря ООН Кристофера Росса по предоставлению расширенной автономии Западной Сахаре или созданию федерации (содружества) в составе Марокко и Западной Сахары в 2015–2016 гг. [Макутчев, 2016. С.58] также не смогли способствовать координации позиций сторон и преодолению тупиковой ситуации. Таким образом, непримиримость марокканского правительства и фронта ПОЛИСАРИО в отношении определения круга тех, кто имеет право принять участие в голосовании, и конкретного содержания самого референдума сохраняется уже долгие годы и не позволяет миссии МООНРЗС выполнить свою главную задачу — провести референдум, который

снял бы с Западной Сахары статус несамоуправляющейся территории и завершил затянувшийся конфликт.

С момента появления западносахарского вопроса на международной повестке дня позиция ООН прошла определенные эволюционные изменения. Если несколько десятилетий дня в центре внимания ООН была проблема деколонизации Западной Сахары и реализация права народа сахрави на самоопределение, то сегодня совершенно очевидно, что приоритетной задачей для ООН стало политическое урегулирование и восстановление стабильности в регионе. ООН сегодня единственный беспристрастный медиатор в конфликте между Марокко и ПОЛИ-САРИО. Вместе с тем, вопрос об эффективности Организации в решении проблемы Западной Сахары стоит очень остро. Еще в 90-е гг. представители ООН предупреждали стороны конфликта, что мировое сообщество не будет бесконечно поддерживать продление срока действия мандата МООНРЗС при отсутствии реального прогресса в решении западносахарского вопроса [Подгорнова, 2013. С.105-106]. По актуальным данным на ноябрь 2019 года, последний раз мандат миссии ООН был продлен на год в октябре 2019 года [10]. Вопрос о том, какой прогресс в организации референдума в Западной Сахаре был достигнут за прошедшие почти три десятилетия с момента заявления вышеприведенной позиции, остается открытым. По мнению исследователей, участие ООН в западносахарском вопросе сопряжено с непрозрачностью действий и частой сменой позиций [Boukhars, Roussellier, 2013. P.133]. Неоднократно в действиях ООН прослеживалась готовность идти на уступки марокканскому правительству, что демонстрируют указанные ранее инициативы по урегулированию. За эти годы штат персонала уменьшился с нескольких тысяч человек в 1991 году до менее тысячи человек в 2019 году. Каждый год Генеральная Ассамблея выделяет специальное финансирование миссии, и за 28 лет траты на содержание миротворцев ООН значительно превысили планку в 1 млрд евро. Тем не менее, усилия представителей ООН и материальные затраты не способствуют достижению ключевой цели определению международно-правового статуса Западной Сахары.

Безусловно, заявлять о том, что деятельность ООН в Западной Сахаре является абсолютно неэффективной, будет ошибкой. МООНРЗС способствует поддержанию режима прекрашения огня, обезвреживанию неразорвавшихся мин и боеприпасов, а также организации регулярных переговоров между конфликтующими сторонами. Хотя здесь следует упомянуть о том, что в 2017 году фронт ПОЛИСАРИО провел провокационные военные учения. ООН заявила, что для изучения вопроса нарушения режима прекращения огня будет сформирована техническая комиссия, но сделано этого не было [11]. В последние годы подобные примеры усиления напряженности фиксируются достаточно часто, например, в буферной зоне района Гергерат. Действия миссии, как правило, сводятся к выражению «обеспокоенности» сложившийся ситуацией и призыву сторон соблюдать принятые обязательства для дальнейшего урегулирования. Таким образом, конфликт, давно вышедший из поля зрения мирового сообщества, пассивно поддерживается ООН на стадии заморозки. Бюрократическая организация миссии ООН, отсутствие реальных решений и действенных механизмов влияния на стороны конфликта, приверженность тактике откладывания процесса принятия решения — все это привело к тому, что проведение референдума в Западной Сахаре становится целью практически неосуществимой.

Последние десятилетия ПОЛИСАРИО, Марокко, а также вовлеченные в противостояние в вопросе Западной Сахары Алжир и Мавритания не могут согласо-

вать условия по проведению референдума. Именно на ООН, выступающую в качестве посредника, возложена задача по его организации. Невозможность определить точное количество имеющих право голоса сахрави, отсутствие консенсуса между сторонами конфликта, неготовность ООН взять на себя ответственность за серьезные решения в вопросе определения дальнейшей судьбы Западной Сахары — это лишь узкий круг проблем, с которыми сопряжен процесс организации референдума в Западной Сахаре. Ряд ученых и аналитиков, политические деятели, представители ООН, народ сахрави — все понимают, что организация референдума в том виде, в каком его представляли в 1991 году, почти не имеет перспектив. Один из представителей ПОЛИСАРИО заявил: «Если референдум не состоится, ООН должна официально объявить об этом, чтобы мы могли принять решение о нашем следующем шаге» [11]. В действительности, ООН необходимо сформулировать более четкую позицию и осознать, что принимаемых мер и методов взаимодействия с Марокко и ПОЛИСАРИО недостаточно для выхода из тупика. Пока амбиции фронта ПОЛИ-САРИО и марокканского правительства не позволяют им провести результативные переговоры и достигнуть компромисса, а ООН в очередной раз выносит на голосование резолюцию о продлении мандата МООНРЗС, находящиеся в полной зависимости от гуманитарной помощи беженцы сахрави продолжают жить в лагерях Тиндуфа в ожидании политического урегулирования.

Библиография

- Добронравин, Н.А. Западная Сахара, Сомалиленд, Азавад: проблемы суверенизации/ Н.А. Добронравин // Ученые записки Казанского университета. — 2013. — № 3-2. — С. 183 — 192.
- 2. Макутчев, А.В. Западная Сахара: 40-летний опыт борьбы за независимость/ А.В. Макутчев // Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты (сборник материалов Всероссийской научной конференции). 2016. С. 49 51.
- Операции ООН по поддержанию мира. Миссия Организации Объединенных Наций по проведению референдума в Западной Сахаре: [Электронный документ]. — URL: (https://peacekeeping.un.org/ru/mission/minurso). Проверено 30.10.2019.
- Подгорнова, Н. П. Проблема Западной Сахары. Миф и реальность/ Н. П. Подгорнова. М.: — 2013. — 236 с.
- 5. Besenyő, J. Western Sahara/ J. Besenyő. Pécs: Publikon Publishers, 2009. 198 p.
- Boukhars, A. Perspectives of Western Sahara/ A. Boukhars, J. Roussellier. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers. 2013. 352 p.
- United Nations Mission for the Referendum in Western Sahara. Chronology of Events: [Электронный документ]. URL: (https://minurso.unmissions.org/chronology-events). Проверено 30.10.2019.
- Coulon, J. Soldiers of Diplomacy: The United Nations, Peacekeeping, and the New World Order/J. Coulon. Toronto: University of Toronto Press. 1999. 231 p.
- Haklai, O. Settlers in Contested Lands: Territorial Disputes and Ethnic Conflicts/ O. Haklai, N. Loizides. Stanford: Stanford University Press. 2015. 241 p.
- 10. Security Council Report. Resolution 2494 (2019): [Электронный документ]. URL: (https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/S RES 2494.pdf). Проверено 31.10.2019.
- 11. International Crisis Group. The Youth Movement in Sahrawi Refugee Camps: [Электронный документ]. URL: (https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/youth-movement-sahrawi-refugee-camps). Проверено 30.10.2019.

Шатохина Арина Андреевна

ЛОРД КЁРЗОН НА ПОСТУ ВИЦЕ-КОРОЛЯ ИНДИИ: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ОБОРОНА ГРАНИЦ.

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра Истории стран Дальнего Востока, отделение Истории Индии 3 курс (бакалавриат) aasha1999@gmail.com

Shatokhina Arina

THE VICEROY LORD CURZON IN INDIA: FOREIGN POLICY AND FRONTIER DEFENCE

St.Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of History of Far Eastern countries, Department of History of India 3 year student (B.A.)

Пребывание Дж. Натаниэля Керзона на посту вице-короля Индии (1898-1905) называют одним из самых выдающихся периодов в истории Британской Индии. Лорд Керзон считая, что любая угроза Индии равнозначна угрозе Великобритании, утверждал: «Индия — центр защиты Великобритании». Исходя из этого принципа, он проводил внешнюю политику в накаляющейся международный обстановке. В настоящей статье рассматриваются основные направления внешней политики Лорда Керзона (Афганистан, Персия и Тибет), а также меры, предпринятые для обороны и укрепления границ Индии, преимущественно на Северо-Западном направлении.

The stay of J. Nathaniel Curzon as Viceroy of India (1898-1905) is called one of the most prominent periods in the history of British India. Lord Curzon believed that any threat to India was tantamount to a threat to Britain. Based on this principle, he pursued a foreign policy in a tense international situation. This article discusses the main directions of the foreign policy of Lord Curzon (Afghanistan, Persia and Tibet) and measures taken to defend and strengthen the borders of India, mainly in the North-West direction.

Ключевые слова: Британская Империя; военное реформирование; Большая игра; буферное государство; Афганистан; Персидский залив; Тибет.

Key words: British Empire; military reforms; Big game; buffer state; Afghanistan; Persian Gulf: Tibet.

Целью данной работы было выявить основные направления внешней политики Лорда Керзона, а также действия, предпринятые вице-королем для обороны индийской границы. В ходе исследования были поставлены следующие задачи:

- 1. Проследить основные этапы карьеры Лорда Керзона;
- 2. Выяснить, как осуществлялось военное реформирование и какие меры способствовали обороне границ;

- 3. Исследовать политику на Северо-Западном направлении, а также борьбу за доминирование в Афганистане;
- 4. Изучить Персидское направление внешней политики;
- 5. Проанализировать действия, предпринятые на Тибетском направлении.

Внешняя политика проводилась на всех направлениях. В данной работе будет рассмотрено только три: Афганистан, Персия и Тибет.

Лорд Лжордж Натаниэль Керзон (1859 — 1925) — один из крупнейших политических деятелей, когда-либо посланных Англией для управления ее восточными владениями. Дипломат, публицист, путешественник и исследователь, он внес существенный вклад в работу британского пардамента и внешнеполитического ведомства. С 1895 до 1898 гг. в кабинете министра иностранных дел маркиза Солсбери он занимал пост его заместителя в чине тайного советника и был, по сути, главным руководителем политики Англии в Азии. С 1898 до 1905 гг. Дж. Натаниэль занимал пост вице-короля Индии (1898-1903 гг. –первый срок; 1903-1905 гг. – второй срок; 16 августа 1905 г. — вынужденная отставка). По возвращении в Англию Керзон занимался различной деятельностью, от канцлера (главы) Оксфордского университета (1907) до главы Королевского географического общества (1911-1914). В 1919 г. Керзон был назначен Министром иностранных дел Великобритании (до 1924 г.). Вплоть до своей кончины в 1925 г. был неустанным Лидером палаты лордов (с 1916 г.). [Сергеев, 2015. С.278-279]

Именно Керзон сформулировал понятие "естественных" или "научных" рубежей расширения колониальных владений великих держав в Азии. Также его перу принадлежала концепция "буферных государств" 4, которые были призваны отделить территорию Российской империи от Британских владений. [Curzon G. The 'Scientific Frontier' an Accomplished Fact. 1888]

Несмотря на столь внушительную карьеру и широту интересов, всѐ же пребывание на посту вице-короля Индии явилось апогеем его деятельности. По выражению Лорд Рональдсхэя "Индия была романсом его юности, всепоглошающей страстью в зрелые годы и незабываемым прошлым в старости." [Сергеев, 2015. C.71

Так, в августе 1898 г. газетой «Таймс» было официально объявлено назначение заместителя министра иностранных дел Дж. Натаниэля Керзона 24-м вицекоролем Индии. В комментарии редакции было отмечено: «<...> мы искренне надеемся, что очень интересный эксперимент лорда Солсбери увенчается успехом». В целом общественная реакция на эту новость оказалась благоприятной. Однако российская пресса разделяла мнение о враждебных настроениях вновь назначенного вице-короля в политике по отношению России. По выражению газеты «Новое время», Керзон являлся «членом самой экстремистской русофобской партии, который закрывает глаза на все, что не полностью сочетается с их вряд ли разумной ненавистью к России». 6 Необходимо отметить, что на протяжении всей политической карьеры Керзон был приверженцем строгого антироссийского курса, видя в Российской Империи одну из главных угроз для Британии.

Достигнув берегов Индии в январе 1899 г., всю свою энергию Лорд Керзон сразу же направил на реализацию программы реформ из двенадцати пунктов, ко-

⁶ Новое Время, 3 (15) сентября 1898 г.

⁴ Эти взгляды высказаны им в статье «India between two fires», 1893.

⁵ Лорд Рональдсхей (Л. Дандес) — близкий друг Керзона, губернатор Бенгалии в 1917-1922 гг., министр по делам Индии в 1937-1940 гг. Автор 3-хтомной биографии Лорда Керзона.

торая была им подготовлена ещѐ до отъезда. Кѐрзон отчѐтливо представлял себе, что Британия на протяжении почти всего XIX в. не уделяла должного внимания управлению Индией и весь административный аппарат нуждается в реформировании. Фактически вице-король взял «ручное управление» бюрократической машиной всей Британской Индии. [Сергеев, 2015. С.95]

Наряду с проблемами внутреннего управления вопрос о защите границ и об укреплении обороноспособности Индии стоял перед новой администрацией не менее остро. Первое, что было предпринято вице-королем — это ограничение власти командующего армией и главы военного департамента путем обязательной отчетности лично перед Керзоном. [Das D., 1969. Р. 47] Территории, патрулируемые англо-индийскими войсками, простирались практически по всей северной границе Индии: от Афганистана до французского Индокитая. Причем количество англичан в армии не превышало 1/3 (при общей численности примерно в 200 тыс. человек). Оценив ситуацию, Керзон провел ряд реформ, а именно:

- полное слияние вооруженных сил Мадрасского, Бомбейского и Бенгальского президентств;
- создание туземных полков под командованием английских офицеров;
- массовое перевооружение войск;
- повсеместное укрепление дисциплины (борьба с пьянством, развратом и насилиями). [Сергеев, 2015. С.105]

Касательно непосредственно укрепления обороны Индии наибольшее значение имели следующие мероприятия:

- объединение пограничных территорий, лежавших между Афганистаном и британскими владениями (Раджем), в так называемую Северо-Западную пограничную провинцию;
- отвод контингентов англо-индийских войск из укрепленных фортов, выдвинутых ранее далеко вперед на территории Пенджаба;
- сокращение частоты малопродуктивных карательных экспедиций против воинственных пуштунских племен;
- возложение бремени патрулирования обширной территории между рекой Инд и горными проходами в Афганистан на туземные войсковые части, сформированные из местных рекрутов;
- регулярное субсидирование из казны вождей племен, лояльных британской администрации. [Сергеев, 2015. С.105]

Хотя на северо-западной границе и не удалось достичь полного спокойствия, успехи проводимой политики вскоре стали очевидны даже для противников вицекороля. Военные расходы по поддержанию мира на северо-западе Индостана за четыре года уменьшились почти в 20 раз. [Frazer L., 1994. P. 15-24.]

Керзон настаивал на том, что необходимо заблаговременно усиливать англоиндийскую армию, освободив ее от функций обеспечения внутреннего порядка. [Сергеев, 2015. С.107] Решение главной проблемы по обеспечению безопасности индийских владений от неожиданного удара и шантажа со стороны 3-х великих континентальных держав — России, Германии и Франции он видел в создании «буферных» территорий в пограничных северо-западных зонах. [Davies C., 1927. P.261-273] Эта идея встретила неодобрение среди некоторых членов Кабинета, заявлявших о том, что активность на индийской границе способна вызвать гнев этих государств и поэтому возможна лишь в случае нанесения с их стороны

оскорбления Великобритании. [Сергеев, 2015. С.108] Ответ Кѐрзона последовал в довольно категоричной форме: «Если мы не сумеем защитить свои границы, отразить неспровоцированную угрозу, сохранить наше влияние в регионах, где враждебное воздействие пока не столь ощутимо для нашей национальной чести, практическим результатом станет такая ситуация, при которой мы не способны будем сделать ни единого шага на пограничной территории без того, чтобы не встретить сопротивление противника». ⁷ [Сергеев, 2015. С.108]

Всè же главную угрозу безопасности Индии, а, следовательно, и Британии, Кèрзон видел в России. В 1889 г. Дж. Натаниэль заявил: «<...> я считаю первейшим долгом английских государственных деятелей добиваться провала любых <...> враждебных (прим. авт. — российских) намерений». [Fleming P., 1961. Р.25] Он также опасался проекции в Азии европейской картины соперничества великих держав. По его словам, Индия постепенно становилась «стратегической границей» Британской империи. [Curzon G., 1906. Р.406-408] Так, первым вопросом на рассмотрении Комитета имперской обороны в 1902 г. стала проблема обороны Индии в условиях обострения отношений на Дальнем Востоке (между Россией и Японией) и в Европе (между русско-французским и германо-австрийским блоками). [Williams R., 1991. Р.23]

Таким образом вся внешняя политика вице-короля, в основном, была сконцентрирована на 3-х направлениях: афганское, персидское (иранское) и тибетское. [Сергеев, 2015. С. 109]

Англо-российские отношения претерпевали определенный кризис с начала XIX в. Вся вторая половина XIX в. прошла в постоянной конфронтации России и Великобритании в рамках борьбы за господство в Центральной Азии.

Афганистан долгое время являлся не только «ключом» в Индию⁸, но и спорной территорией, установить протекторат над которой во второй половине XIX в. активно стремилась Российская Империя. За время второй англо-афганской войны (1878-1881 гг.) Россия значительно расширила свою сферу влияния в Средней Азии. В итоге Россия вплотную подошла к границам Афганистана. Отношения же между Афганистаном и Британской Индией продолжали оставаться не вполне дружественными. Хотя в 1882 г. и было достигнуто компромиссное решение, всè же эмир Абдур Рахман пошèл на весьма крупные уступки англичанам, по сути дела признав основные положения Гандамакского договора 1879 г. ⁹ В 1892 г. было подписано новое соглашение, по которому эмир обязывался в будущем не вмешиваться в дела пограничных племен. Предшественник Лорда Кèрзона Лорд Элгин подавил в 1897-1898 гг. большое восстание горских племèн на границе с Индией. Восставшая область была окончательно умиротворена при Кèрзоне, ко-

 $^{^{7}}$ Из письма Керзона к лорду Гамильтону от 12 марта 1903 г.

⁸ Из-за Хайберского прохода.

⁹ В мае 1879 г. эмир Якуб-хан прибыл для переговоров в Гандамак, где был подписан мирный договор, завершивший Вторую англо-афганскую войну. Эмир согласился на пребывание в Кабуле постоянной английской миссии; передал «под защиту и управление английского правительства» округи Пишин и Сиби, Курамскую долину; признал право англичан контролировать Хайберский и Мичнийский перевалы, а также взаимоотношения обитающих здесь племен. Наконец, обязался «вести свои сношения с иностранными государствами в соответствии с мнениями и желаниями английского правительства». Со своей стороны, Англия взяла на себя обязательство выплачивать Якуб-хану и его наследникам ежегодно субсидию, а также оказывать ему помощь «деньгами, оружием и войсками». В сущности, Гандамакский договор устанавливал британский протекторат над Афганистаном и почти не отличался от тех соглашений, которые в свое время были навязаны англичанами вассальным княжествам Индии.

торый постепенно вывел с территории племен английские войска и предоставил еè защиту племенным ополчениям.

Смерть эмира Абдур Рахмана в 1901 г. серьезно осложнила для Англии положение на северо-западной границе. Его преемником стал сын Хабибулла, который (по сообщениям Британской разведки) вступил в переписку с генералгубернатором Русского Туркестана. Керзон, не дожидаясь результатов переговоров с Петербургом, решил отправить в Кабул миссию во главе с Лейном 10. который склонил эмира на сторону Британии. В марте 1905 г. был подписан дружественный договор между Кабулом и Калькуттой, подтверждавший протекторат Великобритании над Афганистаном.

Второе направление политики — Персия и Персидский залив — представляло не меньшую обеспокоенность для британской администрации. Контроль над заливом имел для англичан первостепенное значение. Безопасность Индийской империи требовала, чтобы этот залив или какая-либо часть его побережья не попали под влияние другой европейской державы. Однако право Англии на контроль над этим важным районом оспаривалось Францией, Россией, Германией и Турцией. Керзон занял твердую позицию в этом вопросе и отразил несколько попыток этих держав укрепиться на побережье Персидского залива.

Чтобы не допустить создания иностранными государствами (прежде всего Россией) военной базы или аренды порта в водах Персидского залива, что могло рассматриваться как «серьезная угроза британским интересам» [Memorandum by the Intelligence Branch of the War Office, London, 10 March 1903.], министр иностранных дел лорд Лэнсдаун в 1903 г. объявил о том, что правительство Британии гарантирует права свободной торговли и предпринимательства в этом регионе всем иностранным частным компаниям и лицам. Автором «декларации Лэнсдауна» фактически являлся Керзон, т. к. именно его аргументация легла в основу данного заявления. 11 Также в 1903 г. четой Керзон было предпринято трехнедельное путешествие по странам Персидского залива. В Шардже, в одном из своих выступлений, вице-король напомнил собравшимся арабским шейхам о роли Британии в обеспечении безопасности и защите морской торговли в заливе. Мнения специалистов по результатам этой поездки разошлись. Некоторые (преимущественно англо-инлийские) специалисты назвали Персидский залив после посещения им вице-короля «озером Керзона» [Bence-Jones M., 1982. P.182], другие же увидели в этом чисто церемониальное событие. [Сергеев, 2015. С.111]

Одной из главных задач лорда Керзона во внешней политике на северовосточной границе было установление торговых соглашений с Тибетом. Лорда намеревался в кратчайший срок склонить Лхасу на сторону Англии. В 1901 г. Керзон в одном из меморандумов написал, что задачей Лондона было не допустить установления российского протектората над Тибетом. «Если русские достигнут границ Непала, то эта страна превратится во второй Афганистан, вместо того, чтобы служить буфером между нами и Россией». [Андреев, 2006. С. 107] Тибет номинально зависел от Китая, но в действительности являлся независимой теократической страной, высшая власть в которой принадлежала Далай-ламе. Однако все попытки установить прямые связи с Лхасой ни к чему не привели.

¹⁰ Л. Дейн — государственный секретарь по иностранным делам в правительстве Индии.

^{11 «}Вы можете судить, какое удовлетворение я чувствую. <...> Это то, что я отстаивал во и что просил во многих письмах Вам на протяжении четырех последних лет» (из письма Керзону Солсбери после выступления Лэнслауна).

«Страна снегов» активно стремилась к союзу с Россией, уже был достигнут ряд соглашений и подписаны взаимные договоры. В это же время от британских спецслужб в Калькутту стало поступать все больше донесений о тайных российских агентах, бурят-монгольских подданных царя Николая, путешествующих между Санкт-Петербургом и Лхасой.

Оскорбленный тем пренебрежением, которое выказал ему Далай-лама, и настороженный из-за гиперболизированных донесений английской разведки о российских войсках в Тибете, Керзон в 1903 г. получил санкцию Кабинета на отправку туда небольшой миссии, чтобы достоверным способом узнать правду о лействиях России и установить с Тибетом стабильные отношения, даже если индийскому правительству придется применить силу. Миссию возглавил генералмайор Френсис Янгхазбенд. Тибетцы не впустили миссию и согласились вести переговоры только на британской стороне. После нескольких месяцев бесплодных попыток миссию пришлось отозвать в Индию, не добившись ничего, кроме существенной потери престижа. Вице-король убедил Лондон согласиться на новую попытку. На сей раз миссию сопровождал военный эскорт из 1200 солдат, что позволяло без риска продвинуться в Тибет гораздо глубже. Керзон верил, что подобная демонстрация силы непременно заставит тибетцев покориться. Миссию снова возглавил Янгхазбенд. Спустя 9 месяцев изнурительного перехода через Гималаи в декабре 1903 года отряд достиг Лхасы. Под напором английских войск тибетская армия была вынуждена отступить. В 1904 г. в Лхасе был заключен договор, который предусматривал установление официальных отношений между Калькуттой и Лхасой, переход Тибета под протекторат Британии, открытие торговых рынков, а также возмещение убытков британцев в этой войне за счет тибетцев. Однако политическое значение заключенного договора едва ли оправдывало ту широкую рекламу, которую оно получило. 12 Расход бюджета казны, жестокая агрессия, проявленная отрядами Янгхазбенда на территории Тибета, отсутствие российских частей дали повод считать миссию Керзона провальной. К тому же уже в 1906 г. Тибет по англо-китайскому соглашению вернулся под протекторат Цинской империи. Стремления Керзона утвердиться в «сердце Азии» не осуществились. [Сергеев, 2015. С.116]

Итак, карьера Лорда Кèрзона представляла собой череду высших государственных постов. Один из талантливейших политиков своего времени, всю свою жизнь он посвятил службе Империи. Объединение территорий в Северо-Западную пограничную провинцию способствовало отводу контингентов англо-индийских войск из укрепленных фортов. Свидетельством успехов в обороне приграничных территорий может свидетельствовать тот факт, что военные расходы по поддержанию мира на северо-западе Индостана за четыре года, как было сказано выше, сократились почти в 20 раз. На афганском направлении внешней политики вице-королю удалось продолжить линию на сохранение особых отношений между Кабулом и Калькуттой путем пролонгирования дружественных договоров. В зоне Персидского залива Кèрзон сумел заручиться поддержкой большинства арабских шейхов. В связи с тибетским вопросом усилиями вице-короля была организована военно-дипломатическая экспедиция, которой в 1904 г. уда-

2

¹² Многие политические и общественные деятели назвали этот договор «Пирровой победой», обвиняя Уайтхолл в поспешности и необлуманности действий.

лось заключить с правительством Далай-ламы англо-тибетскую конвенцию об особых правах Великобритании в Стране снегов.

В целом, оценивая работу Керзона на посту вице-короля Индии, можно сказать, что он преследовал цель превратить Индию в неотъемлемый и значимый элемент имперской структуры. По словам российского консула в Бомбее В. Клемма: «Его почти 6-летнее управление отмечено историей как одно из самых плодотворных за все время британского владычества в Индии». ¹³

Библиография

- 1. Андреев, А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской. Санкт-
- 2. Петербург: Издательство СПбГУ Издательство Терентьева «Нартанг», 2006.
- 3. Сергеев, Е. Ю. Джордж Натаниэль Керзон последний рыцарь Британской империи / Е. Ю. Сергеев. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. 295 с.
- 4. Юрлов, Ф.Н. История Индии. XX век / Ф. Н. Юрлов, Е. С. Юрлова. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 920 с.
- 5. Bence-Jones M. The Viceroys of India / M. Bence-Jones. London: Constable, 1982.
- Curzon G. Lord Curzon in India. Being a Selection from His Speeches as a Viceroy and Governor-General of India, 1898-1905. / G. Curzon. — London: Macmillan, 1906.
- Davies C. Lord Curzon's Frontier Policy and the Formation of the North-West Frontier Province, 1901. / C. Davies. Army Quarterly. 1927.
- 8. Das D. India from Curzon to Nehru and After / D. Das. London: Collins, 1969.
- Frazer L. Lord Curson and Reorganization of Indian Army. / Frazer L., Ronaldshay, Lord., Tyagi J. - New Delhi: Radha Publications, 1994. P. 15-24.
- 10. Fleming P. Bayonets to Lhasa. The First Full Account of the British Invasion of Tibet in 1904. / P. Fleming. London: Hart-Davis, 1961.
- 11. Williams R., Defending the Empire. The Conservative Party and British Defence Policy / R. Williams. Yale University Press, 1991.
- 12. Agreement between the Indian Empire and Afghanistan, Kabul, 21 March 1905.
- 13. Memorandum by the Intelligence Branch of the War Office, London, 10 March 1903.
- 14. Сергеев Е. Ю. Британский политик лорд Керзон // История Англии. [Электронный документ]. URL: http://istorja.ru/articles.html/england/curzon/ Проверено 21.10.2019.

3

 $^{^{13}}$ Цит. по донесению в Петербург от 10 (23) августа 1905 г.

Янькова Александра Дмитриевна

ПРОБЛЕМА СЕПАРАТИЗМА И ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КНР В СУАР

Санкт-Петербургский Государственный Университет Факультет международных отношений, кафедра американских исследований 4 курс (бакалавриат) yankova.alex97@yandex.ru

Yankova Alexandra

THE PROBLEM OF SEPARATISM AND THE PRC NATIONAL POLICY FEATURES IN THE XUAR

St.Petersburg State University Faculty of international relations, Department of American studies 4 year student (B.A.)

В данной статье рассмотрены первичные и вторичные причины возникновения и распространения идей сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, а также проанализированы методы, применяемые центральными властями КНР для стабилизации сложившейся ситуации в регионе, дальнейшей его интеграции и сохранения территориальной целостности государства в целом. Среди причин сепаратизма особое внимание уделено экономическим и социальным аспектам. В качестве отдельных причин рассмотрена языковая политика, а также такие понятия, как «лингвицид» и «политика памяти». Отдельное внимание уделено религиозному фактору в существующей проблеме и угрозе терроризма. В статье сделана попытка дать оценку действиям, проводимым правительством Китая ранее и в настоящее время, и выявить основные положительные и отрицательные результаты данной политики.

This article deals with the primary and secondary causes of the emergence and spread of separatism in the Xinjiang Uygur Autonomous region and analyzes used by the Central authorities of the PRC in order to stabilize the situation in the region, the methods for its further integration and preservation of the territorial integrity of the state as a whole. Among the causes of separatism, special attention is paid to economic and social aspects. Language policy, as well as such concepts as "linguicide" and "memory policy" are considered as reasons. Special attention is paid to the religious factor in the existing problem and the threat of terrorism. The article attempts to assess the actions carried out by the Chinese government earlier and at the present time, and to identify the main positive and negative results of this policy.

Ключевые слова: КНР; СУАР; уйгуры; сепаратизм; терроризм; национальная политика; языковая политика; исламское возрождение

Key words: PRC; XUAR; Uighurs; separatism; terrorism; national policy; language policy; Islamic revival

Проблема сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе является крайне сложной и многогранной. Несмотря на то, что это еè решение является одним из ключевых факторов как для сохранения региональной безопасности КНР, так и для развития стабильного сотрудничества Китая с Россией, странами Цен-

тральной Азии, а также с Афганистаном и смежными пространствами, проблема все же остается достаточно мало изученной. Сепаратизм в СУАР является для КНР фактором значительной нестабильности, несущим в себе угрозу территориальной целостности для всего государства [6].

Причин такого положения дел много, они переплетаются между собой, образуя сложный клубок противоречий. Китай является многонациональным государством, на территории которого проживает 56 национальностей, основная из которых, ханьцы, занимает 91.5% от общего числа. Такое многообразие культур и жизненных укладов, часто противоречащих друг другу, ведет к появлению конфликтов. Хотя официально признанные в Китае 55 этнических меньшинств («少民族» - малочисленные народы) составляют незначительные 8,49% населения, но в общей совокупности они насчитывают примерно 113,8 млн человек, расселенных на территориях национальных автономий различного административного уровня, занимающих 64,3% территории, а также 90% территории приграничных районов Китая. Поэтому обострение отношений ханьского населения с этническими меньшинствами может усложнить отношения Китая с соседними странами, а также угрожает территориальной целостности страны.

Например, тюркоязычный этнос, уйгуры, является одним из самых древних народов, проживающим на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района, а также в странах Центральной Азии [7]. Начиная с VIII века, уйгуры несколько раз создавали свои государственные образования, которые при этом не отличались ни долголетием, ни прочным государственным строем. Уже в ХХ веке при поддержке других этнических групп Центральной Азии — жителей Хивы, Бухары, Коканда и Бадахшана, принимавших активное участие в национально-освободительной борьбе еще в XIX веке, а также народов, населяющих Синьцзян, уйгурам дважды удавалось провозглашать независимость от государственных властей. Однако после прихода к власти в Китае в 1949 году коммунистов во главе с Мао Цзэдуном Пекин смог полностью восстановить утраченные ранее позиции в Синьцзяне, который в 1955 году приобрел официальный статус Синьцзян-Уйгурского автономного района. Политика, проводимая во второй половине XX века Пекином, еще сильнее разожгла протестные настроения народностей, населяющих Синьцзян, в особенности — уйгуров. Протесты стали нередко принимать форму вооруженного противостояния с официальной властью.

Появление новых независимых государств в Центральной Азии после развала СССР и обретение этнически и религиозно близкими уйгурам народами независимости и суверенитета оказали значительное влияние на настроения местного населения — уйгуры восприняли их как наглядный пример в деле обретения независимости, тем более что во многих новых странах Центральной Азии насчитывалась достаточно многочисленная уйгурская диаспора. В Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане на тот момент по разным оценкам проживало от 300 до 500 тысяч уйгуров, которые в 90-е годы активизировали свои организации националистического толка в условиях слабости власти и правоохранительных структур молодых государств [1]. Националистические организации поставляли в СУАР идеологическую литературу, финансы из Турции и Саудовской Аравии и оружие [11]. Радикальные круги таких организаций, как «Международный комитет освобождения Туркестана», «Объединенная ассоциации уйгуров» и «Организация освобождения Туркестана» выступали за создание независимого государства Уй-

гурстан и за использование вооруженных методов борьбы для достижения этой цели [3].

Отступим от истории и обратимся к настоящему времени. СУАР очень важен для экономического развития современного Китая, так как он является источником минерального сырья и других полезных ископаемых. При этом Синьцзян воспринимается лишь как приграничный регион и сырьевой придаток государства, так как правом пользования энергоресурсов и полезных ископаемых обладают только центральные органы власти. Из-за этого доходы от эксплуатации энергетических ресурсов расходуются на цели центрального правительства, а не на развитие самого региона. Такой расклад приводит к низким экономическим показателям и ведет к росту недовольства коренного населения, которое полагает, что государство лишь выкачивает их ресурсы, не давая ничего взамен. Превращение района в сырьевой придаток значительно ухудшает экологию. К тому же, в Синьцзяне с 1964 года проводились ядерные испытания, которые привели к резкому росту количества раковых заболеваний, летальных исходов и нервных расстройств, не поддающихся лечению. Реализация ядерной программы КНР именно в этом районе вполне ясно говорит о том, как в Пекине относятся к СУАР, воспринимая его как поле для экспериментов.

Сейчас 96% населения СУАР относится к категории бедных. Основным занятием большей части населения региона остается сельское хозяйство, которое не приносит достаточно хорошего дохода из-за проблемы опустынивания земель и нехватки водных ресурсов как для личных, так и для хозяйственных целей. Такое положение является и причиной оторванности СУАР от административного центра: среднее расстояние от любого района до Урумчи составляет 735 км [4]. Справедливости ради, необходимо отметить, что правительство Китая на протяжении уже многих лет работает над расширением транспортной инфраструктуры СУАР. С 2009 года власти начали реализацию в регионе крупных инфраструктурных проектов, включая строительство новых терминалов аэропортов, а также переселение местных жителей из старых домов в новые государственные. Однако эти, на первый взгляд, благие цели, которые преследует Пекин, вызывают неприятие и негодование местного уйгурского населения, рассматривающего подобные инициативы как вмешательство в свой традиционный жизненный уклад, и опасающегося еще большего сближения и привязанности к КНР.

Сейчас повышенное внимание Пекина к СУАР связано с особым положением района в программе развития проекта Экономического пояса Шелкового пути в качестве сухопутной части внешнеэкономической инициативы «Один пояс один путь» («一带一路»). Все маршруты ЭПШП, ориентированные на Центральную Азию и Европу, проходят через СУАР. В результате в регион вкладываются все большие инвестиции, строятся автомобильные и железные дороги, увеличивается количество ханьцев. Вся новая жилищная инфраструктура предназначена именно для них. в то время как коренное население живет либо в пристройках к новым домам, либо все еще в традиционных жилищах. Неприязнь местного населения к ханьцам сохраняется, контактов между ними почти нет из-за страха ползучей ассимиляции, межэтнические браки не приветствуются по религиозным соображениям, а напряжение растет. Казалось бы, инфраструктурное развитие и урбанизация должны помочь решить проблему с бедностью, однако в этом регионе урбанизация связана исключительно с массовым переселением ханьцев по программе правительства для развития отсталых регионов. Рост городского населения возможен исключительно при развитии промышленного комплекса и инфра-

структуры, что требует наличия высококвалифицированных специалистов, которыми является в основном ханьское население с хорошим высшим образованием, получение которого сопряжено с большими денежными расходами, непосильными для коренного населения. А если получить образование в другом районе Китая все же удалось, молодые специалисты не возвращаются в СУАР по причине отсутствия возможности быстро там себя реализовать.

Говоря про образование — в целом, сейчас в СУАР оно базируется на концептуальных подходах Пекина; это означает, что все учебники и пособия издаются с учетом проводимой в стране политики. Правительство Китая также проводит в отношении региона непродуманную языковую политику, приводящую к языковой дискриминации, снижению уровня грамотности населения. Нарушая свои же законодательные акты о двуязычном воспитании, КПК проводит политику вытеснения уйгурского языка из школ [2]. Национальный язык вытесняется из сферы образования, в том числе и высшего, как следствие — из сферы науки. Коренное население теряют способность вырабатывать неологизмы и новые грамматические конструкции, таким образом все более удобным во всех сферах жизни становится путунхуа [5]. У детей, окончивших уйгурские школы и знающих только уйгурский диалект, общий уровень образования значительно ниже, чем у тех, кто учится в китайских школах и знает китайскую грамоту и путунхуа. Уровень образования и знание китайского языка влияет на будущее ребенка — родителям надежнее отдать его в китайскую школу, так как это может обеспечить ему высшее образование и хорошую карьеру; количество детей, обучающихся этническому диалекту снижается, и уйгурская культура постепенно теряется. Но нельзя сказать определенно, является ли такая политика осознанным лингвицидом или же попыткой способствовать развитию образованности малых народов [5].

Религиозные противоречия также сохраняются и периодически обостряются. Влияние ислама на СУАР очень велико. Сепаратистские группировки и организации в Синьцзяне выступают именно под знаменами ислама и прикрываются религией и исламской традицией. Исламское возрождение, начавшееся в районе еще в 1990-х годах, стало для местного населения своеобразным средством сохранения своей идентичности и независимости в условиях так называемой ассимиляции в ханьском этносе. Религиозный фактор в районе притягивает к себе пристальное внимание Пекина, ведь он может быть использован уйгурами еще и как возможность обращения за помощью к международному исламскому сообществу. Нелегальные поставки контрабандного оружия в Синьцзян связаны, во многом, с ослаблением контроля над границами стран Центральной Азии. Также в последнее время произошла интернационализация уйгурской проблемы, так как уйгуры играют все большую роль в международном радикальном исламском движении, опираясь на поставки в свой район автоматов, патронов и противотанковых мин. Подготовка террористов и боевиков из числа уйгуров финансируется рядом радикальных организаций из стран Ближнего Востока. Есть версия, что некоторые фундаменталистские исламские организации даже финансируют социальное расслоение в районе, приволящее к распространению сепаратистских илей и, следовательно, возможности появления новых террористов. Многие экстремисты из СУАР входят в состав ИГИЛ (организация, деятельность которой запрещена в РФ). Следовательно, борьба с ними становится возможной уже исключительно в рамках международного сотрудничества.

За последние десятилетия ситуация в районе обострилась. В 2008 года беспорядки почти одновременно вспыхнули в СУАР и на Тибете, были убиты 16 сотрудников правоохранительных органов. Очередные всплески насилия пришлись на 2009, 2013 и 2014 гг. Март 2014 г. окрестили «китайским 9/11»: в провинции Юньнань 10 вооруженных ножами террористов напали на пассажиров вокзала в городе Куньмин, было убито 33 человека и 130 — ранено. Согласно заявлениям уйгуров, причиной актов неповиновения стала именно дискриминационная политика Пекина в регионе, включающая описанные выше языковые и религиозные ограничения.

Власти КНР блительно следят за развитием политической ситуации в Синьцзяне. Пропаганда и цензура стали неотъемлемой часть политики Си Цзиньпина в отношении этого района. По его мнению, главное в сложившейся ситуации — цензура в СМИ, контроль над интернетом, преследование оппозиции. Пекин использует новейшие технологии для контроля над политическими диссидентами. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе уже привыкли к камерам наблюдения с искусственным интеллектом, установленным на вокзалах, заправках и рынках; а с начала 2017 года в районе даже тестируют новую систему наблюдения, которая может оповещать полицию, когда местные жители отходят дальше, чем на 300 метров, от так называемых «безопасных зон» — то есть дома и места работы. Жители района в возрасте от 12 до 65 лет должны были в 2017 году сдать властям анализы крови, ДНК и отпечатки пальцев в рамках бесплатной медицинской программы, направленной якобы на создание электронных медицинских карт и на выявление распространенных заболеваний [8]. Более того, правительство Китая учредило в СУАР учебно-тренировочные центры по перевоспитанию уйгуров, которые имели какое-либо отношению к контенту, связанному с экстремизмом. Там они осваивают путунхуа, законы КНР и востребованные специальности, а также избавляются от радикализации. Воспитанники этих центров проводят там по 8-12 месяцев и выпускаются. Но есть и так называемые «воспитательные лагеря» с жестким режимом для уйгуров, «пораженных религиозным экстремизмом». Заключенные там проводят время, маршируя и скандируя лозунги, просматривая пропагандистские фильмы о Китае и КПК, осваивая китайский язык и самые простые профессиональные навыки [9]. Официальной статистики по этому вопросу в КНР нет, так как перевоспитание не считается уголовным наказанием и осуществляется без предъявления официальных обвинений.

Китай также проводит регулярные патрулирования различных городов СУАР, наращивая там присутствие НОАК и Народной вооруженной полиции Китая. В регионе установлен военно-полицейский режим, подозрительные лица могут в любой момент быть подвергнуты досмотру. Именно на территории СУАР КНР проводит антитеррористические учения, международные армейские соревнования (АрМИ-2018) и другие подобные характерные мероприятия. КНР также налаживает контакты с соседними государствами в вопросах выдачи уйгурских боевиков, которые, покинув Китай, принимают активное участие в боевых действиях и террористических актах в различных странах, включая Сирию, Ирак, Пакистан и Афганистан. Китайские власти не ставят под сомнение необходимость жестких мер, включающих массовые слежки и воспитательные лагеря, ведь они объясняются борьбой с терроризмом и экстремизмом [8].

Ситуация в СУАР продолжает оставаться напряженной. В данный момент выходцы из района рассматриваются властью Китая как потенциальные распро-

странители илей лжихала. Китайское правительство, основываясь на залаче противостояния исламскому терроризму, постепенно превращает уйгурский этнос в синоним угрозы национальной безопасности. Это сложная политическая и этическая проблема, у которой есть две стороны: точка зрения правительства Китая, стремящегося сохранить государственную целостность и опасающегося новых террористических актов, и коренного населения, чьи права ущемляются много лет. В этом вопросе то, что кажется абсолютно положительным для одной стороны, может оказаться губительным для другой. Уйгуры — мусульмане-сунниты, религия играет важную роль в их жизнях, а сейчас на них действует большое количество ограничений: контролируется количество мечетей, уйгурам чиновникам, студентам и учителям запрещается соблюдать пост в Рамадан и т.д. С другой стороны, позиция Пекина тоже объяснима желанием укрепления государственности любыми методами. Решение проблемы зависит, в первую очередь, от самого Китая, от того, как власти смогут найти баланс между мягкими методами в отношении мирного населения: укреплением экономики региона, улучшением жизненных условий, сохранением их культуры, языка, религии, уважением к его истории с одной стороны и жесткими методами предотвращения террористических актов и распространения идей экстремизма — с другой.

Библиография

- 1. Ахметов, А. А. Сепаратизм на постсоветском пространстве / А.А. Ахметов: монография, Москва: Изд-во МГОУ, 2010.
- Баженова Е. Синьцзян в авангарде развития западных регионов КНР / Е. Баженова // Проблемы Дальнего Востока. — 2011. — №2.
- Буяров Д.В. Рост сепаратистского движения в Синьцзян-Уйгурском Автономном Районе в 1990-е гг. / Д.В. Буяров // Гуманитарные науки и образование. — 2011. — № 3. — С. 84-86
- Гельбрас В. Г. Китай. Чем недовольны Уйгуры. Противоречивые итоги развития Синьцзяна / В.Г. Гельбрас. — Азия и Африка сегодня. — М., июнь 2010. — № 6.
- 5. Клиновский В.А. Языковая политика КНР в Синьцзяне и ее роль в китайско-уйгурском конфликте. История. / В.А. Клиновский, Вестник Томского Государственного Университета. № 2 (18). 2012. с. 140- 143.
- 6. Сафронова Е., Тихонов О. // Китай в мировой и региональной политике: история и современность / Е. Сафронова, О. Тихонов; Сб. статей. М., 2003.
- 7. Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии / К.Л. Сыроежкин. Алматы: Дайк-Пресс. 2003.
- Шпильковская А. «Острый глаз» вместо «Большого брата»: как китайские власти массово следят за жителями страны [Электронный ресурс]/ Meduza. А. 2018.
- 9. Чесноков Э. Воспитанники «лагерей для уйгуров» в Китае [Электронный ресурс]/ Комсомольская правда. И. 2018.
- Chaudhuri D. Minority Economy in Xinjiang A Source of Uyghur Resentment // China Report. 2010. Vol. 46 (1). P. 9–27.
- «East Turkistan» Terrorist Forces Cannot Get Away With Impunity // Information Office of State Council//http://www.china.org.cn

Раздел II. Языкознание, литературоведение

Алиева Камилла Абдулаевна

К СЕМАНТИКЕ АНАЛИТИЧЕСКОГО СОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛОМ BOL- В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Санкт-Петербургский Государственный Университет, Восточный факультет, кафедра Теории и методики преподавания языков и культур народов Азии и Африки II курс (магистратура)

Катilla.Alieva95@gmail.com

Alieva Kamilla

ON THE SEMANTICS OF ANALYTICAL FORM WITH THE VERB BOL- IN THE OLD UYGHUR LANGUAGE

St. Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department for theory and methods of training in languages and cultures of Asia and Africa 2 year student (M.A.)

В статье рассматриваются примеры использования глагольного аналитического сочетания, построенного по модели «CVB + AUX» в древнеуйгурских памятниках X-XI вв. Предпринимается попытка установить, какое значение несет данное аналитическое сочетание, и способно ли оно передавать аспектуальные значения вслед за другими аналитическими сочетаниями, широко используемыми в тюркских языках. В результате проведенного исследования было установлено, что аналитическое сочетание с глаголом bol- передает значение обобщенного действия, что сближает значение данной формы со значением инфинитива.

The paper deals with the problem of semantics of analytical verbal form with **bol-** in the Old Uyghur language. It analyzes certain examples of its usage in the written manuscripts of Old Uyghur. The question posed in the paper is discussed whether given form has aspectual meaning or not. As a result of the study of the Old Uyghur manuscripts it was concluded that analytical verbal form is used to express the meaning action generality which makes this meaning to be close to the meaning of infinitive.

Ключевые слова: древнеуйгурский язык, грамматика тюркских языков, глагольные формы, тюркские языки

Key words: Old Uyghur language, grammars of Turkic languages, verbal forms, Turkic languages

В фокусе внимания настоящей работы находятся особые глагольные сочетания, образованные аналитическим путем, которые нередко встречаются в древнетюркских языках. В частности, в памятниках древнеуйгурского языка наблюдается использование таких языковых средств, описание и характеристика которых зачастую вызывает сложности. Древнеуйгурский язык, понимаемый как совокупность диалектных вариантов племен, проживавших на территории Монголии и Восточного Туркестана [Телицин,2010. С.84-87], представлен большим количеством памятников, материал которых позволяет проводить сравнительно-исторический и лингвистический анализ. При исследовании материала древнечигурского языка возникает идея о «пограничности» языковых, грамматических категорий и форм. Это выражается в том, что при анализе формы и случаев ее употребления (те языковые факты, которые содержатся в памятниках) возникает сложность с определением ее значения и отнесения к той или иной грамматической категории. В настоящей статье анализу подвергаются глагольные сочетания, традиционно характеризуемые как аналитические формы глагола. Однако споры по определению происхождения и значений таких сочетаний ведутся учеными до сих пор.

Источником для исследования послужили рукописные памятники древнечйгурского языка: «Уйгурская версия биографии Сюань-цзана», традиционно датируемый XI в. [Тугушева, 1991.], «Покаянная молитва манихеев», Suvarnapraphasa Sutra (сутра «Золотой блеск»), «Поклонение волхвов», датируемые ориентировочно VII-XIII в., и другие. 14

Материал памятников дает возможность проследить путь развития отдельных глагольных сочетаний и конкретизацию реализуемых ими значений. Так, особый интерес вызывает сочетание -yali/-gäli bol-, состоящее из двух компонентов; адвербиальной формы глагола, или деепричастие -yali, и вспомогательного глагола bol- становиться '.

Необычность данного сочетания обусловлена тем, что несмотря на то, что сочетание образовано аналитическим путем, его нельзя отнести к «аналитическим формам», характерным для тюркских языков. Тюркским языкам свойственно употребление глагольных форм, образованных по модели инфинитная форма глагола + вспомогательный глагол (модель: VI + AUX), для выражения разных характеристик протекания действия, т.е. значений способов глагольного действия [Насилов, 1976. С.158-159], или «Aktionsart» [Насилов, 1989. С.4-5]. дняшний день для определения указанных значений в лингвистике утвердился термин акциональность [Татевосов, 2005. С.121-127; Аркадьев, 2009. С.201-261.], под которой понимают совокупность значений, входящих в область лексического значения глагола и в которых отражаются и уточняются особенности протекания действия во времени [Агрелль, 1962. С.36; Маслов, 2004. С.30; Насилов, 1989. С.4-10; Воронкова, 2007. С. 112-120.]. Языковые средства с акциональным значением преследуют цель охарактеризовать отношения действия к пределу с указа-

¹⁴ Vorislamische Alttürkische Texte. VATEC Text Database. [Electronic document].URL: http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de (27.10.2019)

нием на ограниченность и/или неограниченность действия пределом (временной границей протекания действия во времени).

Среди подобных форм в древнеуйгурском языке можно выделить: аналитические (модель: « CVB + AUX»), и перифрастические формы модель («РТСР + AUX»), которые реализуют акциональные значения: начало протекания действия, нарастание действия, продолжительность, приближение действия к пределу, завершенность, результативность и пр. Основной функцией форм с акциональными значениями является локализация действия в хронологическом плане: предшествование - одновременность - следование, т.е. представлять действие с позиций таксисных отношений [Якобсон, 1972. С.101.].

В этой связи с формальной точки зрения сочетание - $\gamma a l i bol$ - вряд ли с полной уверенностью можно назвать аналитической или перифрастической формой, поскольку в нем первый компонент является адвербиальной формой глагола, что характерно для аналитических форм, а второй компонент - вспомогательный глагол bol-, чаще всего выступающий в качестве второго компонента перифрастической формы. Это и вызывает сложность с классификацией - $\gamma a l i bol$ -.

Несмотря на то, что сочетание $-\gamma a l \ddot{r}$ bol- образовано аналитическим путем по модели «CVB + AUX», где в качестве вспомогательного глагола выступает bol-, оно рассматривается как словоизменение (формообразование) с точки зрения принципа распределения морфем, т. е. строгого порядка иерархии морфем, иначе «таксономии». ¹⁵ Каждая морфема для передачи необходимого грамматического значения, занимает в структуре словоформы отведенную ей позицию, согласно последовательному порядку присоединения морфов в словоформе, нарушение которого в тюркских языках не отмечается. Если отсутствует необходимость выразить какое-либо грамматическое значения, то отсутствует и морфема. Порядок присоединения морфем может объясняться стремлением уточнить, конкретизировать образ, в котором пребывает объект, предмет, явление, событие и т. д., выражаемые исходной основой. Сочетание $-\gamma a l \ddot{r}$ bol- предлагается рассматривать в рамках таксономии морфем, поскольку сочетание признается неразложимым и, следовательно, грамматикализуясь присоединяется к корневой морфеме.

В грамматиках и работах по древнеуйгурскому языку в качестве инфинитных форм глагола выделяют: адъективные формы (причастия), субстантивные формы (масдары, имена действия), адвербиальные формы (деепричастия), субстантивно-адъективные формы [Телицин, 1994. С. 124-127.]. Деепричастие понимается как инфинитная адвербиальная форма глагола, представляющая действие в виде разного рода обстоятельств, уточняющая другое действие посредством указания на предшествование, одновременность и следование уточняемому действию и, в значении которой отсутствуют абсолютные временные семы [Гузев, 2015. С. 168-172; Дениз-Йылмаз, 2006. С. 90-97; Телицин, 2001. С.22-23; Щербак, 1981. С. 122-132]. В связи с этим тюркские деепричастия зачастую рассматриваются в рамках категории таксиса [Храковский, 2009. С. 750-803; Телицин, 2011.С. 179-230.].

В тюркских языках, в отличие от традиционного подхода к выделению деепричастий [Дениз-Йылмаз, 2006. С.90-92.], наблюдается образование личных

¹⁵ О термине таксономия см. например: Кочеткова Т. И. Лексическая таксономия сложносоставных имен существительных//Вестник ОГПУ. № 2, 2009. С. 38-45. Прохоров С. А., Сучкова А. С., Куликовских И.М. Кластеризация диагностических текстов при изучении предлогов английского языка в соответствии с таксономией Блума// Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.17. № 2(5), 2015. С. 1097-1103.

форм деепричастий. Так, в турецком языке глагольные формы с обстоятельственным значением, которые ранее описывались как финитные, а также формы, представляющие собой сложные образования аналитического характера [Там же С. 93.] в грамматиках стали относить к деепричастиям. Например, форма -di mi [Гузев, 2015. С. 173, 221.] и «условное деепричастие» форма -sa [Кононов, 1980. С. 132-133.], которая, как указывалось выше, традиционно выделяется как форма условного наклонения. В древнеуйгурском языке отмечены случаи образования личных форм условного деепричастия -sar [Телицин, 2015. С. 234-238.].

Представляется, что термин деепричастие может быть определен как «совокупность глагольных форм, объединяемые на основе общего категориального значения адвербиализованного действия» [Дениз-Йылмаз, 2006. С.97]. Среди адвербиальных форм древнеуйгурского языка можно выделить: -ip/pan/panin, -a, -yali, -mati \sim -matin, -majin, -sar.

Происхождение древнетюркской формы -yali возводится к сочетанию -ya/gä («отглагольного имени») — + -li (форма «комитатива») [Тенишев, 1988. С. 477-479; Щербак, 1981. С.129-130; Кононов, 1980. С. 132.]. Традиционно форму -yali понимают как «деепричастие времени». Однако найденные в древнетюркских памятниках примеры употребления -yali дают основания полагать, что -yali способно передавать значение традиционно именуемое как значение цели [Кононов. 1980. С. 132; Кондратьев, 1981. С. 114.]. Например, обнаруживаемые в древнетюркском руническом памятнике VIII в. - в памятнике Тоньюкука - случаи употребления могут послужить аргументами в пользу этой точки зрения: jujqa eriklig toplayali učuz ermis jenčgä eriklig üzgäli učuz jujqa qalin bolsar toplayuluq alp ermis (Тон, 13) - _Собрать то, что является тонким - легко, тонкое (плоское) разорвать — легко; если тонкое станет толстым, то собрать — трудно '. Или пример из строки 27: ol sub qodi bardimiz sanayali tusurtimiz (Тон 27) Мы шли вниз по той реке и, для того чтобы пересчитать [наше войско], приказали всем спешиться . По мнению, например, М. Эрдала, наблюдаемая в случаях употребления способность -yali передавать значение цели роднит -yali по функции с индоевропейской формой супина [Erdal, 2004. P. 317.].

Так, представляется корректным определить деепричастие -*yalī* как форму, указывающую на то, что действие, выраженное исходной основой, следует за уточняемым действием.

В тюркских языках деепричастие -yali или его производные -(y)ali/-(y)eli отмечаются преимущественно в тюркских языках огузского типа (например, азербайджанский, турецкий, туркменский). В современных тюркских языках чаще всего оно рассматривается как деепричастие, указывающее на то, что действие понимается как «исходный момент для другого действия» (иначе «начинательное деепричастие») [Щербак, 1981. С. 129-130.].

Вторым компонентом формы выступает вспомогательный глагол bol-, который в древнеуйгурском языке может функционировать также и самостоятельно, в собственном лексическом значении. В аналитической форме с акциональным значением второй компонент всегда вспомогательный, поскольку именно он привносит характеристику протекания действия, выраженного деепричастием, иначе глагол-модификатор. В тюркских языках в аналитических и перифрастических формах отмечается сочетаемость определенных вспомогательных глаголов, движения или статики, с соответствующими им по лексическому значению глаголов в форме деепричастия/причастия [Насилов, 1976. С.161-162.].

В структуре аналитической/перифрастической формы происходит частичная десемантизация изначального лексического значения глагола, который выступает в качестве вспомогательного: границы значения становятся размытыми, что увеличивает количество смыслов, а лексическое значение в целом переходит на уровень обобщенного [Воронкова, 2007. С.130.]. Поэтому, представляется, что полной десемантизации вспомогательного глагола не происходит.

Существует точка зрения, согласно которой вспомогательные глаголы bol-(становиться ') и er- (быть ') в аналитических сочетаниях не утрачивают своего собственного лексического значения и не изменяют его. Именно это их отличает от других вспомогательных глаголов, которые являются составными компонентами аналитических форм с акциональным значением [Erdal, 2004. P. 323.]. Однако если это считать справедливым, то аналитических сочетаний, как таковых, не существует. Например, согласно приведенной выше точке зрения, форма -maz bolне может рассматриваться как перифрастическая форма, поскольку при употреблении bol- в собственном лексическом значении для образования, например, составного именного сказуемого с отрицательной формой причастия непрошедшего времени, то первый компонент — причастие в отрицательном статусе -тах воспринимается уже как лексикализованная форма, утратившая признаки адъективности. В настоящей работе предлагается полобные образования относить к перифрастическим формам, где bol- лишь модифицирует лексическое значение глагола, выраженного первым компонентом формы, т. е. причастием (адъективной или субстантивно-адъективной формой). Например, ikigü birlä (arısar süzülsär) ötrü öŋi (adırmaz üdürmäz) b(ä)lgü tutmaz bolur (Suv.B18.02) _Ecлu [они]оба вместе очистятся от грехов, то тогда они перестанут по-разному разделять, выбирать и выделять... '. Скорее всего, форма -maz bol- указывает на то, что совершение действия, передаваемое исходной основой лексически значимого глагола, прекращается.

Так, форму $-\gamma ali$ bol- вряд ли можно рассматривать как форму, передающую акциональные и/или аспектуальные значения. Образование и функционирование формы $-\gamma ali$ bol- только подтверждает идею о пограничности словоизменительных форм и категорий в древнеуйгурском языке. Приводимые из памятников примеры употребления $-\gamma ali$ bol- позволяют рассматривать ее как особое аналитическое образование:

• birôk antaqï kiši jirčilämäsär uduzmasar jirini jortyalï bolmadïn učrumlarda qoquzlarda tüšgülük bolyaj tip (Huen V 49, 15-19)

```
birôk antaqï kiši [jirčilä - mä - sär uduz] - ma- sar если местный человек провожать - NEG - CVB jir - i - n-i jort - γalī_bol - ma - dïn местность - 3 SG POSS - DISTR - ACC проходить - NZR - NEG - CVB [učrum - lar - da qoquz] - lar - da tüš - gülük_bol - γaj tip пропасть - PL - LOCABL падать - ASP -3 FUT QUOT
```

Он молвил: если местный житель не проводит и не сопровождает, пройти не получится, есть опасность провалиться в пропасть или упасть в яму.

```
    qarī učar učīn qïdīyīn bilgāli__bolmaz (Huen V 50, 7-8)
    qar - ï uč - ar [uč - ï -n qïdïγ]- ï - n bil - gäli__bol - maz
```

снег- 3SG POSS летать конец -граница - 3SG POSS - ACC познавать - NZR-NEG -PRS

снег над ним [перевалом] кружит, и не видно ни конца ни края [перевала]

 \bullet nom ärdininin bititmäknin bujanın ülgüläp tänläp tükägäli_bolmagay (AY.B13.01)

nom ärdini -niŋ bitit - mäk-niŋ bujan - ï - n

священное писание - GEN заставить написать - SF - GEN $\,$ благодеяние - 3SG $\,$ POSS - ACC

```
[ülgülä - p täŋlä ] - p __tükä - gäli__bol - ma - gay сравнивать - ASP - NZR - NEG -3 SG FUT
```

Нельзя ни сравнить, ни оценить полностью благое дело по поводу переписывания священной книги.

```
• ol jolča barīp arītī sansardīn ozyalī__bolmaz (Maitr.0.08) ol jol - ča bar - їр arītī sansar - dīn тот путь - EQT идти - CVB совершенно сансара - ABL оz - γalī__bol - maz освобождаться - NZR - NEG - 3SG PRS Идя тем путем, от сансары не освободиться. jana nizvanī üzā [....... [bilgāl]i oq]γalī__bolmadī (HTVII: 1699 HtPek 15 a) jana nizvanī üzā [bil - gāli oq] - γalī__bol - ma - dī снова страсть посредством знать - NZR - NEG - 3SG PST
```

И опять же посредством страстей [это] было не понять и не познать

При анализе приведенных примеров можно сделать вывод о том, что форма - γаlī bol- функционирует в древнеуйгурском языке как средство выражение обобщенного действия: действие представляется вне значений темпоральности, приобретает характеристики «опредмеченного действия» [Виноградов, 2001. С. 50-58.]. По всей видимости такая «обобщенность» представления действия позволяет некоторым исследователям усматривать в значении формы: 1) цель, что позволяет усматривать в значении -γalī bol- схожесть с супином; или же 2) способность совершения действия [Erdal, 2004. Р. 259-260, 409.].

Форму *-yali bol-* в древнеуйгурском языке можно интерпретировать как словоизменительную форму глагола, способную представлять действие безотносительно к хронологическому, таксисному порядку. По всей видимости, таким способом в древнеуйгурском языке предпринимались попытки передачи «инфинитивных смыслов», поскольку другие глагольно-именные формы не имели таковых, а форма *-maq*, которая интерпретируется как масдар, возникшая, скорее всего, как имя существительное, использовалась для передачи религиозных терминов.

Считать -yali bol- аналитической формой со значением *только* способности совершения действия [Erdal, 2004. Р. 259-260.] кажется сомнительным, поскольку в древнеуйгурском языке широко были распространены аналитические формы («CVB+AUX») -a u-, -yali u-, которые можно интерпретировать как формы возможности, а встречающиеся в памятниках -a uma-, -yali uma- как формы невозможности соответственно. В одних и тех же памятниках наблюдается употребление -yali bol- наряду с -yali u-, что представляется странным. Кроме того, и контекст указывает на разницу в значении двух форм. Например, etözleri kötürgäli umatilar (Uig I 40) _Oни не смогли унести [камень] своими силами...'. В этом примере -yali uma-, функционирующая как форма невозможности, вероятнее всего, выступает в качестве диалектного варианта формы -a uma-. Более того, в диалектах древнетюркских язы-

ков наблюдается тенденция к сближению смыслов у деепричастий - $\gamma al\ddot{i}$ и -a и постепенная замена -a на - $\gamma al\ddot{i}$ в аналитических формах. Поэтому вряд ли - $\gamma al\ddot{i}$ bol- следует рассматривать как аналитическую форму со значением возможности.

Список условных обозначений:

ABL	исходный падеж	NEG	отрицательный статус
ACC	винительный падеж	NZR	«псевдоинфинитивная» форма
ASP	аспект	PASS	страдательный залог
AUX	вспомогательный глагол	PART	частица
CAUS	понудительный залог	PL	множественное число
CVB	деепричастие, обстоятельственная форма	POSS	категория принадлежности
DATLOC	дательно-местный падеж	POST	послелог
DATDIR	дательно- направительный	PRF	перфект
	падеж		
DISTR	разделительный согласный	PRF.PST	перфект в прошлом
EQT	экватив	PRS	настоящее время
FUT	будущее время	PRS. PTN	форма настоящего-
			будущего потенциального
			времени с показателем -tačı
GEN	родительный падеж	PST	прошедшее время
IMP	повелительное наклонение	PTCP	причастие
INS	инструментальный падеж	REFL	возвратный залог
LOCABL	местно-исходный падеж	SG	единственное число
1	1 лицо	SF	субстантивная форма
2	2 лицо	SREP	показатель вторичной ре-
			презентации
3	3 лицо	VI	инфинитная форма глагола

Список источников:

- Нüen Уйгурская версия биографии Сюань-цзана Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана (фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР). –М.: Наука, 1991. - 591 с.
- Uig I Поклонение волхвов Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности.
 Тексты и исследования М.: Изд-во АН СССР, 1951. 452 с.
- AY.B13.01. Altun Yarok B13. Vatec Database. URL: http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de/vatecasp/Altun Yarok B13.htm)
- Maitr.0.08. Maitrisimit. Vatec Database. URL: http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de/vatecasp/Maitrisimit 0-2.htm).

Библиография

- 1. Агрелль С. О способах действия польского глагола/ С. Агрелль // Вопросы глагольного вида. –М., 1962. С. 35-39.
- 2. Аркадьев П.М. Глагольная акциональность/ П.М. Аркадьев //Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка/ Отв. ред. Я. Г. Тестелец. М.:РГГУ, 2009. С. 201-261

- 3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове)/ В.В. Виноградов /Под. ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. –720 с.
- 4. Воронкова. А. А. К современным теориям аспектуальности. (Обзор)/ А. А. Воронкова. //Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал, 2007. С. 106-135.
- 5. Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка/ под ред. А. С. Аврутиной, Н. Н. Телицина. СПб.: Изд-во С.-Петербургского гос. ун та, 2015. 320 с.
- Дениз-Йылмаз О. Категория номинализации действия в турецком языке/ О. Дениз-Йылмаз. —СПб: Изд-во С. Петербургского гос. ун-та, 2006. — 219 с.
- 7. Кондратьев В. Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII-XI/ В. Г. Кондратьев. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1981. 182 с.
- 8. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX вв.)/ А.Н. Кононов. —Л.: Изд-во Наука, 1980. 245 с.
- Кочеткова Т. И. Лексическая таксономия сложносоставных имен существительных/ Т. И. Кочеткова //Вестник ОГПУ. № 2, 2009. С. 38-45.
- Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание /Сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян; Вступит, ст. А. В. Бондарко, Н. А. Козинцевой, Т. А. Майсака, В. А. Плунгяна/ Ю. С Маслов. —М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
- 11. Насилов В.М. К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках/ В.М. Насилов//Тюркологические исследования. М.:Наука, 1976. С. 158-176.
- Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектуальности. Акциональность/ Д.М. Насилов М.: Наука. 1989. — 208 с.
- 13. Прохоров С. А. Кластеризация диагностических текстов при изучении предлогов английского языка в соответствии с таксономией Блума/ С. А Прохоров., А.С.Сучкова, И.М. Куликовских // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.17. № 2(5), 2015. С. 1097-1103.
- 14. Татевосов С. Г. Акциональность: типология и теория/ С. Г. Татевосов// Вопросы языкознания, 2005. № 1. С. 108-141.
- Телицин Н. Н. Инфинитные формы глагола в древнеуйгурском языке/Н.Н. Телицин// Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол — СПб: Изд. дом СПбГУ, 2011. С.179 –230.
- Телицин Н.Н. К истолкованию формы -sar в древнеуйгурском языке /Н.Н. Телицин// Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M.Nasilov. Сборник статей к 80-летию Д.М.Насилова. М., 2015. С. 234-238.
- 17. Телицин Н.Н. О функциональных особенностях инфинитных форм глагола в тюркских языках // Вестн. СПбГУ 94. Сер.2. Вып. 1 (№2). СПб, 1994. С. 124-127
- 18. Телицин Н.Н. Этнокультурные условия возникновения и развития уйгурской письменности/Н.Н. Телицин // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2010. Вып. 1. С. 83 -90.
- 19. Телицин Н.Н. Язык древнетюркских памятников рунического письма (VII-IX вв.)/ Н.Н. Телицин. СПб, 2001.
- 20. Тенишев Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология/Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 560 с.
- 21. Типология таксисных конструкций/Отв. ред. В. С. Храковский. -М.:Знак, 2009. С.750-803.
- 22. Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана (фрагменты из ленинградского рукописного собрания Института востоковедения АН СССР)/Л.Ю. Тугушева М.: Наука, 1991. 591 с.
- 23. Щербак А. М. Формы неполной вербальности (деепричастия)//Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол)/ А.М. Щербак. Л.: Наука, 1981. –191 с.
- 24. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол/Р.О. Якобсон// Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С.95-113.
 - 25. Erdal M. A grammar of old Turkic/M. Erdal. Leiden. Brill, 2004. 583 c.

Арсеньев Михаил Николаевич

ТОЛКОВАНИЯ *НИСБЫ* В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ДОПОЛНЕНИИ К СЛОВАРЮ *НИСБ* ИЗ СОБРАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН (В976)

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра семитологии и гебраистики 4 курс (бакалавриат) m.ars.rus@mail.ru

Arsenev Michael

INTERPRETATIONS OF NISBA أني IN THE LATE MEDIEVAL SUPPLEMENT TO THE DICTIONARY OF NISBAS FROM THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS COLLECTION (B976)

St.Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Hebrew and Semitic studies 4 year student (B.A.)

В статье рассмотрены толкования *нисбы итт* в дополнении к словарю *нисб* собрания ИВР РАН (В976). Существует две трактовки данной *нисбы*: 1) литературное значение, безграмотный, восходит к лексеме *штт* «мать»; 2) в отношении Мух аммада *нисба штт* возводится к словосочетанию *штт* а*d-qur* «мать городов», Мекка. Проводится анализ использования данной *нисбы* в Коране, а также приводятся причины появления упомянутых толкований, и их значение. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы: трактовка *нисбы*, ведущая к еè первоначальному кораническому смыслу, в данном словаре отсутствует; а указанные трактовки были традиционными в позднесредневековом Египте.

This paper examines the interpretations of nisba ummī in the supplement to the dictionary of nisbas from the IOM collection (B976). There are two main interpretations of nisba ummī: 1) literary meaning, illiterate, stems from umm—mother"2) as Muhammad's nisba, it is connected with umma al-qura—mother of cities", Mecca. The author studies the use of ummī in the Quran, and then gives an explanation why these interpretations appeared and how to understand them. This research reveals that the interpretation of nisba leading to original meaning is absent in the dictionary; and also that these interpretations were traditional in late medieval Egypt.

Ключевые слова: нисба умми; словарь *нисб*; традиционные толкования слов; безграмотность пророка Мухаммада; позднесредневековый Египет.

Key words: *nisba ummi*; dictionary of *nisbas*; traditional word interpretations; illiteracy of the prophet Muhammad; Late Medieval Egypt.

В классическом арабском языке нисба (относительное прилагательное) سلطة والمستقلة итт может быть образована от двух лексем: وأنه (umm) «мать», и соответственно переводиться как «материнский»; и أنه (umma), которое требует отдельного комментария. Оно имеет множество значений: образ поведения; вероисповедание; религия; религиозная община, народ, класс (людей, животных); поколение; пери-

од времени [Гиргас. 2010. С. 29]. В кораническом тексте под *уммой*, в значении какой-то общности, подразумевается жители Аравии, к которым был послан посланник, т.е. пророк Мух аммад, которые поверили его проповедям и идеям и последовали за ним, и впоследствии образовали раннемусульманскую умму, общину [Denny, 1975. Р. 67-70]. Позднее существительное في стало обозначать нацию, народ в обобщенном смысле, а в более узком — общину, племя или род. В других западносемитских языках, например, в библейском иврите (древнееврейском) (Nu 25:15; Gn 25:16, Ps 117:1) [Baumgartner, 1994. P. 167], библейском арамейском (Ezr 4:10; Da 3:4,7,29,31; 5:19; 6:26; 7:14) [Baumgartner, 2001. P. 1815] и в других арамейских языках [Sokoloff, 1992, Р. 39-40] слово אמ /אומ (umma) означало народ, общину, группу людей. Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что общее западносемитское значение этого существительного — какая-та группа людей (ее масштаб будет зависеть уже от контекста). И нисбу итті, восходящую к лексеме итта, следует переводить как относящийся к какой-то группе людей.

В этой статье автор хочет обратиться к трактовкам термина итт в позднесредневековом дополнении к словарю нисб, «Зайл лубб ал-лубаб». Это - позднесредневековое египетские компилятивное сочинение Ахмада ал- Аджам, представляющее собой дополнение к «Лубб ал-лубаб», словарю нисб Джалала ад-Д на ас-Суйут. Оно сохранилось в двух списках: в собрании ИВР РАН (В976. дата переписки — 1676 г.), и в собрании Королевской Библиотеки Дании (Cod. Arab. 167, дата переписки -1733 г.). ¹⁶ Приводим арабский текст с авторским переводом (B976, fol. 5v.2-4):

أَل يَقُ م ا مَ يُظ بُان أَ لِإِن قِرْ إِذِق أَ " ذِلت اظَتْ أَن النُّث ص ه ١/ الله ع هُ تُ طُق فُ ذ وُف اللّي ظلت ح لامه حال الكذِّ حقق رنع ح / ي ال كورة ارء

«Ал-умм \bar{u} — слово, и это относительное прилагательное к умма ал-к ур d^7 «Итк ан» 18. Это — нисба пророка, да благословит его / Аллах и да приветствует. В «Тух ϕ_a^{19} », *ал-умм* \bar{u} — связанный с его²⁰ матерью, (когда он был) в новорожденном состоянии, и прямое значение ее в литературном языке /- тот, кто не умеет писать. Окончено».

Мы видим в этой словарной статье несколько трактовок нисбы ал-уммй:

- Ал-уммй нисба от «Матери городов», т.е. Мекки, со ссылкой на не установленное нами сочинение. Также сказано, что это нисба (а впоследствии эпитет) пророка, и автор предлагает нам трактовать ее как «мекканец».
- Другое значение связано с الاسس» матерью. И в литературном языке это - безграмотный. Это словарное значение этого прилагательного как в средневековом литературном арабском (Classical Arabic), так и в современном арабском языке (Modern Standard Arabic).

¹⁶ Арсеньев, М.Н. Позднесредневековое дополнение к словарю нисб из собрания ИВР РАН (В976) / М. Н. Арсеньев // XXX международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки:

¹⁸ Т.к. «З айл лубб ал-лубаб»- компилятивный словарь, в его тексте сделано много ссылок на другие сочинения. Эти ссылки содержат только одно начальное слово. Так, вероятно, «Итк ан» «совершенство, мастер-

ство»— первое слово неустановленного автором сочинения.

19 Это ссылка на сочинение "جا" تُخج انْجراعَة شَرْجات "Эго ссылка на сочинение" (15 04-1567). Этот труд — комментарий к сочинению по фикху", שולין אין известного мух ддиса и правоведа Йах йиибн Шарафа ал-Навав (1233 - 1278). ²⁰ Исходя из текста местоименный суффикс 3 лица, ед.ч., м.р. относится к пророку. Но это не имеет

смысла. Поэтому, по-видимому, тут подразумевается абстрактный человек, "اظا

Прочитав эти трактовки, мы можем задать себе несколько вопросов: как эта нисба может быть образована от эпитета Мекки, , «мать городов»? Как мать и новорожденный связаны с безграмотностью? Как эта нисба обрела свое современное литературное значение? В ходе этой статьи мы постараемся ответить на эти вопросы.

Для начала обратимся к использованию *нисбы* $\stackrel{\cdot}{\mathcal{U}}$ в кораническом тексте. В кораническом корпусе это относительное прилагательное и его словоформы встречаются шесть раз. Два раза они используются по отношению к Мух аммаду (7:156 (157), 7:158), четыре раза по отношению к аравийским племенам, впоследствии аравийской раннемусульманской *умме* (2:73(78), 3:19 (20), 3:69 (75), 62:2). В современной коранистике принято мнение, что термин *уммй* в Коране обозначает человека, принадлежащего к народу, не обладающему священным писанием, то есть к аравийским язычникам [Резван, 2001. С.286]. Именно так это слово понимали самые ранние комментаторы Корана [Lane, 1968. Р. 92]. Ефим Резван, явно ориентируясь на Коран (3:75, см. ниже), выносит весьма амбициозное предположение, что "по-видимому, еще в доисламские времена оно (слово) употреблялось аравийскими иудеями и христианами для обозначения аравийских язычников" [Резван, 2001. С.74]. По мнению автора для такого предположения недостаточно оснований, так как в словарях арамейского языка (арамейских языков) такую трактовку и само относительное прилагательное мы не найдем.

Если мы обратимся к тексту Корана то, действительно, увидим, что под уммй подразумевается человек, не относящийся к людям Писания (иудеям и христианам). В 3:19 (20)²¹ имеющие Писание (بالكوراب) т. е. Тору или Евангелие, аравийские иудеи и христиане, противопоставляются أل ي , т. е. тем, кто этого Писания не имеет, т. е. аравийским язычникам. Именно так этот *аят* трактует Aт-T абар — «Это те, у кого нет Писания из аравийских язычников» [ص 4188]. В $3:69 (75)^{22}$ также противопоставляются обладателям Писания. В 3:75 говорится о том, что среди людей Писания есть те, кому можно доверить кантар²³ золота, и они потом его вернут, а есть те, кому и динара не доверишь. И они скажут, что у них нет перед язычниками (ا ی) обязательств. То есть, в этом аяте снова противопоставляются члены уммы, общины, не обладающей Писанием, и обладающие им иудеи. В 62:2²⁴ под أ подразумеваются жители Аравии, к которым был послан Мух аммад. Ат-Т абар просто пишет, комментируя это слово - "الْفَيْ". 4«это арабы» [مريط 4188 أ. 265]. В 2:73 (78)²⁵ порицаются группа людей из евреев (речь идет об условных временах Моисея), которые думают, что услышали и правильно поняли слова Бога. Однако они не знают истинного Писания, и «мечтают», придумывают его. Это истинное писание (будущий Коран) было ниспослано Моисею, но его последователи исказили его. Хотя речь и идет о евреях времен Моисея, это явное порицание в сторону современников Mvx аммада. Вторая *сура* - поздняя, мединская, пропитанная антииудейскими

 $^{^{21}}$ Приведем начало этого айята: ﴿ اَ أَنْ الْغُوْبَ ۖ الْخُوْبَاءُ الْغُوْبَ الْغُوْبَاءُ ﴿ Cnpocu y тех, кому даровано Писание (т.е. христианам и иудеям), и также не имеющим Писания (т.е. языческим аравийским племенам): «обратились ли вы в ислам?»».

^{22 3:69 (75):} اللَّهُمَّ عَالَمُ اللَّهُمَّ . У нас нет обязательств перед не имеющими Писания (язычниками). 3 Мера веса, примерно 45 кг.

المراجعة عديم, примери все, п

ды). كُا عَوْدٌ , " الْهُوَابَ إِلَّا لَهُا ۚ ` * كُي أَيْدُ * . Среди них (евреев) (есть) люди, не знающие Писания, а (знающие) только мечты. И они только думают (придумывают).

настроениями после разрыва Мух аммада с евреями. В $ma\phi$ сирах ал-Байд в и ал-Джалалэйн " \wp в этом aйате трактуется как: невежественные люди (или язычники), которые не знают истинного Писания, которое было ниспослано Мусе (Моисею) [Lane, 1968, P. 92].

По отношению к Мух аммаду термин $y_{MM\bar{u}}$ используется два раза: в 7:156 (157), 158^{26} . Также как и в других случаях, он используется для того, чтобы отделить жителей Аравии, не обладающих Писанием, от людей Писания. Важно, чтобы пророк был из среды «своих», т. е. из y_{MMbl} язычников, а не «чужих»: иудейских/христианских аравийских племен.

Таким образом, мы чèтко видим, что нисба وأ В Коране используется в отношении жителей Аравийского Полуострова, которые не обладают Писанием, т. е. не являются членами المنافع المنا

Однако впоследствии возобладала трактовка *итті* как «безграмотный», в том числе и в дополнение к словарю ас-Суйўт. Наиболее популярное традиционное объяснение приобретения такого значения связано с тем, что арабы-язычники воспринимались как безграмотные люди, которые не умеют читать и писать, и впоследствии значение этого слова распространилось на любого, кто безграмотен. Однако в нашем словаре мы имеем дело с более сложным и менее распространенным объяснением. Нисба أو *итті* образуется от лексемы *итті* «мать». С формулировкой المنافقة المنافقة " " " (В976, fol. 5v.3) нам помогает разобраться словарь Э. Лэйна [Lane, 1968. Р. 92], в котором он, опираясь на арабские источники, пишет, что, так как грамотность приобретаема, то новорожденный ребенок, разумеется, не успел обрести этого навыка, он не умеет ни читать, ни писать. Иными словами, он прибывает в состоянии (حلى) неграмотности, и называется المسті. И по аналогии с младенцем любой безграмотный человек стал называться ф. Таким сложным путём мы приходим к литературному значению *нисбы* — безграмотный.

Примечательно, что не все были готовы мириться с пониманием термина *итт* как «безграмотный» в отношении Мух аммада. Если эту неграмотность в отношении него признавали, то называли ее благородной, поскольку Мух аммаду Коран был ниспослан, т.е. он не мог придумать, написать его сам, т.к. был неграмотен. Также он не читал и не произносил поэзии, которая осуждается в Коране²⁷. Безграмотность пророка — один из главных аргументов в защиту тезиса о несотворенности Корана. В нашем же словаре безграмотность Мух аммада даже не

^{26 7:156 (157): ﴿} وَالْمُ اللَّهِ مِنْ اللَّهِ مِنْ اللَّهِ مِنْ اللَّهِ اللَّهِ مِنْ اللَّهِ اللَّهِ اللَّهِ اللهِ ال

подразумевается. В нем предлагается образовать нисбу итт от словосочетания أن «мать городов», т.е. Мекки, родины пророка. От أكن отбрасывается второй элемент status constructus, добавляется постфикс, и получается أن итт.

Подводя итоги, можно сказать, что в Коране термин ப штогользуется в отношении жителей Аравии, аравийских языческих племèн, у которых не было Писания, то есть не иудеев и христиан. Мух аммад называется так по той же причине, он был членом уммы язычников. Однако мы убедились, что в позднесредневековом египетского словаре 17 века такое объяснение отсутствует. Значение «безграмотный» в нèм объясняется сложным путèм, идущим от лексемы الله В отношении Мух аммада эта нисба и вовсе возводится к (матери городов», Мекке, родине пророка. И такой трактовкой автор словаря даже не подразумевает безграмотность пророка. Стоит еще отметить, что «З айллубб ал-лубаб» - компилятивная работа, с огромным количеством ссылок на другие египетские сочинения. И основываясь на этом, мы можем сказать, что указанные выше толкования нисбы уммй были традиционными в позднесредневековом Египте.

Библиография

- Арсеньев, М.Н. Позднесредневековое дополнение к словарю нисб из собрания ИВР РАН (В976) / М. Н. Арсеньев // XXX международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: материалы конгресса. Т 1. — СПБ. : Издательствостудия НП-ПРИНТ, 2019. - С. 66-68.
- 2. Гиргас, В.Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам / В.Ф. Гиргас. СПБ. : Издательство «Диля», 2010. 928 с.
- 3. Резван, Е.А. Коран и его мир / Е. А. Резван. СПБ. : Петербургское востоковедение, $2001. 608 \ {\rm c}.$
- 4. Baumgartner, W. The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. V.1 / W. Baumgartner, L. Koehler. Leiden. New York. Koln: Brill, 1994. 906 p.
- 5. Baumgartner, W. The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. V.2 / W. Baumgartner, L. Koehler. Leiden. New York. Koln: Brill, 2001. 1188 p.
- 6. Denny, F.M. The meaning of ummah in the Quran / F.M. Denny // History of religion. 1975. XV. Pp. 34-70.
- Lane, E.W. An Arabic-English Lexicon. In 8 parts. Part I / E. W. Lane. Beirut: Librairie du Liban, 1968. - 404 p.
- 8. Sokoloff, M. A dictionary of Jewish Palestinian Aramaic of the Byzantine Period / M. Sokoloff. Ramat Gan: Bar Ilan University Press, 1992. 823 p.
- 9. آب جَهْنِ نُ خُسْرِ عُ نُعْ نُكُوبِ لِذُ ۖ جَهْنِ نُ حُسْرِ. [Электронный документ]. URL: (https://al-maktaba.org/book/26803). Проверено 05.11.2019.
- عجد ترج زر انطشز جايع انشاً ع ذو م النق ز آلف خار انطر (انجش ان فياض. /انطشز النقاز ج4 دار ان جزر النجل . . 118 ص 118. . . 118 ص
- عبد ت ج زر انطشز جايع انثاً ع نو م اله زانه خوانه اله خوانه انشان على المسلم ال
- 12. Кудрявцева, А.Ю. Лексико-грамматический строй Корана. [Электронный документ]. URL: http://www.kunstkamera.ru/museums_structure/research_departments/islam/corp_uscoranicum_petropolitana/koran/. Проверено 05.11.2019.

Васина Алёна Сергеевна

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕМЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТЕСС ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ХХ ВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра корейской филологии 4 курс (бакалавриат) Selenarit@mail.ru

Vasina Alyona

SPECIFICS OF LIFE AND DEATH REPRESENTATION IN WORKS OF CONTEMPORARY FEMALE POETS IN THE REPUBLIC OF KOREA

St. Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Korean Philology 4 year student (B.A.)

В статье рассматриваются особенности развития темы жизни и смерти в творчестве двух южнокорейских поэтесс второй половины XX века на примере наиболее характерных стихотворений. Анализ демонстрирует особенности видения темы каждой поэтессой и различные подходы к разрешению конфликта.

The paper deals with specifics of Life and Death Representation in the works of two South Korean poets of the second half of the XX century on the example of the most representative poems. The analysis demonstrates different visions of the topic and various approaches to the conflict resolution

Ключевые слова: корейская литература, современная корейская поэзия, творчество поэтесс, тема жизни и смерти, Мун Чонхи, Ким Сынхи.

Key words: Korean literature, contemporary Korean poetry, poetry, life and death in poetry, Mun Jeong-hui, Kim Seung-hee.

В статье рассматриваются особенности развития темы жизни и смерти в творчестве двух южнокорейских поэтесс второй половины XX века на примере наиболее характерных стихотворений. Поскольку стихотворение в стихотворении Ким Сынхи можно наблюдать раскрытие темы наиболее отчетливо, его анализ займет центральное место, в то время как стихотворения Мун Чонхи будут использованы для иллюстрации разницы в восприятии этой темы.

Традиционно в корейской литературе тема жизни и смерти представлена достаточно широко, однако ее развитие имеет существенные отличия от западной традиции. Это объясняется спецификой мировосприятия, в частности, обусловленной принадлежностью Кореи к странам китайской ойкумены. Основополагающим элементом картины мира в культуре народов этих стран является представление о гармоническом взаимоотношении противоположных начал, на кото-

ром зиждется все сущее: инь и ян, хтонического и солярного, пассивного и активного. Являясь противоположностями, эти начала не конфликтуют друг с другом, а образуют гармонию, соединяясь.

Жизнь и смерть также представляют собой пару оппозиций, и их взаимоотношения понимаются соответственно. К тому же собственно корейская культурная традиция способствовала формированию особенностей развития этой темы в литературе Кореи.

К этой теме обращаются и современные авторы, в частности, южнокорейские поэтессы. Творчество поэтов-женщин позиционируется в Республике Корея (РК) как самостоятельное явление, однако оно остается практически неизученным как в корейской, так и в западной науке.

В данной работе мы обратились к особенности развития названной темы в творчестве двух поэтесс: Мун Чонхи (род. 1947 г.) и Ким Сынхи (род. 1952 г.), Данные авторы широко известны как в Корее, так и во всем мире. Сборники их стихотворений постоянно переводятся на различные языки. Несмотря на то, что обе поэтессы начали свою литературную деятельность в XX веке, их можно назвать представительницами разных эпох. Ким Сынхи видится как автор XXI века, относительно недавно обретший популярность, в то время как Мун Чонхи занимает промежуточное положение между классиком и автором современности.

Прежде чем перейти к рассмотрению темы жизни и смерти в произведениях этих поэтесс, целесообразно кратко представить основные особенности их творчества

Мун Чонхи родилась в 1947 году в Посоне. Несмотря на то, что ее детство выпало на трудные военные годы, она смогла поступить в один из престижных университетов Республики Корея, Университет Тонгук и, окончив его, остаться там преподавать корейскую литературу. У Мун Чонхи рано проявился интерес к поэзии. Еще в школе она опубликовала свой первый сборник поэзии и сразу же получила признание, поскольку ее о ее произведениях было написано в газетах, освещающим творчество молодых поэтов. Автор пяти сборников стихотворений, Мун Чонхи является обладателем ряда престижных литературных премий, некоторое время была председателем Общества поэтов Кореи [1].

Ее творчество тесно переплетено с ее жизнью. Поэтесса пишет об утратах, переездах, детских воспоминаниях, мечтах, повседневных заботах и обо всем, что вызывает в ее душе сильный отклик. Ее поэзия может быть то романтичной и мечтательной, то хлесткой и местами сатирической. Написанные изящным и утонченным языком, стихотворения Мун Чонхи сочетают в себе чувственность и эмоциональность. Они насыщены многочисленными метафорами и аллюзиями, а также образами природы, которая отражает состояние лирической героини. Несмотря на то, что Мун Чонхи описывает свои личные переживания в ситуациях, с которыми мог не сталкиваться читатель, все же ее стихотворения понятны каждому, потому что мастерство слога и сила эмоций, заключенных в них, пробуждают чувство глубокого сопереживания.

Поэтесса Ким Сынхи родилась в 1952 году в городе Кванчжу. Окончив старшую школу для девочек Чоннам, она поступила в Университет Соган, где получила степень-бакалавра в области английской литературы. Получив докторскую степень по литературе Кореи, она осталась преподавать в родном университете. Свое первое стихотворение она написала в 1973 году и в том же году поэтесса получила награду на ежегодном конкурсе для авторов-новичков. Всего Ким Сынхи

опубликовала шесть поэтических сборников, а также проявила себя в качестве автора новелл и эссе.[2].

На основании анализа стихотворений Ким Сынхи, особенностью ее поэзии можно считать то, что она, говоря о простых и повседневных вещах, возводит их в абсолют. Она рассказывает истории из своей жизни, но они пересекаются с судьбами множества других женщин. Поэтесса говорит об одиночестве, страдании, отчаянии, используя редкие, нетипичные образы. В ее стихотворениях нечасто встречается характерное для традиционной поэзии описание природных объектов и явлений. В написанных ею строках содержатся страстные и пылкие чувства. Созданный ею мир страшен и опасен, поскольку в нем много первобытного: тотемы, жертвоприношения, кровь. Читатели корейского блога полагают, что поэзия Ким Сынхи построена на оппозиции жизни и смерти, света и тьмы, воображаемого мира и мира реального [Who's who in Korean Literature. P. 270].

Творчество Ким Сынхи получило большое признание в Корее, и за столь необычную манеру написания стихотворений поэтессу часто называют «языковой террористкой». Сопоставление стихотворений трех поэтесс с литературной традицией Кореи позволяет, как выделить новаторские элементы творчества, так и установить их связи с родной традицией. Это способствует пониманию и более полной трактовке образности произведений, которые представляют собой многоуровневые тексты, часто со сложной структурой. Обратимся к рассмотрению темы жизни и смерти в творчестве поэтесс на примере наиболее характерных стихотворений.

В творчестве Ким Сынхи есть пример стихотворения, в котором жизнь и смерть представлены яркой оппозицией. Рассмотрим стихотворение «Слива Сильна» подробнее.

Ни о чем другом я не знаю.

В глуби земли под тем вот ледником -

Медведь в зимней спячке.

Должно быть, путь, который проделал Орфей в поисках погибшей Эвридики, Извилист.

Но хуже спящего медведя

Человек.

Он суетится и шумит.

Но то, что еще хуже человека - это злодеяния того мира.

Орфей, который отправился в путь в преисподнюю, пробивая лед.

Орфей, оплакивавший смерть и стремящийся спасти от смерти,

Спасти ее не смог.

Погибшая Эвридика умерла снова.

Когда река оттаивает,

Голова Орфея и лира его, качаясь на воде, уносятся течением.

Прежде чем эта душа расцветет, цветет слива.

Как же слива сильна!

В данном стихотворении основным лейтмотивом служит обращение к древнегреческому мифу об Орфее и Эвридике. Обращение к античной мифологии является одним из способов причастия к мировой культуре. Современная корейская

литература нередко использует элементы, заимствованные из мировой культурной традиции. Для корейских поэтов прошлого было важно продемонстрировать свое мироощущение через приобщения к китайской литературной традиции, однако с приходом XX века, когда Корея перестает быть закрытой страной, в творчестве поэтов стали появляться западные образы. При этом эти образы часто вводятся в специфический культурный контекст или используются особым образом, в связи с особенностями корейского мировоззрения.

Так, в рассматриваемом стихотворении история путешествия Орфея в царство мертвых взята за основу для того, чтобы показать неестественность уклада жизни человека и его сопротивление силам природы. В традиционной корейской поэзии важное место отводится теме существования человека в соответствии с естественными ритмами природы. Накладывается на них и жизненный цикл человека. Как отметила М. И. Никитина — в поэзии сичжо, наиболее популярном жанре на родном языке эпохи Чосон (1392-1897), дискретности жизни человека противопоставлена бесконечность природы. [Никитина, 1994.С.312].

Ким Сынхи говорит о попытке человека противостоять смерти, выбрав известный античный миф. Стихотворение начинается с зимнего времени года. Как известно, в мифе действие не происходит зимой, и льда в царстве Аида не было. Однако в традиционной для Дальнего Востока картине мира и, в частности, в корейской поэзии зима ассоциировалась со смертью, поэтому, обращаясь к теме смерти, поэтесса дополняет заимствованный миф корейскими образами. Зима связана с чем-то таинственным и непознанным. Зимой семена, засеянные осенью. оказываются скрытыми от глаз человека. Они таятся в земле в ожидании весны [Кравцова, 1999. С. 109]. Природа в этот период находится в состоянии сна, словно медведь в спячке. Это естественный ход вещей, но человек не только бодрствует, но и пытается сопротивляться природе. Поэтесса, противопоставляя мир природы и мир людей, делает вывод, что человек суетится и шумит, когда следовало бы погрузиться в себя, поэтому он хуже медведя, который подчиняется законам природы. В данном тексте Орфей активно движется вперед, пробивая лед, то есть борется со смертью и идет наперекор природному циклу. Отметим, что при традиционной постановке вопроса, его рассмотрению служат нетипичные образы. Так, медведь — это элемент, несвойственный не только корейской поэтической традиции (хотя он встречается в прозе), но и поэзии современной.

В стихотворении также можно проследить противопоставление жизни и смерти. Зима, лед, воды реки Стикс — символы смерти. В греческой мифологии река Стикс разделяет мир живых и мир мертвых, ее воды могут приносить вред человеку. В китайских текстах также можно найти образ реки, разделяющей два мира. Это река Жошуй弱水, (кор. чтение яксу), что означает «слабая вода», из-за того, что на ее водах ничто не могло удержаться, и даже самый легкий предмет шел ко дну [3]. В стихотворении река не названа, однако понятна ее функция — служить границей между жизнью и смертью.

Орфей, пытавшийся побороть смерть, проигрывает. Потусторонний мир оказывается сильнее, и Эвридика умирает снова. Возможно, во второй раз уже не физически, как в мифе, а вместе с надеждами Орфея еще когда-либо спасти ее. Воды окончательно поглощают Орфея, и течение уносит прочь его тело и лиру. Природа, представленная в начале стихотворения в пассивном виде, в итоге побеждает. В самом образе текущей воды можно усмотреть отсылку к образу временного хода, течения времени, которому невозможно противостоять.

Вероятно, под словом «душа» $\stackrel{\ref{e}}{\xi}$ хон в предпоследней строфе подразумевается не только душа главного персонажа текста - Орфея, хотя корейское слово $\stackrel{\ref{e}}{\xi}$ хон переводится как «дух». Это также душа этой истории, этой попытки победить смерть. И прежде, чем ей удалось осуществиться, расцвела слива. Несмотря на название стихотворения — «Слива сильна» - сама слива в нем упоминается единственный раз, при этом, в самом конце.

Слива ¬¬м», зацветающая еще зимой, - важный символ в культуре Дальнего Востока. Часто он встречается и в корейской традиционной поэзии как предвестник наступления весны, новой жизни. Ким Сынхи обращается к этому образу как распространенному символу зарождения жизни. В этом стихотворении сливе удается зацвести первой, поскольку она не сопротивляется естественному циклу, не пытается изменить его. Независимо от воли человека за зимой следует весна — символ плодородия, и жизнь возрождается сама собой. Для сливы нет необходимости пробивать лед, потому что он тоже тает сам, когда приходит время. Сила сливы заключается в следовании законам природы.

Противопоставление жизни и смерти как борющихся противоположностей в тексте несколько нетипично для корейской литературы, однако итог стихотворения закономерен. Конечности человеческой жизни противополагается бесконечная природа, возрождающаяся постоянно. Использование растительного символа для формулирования этой идеи также соответствует традиции: корейская литература как прошлых веков, так и нашего времени изобилует примерами сочетания растений и образов, связанных с конечностью жизни человека [Guryeva, 2019, P. 201].

Тем самым, стихотворение Ким Сынхи представляет собой образец сочетания традиции и новаторства. Обращаясь к достаточно традиционной теме, автор развивает ее, соединяя корейские образы с греческим мифом о смерти. Поместив традиционную дальневосточную символику в необычную обстановку, Ким Сынхи предлагает свое осмысление известного мифа.

В поэзии Мун Чонхи отсутствует столь яркое противопоставление жизни и смерти, льда и огня, холода и тепла. Однако поэтесса также обращается к естественным циклам возрождения природы и, акцентируя момент перехода из состояния, близкому к смерти, в состояние жизни:

«Смотри! — изможденные травы, Что, засохнув, на землю когда-то легли, Чудом зазеленели, ожили»

В своих стихотворениях она высказывает мысль, что природа способна к обновлению, а человек - нет. Для Мун Чонхи характерна оппозиция естественное — искусственное:

«Сгнив, блистательно смешаешься с землей. Куда отвратительней холодный винил И пугающе тоскливый пластик - Овладев магией вечной жизни, они Мусором по земле кружатся...»

Все, что не следует естественному циклу, отвратительно, и человеку стоит прислушаться к природе, а не гнаться за вечностью.

Противопоставление естественного и неестественного служит здесь обращению к теме экологии, теме насилия над природой, которые, в конце концов, ведут к смерти. Это тема, актуальная для творчества многих современных авторов в Южной Корее, среди них — Пак Кèнни [4] и Чон Хèнчжона [Гурьева, 2010.С.188]

Таким образом, на примере темы жизни и смерти можно обнаружить традиционные корейские мотивы в современной поэзии, а также выявить новое, нестандартное видение каждой поэтессой темы жизни и смерти. Конфликт жизни и смерти в современной поэзии решается в соответствии с традицией, видение поэтессами мира остается традиционным: естественность и следование законам природы - единственный способ гармоничного существования. Однако средства разрешения данного конфликта меняются: можно наблюдать обращение к мировой литературе и появления современных образов и ассоциаций.

Библиография

- 1. Гурьева А.А. «Петербургские стихи» Чон Хенчжона. -СПб, 2010.- С.188
- 2. Кравцова М.Е. История культуры Китая. Спб, 1999.- 416с.
- 3. Мун Чонхи. Вслед за ветром. М., 2015. 144с.
- Никитина М.И. Корейская поэзия XVI XIX вв. в жанре сичжо. СПб. : Петербургское востоковедение. 1994. 312 с.
- Guryeva A. Symbols in contemporary poetry. Вестник центра Корейского языка и культуры. СПб,2019. 201с.
- 6. Who's who in Korean Literature. USA.1996.

Электронные ресурсы:

- Жошуй. Энциклопедия тайн. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bibliotekar.ru/index.files/2/78.htm (07.11.2019)
- 2. 믿음으로 가는 길 Mid-eum-eulo ganeun gil. [Electronic source]. URL: http://okjaa2002.egloos.com/8900510 (07.11.2019).
- 3. 김승희 시인 작가론 Gimseunghui siin jaggalon. [Electronic source]. URL: http://blog.naver.com/PostView.nhn?blogId=hansoo8824&logNo=220381262113 (07.11.2019)
- 4. http://www.seelotus.com/gojeon/hyeon-dae/si/sijagpum/jagpum/gimnamjo2.htm 07.11.2019

Дубровина Юлия Александровна

МОТИВНАЯ СТРУКТУРА РОМАНА САЛМАНА РУШДИ «ДЕТИ ПОЛУНОЧИ»

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра индийской филологии 2 курс (бакалавриат) julia-098@mail.ru

Dubrovina Yulia

MOTIVE STRUCTURE OF THE NOVEL OF SALMAN RUSHDIE «MIDNIGHT"S CHILDREN»

St.Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Indian Philology 2 year student (B.A.)

В статье анализируются основные мотивы романа «Дети полуночи», для которого лейтмотив является основным композиционным приемом. Сделана попытка на основе мотивных связей в романе понять авторский замысел и дать интерпретацию тому, как автор показывает в романе историю недавно получившей независимость Индии.

The paper analyses the main motifs of the Salman Rushdie's novel «Midnight children», where leitmotif is the main element of the composition. On the ground of motive connections the author also tries to understand the intent of Rushdie and make an interpretation of how he narrates the story of recently independent India.

Ключевые слова: современная индийская литература, литература на английском языке, магический реализм, литература постмодернизма, обрамленная повесть

Key words: modern Indian literature, English literature, magical realism, postmodern literature, framed novel

Написанный в 1981 году в русле магического реализма роман Салмана Рушди «Дети полуночи» — произведение со сложной системой образов и запутанными мотивационными связями, которое совмещает в себе элементы традиционной обрамленной повести и постмодернистского текста. Несмотря на популярность романа и достаточную степень его изученности, в русскоязычной традиции до сих пор не предпринимались серьезные попытки специальных исследований его мотивной структуры.

Сюжет романа строится вокруг жизни индийца Салема Синая, который родился в полночь 15 августа 1947 года, когда была объявлена независимость Индии, и чья судьба оказалась неразрывно связана с судьбой всей его страны. Роман — история жизни, которую рассказывает сам тридцатилетний Салем влюбленной в него работнице консервной фабрики Падме.

История начинается в 1910 году в Кашмире, когда знакомятся его дед, вернувшийся из Германии с дипломом врача, и бабушка, добропорядочная мусульманка. Мать героя — одна из их дочерей, которая выходит замуж за отца Салема

Ахмеда и поселяется с ним в поместье покидающего Индию англичанина. Когда рождается сам герой, в роддоме медсестра подменяет младенцев богачей и бедняков, и Салем, сын бедных актеров, получает комфортную жизнь, а второй малыш, которого назвали Шивой, отправляется в трущобы. История усугубляется тем, что настоящим отцом Салема является не бродячий актер Уинки, а бывший владелец их поместья, англичанин, соблазнивший его мать.

Все дети, родившиеся в одну полночь с главным героем, обладают волшебными способностями. Способность Салема, которую он приобрел, когда сильно вдохнул носом, - телепатия. Кроме того, он смог объединить в своей голове голоса всех детей полуночи и проводить там своеобразные «ментальные конференции», посвященные их судьбам и предназначению. Позднее, когда ему проведут операцию по дренажу носовых пазух, Салем потеряет свою способность, но приобретет неординарное обоняние.

Вскоре после раздела Индии семья Салема переезжает в мусульманский Пакистан, где во время Индо-Пакистанской войны бомбы уничтожают почти всех родственников героя, а он сам теряет память, после чего ведет службу в качестве ищейки в пакистанской армии. Воюя на территории Восточного Пакистана, он заводит свой отряд в джунгли Сундарбана, где в магическом окружении возврашает себе память.

Салем, спрятавшись в корзине Парвати-Колдуньи, одной из детей полуночи, нелегально возвращается в Индию, где вынужден жить в квартале фокусников среди бедняков. Там у Парвати рождается сын, которого зачал Шива, и Салем женится на ней. По приказу Индиры Ганди, объявившей чрезвычайное положение в стране, все дети полуночи были пойманы и подвергнуты принудительной стерилизации, после которой потеряли свои способности.

Салем заболевает неизвестной болезнью, которую он называет «трещинами», и дожидается своего конца на принадлежащей бывшей няньке консервной фабрике, где работает управляющим. Он стремится написать всю свою историю, пока окончательно не развалится на части. Рассказчик сам описывает свою будущую кончину, он уверен, что не доживет до своего тридцать первого дня рождения, толпы растопчут его и разотрут в частицы пыли.

Роман «Дети полуночи» написан в форме обрамленной повести — литературного жанра, в котором посредством связующей повествовательной рамки объединены разнородные рассказы. Важной особенностью обрамленной повести, которая нашла отражение в «Детях полуночи», является ограниченность рамочного рассказа каким-то сроком или событиями. В. Шкловский, анализируя «Тысяча и одну ночь», пишет: «Рассказывание как способ отсрочки гибели широко используется в обрамлении» [Шкловский, 1959. С.145].

При этом Рушди — писатель-постмодернист. Постмодернистский автор находится непосредственно внутри художественного пространства своего произведения, причем оказывается там экстравагантным образом, путем «размножения авторского "я"» [Постмодернизм в литературах Азии и Африки, 2010. С.38]. В постмодернистской литературе, как правило, используется игровой принцип реализации образа автора, так называемая «авторская маска», которая предполагает введение автора в произведение в качестве персонажа, который ведет повествование от своего лица. Автор ставит себя на один уровень с персонажами. Читатель не может понять, где правда, а где фикция, а автор иронизирует над собой, лишает свои слова авторитета. Как рассказчик в своих романах Рушди «совершенно не

вызывает доверия» [Очерки истории литератур Индии (X-XX вв.), 2014. С.298], очевидна субъективность его оценок.

Важнейшим приемом, которым пользуется Рушди в своем произведении, является лейтмотив. Рассмотренные мотивы объединены в темы, затрагивающие одновременно и самого героя, и традиционную индийскую образность, что позволяет проводить параллели между главным персонажем и Индией. Это представляется удобным способом анализа замысла автора, который дает свое видение только что освобожденной Индии посредством явного сравнения судеб отдельно взятого инлийпа и пелой напии.

В романе можно выделить три основные темы:

- «бесполезность» указывающая на крушение надежд, как самого героя, так и надежд на построение идеального парства на земле:
- «внешнее и внутреннее», эта тема тесно связана с темой противостояния индийского традиционализма и западного прогресса;
- 3. «ирреальность», объединяющая в себе мотивы, связанные с древней Индией, с тем, что не дает стране оторваться от «корней» и стать царством справедливости на земле.

Тема бесполезности нашла свое отражение в романе через следующие мотивы:

- импотенции (физическая импотенция первого возлюбленного матери Салема Надир Хана и главного героя, потеря волшебных способностей детей полуночи после стерилизации, неспособность членов семьи к объединению);
- плодовитости (способность главного героя «множить» родителей, упоминание древних сил плодовитой Индии);
- частей (любовь деда и матери главного героя к своим супругам, составленная из любви к их отдельным частям, упоминание отдельных частей тела персонажей);
- разрыва, трещин и развала (разрыв в самоидентификации Салема, трещины в теле Салема и его деда, в земле, в скале в Сундарбане, разрушение деда главного героя, смерть самого главного героя, развал Индии);
- стремления к объединению (стремление детей полуночи к объединению ради великой цели);
- вертикали (популярная у детей полуночи игра в «змейки и лесенки», противостояние бедняков и богачей, перестановка позиций главного героя и его альтерэго сверху-вниз и наоборот, верхний и нижний дренаж главного героя).

Важно отметить, что крайние точки реализации этих мотивов представляют собой бинарные противопоставления. Так импотенция Салема как мужчины сочетается с его уникальной способностью «плодить родителей», а его «плодовитость» в этом отношении оказывается бесплодной — почти все его родители погибают. Акцент на отдельных частях тела (огромный нос Салема, тонзура монаха и др.), трещины (как в теле главного героя и в земле его страны, так и в скале «ирреального» мира Сундарбана) и следуемый за трещинами развал (героя и страны) сочетается с бесплодным стремлением детей полуночи к объединению.

На тему бесполезности указывает также разрыв внутренних связей в семье, бесплодность попыток их восстановить. Именно поэтому в романе сам герой не сын своих родителей, и его сын не приходится ему сыном, поэтому в конце в живых осталась не его мать, а няня, а силы «древней плодовитой Индии» ничем не помогают новорожденной раздираемой внутренними противоречиями стране, чьи

попытки стать «царством дхармы» на земле остаются бесплодными, как и попытки главного героя прожить якобы уготованную ему великую судьбу. И развал страны, который уже начался, может закончиться только одним — с ней произойдет то же, что и с героем, который так описал свою смерть: «сломленный человек распадается на куски, ибо жило во мне так много, слишком много людей» [Рушди, 2006. С.817].

Тема *внутреннего и внешнего* также реализуется в романе посредством ряда повторяющихся мотивов:

- корзины (прячущийся в бельевой корзине маленький Салем и скрывающийся в корзине Парвати взрослый Салем);
- сексуальности (традиционализм бабушки героя Назим в постели, запутанные отношения матери героя с его отцом и Надир Ханом, влюбленность Салема в собственную сестру, утехи солдат в Сундарбане);
- памяти и ее утраты (записывание собственной жизни самим героем, работа на консервной фабрике, хронологическое расхождение описанных событий с реальными, утрата памяти при взрыве и ее возвращение только в «ирреальном» мире Сундарбана, где не существует времени и памяти).

Данные мотивы раскрывают проблему традиционализма, который противопоставляет «внутренние» ценности Индии «внешним», западным. Поэтому главный герой прячется в бельевой корзине от внешнего мира, не способный выдержать мысли о великом предназначении, поэтому в корзине прячется и взрослый Салем, по прошествии лет, как и сама Индия, не утративший страха перед внешним миром, и поэтому все, на чем сосредоточены герой и страна — сохранение памяти, возвращение к корням, а память приходит из «ирреального» мира и все время подводит.

Тема внутреннего и внешнего сама по себе представляет собой бинарную оппозицию, внутри нее также появляются и множатся новые противопоставления.
Традиционализм, стремление сохранить память о прошлом сочетается со стремлением героев ко всему «внешнему», нетрадиционному. Так дед главного героя
обучался в Германии и по приезде в Индию больше не имел твердой веры в Аллаха, отец его жены Назим, слепой помещик, обожал европейскую живопись, а сам
Салем влюбился в американскую девчонку. И за каждую попытку выйти за рамки
традиционализма, приобщиться к чему-то внешнему, героям приходится платить
определенную цену: когда Адам Азиз потерял твердую веру в Аллаха, в нем образовалась «душевная дыра», возлюбленная Салема покалечила его, толкнув его
велосипед прямо в толпу демонстрантов, а любитель европейской живописи теряет зрение, но не утрачивает свою любовь. Все это — иллюстрации проходящей в
романе красной нитью идеи о неспособности Индии перенять внешние ценности,
все подобные попытки обречены оборачиваться развалом и увяданием.

Тему иррациональности раскрывают мотивы:

- призраков (призрак, преследовавший няню Салема, разговор матери героя с призраком корзины перед смертью, призрак разлагающегося трупа сестры героя, сам Салем как призрак в корзине Парвати);
- фокусников (биологический отец Салема певец из трущоб, предсказанное хиромантом рождение героя, проживание в квартале фокусников);

• мифологических героев и богов (аллюзии с «Рамаяной», Шива, Вишну, Парвати, Ганеша, Падма, Кали, богиня Ганга, Деви, Богиня-Мать, Иисус Христос).

Мифология присутствует в романе достаточно явно, рассказчик сам указывает на это в связи с аллюзиями с «Рамаяной». В романе случается своеобразный пожар на Ланке: отец Салема владел складом; чтобы его не сожгла группировка противников мусульман, которые именуют себя Раваной, он должен был заплатить. Однако сумку с деньгами разорвали обезьяны, одну из которых рассказчик именует Хануманом, после чего склад был сожжен [Рушди, 2006. С.165].

Эти аллюзии имеют более широкое значение, чем просто отсылки к эпосу. Включение в произведении элементов, связующих современный сюжет с историей Рамы, в целом характерно для современной индийской литературы [Челнокова, 2009. С.156]. Говоря об архетипических функция персонажей эпоса Вальмики, стоит упомянуть, что Рама «неизменно оказывается защитником справедливого мирового порядка, дхармы» [Челнокова, 2009. С.156]. Этот справедливый порядок в 20 веке может пониматься как обретение независимости и создание нового общества. Таким образом, функциональная нагрузка образа Рамы подводит к мысли о том, что новая Индия, родившаяся вместе с Салемом, должна стать идеальным государством на земле; аллюзии с «Рамаяной» сближают образы Индии и Салема, на которых с самого рождения возлагаются великие надежды.

Если альтер-эго Салема — это Шива, то можно провести параллели между самим Салемом и Вишну, защитником дхармы, который олицетворяет мировой порядок. Это вновь сближает образы героя и новой Индии, которая должна стать государством идеального порядка, а он — его защитником.

Данные мотивы сводятся к теме ирреальности, к мифам, к тому, чем наполнена древняя Индия, чье величие ранее процветало, а сейчас, в период развала, вырывается наружу, опутывает все происходящее, не дает оторваться от «корней», и тем самым порою тормозит ее движение к построению новой Индии - великого царства справедливости на земле.

На уровне структуры следует отметить не только форму рамочного повествования и вставных историй, характерную для традиционного жанра обрамленной повести, но и принципиально важное для раскрытия идейного содержания романа наличие пары «рассказчик — слушатель» (Салем-Падма), которая придает повествованию не только фольклорный оттенок, но и отсутствие объективности происходящего, поскольку все описываемые события оказываются донесенными до читателя через призму восприятия главного героя.

Посредством рассмотрения отдельных мотивов и построения связей между ними, были выстроены параллели между рассказчиком, который в конечном итоге сам опишет свою гибель, и Индией. Рассказчик выдерживает параллель между страной и ее героем, стремительно движущимся к упадку, развалу и, в конечном итоге, смерти.

В связи с этим следует обратить внимание на одну из частей экспозиции, в качестве которой в романе выступает глава «Прорезь в простыне», рассказывающая о встрече деда и бабки главного героя. В ней молодой кашмирец Адам Азиз (дед Салема) после обучения в Европе стремится заработать репутацию врача в родном Кашмире и регулярно посещает дом местного помещика, куда его переправляет через озеро старый лодочник Таи, чтобы проводить осмотр его дочери

Назим (будущей бабушки Салема) через прорезь в простыне. Адам постепенно влюбляется в Назим и решает жениться на ней.

Часть «Прорези в простыне» построена в форме параллельного повествования, в котором друг друга перемежают 3 элемента: диалог Адама Азиза со слепым помещиком, ценителем европейской живописи; диалог Адама с Таи, оскорбляющим выучившегося в Европе врача и монолог матери Адама, упрекающей сына, который покинул «бедную старую мать» [Рушди, 2006. С.43]. Так перед читателем в экспозиции предстают три образа: «наружная» Европа, «внутренний» традиционализм, не приемлющий ее, и Мать-Индия, старая, больная и заброшенная. Между этими тремя образами мечется врач Адам Азиз, проникшийся западными идеями и уже не имеющий твердой веры в Аллаха. Его разрывает между манящим «западом» дома помещика, где живет его возлюбленная, и чувством стыда, которое вменяет ему «традиционный» Таи. В этих метаниях и стремлении заработать репутацию врача он все меньше времени уделяет своей матери, и страдает от этого «разрыва» именно она.

Таким образом, роман «Дети полуночи» — это история человека, который в условиях развала старого мира традиционной Индии, не готовой принять западные ценности, полностью теряет себя и находит только в нереальном мире. Все, что ему остается в реальности в обстановке разрушения — как внешней, так и внутри себя самого — это память, в которой находит спасение и сама Индия. Этот образ не единичен, потому что так будет, как говорит рассказчик, и с его сыном, и с сыном его сына, их судьба — «жить в раздорах и умереть в непокое» [Рушди, 2006. С.817].

Работа над мотивной структурой романа «Дети полуночи» позволила, вопервых, с новых позиций раскрыть образ главного героя, который связан с темами великих надежд, разочарования и погибели. Во-вторых, выстроенные связи между повторяющимися мотивами позволили увидеть глубокие параллели между личной историей и историей нации, историей чего-то общечеловеческого, а также проследить, каким образом хронологически линейное повествование в рамках жанра обрамленной повести работает по новым законам.

Анализ мотивной структуры романа показал, каким образом Рушди удалось создать одновременно постмодернистский и в достаточной степени традиционный текст и представить читателю целостную картину народных настроений в недавно освобожденной Индии, а также того, как видит жизнь отдельно взятый индиец во времена бурных перемен, больших мечтаний и нескончаемого страха.

Библиография

- 1. Рушди, Салман. Дети полуночи / Салман Рушди. СПб.: Лимбус Пресс, 2006. 817 с.
- 2. Что такое постмодернизм? / Постмодернизм в литературах Азии и Африки. Очерки / 3. А. Джандосова [и др.]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. С. 7-51.
- 3. Очерки истории литератур Индии (X-XX вв.) / отв. ред. С.О. Цветкова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 320 с.
- 4. Челнокова, А.В. Рамаяна в современной Индии. На материале литературы хинди: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / А.В. Челнокова. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2009. 175 с.
- 5. Шкловский, В.Б. Художественная проза. Размышления и разборы / В. Шкловский М.: Советский писатель, 1959. 628 с.

Ермолина Арина Ивановна

ОСОБЕННОСТИ ПЕСЕН БЕНГАЛЬСКИХ ЛОДОЧНИКОВ

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра индийской филологии 3 курс (бакалавриат) <u>arinaermt@gmail.com</u>

Yermolina Arina

MAIN FEATURES OF BENGALI BOATMEN"S SONGS

St. Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Indian Philology 3 year student (B.A.)

В статье на примере песен из сборника бенгальского песенного фольклора С. Мукхерджи и Ш. М. Бхоттачарджо описываются основные особенности жанров бхатиали и шари. Выделяются особенности темы, сюжета, композиции, ритма, рифмы, исполнения каждого жанра.

The paper describes the main features of bhatiali and shari genres using the examples of Bengali folk songs collected by S. Bhattacharjee and S. Mukherji. The main peculiarities of the theme, plot, composition, rhythm, rhyme, performing of each genre are highlighted.

Ключевые слова: бхатиали; шари; песни лодочников; бенгальский фольклор; бенгальские народные песни

Key words: bhatiali; shari; boatmen's songs; Bengali folklore; Bengali folk songs

Среди многочисленных жанров песенного фольклора Бенгалии выделяются песни бенгальских лодочников. Водоемы всегда играли важную роль в жизни бенгальцев, это отразилось в народном творчестве. *Ехатиали* и *шари* распространены и в настоящее время, их поют люди, занимающиеся сельским хозяйством и другим трудом; песни встречаются на радио и в фильмах. В данной работе рассматривается исторический регион Бенгалия, который сейчас включает в себя индийский штат Бенгалия и Народную Республику Бангладеш. У людей, имеющих общее происхождение, говорящих на бенгальском языке, разделяющих религиозные убеждения, сформировалась своя народная культура и песни. Бенгальская народная музыка отражает культурную среду этой этнической группы [Dutta, 2013. Р.3].

Исследований народно-профессионального песенного фольклора на русском языке мало, одним из источников является статья кандидата искусствоведения Т. У. Морозовой — Невторые особенности жанровой специфики бенгальских локшонгит: песенно-танцевальных холи-ган, песен лодочников и бродячих певцовбаулов". В статье будет произведена попытка выделить основные особенности жанров шари и бхатиали, используя песни из сборника, созданного профессорами С. Мукхерджи и Ш. М. Бхоттачарджо, и англоязычные работы по данной теме таких авторов, как М. Харун-ар-Рашид, Ш. Дутто, А. Сиддики, Ш. Рай.

В Индии классическая (рагсангит) и народная (локсангит) музыка оказывают значительное влияние друг на друга. Основу индийской классической музыки со-

ставляют раги — -особый тип ладо-интонационного образования, в котором звукоряд и характерные мелодические интонации согласуются с определенной образно-эмоциональной сферой" [Морозова, 2007. С.106]. Существует больше 300 видов раг, на основе которых создаются музыкальные композиции разных жанров. Важную роль в формировании раг сыграла народная музыка. Именно она определила особенности многих видов раг. Классическая и народная индийская музыка тесно связаны с религией и обрядами. Например, богине Дурге в народной музыке посвящен особый жанр песен джагар, а в классической — особая рага под именем богини. Холи-ган исполняются во время праздника холи, изначально связанного с богом Кришной и его возлюбленной Радхой [Морозова, 2007. СС.106-109].

Существует около 100 видов народных песен на бенгальском языке. Одними из самых популярных являются: бхаваия, пала, баул, бхатиали, муршиди, морфоти, майели, мороми, коби, киртон, шари [Harun-ar-Rashid, 1992. С.19]. Особое место в музыке Индии занимает народно-профессиональная музыка. К ней относятся песни бенгальских лодочников, распространенные не только в штате Бенгалия, но и за его пределами. Реки зачастую были источником достатка и объектом поклонения. Есть два жанра песен лодочников: бхатиали и шари. Каждый вид имеет свои особенности [Морозова, 2007. СС.107-109].

Самыми ранними зафиксированными песнями на бенгальском языке считаются чорджо-гити и чарья-гити (X-XII вв.) в тексте — Чарджопод". В этих песнях прослеживается отражение жизни общества и культуры того периода. При дворе правителей исполняли не только классическую музыку, но и фольклорные песни. Народные песни о природе были популярны при правлении династии Сенов (XI-XII вв.). В XVI веке возросла популярность киртона — религиозных песен, воспевающих бога Кришну. В XVII и XVIII веках начал активно распространяться песенный фольклор: коби, бхатиали, шари. С середины XIX века, во время британского правления, западная музыка начала оказывать влияние на народные песни. Сегодня фольклор все еще исполняется в некоторых районах [Нагип-аг-Rashid, 1992. PP.15-19].

Значительный вклад в изучение бенгальского фольклора внесли служащие Британской Ост-Индской компании во время британского правления в Индии (1757 - 1947 гг.), миссионеры, а также исследователи из Индии во время роста национализма в Бенгалии [Siddiqui, 1973. PP.74-85].

Исследователь музыки Суреш Чокроборти считает бхатиали одним из самых распространенных видов фольклорных песен на бенгальском языке. По его мнению, бхатиали появились даже раньше творчества баулов, и бхатиали можно назвать основой всех остальных бенгальских народных песен. Вhāṭiyāli означает —наравление течения реки", Вhāṭiyā — —лода, плывущая по течению", Вhāṭiyāli — —вд народной мелодии: когда лодка плывет по течению, лодочники поют на эту мелодию песню" [саиdhurī, 2009. С.963]. В то время, когда лодочник мог отдохнуть, он пел бхатиали. Исполнители делились историями из своей жизни и личными переживаниями. Основные темы песен — жизненный путь лодочника, любовь и разлука в человеческой жизни. Важнейшая тема — тоска и бессилие человека, живущего без бога. Стремящийся к богу исполнитель может ассоциировать себя с Радхой, ищущей встречи с Кришной. Ярко выраженный сюжет в песнях отсутствует [Harun-ar-Rashid, 1992. РР.232-233].

Бхатиали выражают чувства любви и глубокой радости или печали. Часто чувства передаются с помощью описаний природы (ураган, шумные волны, молнии). В песне —Ах, нет берега, нет бережка" (nadīr kūl nāi kinārā nāi rē) лирический герой

страдает, ожидая Кришну в безбрежной реке во время урагана и ждет, что бог направит его лодку. В песне —Ах, зачем позвала ты меня этой ночью" (āmāỳ ēta rātē kēnē dāk dili) героиня ждет, когда к ней придет Кришна, но боится гнева своей свекрови. Исполнители и слушатели глубоко погружены в песню, потому что она является и молитвой о покое и уходе от мирских страстей. Существуют песни о разлуке жены с мужем, которые несчастная поет, обращаясь к воде. Лодочники могут петь о поиске любимой, о страданиях девушки, к которой относятся жестоко в доме ее мужа [Морозова, 2007. С.113]. Часто бхатиали целиком посвящена чувствам к женщине и желанию быть с ней [Нагип-аг-Rashid, 1992. PP.232-233].

Мелодии бхатиали отражают настроение исполнителя песни, поэтому число вариаций огромно. Во время пения громкость голоса меняется в определенном порядке. Шуреш Чокроборти сравнивает эти изменения с волнами на реке, которые становятся то громче, то тише [Harun-ar-Rashid, 1992. PP.233-234]. Несмотря на то, что певец может импровизировать, существует базовый ритм и структура бхатиали. Песня состоит из первой части, называемой *sthayī*, и последующих частей — *antarā*. Стхаи — ключевая часть и повторяется после каждой антара. Стхаи заканчивается повтором первой фразы, исполняемой в другой мелодике. В песне —Ах, зачем позвала ты меня этой ночью, /кукушка моей души" (āmāy ēta rātē kēnē dāk dili). В качестве примера антары могут выступить строки —В изголовье моем спит свекровь — ужасная ведьма, в изголовье моем спит огненная демоница" (āmār śiyarē śāśudī ghumāy duranta nāginī,/āmāra paithānē nanadī śuyē jhalantē dākinī). Рифма в песнях смежная: —ō pārē mēghēr ghaṭa/kanaka bijali chaṭa" (Ах, нет берега, нет бережка).

В бхатиали широко используются **средства художественной выразительности**. В песне —Ах, утопил ты меня" (āmāy bhāsāīli rē) встречаются повторы, анафоры, эпифоры, синтаксический параллелизм: —Ах, утопил ты меня, ах, потопил ты меня" (āmāy bhāsāīli rē āmāy dubaīli rē). Присутствуют обращения к лодочнику-Кришне и вопросы, адресованные ему: о милый лодочник (ō mājhi bhāi). Используются эпитет безбрежная река (akūl dariyā). В песне —Ах, нет берега, нет бережка" (nadīr kūl nāi kinārā nāi rē) встречается инверсия: —видел я эту прекрасную картину" (Ēi dēkhilām sōnār chabi). Присутствуют эпитеты золотая молния (kanak bijali), страшная вода (bişam pānī). Звукоподражательные слова передают шум волн на реке: śāi śāi.

В Бенгалии существует большое количество диалектов. Лингвисты замечают, что через каждые 5-8 км. диалекты меняются, соответственно в народных песнях можно увидеть различную фонетику, интонацию, диалектизмы. Различия могут показаться искажением, но в действительности они имеют историческую родословную [Dutta, 2013. PP.108-109]. В песнях встречаются диалектные формы слов река (daīrā), сделав (koīrē).

Бхатиали чаще исполняется в одиночку. Песню могут сопровождать разные музыкальные инструменты, которые описывает Шукумар Рай в книге — Музыка восточной Индии": ${\rm табла}^{28}$, дотара ${\rm ^{29}}$, саринда ${\rm ^{30}}$, эктара ${\rm ^{31}}$. Раньше бхатиали исполняли лодочники, но сегодня люди, работающие в полях, пастухи поют их в периоды отдыха. Эти народные песни можно услышать по радио и в кино. Например, в титрах, открывающих фильм — Бираджбаху" играет песня жанра бхатиали в ис-

²⁸ Табла — небольшой барабан, на котором обычно играют руками.

²⁹ Дотара — популярный струнный инструмент, имеющий 4 струны.

 ³⁰ Саринда — смычковый инструмент, имевший 3 струны.
 ³¹ Эктара — струнный инструмент, имеющий одну струну.

полнении Нирмоленду Чоудхури. Бхатиали оказали значительное влияние на народную музыку и театр [Harun-ar-Rashid, 1992. PP.235-238].

Название $s\bar{a}ri$ можно перевести как "ряды" [Морозова, 2007. С.118]. Песни этого жанра исполняются гребцами во время гонки на лодках [Siddiqui, 1973. PP.74-85]. Шари помогают работать слаженно и с удовольствием, поэтому они стали важной частью трудового процесса.

Шари могут затрагивать **тему** любви, социальных и политических событий в стране. Некоторые песни затрагивают определенные философские идеи. Сюжет выражен ярче, чем в бхатиали, но прост. Сюжет всегда связан с водоемом, упоминаются гхаты, бушующие волны, шторм. В песне —Откравай-ка магазин" (dōkān khōlō dēkhi) кормчий Кришна игриво разговаривает с Радхой, которая каждый день переправляется через реку на его лодке. Лодочник заигрывает с Радхой, грозится разбить ее горшок с творогом, если она не заплатит цену за переправу. Песня —Омой милый, если бы я знала" (āmār daradī, āgē jānalē) напоминает бхатиали. Радха обращается к кормчему, умоляя о спасении от страшных волн, и обвиняя его в том, что не знала, что красивая лодка окажется сломанной.

Композиция песен представляет собой pankti (ряды) и sthāyī. В песне — Смой милый, если бы я знала" (āmār daradī, āgē jānalē) стхаи — строка — Смой милый, если бы я знала, я не забралась бы в твою лодку с трещиной" (āgē jānalē tōr bhāṅgā naukāy caṛtām nā). При исполнении после каждого понкти стхаи повторяется два раза. Понкти состоит из двух строк и обычно повторяется 2 раза. Примером понкти в песне — О мой миный, если бы я знала" могут послужить строки:

```
Шух-шух-шух в реке поднимаются волны, В этом урагане никому не позволяй плыть через реку. Ох, я вижу эти ужасные волны в реке, и моя душа умирает от страха. (sãổ sãổ sãổ sãổ dariyātē ōṭhē ḍhēu, ēi tuphānētē kēu gām pāri diō nā. ōrē bisama dairāra pāni dēikhyā bhayētē prāna bắcē nā).
```

Исполнитель, находящийся в передней части корабля, начинает песню, и остальные подхватывают ее. Стхаи исполняется хором и считается припевом.

Средства художественной выразительности встречаются в шари в большом количестве. Примером метафоры может служить словосочетание —ловшки любви" (ргёте phǎsi). Часто встречаются обращения: —Опастушка" (ōgō gōyālinī), —О Радха" (rādhē gō). В песне —Окрывай-ка магазин" встречается синтаксический параллелизм и повторы: —Вуголке твоих губ — хитрая улыбка, в уголках твоих глаз — ловушки любви" (tōmār thôtēra kōṇē mucaki hāsi, cōkhēr kōnē prēmēr phǎsi). Встречаются риторические вопросы —у тебя что, нет ни стеснения, ни стыда, ни страха?" (lajjā saram nāi ki tōmār ḍar). В песне —Омой милый, если бы я знала" встречается яркое описание лодки, полное сравнений и метафор:

```
Эта лодка была в форме павлина,
С большим золотым веслом и маленькими веслами, быстрыми как ветер.
Корма из луны и солнца, заполненная цветами, отбрасывала свет.
(sōnār dằra pabanēr baiṭhā mayūrapaṅkhī ṇāōkhānā
chila candra suray galui bhari phul charātē jyōchanā).
```

Рифма в шари приблизительная или вовсе отсутствует, для исполнителя более важен четкий ритм. Ритм песни совпадает с ритмом движения весел лодочников во время гонки. Иногда повторяются специальные подбадривающие слова (хай, хи, хо). Ритм может изменяться, как течение реки и движения лодочников, но он всегда остается четким. Мелодии бхатиали могут быть основой песен шари [Морозова, 2007. СС.117-119]. Песня сопровождается такими инструментами как дхолок³², мандира и картал³³, определения которым дает Шукумар Рай в работе —№зыка восточной Индии".

Подводя итог, можно отметить следующие **особенности жанров бхатиали и шари**: реки упоминаются в большей части песен, так как они имеют важное значение в повседневной жизни этой этнической группы.

В бхатиали важными темами являются судьба, разлука и тоска человека, ищущего бога. Описания природы помогают передаче чувств и эмоций исполнителя. В песнях отсутствует ярко выраженный сюжет. Композицию бхатиали составляют стхаи и антара. Мелодия и ритм могут меняться в зависимости от исполнителя. Рифма в песнях смежная. Встречается использование анафор, эпифор, синтаксического параллелизма, риторических обращений, эпитетов, звукоподражательных слов, эпитетов, диалектизмов.

Песни шари имеют обширную тематику, некоторые темы сходны с темами бхатиали. Сюжет короткий, но яркий, часто связан с рекой. Композиция шари состоит из стхаи и понкти. Рифма в шари часто отсутствует, присутствует четкий ритм, важный для гребцов. Широко используются такие средства художественной выразительности, как метафора, сравнение, риторическое обращение, синтаксический параллелизм, повторы.

Природные условиях, повседневная жизнь этнической группы, религиозные воззрения жителей представлены в песнях. Бхатиали и шари не только занимают важное место в фольклоре Бенгалии, но и представляют собой важное отражение бенгальской народной культуры.

Библиография

- 1. Быкова, Е.М. Бенгальско-русский словарь / Е.М. Быкова, М.А. Елизарова, И.С. Колобков. М., 1957.— 695 с.
- Морозова Т.Е. Некоторые черты жанровой специфики бенгальских локшонгит//Народное творчество стран Востока: Структура, художественные особенности, дефиниции. К.Г. Богемская, П.Р. Гамзатова, Н.А. Гожева. — М., 2007. — 200 с.
- Dutta S. Geo-Environmental Specificities of Bengali Folk Song A Study of West Bengal and Bangladesh / S. Dutta — Burdwan, 2013 — 155 c.
- Harun-ar-Rashid Md. A study of the folk-songs in Bangladesh / Md. Harun-ar-Rashid Baroda, 1992. — 339 c.
- 5. Ray S. Music of Eastern India / S. Ray Calcutta, 1985. 315 c.
- 6. Siddiqui A. Folkloric Bangladesh / A. Siddiqui. Dacca, 1973. 95 c.3
- 7. Mukhārjī S., Bhaṭṭācāryya M. S. Lōkagīti [Электронный ресурс] / S. Mukhārjī, M. S. Bhaṭṭācāryya., 2011. URL:
- 8. https://www.iopb.res.in/~somen/Flk misc/01flkfull bng/bang lok 240711.pdf (27.10.2019)

³² Дхолок — двусторонний ударный инструмент.

³³ Мандира и картал — металлические музыкальные инструменты, звон которых задавал ритм.

Кожина Юлия Андреевна

КУЛЬТУРНАЯ МНОГОПЛАНОВОСТЬ РОМАНА «ЦВЕТЫ В ЗЕРКАЛЕ» ЛИ ЖУЧЖЭНЯ И ЕЕ СВЯЗЬ С ТВОРЧЕСКИМ ЗА-МЫСЛОМ АВТОРА

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра китайской филологии 4 курс (бакалавриат) juliacrack28@mail.ru

Kozhina Yulia Andreevna

THE MULTIDIMENSIONAL NATURE OF LI ZHUZHEN'S NOVEL "FLOWERS IN THE MIRROR" CULTURAL CONTENT AND ITS CONNECTION WITH AUTHOR'S CREATIVE VISION

St.Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Chinese Philology 4 year student (B.A.)

В статье рассматривается жанровая специфика выдающегося произведения китайской литературы цинской эпохи — романа «Цветы в зеркале», причисляемого к лучшим образцам «романов о талантливых и образованных». Вместе с тем выявляются новаторские черты в изображении героинь романа. Предпринимается попытка соотнести их и многопланового содержания произведения с творческим замыслом автора.

The paper deals with genre specificity of an outstanding Chinese literary work of the Qing dynasty - the novel «Flowers in the Mirror», one of the best «novel of erudition» examples. At the same time the paper reveals innovative features of the female characters creation. In addition the author tries to relate these features and multidimensional content to the author's creative vision.

Ключевые слова: «Цветы в зеркале», китайская литература эпохи Цин, «роман о талантливых и образованных», культурное содержание, авторский замысел.

Key words: «Flowers in the Mirror», Chinese literature of the Qing dynasty, «novels of erudition», cultural content, author's creative vision.

Ученый роман, или «роман о талантливых и образованных» (кит. «цай сюэ сяо шо» 才学小说) — названный так Лу Синем в его «Очерке истории китайской прозы» [Lu Xun, 2000, C. 344] — это особый жанр китайского романа, характерный для цинской эпохи (1644-1911). Типичным представителем этого жанра является один из наиболее ярких китайских романов первой половины XIX века — «Цветы в зеркале» (опубликован в 1828 г.) Ли Жучжэня (1763–1830). Специфика жанра ученого романа заключается в представлении ключевых персонажей в качестве выдающихся личностей, отличающихся широкой образованностью, большим количеством талантов и умений, вплетении в сюжет произведения множества сведений по различным сферам знаний. Этот популярный в период правления династии Цин жанр романа соответствовал со-

Развитие жанра ученого романа началось еще в период появления таких произведений как «Непринужденные речи деревенского старца» (野叟曝言, 1779) Ся Цзинцюя 夏敬渠、 «История книжного червя» (蟬史, 1800) Ту Шэня 屠 绅、«Неофициальная история Яньшаня» (燕山外史, 1810) Чэнь Цю 陈球. Однако именно роман «Цветы в зеркале» Ли Жучжэня символизировал собой лучший его образец и утвердил данный жанр романа в качестве отдельного и самостоятельного [Ван Цичжоу, 2013, С. 1]. И хотя большинство исследователей согласны с тем, что причисление произведения Ли Жучжэня исключительно к категории ученых романов, романов-энциклопедий, означало бы пренебрежение иными его чертами, присущими также и другим жанрам романа, тем не менее, нельзя отрицать значимость этой его характеристики, что подчеркивают многие китайские авторы. Так, Ван Тао 王涛 не только признавал широкую ученость Ли Жучжэня, но и относил ее наряду с его сатирическим настроем и талантливым описанием приключений героев романа к главным достоинствам произведения. В качестве важнейшей эту черту романа отмечали и китайские литературоведы Лу Каньжу 陆侃如 (1903-1978) и Фэн Юаньцзянь 冯渊鉴; Юй Сюэшэн 于学圣 даже находил возможным утверждать, что роман Ли Жучжэня — вовсе единственное произведение, которое можно отнести к «научным романам» [Семанов, 1970, C. 48].

Краткое содержание романа сводится к следующему. На празднике, устроенном в честь дня рождения великой богини Сиванму, одна из небожительниц выступает с предложением приказать всем цветам расцвести в один день в честь именинницы и тем самым сделать торжество более прекрасным. Однако богиня Цветов отказывается от исполнения просьбы, поскольку не решается нарушить вселенский порядок и совершить переворот в природе. Также она обещает «сойти в мир суеты и страданий» вместе с подчиненными ей феями цветов для искупления вины, если все-таки однажды случится такое, что все цветы распустятся одновременно. Затем действие переносится на землю, где императрица У-хоу, любительница власти и веселья, одним зимним днем решает приказать всем цветам расцвести в один день несмотря на то, что это нарушает законы природы. Волей случая именно тогда покровительница цветов задерживается в гостях и слишком поздно узнает о происходящем. Не осмеливаясь нарушить императорскую волю, каждая из фей решает приступить к выполнению своих обязательств. В наказание сто девушек — фей цветов и их госпожу — ссылают в мир людей. На земле небожительницы рождаются одаренными девушками, которые разбро-

³⁴ Будучи видным китайским литератором, ученым и филологом Ли Жучжэнь, тем не менее, за всю свою жизнь так и не сумел преуспеть в службе: сдав экзамены на степень сюцая, он получил незначительную чиновничью должность, работал в качестве помощника уездного начальника в Хэнани, затем принимал участие в ремонте дамб на Хуанхэ, но вскоре ушел в отставку.

саны по всей территории Китая и за его пределами. Богиня Цветов здесь становится дочерью сюцая Тан Ао и получает имя Тан Сяошань. Она отправляется на поиски отца, решившего после многочисленных путешествий по заморским странам, знакомств с чужими порядками и обычаями, встреч с земными воплощениями фей, скрыться от мирской суеты в горах небожителей на острове Малый Пэнлай. Прибыв на остров, девушка находит послание, в котором отец велит ей вернуться домой и готовиться к государственным экзаменам. В следующей части романа описывается то, как дочь Тан Ао со своими многочисленными подругами сдает экзамены и, празднуя успех, предается различным играм и забавам. После пиршества девушка вновь отправляется на остров к отцу и остается там. Роман завершается эпилогом, в котором повзрослевшие дети бунтовщиков прошлого вместе с женами, многие из которых сдавали государственные экзамены и имеют ученые степени, организуют выступление против У-хоу. Благодаря огромным усилиям, помощи со стороны ученых жен, а также вмешательству небесных сил, повстанцы одерживают победу и передают трон законному императору.

Главной площадкой для демонстрации автором своей эрудиции становится преимущественно вторая часть романа, где описываются события, связанные со сдачей девушками государственных экзаменов и последующим празднованием в гостях у главного экзаменатора Бянь Биня †滨, а также домах некоторых из девушек. В целом, к энциклопедическим сведениям, упомянутым в произведении, относятся как рассуждения о науке, искусстве, литературе и истории, так и описания музыкальных представлений, занятий каллиграфией, живописью, стихотворчеством, застольных увеселений, спортивных и настольных состязаний, языковых игр и каламбуров. Приводятся даже сведения по математике, астрономии и медицине.

Важно отметить, что культурное содержание сказалось прежде всего на характере создаваемых автором образов героинь романа. Двадцать пять глав (с 69 по 93) в произведении посвящены описанию досуга молодых барышень. Они рассуждают о науке и искусстве, предлагают новые трактовки различных исторических событий и классических канонов, слагают стихотворения, проявляют себя как мастерицы игры на различных музыкальных инструментах, опытные игроки в шашки, любительницы каллиграфии и живописи, знатоки арифметики, астрономии, медицины и т.д. Так Ми Ланьфэнь 米兰芬 демонстрирует подругам мение мастерски считать на бирках (чоусуань 筹算³⁵), владение «разностным методом» и другими арифметическими техниками, а также знание числа Пи; девушки дружно восхищаются тем, как легко она решает «задачу о курицах и кроликах в клетке»³⁶, и это все оказывается лишь малой частью ее способностей. Остальные девушки также находят повод продемонстрировать незаурядный ум: Ши Ланьянь 恒兰言 удивляет всех знанием физиогномики. Я Лань 亚兰 — мастерством стрельбы из лука. Ян Цзыцюн 燕紫琼 — исчерпывающим владением «Чайным каноном» (茶经): тогда как Тан Гүйчэнь 唐闺臣 оказывается талантливым каллиграфом, а Шуай Пуйфан 衰翠芳 составляет стихи, поражающие всех своей изящной формой и глубоким смыслом [Ли Жучжэнь, 2017, С. 387-393]. Примечательно также то, что автор намеренно приписывает подобные умения примерно сотне героинь. Отличаясь между собой индивидуальными характеристиками, вместе они формируют группу схожих образов, из чего следует то, что

. .

³⁵ Древний способ счета, при котором использовались специальные бирки с вырезанными на них цифрами.
³⁶ Знаменитая древняя китайская задача

автор изображает их таланты как универсальное, имеющее массовый характер явление, а не случайность.

Используя прием интеллектуализации образов героинь романа, автор дает нам понять, что «мужчина и женщина должны иметь равные возможности, равное обучение и равные политические права» [Lu Xun, 2000, C. 314], что женщина должна занять в обществе такое же положение, что и мужчина, тем самым подтверждая мнение многих исследователей о том, что главной темой романа является именно положение женщин.

Отдельно стоит отметить изображение автором императрицы У-хоу 武后, во время правления которой и происходит действие романа, просвещенной монархиней, обладающей блестящими способностями как в сфере политики, так и в литературе. Также внимания заслуживает подчеркивание ума и душевных качеств наследницы престола в царстве Женщин — Жохуа 若花 — и ее помощниц Тинтин 婷婷 и Хунхун 虹虹, которые, по мнению автора, служат непременным признаком того, что в этом царстве удастся осуществить идеальное правление. Здесь автор оказывается под влиянием конфуцианской идеологии, традиционно связывавшей успехи или недостатками его близкого окружения. Но он же и нарушает традицию, категорически исключавшую возможность женщины состоять на службе и заниматься делами государственного управления. Поставив женщин на руководящие посты в государстве, автор кардинальным образом ломает стереотипы и требует абсолютного уравнения их прав с правами мужчин. В то время это было делом немыслимым.

Необычайное новаторство Ли Жучжэня в создании персонажей признавали многие исследователи. Так по мнению выдающегося отечественного востоковеда О.Л. Фишман (1919-1986), «женские образы в романе Ли Жучжэня во многом не похожи на галерею женшин, знакомых нам по старой китайской литературе...» [Фишман, 1966, С. 111]. Кроме того, девушки здесь оказываются активно вовлечены в различные сферы общественной деятельности: они показаны не только дома в семье, но и в дружеском кругу, в гостях, при императорском дворе, в далеких заморских странах и даже на полях сражений. Они действуют в разной среде, показаны в различных жизненных ситуациях, что было не столь типично для более ранней китайской литературы. Конечно, в чем-то героини все же остаются традиционны: они добродетельны, почтительны по отношению к старшим, строго придерживаются этикета, однако не вполне справедливо будет считать, что таким образом Ли Жучжэнь отдает дань старой литературе. С наибольшей вероятностью ключевую роль здесь играет его собственное мировоззрение, на которое неизбежный отпечаток наложила конфуцианская мораль. Но несмотря на давление конфуцианства, в целом новаторских черт в женских образах романа оказывается гораздо больше и ключевую роль в этом играет именно приписывание героиням большого количества навыков и умений по различным областям науки и искусства, акцентирование их эрудиции и талантов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что культурная многоплановость романа «Цветы в зеркале» оказывается тесно связанной прежде всего с созданием женских образов в романе.

Библиография

- Семанов В. И. Эволюция китайского романа: конец XVIII начало XX в. М.: «Наука», 1970. — 344 с.
- 2. Фишман О. Л. Китайский сатирический роман. M., 1966. 196 с.
- 3. Lu Xun. A Brief History of Chinese Fiction. Hawaii: University Press of the Pacific, 2000. 452 p.
- 4. 王齐洲、论《镜花缘》与清代才学小说 // 內江师范学院学报, 2013 (11期). 1-13 页、 (Ван Цичжоу. К вопросу о «Цветах в зеркале» и романах о талантливых и образованных эпохи Цин//Вестник Нэйцзянского педагогического института, 2013 (выпуск 11). С. 1-13.)
- 5. 王世立. 清代才学小说成因审视与价值重估[D] -天津: 天津师范大学, 2005. 48页. (Ван Шили. Цинские романы «о талантливых и образованных»: изучение происхождения и переоценка ценности Тяньцзинь: Тяньцзиньский педагогический университет, 2005. 48 с.)
- 6. 李汝珍. 镜花缘/钟书主编 上海: 上海大学出版社, 2017. 480页. (Ли Жучжэнь. Цветы в зеркале/ под ред. Чжун Шу Шанхай: Издательство Шанхайского университета, 2017. 480 с.)

Комарова Алена Павловна

ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ДРАМАТУРГА О ТХЭСОКА

Санкт-Петербургский Государственный университет Восточный факультет, кафедра корееведения 4 курс (бакалавриат) koalpa812@gmail.com

Komarova Alena

CREATIVE APPROACH OF SOUTH KOREAN PLAYWRIGHT OH TAE-SUK

St.Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Korean Studies 4 year student (B.A.)

В данной статье предпринимается попытка определить основные черты творческого подхода, которым южнокорейский драматург О Тхэсок (род. 1940) руководствуется при создании своих произведений, а также продемонстрировать универсальность его метода на примере поставленной О Тхэсоком пьесы — Ромо и Джульетта" Уильяма Шекспира.

In this article the author tries to trace the main features of Oh Tae-suk's creative approach and demonstrate its universality focusing on the Shakespeare's _Romeo and Juliet' staged by the Korean playwright.

Ключевые слова: О Тхэсок, современный корейский театр, творческий подход, основные черты, «Ромео и Джульетта»

Key words: Oh Tae-suk, modern Korean theater, creative approach, main features, _Romeo and Juliet'

О Тхэсок (род. 11 октября 1940 года) — южнокорейский драматург, один из новаторов в сфере театрального искусства своей страны. Творчество О Тхэсока представляет особый интерес, поскольку техники и методы, которые он применяет в процессе создания пьес, с одной стороны, позволяют им быть глубоко традиционными, а с другой стороны — органично существовать в контексте мировой культуры.

Западный мир познакомился с именем О Тхэсока в 1974 году, когда его пьеса «Молодость» (소분') была представлена корейским театральным режиссером Ю Токхèном (유덕형) в нью-йоркском клубе экспериментального театра «Ла Мама» («La Mama Experimental Theatre Club»). В интерпретации Ю Токхèна данная работа получила название «Удушье» (질사'). Она стала первой корейской постановкой, представленной на Западе, и была достаточно тепло принята американскими критиками [Оh, Kim, Graves, 1999. С.2-3].

Еще большую известность южнокорейскому драматургу принесла новые версии «Ромео и Джульетты» и «Бури» Уильяма Шекспира. Обе постановки имели огромный успех на различных фестивалях в Великобритании и Германии и тоже получили высокую оценку среди театральных критиков [Huang, 2013. C.51].

Несмотря на значимость О Тхэсока для театрального искусства Кореи, в отечественном корееведении его творчество пока что не освещено ни с точки зрения наличия переведенных пьес, ни с точки зрения исследовательских работ, а в западной науке оно представлено лишь небольшим сборником переводов пьес на английский язык, несколькими пьесами, переведенными на французский и немецкий, и немногочисленными статьями ученых и критиков.

В данной статье автор предлагает на основе уже существующих работ американских и корейских исследователей попытаться сформулировать ключевые особенности творческого метода южнокорейского драматурга, что могло бы оказать помощь в дальнейшем при изучении его произведений.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению творческого подхода О Тхэсока, необходимо сказать несколько слов об эпохе, когда он начал активную деятельность.

О Тхэсок родился в 1940 году (1910-1945), всего лишь за пять лет до освобождения страны от власти японского колониального правительства (1910-1945), оказавшись свидетелем тех последствий, к которым привела проводимая японцами политика. Их деятельности сопутствовало множество запретов, в том числе коснувшиеся и театрального искусства Кореи. Так, например, репертуар театров строго контролировался специально созданным для этого органом, а актерам запрещалось выступать на родном языке [Кіт, 2004. С.16]. Сами же постановки зачастую использовались в целях пропаганды японской идеологии [Кіт, 2004. С.15]. Все эти меры были нацелены на то, чтобы корейцы перестали существовать как нация в духовном плане, так как новые власти видели в корейских землях лишь источник материальных и человеческих ресурсов. В результате произошло замедление развития корейского театра, а некоторые виды исконно корейского исполнительского искусства оказались на грани исчезновения.

Вместе с тем, после открытия границ Кореи в конце XIX века влияние на культуру Кореи начинает постепенно оказывать Запад. Появляется доступ к достижениям европейского театрального искусства. Стоит отметить, что первые попытки поставить иностранные пьесы не были особо успешны. Основная проблема заключалась в том, что сама идея театра в западном понимании этого понятия была нова для корейцев, а произведения европейских авторов переводились и показывались без адаптации к корейским реалиям. В результате их смысл оказался недоступным для понимания простых зрителей [Кim, 1997. С.131].

Однако, несмотря на возникшие затруднения, постепенно интерес к новому жанру исполнительского искусства все же начинает возрастать. С течением времени театральные представления иностранного происхождения оказываются гораздо популярнее, нежели местные. Это связано с тем, что среди многих жителей Корейского полуострова распространяется мнение, будто традиционные представления уже устарели [Kwon, 2009. C.54], что тоже стало одной из причин, почему некоторые жанры корейского исполнительского искусства оказались на грани исчезновения.

Таким образом, в результате существенного влияния извне перед творческой интеллигенцией Кореи встало два очень важных вопроса в связи со сферой театрального искусства. Во-первых, это вопрос о способах сохранения корейской культуры, корейской идентичности и вообще определении ее сути. Во-вторых, был поднят вопрос об избрании дальнейшего пути для развития исполнительского

искусства Кореи уже в сложившихся условиях. О Тхэсок стал одним из тех, кто смог найти ответы на поставленные вопросы.

В результате многолетнего анализа наследия своей страны и изучения достижений культур других стран у О Тхэсока получается определить ключевые для корейского исполнительского искусства элементы, которые затем он начинает внедрять уже в свои произведения.

На данный момент автору удалось выявить пять основных особенностей творческого метода драматурга, которые роднят произведения О Тхэсока с традициями его страны:

1. Заимствование сюжетов из истории и литературы.

Создание произведений на основе исторический событий или сюжетов из литературы — одна из характерных особенностей творчества южнокорейского драматурга. Так, например, в пьесе «Эмбрион» (計) О Тхэсок обращается к «Подлинным записям династии Чосон» (朝鮮王朝實錄, 1392-1863) беря оттуда за основу своей пьесы события времен правления государя Танчжона (단종왕, 1452—1455). Другой же пример — пьеса «Почему Сим Чхон бросилась в воду второй раз?» (심청이는 왜 두 번 인당수에 몸을 던졌는가', 1991). При ее создании драматург обращается к знаковому произведению корейской классической литературы XIX века «Повести о Сим Чхон» (심청전), из которой он заимствует двух героев Сим Чхон и Государя-Дракона и частично сюжет.

Однако, как отмечает Ким Мидо в своей статье «Originality and Modernity of Korean Theatre ...», драматург прибегает к использованию сюжетов из истории и литературы, используя лишь «фактологическую» составляющую, и наполняя свои работы совершенно иным содержанием [Kim, 1997. C.80].

2. Отказ от линейного повествования.

В произведениях О Тхэсока часто отсутствует логическая связь между отдельными сценами, а часть событий может быть совсем опущена. Наиболее показательной в данном случае является пьеса под названием «Велосипед» (자전기, 1983). Вся история в ней подается с точки зрения главного героя, офисного работника по фамилии Юн. В пьесе сцены из его воспоминаний перемешиваются со сценами из настоящего. Помимо этого, О Тхэсок добавляет в пьесу сцены с семьей больных проказой, чья история совершенно не связана напрямую с главным героем [Оh, Kim, Graves, 1999. С.5-6].

Сам драматург объясняет отсутствие линейной логики в развитии сюжета «инстинктивным возвращением к «непрямой», «круговой», традиционно корейской манере общения» [Кwon, 2009. С.52]. Нелинейность повествования в пьесах О Тхэсока можно связать и с традиционным исполнительским искусством Кореи, таким как, например, представления с масками и танцами *тальчхум* (탈춤) или кукольный театр *ккоктугакси-норым* (꼭두각시놀음). Для них тоже свойственна спонтанность повествования [Jeon, 2008. С.63-65].

3. Отсутствие пространственных и временных рамок.

Легкость в пьесах драматурга присутствует и при переходе героев из одного измерения в другое. Яркий пример — пьеса «Лунной ночью на реке Пэнмаган» (백마강 달밤에 ', 1993), где одна из главных героинь — шаманка Сундан постоянно перемещается между прошлым и настоящим, миром живых людей и поту-

сторонним миром, для чего ей достаточно лишь взмаха одной руки [Кіт, 1997. С.88].

В упомянутой выше пьесе «Почему Сим Чхон бросилась в воду второй раз?» пространственные рамки тоже весьма размыты. Герои настолько легко перемещаются из вымышленного Подводного дворца, описываемого еще в «Повести о Сим Чхон», в современную Корею, что этому передвижению даже не уделяется внимания

4. Включение элементов традиционных корейских представлений и их использование как способ общения или выражения переживаний и эмоций героев.

Показательной здесь является пьеса под названием «Жена Чхунпхуна» (춘풍의 처, 1976). По своему строению она напоминает представления с танцами и масками *тальчхум* (탈춤) [Оh, Kim, Graves, 1999. С.12]. Помимо обращения к *тальчхум*, драматург включает в пьесу элементы корейского шаманского ритуала кут (굿), песнь о черепахе кучжига (구지가) [подробнее о ней см.: Никитина, 1982. С.83-84], также исполнявшаяся как часть древнего ритуала, и элементы, характерные для повествовательно-музыкального жанра пхансори (판소리). Манера же игры актеров и их гипертрофированность в выражении эмоций вызывает у зрителей ассоциации с корейским кукольным театром ккоктугакси-норым (꼭두각시놀음)[Кwon, 2009. С.57].

5. Постоянное взаимодействие актеров со зрителями.

Последняя особенность, связывающая театр О Тхэсока с корейским традиционным исполнительским искусством, из тех, что удалось выявить на данный момент, — это постоянное взаимодействие актеров со зрителями. Также, как, например, в *пхансори* (판소리) или *ккоктугакси-норым* (꼭두각시놀음), в постановках О Тхэсока отсутствует — чевертая стена" между сценой и зрительским залом. Актеры постоянно взаимодействуют с аудиторией, вызывая ее на диалог [Кіт. 1997. С.90].

Перечисленные особенности характерны не только для пьес непосредственно самого О Тхэсока, но для представленных им на сцене версий произведений иностранных авторов. Так, в новой версии «Ромео и Джульетты», впервые показанной драматургом в 2001 году в Сеуле [Wetmore, Liu, Mee. 2014. С.156], костюмы, декорации, музыка, актерская манера игры и даже сюжет — все подвергается «кореенизации».

О Тхэсок переносит действие «Ромео и Джульетты» в эпоху Чосон (1392-1897), а семьи итальянских аристократов Монтекки и Капулетти становятся *янбанами* (양반), представителями высшего сословия тех времен в Корее, и получают фамилии Мун и Ку соответственно. Джульетту в корейской версии зовут Мун Хисун, а Ромео — Ку Ённам [Fotheringham, Jansohn, White, 2006. C.280].

Сюжет «Ромео и Джульетты» тоже подвергается обработке. В финале «Ромео и Джульетты» О Тхэсока вражда между семьями достигает апогея, и в противоположность оригинальной концовке пьесы со всеобщим примирением в корейской версии никому не удается избежать смерти [Trivedi, Ryuta, 2010. C.209]. Примечательно, что такое решение не типично для корейской традиции, поскольку корейцы, наоборот, были склонны, гармонизировать сюжеты, которые в изначальном варианте заканчивались трагически [Троцевич, 2004. C.224].

Причина же такого ярко выраженного акцента на сложности примирения, по словам авторов «Re-playing Shakespeare in Asia», заключается в сложившейся политической обстановке на Корейском полуострове. Многие критики сходятся во

мнении, что финальная сцена — отсылка к проблеме разделения Кореи на Север и Юг [Trivedi, Ryuta, 2010. С.210].

Помимо этого такими исследователями, как Кэвин Уэтмор и Ли Сиян, отмечается, что в «Ромео и Джульетте», как и в *пхансори* (판소리) или *сандэ-нори* (산대놀이), зритель принимает непосредственное участие в постановке и становится частью происходящего на сцене. Так, например, герои пьесы обращаются к зрителям за советом, следует ли сообщить Тибальту о помолвке Ромео с Джульеттой или нет [Wetmore, Liu, Mee, 2014. С.186].

Еще одна особенность пьесы: выражение чувств и эмоций героев посредством танца. Например, чувства, которые испытала Джульетта, когда впервые увидела Ромео, находят выражение в танце с мечами (검무), тайная встреча влюбленных сопровождается танцем журавлей (학연화대무) [Wetmore, Liu, Mee, 2014. C.188].

Характерным для пьесы является и то, что герои либо сидят на полу, либо стоят. О Тхэсок отказывается от использования в качестве декораций высоких столов, стульев, поскольку их в Корее не было до знакомства с западной культурой.

Если посмотреть на то, как О Тхэсок работал с пьесой «Ромео и Джульетта» в целом, то значительные изменения в подаче пьесы заметны невооруженным глазом. Сам О Тхэсок такую серьезную обработку пьесы (создание декораций в корейском стиле, акцентирование внимания на традиционных для Кореи позах и жестах) объясняет тем, что западные правила создания театрального пространства не подходят для восприятия восточным менталитетом, выражения эмоций и передачи чувства пространства. По его мнению, искренность в общении и настоящий контакт между актерами и зрителями могут быть возможны только тогда, когда постановка создана на понятном для зрителя языке [Wetmore, Liu, Mee, 2014. С.188].

Принимая во внимание сказанное о пьесах, написанных непосредственно самим О Тхэсоком, можно заметить, что манера работы корейского драматурга с произведениями иностранных авторов на примере —Ромео и Джульетты" Уильяма Шекспира, схожа с тем, как он действует в процессе подготовки собственных постановок для сцены. Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение исполнительского наследия Кореи позволило драматургу разработать универсальные для своего театра принципы. С одной стороны, они дают возможность создавать абсолютно новые произведения, находясь в постоянном и очень тесном контакте с культурной традицией своей страны, а с другой — не выходя за рамки этой традиции, вступить в диалог на равных, в первую очередь, с чужой западной культурой, и заставить зрителя посмотреть на уже знакомые ему постановки под совершенно новым углом.

Библиография

На русском языке:

- 1. Никитина М. В. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. Москва: Наука, 1982. 326 с.
- Троцевич А. Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.): Учебное пособие. — СПб, 2004. С. 224

На английском языке:

- Alexa Huang. —WhaCountry, Friends, Is This?": Touring Shakespeares, Agency, and Efficacy in Theatre Historiography.//Theatre Survey. Cambridge University Press, 2013. Volume 54. Issue 01, January.
- Jeon Kyung-wook. Traditional Performing Arts of Korea. Seoul.: The Korea Foundation, 2008. — 159 p.
- 3. Kevin J. Wetmore, Jr., Siyuan Liu, Erin B. Mee. Modern Asian Theatre and Performance 1900-2000. Bloomsbury, 2014. 320 p.
- 4. Kim Jinhee. Korean Drama under Japanese Occupation: plays by Ch'i-jin Yu and Mansik Ch'ae / Translated with an introduction by Jinhee Kim. U.S.A.: 2004. 178 p.
- Kim Mido. Originality and Modernity of Korean Theatre: A Study on Oh Tae-suk's Dramas // Korea Journal, Vol.37. N.3 Autumn. — Republic of Korea, 1997. — 240 p.
- Kwon Kyounghye. Shifting South Korean Theatre: Jo-Yeol Park's A Dialogue Between Two Long-necked People and Taesuk Oh's Chunpung's Wife // Journal of Dramatic Theory and Criticism. — University of Kansas, 2009. —Vol. 23, N 2. — 146 p.
- 7. Oh T'ae-sok, Kim Ah-jeong and R.B.Graves. The Metacultural Theatre of Oh T'ae-sok: Five Plays from The Korean Avant-Garde / translated by Ah-jeong Kim and R.B.Graves. U.S.A.: University of Hawai'i Press, 1999. 164 p.
- Re-playing Shakespeare in Asia. Edited by Poonam Trivedi and Minami Ryuta. New York and Abingdon.: Routledge, 2010. — 343 p.
- Shakespeare's World/World Shakespeares: The Selected Proceedings of the International Shakespeare Association World Congress, Edited by Richard Fotheringham, Christa Jansohn, R. S. White. — Brisbane: University of Delware Press, 2006. — 436 p.

Кривошеина Алина Сергеевна

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ КОРЕИ

Уральский Федеральный Университет Гуманитарный институт, кафедра востоковедения 2 курс (бакалавриат) <u>mrs.nami@mail.ru</u>

Krivosheina Alina

EVOLUTION OF THE WOMAN'S IMAGE IN THE KOREAN LITERATURE

Ural Federal University Institute of Humanities, Department of Oriental Studies 2 year student (B.A.)

В статье приводится сопоставительный анализ корейских средневековых и современных литературных произведений, рассматриваются женские художественные образы и их особенности. Автором была предпринята попытка проследить изменения описания женского образа в корейской литературе.

The article presents a comparative analysis of the Korean medieval and modern literary works with the accent on female artistic images and their main features. An attempt was made to track the change in the way females are portrayed in the Korean literature.

Ключевые слова: средневековая корейская литература, современная литература Кореи, художественный женский образ, корейский фольклор, анализ.

Key words: medieval Korean literature, modern Korean literature, female artistic images, Korean folklore, analysis.

Образ женщины занимает значимое место в литературе любого народа мира. Корейская литература не стала исключением. Нередко женский образ является центральным, что можно видеть как в сочинениях прошлых веков, так и в произведениях XXI века. Однако с течением времени женский образ не раз терпел значительные изменения. Так как литература является отражением историкокультурологических процессов, происходящих в обществе, данная тема важна для выявления культурных и исторических особенностей Кореи.

Под «художественным образом» принято понимать «всеобщую категорию художественного творчества, специфические для него способ и форму освоения жизни, «язык» искусства и вместе с тем — его «высказывание» [Роднянская, 1968. С. 363]. То есть это то, что создает автор в своем произведении. Существует множество классификаций этой категории, но далее в статье мы будем говорить только о художественном образе человека.

Для анализа были взяты произведения, относящиеся к разным эпохам: фольклорные повести «Верная Чхунхян» и «Преданная Сим Чхон», средневековый роман Ким Ман Чжуна «Скитания госпожи Са по югу», а также современные произ-

ведения, такие как «Пожалуйста, позаботься о маме» Шин Ген Сук, «Приходите на поле гаоляна» Кон Сон Ок, «Сказания о новых кисэн» Ли Хен Су.

Первое произведение, которые было проанализировано, — это народная повесть «Верная Чхунхян», настоящий образец корейского фольклора. Когда появилась эта повесть — неизвестно, до нас текст дошел благодаря рукописям XIX в.

«Верная Чхунхян» рассказывает читателям историю любви между дочерью кисэн и юношей из знатного рода. Действие происходит в Намвоне, на юге Кореи. Чхунхян была известна по всей округе не только своей редкой красотой, но и незаурядным умом и поэтическим даром. Она получила хорошее воспитание и образование. Моннен, возлюбленный Чхунхян, является представителем привилегированного класса янбанов (дворян). Их отношения противоречили традиционным феодальным нормам того времени. Несмотря на это, влюбленные проводят тайную церемонию бракосочетания. Кульминация произведения происходит, когда в уезде появляется новый жестокий и развратный наместник, который желает сделать Чхунхян своей наложницей. Наместник уверен, что девушка из «низшего» слоя не посмеет ему отказать. Но его ожидания не оправдались, и Чхунхян остается верной Моннену до конца. Она отвечает наместнику: «Верный чиновник не служит двум государям, добродетельная жена не выходит замуж дважды! Этот наказ для меня свят. Мне жить тяжело, но преданная жена ни за что не выйдет замуж второй раз. Можете делать со мной, что хотите!» [Верная Чхунхян. С.87]. За это она была жестоко наказана — ее бросают в темницу и подвергают настоящим пыткам. В конце Чхунхян была вознаграждена за свою любовь и преданность и получила титул «Целомудренной жены».

Образ Чхунхян — это один из самых ярких и известных образов корейского фольклора, он стал символом высоких моральных качеств, нравственности и духовной красоты обычного человека.

Второй рассмотренный нами женский образ — Сим Чхон из повести «Преданная Сим Чхон». Это лирико-драматическая фольклорная повесть, так же записанная лишь в XIX в. Произведение наполнено сказочно-фантастическими мотивами и элементами мифологии.

История рассказывает о девушке из бедной семьи — Сим Чхон. Ее отец Сим Хак Кю ослеп в юности, но судьба дала ему добродетельную жену. Долгое время у них не было детей, поэтому, когда родилась Сим Чхон, это стало большой радостью. К сожалению, рождение дочери стоило матери жизни. Слепому Сим Хак Кю пришлось одному растить дочь, терпя все невзгоды и тяготы бедной жизни. Сим Чхон росла и с каждым годом становилась все красивее, была «начитанна и отличалась многими талантами», но больше всего в ней проявлялись почтительность и любовь к отцу. Уже с одиннадцати лет Сим Чхон стала сама ходить по селению и просить милостыню, так как боялась, что слепой отец может споткнуться и упасть. Став старше, она стала шить одежду на продажу, однако жили они все равно очень бедно. Однажды, когда Сим Чхон было пятнадцать лет, отец, поверив словам монаха, пообещавшего, что большое пожертвование храму вернет ему зрение, расписался в приходной книге, хотя расплачиваться ему было нечем. Героиня решила помочь отцу вернуть зрение, чего бы это ни стоило. Не найдя другого выхода, она продала себя путешествующим купцам-мореплавателям, которые искали прекрасную и целомудренную девушку, чтобы принести ее в жертву морскому царю. Сим Чхон готова была погибнуть, едва начав жизнь, лишь бы давнее желание отца исполнилось. Перед тем, как бросится в воду с корабля, она

произнесла такие слова: «Молю! Молю тебя, Небо! Себя мне ничуть не жаль, я умираю лишь для того, чтоб разрешились страдания всей жизни моего слепого отца. Смилуйся же, Небо! Внемли моим мольбам, сделай ясными глаза батюшки!» [Преданная Сим Чхон. С.174]. Такой поступок расценивался как проявление высшей сыновней почтительности. В конце повести, девушка была вознаграждена: она стала королевой и после долгой разлуки смогла вновь увидеть отца. Радость от встречи с дочерью вернула Сим Хак Кю утерянное зрение.

Следующее произведение — роман «Скитания госпожи Са по югу», созданное Ким Ман Чжуном в XVII в. Стоит отметить, что XVII в. является временем зарождения корейского романа как самостоятельного жанра. Ким Ман Чжун (1637–1692) — первый автор, который начал писать большие произведения на корейском языке. Он сумел передать желания и тревоги людей этой эпохи в своем творчестве.

Роман «Скитания госпожи Са по югу» изображает семейную драму, произошедшую в средневековом Китае. Лю Ёнсу, государственный чиновник, и его жена госпожа Са в течение десяти лет брака так и не смогли завести детей. В связи с этим супруги приняли решение взять в дом наложницу Кè. Стоит отметить, что инициатива принадлежала именно госпоже Са, так как она чувствовала свою вину перед мужем за то, что не может родить детей. Лю Ёнсу так отвечал на предложение госпожи Са о том, чтобы взять наложницу Кè в дом: «Наложница мне совсем не нужна! Только ведь трудно противиться желанию супруги. Так и быть, выбирай счастливый день и пусть приходит». [Ким Ман Чжун, 2010. С.192]. В те времена в Китае считалось, что из трех тысяч видов сыновней почтительности продолжение рода — одно из важнейших. Когда Кè поселилась в доме, госпожа Са проявила редкое великодушие. Она никогда не ревновала своего мужа к наложнице, потому что понимала, что ревность способна разрушить их семью. Когда у наложницы родился мальчик, госпожа Са радовалась всем сердцем. Эта героиня является образцом добродетели, она одинаково прекрасна как внутри, так и снаружи, образована, учтива, добра и готова пожертвовать собой ради семьи.

При рассмотрении выбранных женских образов было обнаружено множество идентичных черт. Например, все три героини всегда верны своим моральным принципам, даже готовы принести себя в жертву ради них, хотя эти принципы нередко навязаны обществом. Это говорит о том, что общество преобладало над женской индивидуальностью. Все героини описываются как красивые, образованные, талантливые и почтительные женщины. Но самым важным их качеством является самоотверженность. Таким образом, можно говорить о том, что в Средневековье существовала традиция изображать идеальную женщину, которая лишена любых негативных черт и всегда ставит на первое место интересы других.

В анализируемых произведениях XXI в. также были выбраны главные женские образы. Первое произведение, к которому мы обратимся — «Пожалуйста, позаботься о маме» Шин Ген Сук. Несмотря на то, что роман был написан в 2008 г., он прекрасно отражает как современные корейские реалии, так и уходящие в прошлое. В романе на примере конкретной семьи показаны социальные проблемы современного корейского общества, такие как взаимоотношение между детьми и родителями, уважение и почитание родителей, отношения между супругами.

Главная героиня, Пак Соньо, обычная пожилая кореянка, которая росла в трудные для страны годы. Она пережила японскую оккупацию и войну. Пак Соньо не умела ни читать, ни писать, потому что ее семья не имела средств на

обучение. Она рано вышла замуж, затем у нее появились дети, и единственным смыслом ее существования стала забота о семье. Она вкладывает всю душу в воспитание четверых детей и старается дать им все то, чего не было у нее. Дети со временем повзрослели и покинули родительский дом. Так, мать и отец остались совсем одни. Однажды они решили навестить детей и поехали в Сеул, однако, спустившись в метро, они потеряли друг друга в толпе. Затем вся семья начинает поиски матери, вспоминая эпизоды из своей жизни, связанные с ней. Как оказалось, Пак Соньо была больна и ее состояние постепенно ухудшалось. Она забывала какие-то элементарные вещи, например, какой адрес у ее детей в столице, поэтому, скитаясь по городу, она не понимала, что происходит и где она находится. Таким образом, женщина пропала и ее так и не смогли найти. Прежде ни муж, ни дети не замечали, что происходит с их родным человеком, воспринимали ее как должное, и только когда мама пропала, все осознали, как много она для них значила. Только с одним человеком она позволяла себе дать слабину — Ёнгу, ее тайный друг. Он единственный знал о всех ее трудностях: «Возможно, именно твое присутствие и помогло мне найти в себе силы жить дальше. Прости за то, что, каждый раз приходя поплакаться тебе на жизнь, я ни разу не позволила тебе взять себя за руку.» [Шин Ген Сук, 2012. С.260]. Исходя из этого, можно сделать вывол, что она осталась верной своему мужу.

Пак Соньо — это образец преданной жены и любящей матери. Здесь видны отсылки к фольклорным сюжетам, в которых женщинам была присуща самоотверженность и жертвенность. Однако в романе это преподносится не как идеал, к которому нужно стремиться, а как пример несчастной женщины, которая всю жизнь жертвовала своими интересами и желаниями ради семьи. Именно из-за того, что Пак Соньо сама себя не ценит, муж и дети также относятся к ней пренебрежительно. В конце романа, в отличие от ранее рассмотренных нами произведений, героиня не получает никакой награды за свою самоотверженность, а просто исчезает.

Другой образ — образ Пхилсун из романа Кон Сон Ок «Приходите на поле гаоляна». В романе затрагиваются остросоциальные проблемы, связанные с положением женщин в обществе, рассказывается об их нелегкой судьбе, о взаимоотношениях внутри семьи, в частности, между мужем и женой.

Главная героиня Пхилсун — обычная женщина. В первом браке муж постоянно пил и бил ее и сына Хансу. Не выдержав, она ушла от него и стала растить ребенка в одиночестве, постоянно работая и живя в полной нищете. Однако ей посчастливилось познакомиться с красивым мужчиной — Сим Исопом, который работал врачом. Они поженились и переехали из Сеула в провинцию, потому что жизнь в Сеуле была достаточно дорогой и трудной. Вскоре у них родился сын — Санъи, но со временем в их семейной жизни начали проявляться проблемы. Идеальная жизнь Пхилсун начинает рушиться. Затем ее лучшая подруга умирает от цирроза печени. Героиня берет на себя попечительство над ее дочками, но Исоп отказывается помогать жене и в итоге просит развода. Пхилсун, раздавленная судьбой, соглашается, ведь другого выхода у нее нет. Ей уже не вернуть те хорошие и тесные взаимоотношения со своим мужем, которые были когда-то. Исоп оставляет Пхилсун одну с пятью детьми. «Исоп решительно закинул рюкзак за спину и вышел за ворота. Его статная фигура, то показывалась из-за высокого забора, то исчезала — он привычно шел, широко шагая». [Кон Сон Ок, 2011. С.229]. Это был последний раз, когда Пхилсун видела своего уже бывшего мужа.

Образ Пхилсун — это образ обычной женщины, которая не была идеальной матерью или женой, не обладала какими-то исключительными качествами, но именно это позволяет читателю проникнуться к ней сочувствием.

Последним проанализированным образом является Табакне из романа «Сказания о новых кисэн», написанное Ли Хèн Су. Роман был опубликован в Южной Корее в 2005 г. и сразу приобрел большую популярность. История рассказывает о жизни современных кисэн. Кисэн — это артистки, которые появились во времена династии Корè (935–1392). Они занимались развлечением знатных мужчин на пирах. Для этого занятия им требовалось достигнуть достаточных высот в искусстве, поэзии и литературе. Ли Xèн Су в своем романе пытается понять мировоззрение, мысли и переживания кисэн.

Действия произведения происходят в кибане — публичном доме, где работают кисэн. Табакне — старая женщина, которая прожила всю жизнь, работая на кухне. Она не знала ни счастливой семейной жизни, ни любви, ни радости от работы. Вместо этого она видела только кухню, кисэн и тяжелый труд. Это сделало Табакне черствой, приучило никогда не показывать своих истинных чувств, перед читателем она предстает как сварливая старуха, обозленная на весь мир, однако позже мы узнаем, что внутри она хранит множество переживаний. На самом деле у героини есть сын, которого у нее отобрали, поэтому Табакне держит кибан в надежде, что ее сын однажды найдет дорогу домой и вернется к ней. Она постоянно испытывала противоречивые чувства: «Хотя одна половина ее души звала его обратно, вторая говорила ему не приходить. Несмотря на то, что первая половина души хотела его видеть, вторая половина говорила, что нельзя этого делать. Каждый раз, когда Табакне была взволнована, думая о нем, она шла на кухню и, засучив рукава, начинала варить, жарить, тушить...». [Ли Хèн Су, 2013. С.279]

Подводя итог, можно сказать, что в трех проанализированных литературных произведениях XXI в. изображаются обычные женщины. Они бедны, не имеют образования и прекрасной внешности. Эти героини имеют свои мечты и желания и пытаются противостоять сильному давлению общества.

Таким образом, говоря об эволюции женского образа в корейской литературе, можно отметить, что главное изменение — это отказ от его романтизации. Современная литература, в отличие от фольклорной и средневековой, стала изображать женщин более реалистично, раскрывать их проблемы, мысли и переживания.

Библиография

- 1. Верная Чхунхян: корейские повести XIX в.: в 2 т. Т. 1 / пер. с кор. А. Ф. Троцевич, Ю. Л. Кроля, Г. Е. Рачкова, А. Г. Васильева. СПб.: Гиперион, 2009. 328 с.
- 2. Ким Ман Чжун. Сон в заоблачных высях / Ким Ман Чжун ; пер. с кит. и кор. А. Ф. Троцевич. СПб. : Гиперион, 2010. 288 с.
- 3. Кон Сон Ок. Приходите на поле гаоляна / Кон Сон Ок ; пер. с кор. Чо Гын Хи. СПб. : Гиперион, 2011. 272 с.
- Ли Хèн Су. Сказание о новых кисен / Ли Хèн Су; пер. с кор. Ли Сук Мèн. СПб.: Гиперион, 2013. — 288 с.
- Роднянская И. Б. Образ художественный / Под ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1968. 976 с.
- 6. Шин Кèн Сук. Пожалуйста, позаботься о маме / Шин Кèн Сук ; пер. А. И. Прохоровой. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. 318 с.

Круглова Екатерина Дмитриевна

ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ФЕНОМЕНА НОВЕЙШЕЙ КИТАЙСКО-ЯПОНСКОЙ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ КИТАЯ И ЯПОНИИ

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра китайской филологии 4 курс (бакалавриат) catia.kruglowa@yandex.ru

Kruglova Ekaterina

QUESTIONS OF DETERMINING THE TERMINOLOGY OF THE PHENOMENON OF THE LATEST CHINESE-JAPANESE BOR-ROWED VOCABULARY IN MODERN LEXICOLOGY OF CHINA AND JAPAN

St. Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Chinese Philology 4 year student (B.A.)

В статъе предпринята попытка решить проблему терминологического определения такого лексического феномена как китайско-японские заимствованные слова. Выявлены особенности данных заимствований, причины их появления, доказана их релевантность как отдельного феномена в лексикологии. В результате анализа мероприятий по сбору лексики китайскими и японскими учеными, а также их теоретических трудов была выработана собственная терминология и толкование данного явления, отсутствующая в отечественной синологической лингвистике, что объясняет актуальность данного исследования.

The article attempts to solve the problem of the terminological definition of such a lexical phenomenon as Sino-Japanese loanwords. The author revealed the features of these borrowings, the reasons for their existence and proved their relevance as a separate phenomenon in lexicology. As a result of the analysis of vocabulary collection activities by Chinese and Japanese scholars, as well as their theoretical works, an original terminology and interpretation of this phenomenon was developed, which does not exist in Russian synological linguistics, that explains the relevance of this study.

Ключевые слова: Китайский язык, японский язык, заимствования, современная лексикология, лингвистика.

Key words: Chinese, Japanese, loanwords, modern lexicology, linguistics.

Новейшая заимствованная лексика в китайском и японском языках как отдельный лингвистический феномен остается слабо изученной не только отечественными исследователями, но и западными лингвистами. Комплексные исследования проводились языковедами КНР, Тайваня и Японии.

Ряд китайских исследователей используют термин 流行语 *liúxingyǔ*, которое в англоязычной литературе переводится как *catchword/buzzword* _модюе слово',

_ходовое выражение⁶. Обоснованность используемого китайскими лингвистами термина и явления, которое он обозначает, доказывается рядом факторов.

Во-первых, начиная с 90-х годов XX века стали выходить целые серии словарей «модных слов», первый из которых - «Современный словарь китайских модных слов» 《当代中国流行语词典》 dāngdài zhōngguó liúxíngyǔ cidiǎn - вышел в 1990 году. Он содержит «модные» слова, вошедшие в китайский язык с начала проведения в Китае политики реформ и открытости (1978). В 1990 и 2003 годах соответственно вышли словари «модных» слов Пекина 《北京现代流行语辞典》 bēijīng xiàndài liúxíngyǔ cidiǎn) и Шанхая 《上海流行语辞典》 shànghǎi liúxíngyǔ cidiǎn. Появление подобных словарей и отобранная в них лексика не только отражают процесс наиболее интенсивного влияния модернизации и глобализации на эти два крупнейших города Китая, но и фиксируют языковые различия Севера и Юга страны.

Во-вторых, с начала нынешнего столетия мероприятия по сбору новейшей лексики в языке стали проводиться на государственном уровне. Так, в 2002 году было запущено более чем пятнадцать национальных социолингвистических проектов государственного языка и письменности. Наиболее значимый из них -«Групповое исследование модных слов» 流行语跟踪研究 liúxíngvǔ gēnzōngvánjiū, результаты которого были собраны в «Обзоре современных модных слов китайского языка» 《中国当代流行语全览》 zhōngguó dāngdài liúxíngyǔ quánlǎn), систематизирующем и упорядочивающем все новомодные слова, проникшие в китайский язык в период с 1978 года. Помимо этого, в рамках проекта Шанхайское лексикографическое издательство выпустило «Карманный словарь новейших китайских модных слов» 《最新流行语小词典》 zuìxīn liúxíngyǔ xiǎocídiǎn. К исследованию новомодной лексики специализированно привлекались и исследователи в области лингвистики: к тридцатилетнему юбилею начала проведения политики реформ и открытости вышла работа Гао Хунтоу «Модные слова Китая 1978-2008» 《1978-2008 流行语看中国》 liúxíngyǔ kàn zhōngguó, a 2013 году вышел малый словарь модных слов китайского языка 《汉语流行语小词典》, особенность которого состоит в толковании новейших единиц лексики в сопоставлении с английскими аналогами [柯克雷, 2016. 页3].

Наконец, исследование и систематизация данного вида лексики не ограничивается лишь составлением словарей — более активную и продуктивную работу по фиксации «модных слов» проводят китайские СМИ как ресурс, имеющий непосредственный доступ к источникам новомодной лексики. С 2000 года некоторые средства массовой информации совместно с научно-исследовательскими организациями изучения национального языка наблюдают за процессами возникновения и закрепления в китайском языке новейших заимствований. На правительственном уровне был введено и обнародовано правило ежегодно публиковать списки неологизмов (наиболее известны списки «Десять модных фраз» 《十大流行语》, которые относятся к «модной» лексике. Наиболее активны в этом отношении шанхайская издательская корпорация «Вэньхуэй бао» 《文汇报业集团》 wénhuìbào yè jituán и журнал «Буквоед» 《咬文嚼字》 yǎowén jiáozì.

Таким образом, в Китае уделяется большое внимание «модной лексике» как важному социальному и лингвистическому явлению, поэтому широкая теоретическая база также подкрепляется практическими исследованиями и мероприятиями по сбору и изучению данных слов.

Изучению заимствованной лексики посвящали труды и многие японские ученые-лингвисты. Самые значимые и фундаментальные работы по китаизмам в японском языке — монография японского исследователя Масаèси Сибатани «The Languages of Japan» («Языки Японии») [Shibatani, 1990. Р.142] и японского лингвиста

Тин Рикиэя *«Течение слов: результаты совместных знаний Китая и Японии с начала Нового времени»* [陳力衛, 2007. 页35], которые обозначают китайскую заимствованную лексику в японском языке терминами *kango* или *sino-japanese vocabulary* и выделяют три основных этапа развития японского языка под влиянием китайского:

- 1. IV н. э. зарождение японской письменности на основе китайского иероглифического письма, которая оформилась в *манъёгану* (яп. 万葉仮名). В ней японские слова записывались китайскими иероглифами, схожими по звучанию.
- 2. IX-XIX века использование системы камбун (яп. 漢文 _митайское письмо') на основе вэньяня как языка официальной письменности.
- 3. XIX век настоящее время с реставрацией Мэйдзи (яп. 明治維新 Мэйдзи Исин, 1868-1889) камбун отменен, китайское влияние на Японию постепенно ослабевает, количество употребляемых кандзи сокращается. После японокитайской войны 1894-1896 Япония смещает Китая в лидерстве в азиатском регионе, начинает многое заимствовать у запада. Японский язык если и не становится полноправным «донором» для китайского языка, то на данном этапе начинается равноправный лингвокультурный обмен Китая и Японии.

В ряде японоязычных работ по отношению к словам, образовывающемся с начала последнего этапа, употребляются термины 新语/流行语 и приводится их английский перевод - catchwords, buzzwords.

В настоящее время в Японии мероприятия по анализу, сбору и публикации «модных» слов и фраз проводит издательство «Дзию кокуминся» (自由民社). Мероприятие получило название «Поощрение нового языка и модных слов» (кит. 新语、流行语大赏; яп. しんご・りゅうこうごたいしょう синго рюукоуготайсèу) и представляет собой ежегодный отбор слов, отражающих новые социальные явления текущего года или события, вызвавшие оживленные дискуссии. Люди или организации, связанные с этими словами, получают награды и призы.

Резюмируя приведенные выше положения, определим актуальную терминологию для данного исследования. Новейшая заимствованная лексика китайского и японского языков соответствует понятию 汉日流行语 hànrì liúxíngyǔ (китайскояпонский «модный язык»)/汉日流行词语 hànrì liúxíng cíyǔ (китайскояпонские «модные слова») в китаеязычной лингвистике и термину 新语/流行语 («ходячие фразы», «современные модные слова») в японоязычной традиции. Им соответствуют английские термины catchwords, buzzwords. Данное явление включает в себя новейшие китайзмы в японском языке (китайско-японская лексика) и новейшие японизмы в китайском языке (японо-китайская лексика). Можно определить следующие историко-временные рамки явления: для появления новейшей японско-китайской лексики точкой отсчета является начало проведения политики реформ и открытости в 1978 году. Китайско-японская лексика в этом отношении «старше» - ее активное распространение начинается с проведением в Японии Реставрации Мэйдзи 1868-1889 и продолжается и по сей день.

Библиография

- Shibatani, M. The Languages of Japan/ Mashayoshi Shibatani. Cambridge University Press, 1990. - 411 p.
- 2. 陳力衛. 語詞的漂移: 近代以來中日之間的知識互動與共有, 學苑, 2007. 97 页
- 3. 柯克雷.日语-新语"与-流行语"的比较研究——以2015年十大流行语为例. 绍兴文**理学院** 学报. 2016, 第10卷.

Куршева Анастасия Александровна

СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ ПЕРЛОКУТИВНОГО ЭФФЕКТА В КИТАЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИА-ЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ СИ ЦЗИНЬПИНА)

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Институт иностранных языков
3 курс (бакалавриат)
kurshevaa@yandex.ru

Kursheva Anastasia Alexandrovna

WAYS TO ACHIEVE A PERLOCUTIONARY EFFECT IN CHINESE POLITICAL DISCOURSE (BASED ON XI JINPING"S SPEECHES)

Herzen State Pedagogical University of Russia Institute of Foreign Languages 3 year student (B.A.)

В статье описан принцип работы перлокутивного эффекта в современном политическом дискурсе КНР. Контент-анализ выступлений председателя КНР Си Цзиньпина позволил выделить проблемы, которые лидер выдвигает на первый план. Автор приходит к выводу, что современный политический дискурс Китая содержит в себе выражение китайской языковой картины мира, одним из ключевых концептов которой является «китайская мечта». На основе анализа речи председателя КПК Си Цзиньпина рассмотрены различные методы воздействия на адресата и способы их использования в китайском политическом дискурсе.

The article describes the principle of the perlocutionary effect in the contemporary political discourse of the PRC. A content analysis of speeches by President Xi Jinping made it possible to highlight the problems that the leader brings forward. The author concludes that China's contemporary political discourse contains an expression of the Chinese language picture of the world, one of the key concepts of which is the —Chiese dream". Based on the analysis of the speech of the CPC Chairman Xi Jinping, various methods of influencing the addressee and methods of their use in Chinese political discourse are examined.

Ключевые слова: перлокутивный эффект; семантика; метафора; фразеологизм; политический дискурс, китайская мечта; китайская языковая картина мира

Keywords: perlocutionary effect; semantics; metaphor; phraseological unit; political discourse

Ранее считалось, что речь и язык созданы лишь для описания феноменов окружающей действительности, что они могут влиять на реальность лишь опосредованно. Затем была выдвинута теория речевых актов, автор которой — Джон Остин — один из основоположников философии языка. член Британской академии и профессор Оксфорда. Им было замечено, что в языке существуют высказывания не только описывающие действие, но и сами выполняющие его, то есть являются речевыми актами. Ученые называют речевой акт целенаправленным рече-

вым действием, совершенным в соответствии с принятыми в обществе нормами коммуникации; элементарной единицей речевого общения [Стилистический энциклопедический словарь, 2006. С. 351]. Речевые акты Остин делит на три уровня.

Локутивный акт соотносится с произнесением высказывания в рамках грамматики данного языка. То есть локутивная сила предложения заключается в его когнитивном содержании; намерение говорящего не рассматривается; она «является материальной составляющей высказывания» [Дранко, 2006. С. 195].

Иллокутивный акт подразумевает не только сам факт говорения, но и передаèт намерение говорящего, выражает некоторую коммуникативную цель.

Перлокутивный акт является одной из форм воздействия на адресата, при котором главной задачей является результат понимания (реакция на речевое действие).

Перлокутивный эффект — это одна из составляющих коммуникативного акта, направленная на получение информации и воздействие на адресата адресантом; это «акт воздействия речи на мнения и чувства и, как следствие, на дела и поступки» [Там же]. Для достижения коммуникативной цели необходимо наличие перлокутивного эффекта, а именно использование определенных речевых средств в речевом высказывании. В настоящий момент в любом медиа на первом месте в использовании стоят когнитивные стратегии, которые в свою очередь обращены к внутренним ментальным процессам адресата и направлены на изменение его картины мира. В плане воздействия на собеседника может быть выделено три директивы: «перспективы, предписывающие действия адресата (приказ, распоряжение, разрешение); реквестивы, побуждающие к действию, совершаемому в интересах говорящего (просьба, мольба, приглашение); сугреквестивы, выражающие совет (совет, предложение, предупреждение)» [Капитонова, 2013. С. 165]. Перлокутивный эффект в речах политических деятелей используется как средство для достижения политических, экономических и социальных целей.

Речи Си Цзиньпина на темы реформ и развития страны, внутренней и внешней политике Китая, новых идей и стратегий развития страны все больше привлекают внимание с момента становления его на место председателя компартии.

В речах Си Цзиньпина перлокутивный эффект достигается посредством использования различных средств выразительности речи: метафор, цитат, фразеологизмов с яркой эмоциональной окраской, использование иноязычных фразеологизмов во время международных переговоров, стилистически грамотного использования предложений (осложненная структура простых предложений, длинные сложные предложения, использование однородных членов).

В китайском языке употребление фразеологизмов в письменной и устной речи значительно повышает уровень эмоциональной окраски высказывания, создает ритмическую и визуально-симметричную красоту. Использование «золотых слов и выражений» зарубежных стран во время международных переговоров показывает желание сотрудничать, вовлеченность не только в свою, но и иностранную культуру.

Пример 1.

——花独放不是春,百花齐放春满园。'世界各国联系紧密、利益交融,要互通有无、优势互补,在追求本国利益时兼顾他国合理关切,在谋求自身发展中促进各国共同发展,不断扩大共同利益汇合点。"

—Yī huā dú fàng bùshì chūn, bǎihuāqífàng chūn mǎn yuán.' Shìjiè gèguñ liánxì jǐnmì, lìyì jiāorňng, yào hùtōng yǒu wú, yōushì hùbǔ, zài zhuīqiú běnguñ lìyì shí jiāngù tāguñ hélǐ guānqiè, zài mñuqiú zìshēn fāzhǎn zhōng cùjìn gèguñ gòngtǐng fāzhǎn, bùduàn kuòdà gòngtǐng lìyì huìhé diǎn."

«Один цветок — не весна, пусть расцветет сто цветов и тогда она наступит». Страны мира тесно связаны между собой и имеют общие интересы. Они должны обмениваться идеями и дополнять друг друга. Когда они преследуют свои собственные интересы, они должны учитывать законные интересы других стран и содействовать совместному развитию всех стран, постоянно расширять места слияния общих интересов.

_一花独放不是春, 百花齐放春满园。'— это цитата, взятая из древней книги «Древняя и современная письменность». Это книга просвещения, направленная на развитие духовности. Цитата подразумевает под собой идеи коллективизма, сплоченности всех стран мира, их взаимную поддержку.

Пример 2.

一中国的先人们早在2500多年前就认识到: _荷利于民,不必法古; 苟周于事,不必循俗'。变革创新是推动人类社会向前发展的根本动力。谁排斥变革,谁拒绝创新,谁就会落后于时代,谁就会被历史淘汰。"

—Zhōnggur̄de xiān rénmen zǎo zài 2500 duōnián qián jiù rènshì dào:_Gǒu lìyú mín, bùbì fǎ gǔ; gǒu zhōu yú shì, bùbì xún sú*. Biàngé chuàngxīn shì tuīdòng rénlèi shèhuì xiàng qián fāzhǎn de gēnběn dònglì. Shéi páichì biàngé, shéi jùjué chuàngxīn, shéi jiù huì luòhòu yú shídài, shéi jiù huì bèi lìshǐ táotài."

«Предки Китая осознали более 2500 лет назад: «в интересах народа не обязательно подражать древности, в работе не обязательно следовать традициям/ обычаям». Изменения и инновации — фундаментальная движущая сила для развития человеческого общества. Кто отвергает изменения, кто отвергает инновации, кто отстает от времени, будет уничтожен историей».

Цитирование древних книг для китайцев очень ценно, поэтому и речь человека, употребляющего выражения из них сразу же привлекает внимание, требует большего уважения, становится более авторитетной.

Пример 3.

习近平说:—那个时候我年轻想办好事,差不多一个月大病一场。为什么呢?老 熬夜。经常是通宵达旦干。后来最后感觉到不行,这么干也长不了。先把自己的心态摆顺了,内在有激情,还是要从容不迫".

Xíjìnpíng shuō:—Nàgè shíhòu wŏ niánqīng xiǎng bàn hǎoshì, chàbùduō yīgè yuè dàbìng yī chǎng. Wèishéme ne? Lǎo áoyè. Jīngcháng shì tōngxiāo dádàn gàn. Hòulái zuìhòu gǎnjué dào bùxíng, zhème gàn yẽ cháng bùliǎo. Xiān bǎ zìjǐ de xīntài bǎi shùnle, nèizài yǒu jīqíng, háishì yào cóngróngbùpò."

Когда я был молод, я хотел хорошо выполнять свою работу, почти месяц очень тяжело болел. Почему? Я был полуночником. Регулярно не спал до рассвета. Наконец я почувствовал, что это не может продолжаться. Сперва сбалансируйте своѐ душевное состояние, почувствуйте энтузиазм и оставайтесь спокойны. Китайская мечта является исторической, реалистичной и будущей. Китайская мечта объединяет неустанные усилия бесчисленных людей, несущих общие чаяния всего китайского народа, и показывает прекрасные перспективы процветания страны, национального возрождения и счастья людей.

В январе 2015 года, говоря со студентами школ, Си Цзиньпин поделился своим юношеским опытом. В этой речи он не использует официальный стиль, а говорит совершенно обычным, приземленным языком. За этой понятностью стоит его чувство народных масс, чувство их болей, понимание, используя какой стиль лучше доносить информацию для того или иного слоя населения.

Контент-анализ выступлений председателя КНР позволяет выделить проблемы, которые лидер выдвигает на первый план: «великая китайская мечта — возрождение нации», развитие экономики и увеличение ресурсов, сохранение традиционной культуры и традиций в условиях современного международного сотрудничества, повышение уровня жизни общества, сокращение безработицы и бедности.

В книге «习近平关于实现中华民族伟大复兴的中国梦论述摘编» («Выдержки Си Цзиньпина о великой китайской мечте и великом возрождении китайской нации»), под редакцией Управления литературными исследованиями Центрального Комитета Коммунистической Партии Китая, рассматривается более пятидесяти статей, которые подчеркивают основной смысл китайской мечты — процветание страны, национальное возрождение, счастье людей. Китайская мечта — это мечта народа о лучшей жизни и стремление к ней.

习近平同志指出: -党的十八大描绘了全面建成小康社会、加快推进社会主义现代化的宏伟蓝图,发出了向实现_两个一百年'奋斗目标进军的时代号召。根据党的十八大精神,明确提出要实现中华民族伟大复兴的中国梦。"

Xíjìnpíng tňngzhì zhǐchū:—Đăng de shíbā dà miáohuile quánmiàn jiànchéng xiǎokāng shèhuì, jiākuài tuījìn shèhuì zhǔyì xiàndàihuà de hňngwěi lántú, fāchūle xiàng shíxiàn _liǎng gè yībǎi nián' fèndòu mùbiāo jìnjūn de shídài hàozhào. Gēnjù dǎng de shíbā dà jīngshén, míngquè tíchū yào shíxiàn zhōnghuá mínzú wěidà fùxīng de zhōngguñ mèng."

Си Цзиньпин отметил: «XVIII Национальный съезд Коммунистической партии Китая представил грандиозный план комплексного построения общества

средней зажиточности и ускорения социалистической модернизации, призвал к достижению цели «Два столетия» (цель к столетию основания КПК построить общество средней зажиточности, к столетию основания КНР осуществить социалистическую модернизацию). Основное настроение съезда XVIII партии — это осуществление "Китайской мечты", то есть возрождение китайской нации».

«Национальное вдохновение — наша твердая цель. Высоко держа знамя сопиализма с китайской спецификой, мы одержим в новой эпохе решительную победу в построении общества умеренного достатка и будем неустанно работать над возрождением китайской нации» [Минаев, 2018. С. 76], — лейтмотив, выдвинутый на XIX съезде КПК. Подчеркивая идеи коммунизма, борьбы с коррупцией. используя такие выражения, как «мы настойчиво били и по тиграм, и по мухам», стремительный рост ВВП (с 54 до 80 трлн [Там же. С. 78]), Си Цзиньпин четко проводит границы дозволенного и задает ориентиры для народа. Немалая часть доклада посвящена социальной сфере, что дает людям осознать заинтересованность правителя в их благополучии, а также перспективам развития КПК, что уверяет в ещѐ больших реальных перспективах роста уровня жизни. Невербальные средства общения, например, плавные, но в то же время уверенные жесты, мимика, отсутствие суетливости и агрессивности, всè это вызывает доверие со стороны слушателя и понимание. Решимость и сила речи, отсутствие речевой агрессии дает осознать, что оратор действительно знает о чем говорит и уважает свой народ, как и продвигаемые им идеи и цели.

Таким образом, перед зрителем предстает целостный имидж правителя, слова и политика которого нацелены на создание патриотичной коммунистической картины мира. Каждый жест, каждое слово отпечатывается в сознании человека. Сами же манипуляции средств массовой информации в китайском медиа пространстве происходят как раз за счет выгодного представления этого образа народу. Ввиду того, что уровень цензуры СМИ в Китае очень высок, ³⁷и любые публикации, особенно касающиеся правительства, жестко контролируются действующей Коммунистической партией, политической элите гораздо проще отслеживать выгодные образы и имиджи самих себя в сознании китайского народа. Си Цзиньпин — грамотный политик, который знает, как говорить, чтобы его слушали, что говорить, чтобы ему доверяли и каким образом добиться своими словами и действиями нужного эффекта — уважения и почтения. С уверенностью можно говорить о том, что его речи — это яркий пример, демонстрирующий как именно возможно добиться успеха в политической коммуникации посредством перлокутивного эффекта.

Библиография

- Дранко, В. В. Лингвистическая прагматика и теория речевых актов как научный метод: интерпретация косвенных вопросов / В. В. Дранко // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. — 2006 — №2 — С. 191-205.
- Капитонова, И. В. Перлокутивный эффект директивных речевых актов в конвенциональном межличностном общении / И. В. Капитонова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2013 №1. С. 164-169.

.

³⁷ По данным Индекса свободы прессы, КНР занимает по степени независимости СМИ 177-ю позицию из 180-ти стран [Reporters sans frontieres].

- 3. Минаев, С.В. Си Цзиньпин: политическое лидерство в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2018 №2. С. 76-83.
- Цуй Ван. Стилистические особенности речи Си Цзиньпина и их перевод на русский язык / Ван Цуй, Мэн Си, Сюй Сюэцинь // Известия ВГПУ. — 2019 — №5. — С. 198-201.
- 5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. 2-е изд., испр. и доп. М. Флинта: Наука, 2006. 696 с.
- 6. 人民网一人民日报海外版: [Электронный документ]. URL: (http://politics.people.com.cn/n1/2018/0412/c1001-29920889.html). (31.10.2019)
- 7. 习近平关于实现中华民族伟大复兴的中国梦论述摘编 [Электронный документ]. URL: (https://wapbaike.baidu.com/item/习近平关于实现中华民族伟大复兴的中国梦论述摘编/12633991?fr=kg_general&ms=1&rid=7649769258200955931). (31.10.2019)
- Reporters sans frontieres [Электронный документ]. URL: (https://rsf.org/ranking). (31.10.2019)

Лопатин Матвей Денисович

ЧЕРЕПАХА И ЭПОС О ГИЛЬГАМЕНІЕ

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра Древнего Востока 4 курс (бакалавриат) <u>admiral601@yandex.ru</u>

Lopatin Matvei

TURTLE AND THE EPIC OF GILGAMESH

St. Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Ancient Near Eastern Studies 4 year student (B.A.)

В данной статье рассматривается значение упомянутой в 5-й таблице стандартной версии Эпоса о Гильгамеше (VIII-VII вв. до н.э.) фразы, в которой Хумбаба называет товарища Гильгамеша Энкиду «черепашьим отродьем» (акк. atam raqqu и šeleppê). Была предпринята попытка на основе известных письменных упоминаний различных видов черепах в текстах на шумерском и аккадском языках выяснить, какие ассоциации могло вызывать у целевой аудитории упоминание черепахи в данной реплике.

This article deals with the meaning of the phrase mentioned in the Tablet V of the Standard Epic of Gilgamesh (VIII-VII cent. BC), in which Humbaba calls Gilgamesh's companion Enkidu «hatchling of turtle» (Akkadian atam raqqu u šeleppē). An attempt was made to find out, what associations, on the basis of known written mentions of different species of turtles in the texts in Sumerian and Akkadian languages, the target audience might have had with mentioning turtles in this line

Ключевые слова: Эпос о Гильгамеше, Энкиду, черепаха, литература Древней Месопотамии, аккадский язык, ритуалы месяца Абу

Key words: Epic of Gilgamesh, Enkidu, turtle, Ancient Mesopotamian literature, Akkadian language, rites of the month Abu

1. Упоминание о черепах в Эпосе о Гильгамеше

В 5-й таблице стандартной версии Эпоса о Гильгамеше (VIII-VII вв. до н.э.) описывается заключительная часть похода Гильгамеша и его товарища Энкиду за кедром в горы Леванта, где им предстоит сразиться с хранителем Кедрового леса мифическим существом Хумбабой. Текст сцены, предшествующей их встрече, несколько поврежден и продолжается с реплики Хумбабы. Страж леса сначала обращается к Гильгамешу, укоряя его за то, что тот послушался глупца Энкиду и согласился отправиться в этот поход. Затем Хумбаба переключается на самого Энкиду, которого, по всей видимости, хорошо знал раньше (ср. строки 89-90 той же таблицы), и, прежде чем обвинить того в предательстве (ср. строки 91-92 той же таблицы), произносит следующее: Enkidu mār nūni ša lā idû abašu // atam raqqu и šeleppê ša lā īniqu šizib ummīšu «Энкиду, рыбий сын, что не знал своего отца, // Черепашье отродье, что не сосал молока своей матери» [George, 2003. С. 606].

Возможно несколько уровней понимания смысла этой фразы, построенной по всем канонам древневосточной художественной литературы, в основе которых лежит принцип семантико-синтаксического параллелизма. Энкиду был создан богами (богиня Аруру по замыслу верховного бога Ану создала его из глины), а не рожден и вскормлен, как обыкновенный человек: об этом говорится в тексте 1-й таблицы (строки 99-103): Aruru ... zikru ša Anim ibtani ina libbīša ... ţīţa iktariş ittadi ina şēri // ina şēri Enkidu ibtani qurādu [George, 2003. C. 544] «Аруру ... замысел Ану воплотила в своем сердце, ... отщипнула глины, бросила на землю, // в степи Энкиду создала, героя» [Коган, Нуруллин, 2012. С. 221]. Энкиду вырос без родительской заботы подобно тому, что происходит в природе, когда с момента откладывания яиц самкой черепахи детеныши предоставлены самим себе и никогда не встречаются со своими родителями. Эта метафора лежит на поверхности³⁸. В то же время здесь можно усмотреть и более глубокий подтекст, который должен был вызывать у целевой аудитории вполне определенные ассоциации.

В данной статье будет рассмотрено то, как воспринимались черепахи жителями Древней Месопотамии и какую роль играли черепахи в жизни этих людей. Основное внимание будет уделено упоминаниям различных видов черепах в шумерских и аккадских текстах³⁹.

2. Виды черепах в современной Месопотамии

В настоящее время в Месопотамии водятся несколько видов черепах: *Маигетуиз саspica* (Каспийская черепаха, пресноводная), *Testudo graeca ibera* (Средиземноморская черепаха, сухопутная) и *Rafetus euphraticus* (Евфратский трионикс, пресноводная мягкотелая). На побережье Персидского залива представлены такие виды морских черепах, как *Chelonia mydas japonica* (Зеленая черепаха) и *Eretmochelys imbricata bissa* (Бисса или каретта) [Weszeli, 2009. С. 179]. Морские черепахи, их мясо и панцири являлись для большинства жителей Месопотамии скорее диковиной, чем частью повседневной жизни. Поэтому в нашем случае речь должна идти, по всей видимости, о тех черепахах, которые водятся в бассейне рек Тигр и Евфрат, но не в Персидском заливе.

Что касается использования черепах современными жителями Месопотамии, то имеются сведения о применении арабами жира *Rafetus euphraticus* при лечении кожных заболеваний; сегодня мясо черепахи иногда можно увидеть на рыбных рынках Багдада [Berthon, et al., 2016. С. 121]. Знаменитый английский археолог

³⁸ Подобная отсылка перекликается с другими эпитетами Энкиду. Так в строке 104 1-й таблицы Энкиду описывается как *ilitii qūlii* «порожденье молчания» [George, 2003. С. 544]. Это сравнение может указывать на неестественное появление Энкиду на свет: без криков и роженицы, и младенца [George, 2003. С. 789]. В строках 2-6 8-й таблицы Гильгамеш, оплакивая Энкиду, произносит слова, на первый взгляд противоречащие оскорблению Хумбабы из 5-й: «Энкиду, друг мой, твоя мать антилопа // И онагр, твой отец, тебя породили, // Молоком тебя звери взрастили // И скот в степи на пастбищах дальних!» [Дьяконов, 1981. С. 164]. Согласно Н. Вассерману, этими словами Гильгамеш пытается утешить дух своего умершего друга, как бы приписывая ему то, чего ему больше всего не хватало в жизни, а именно биологических родителей и молока матери [Wasserman, 2005. С. 596]. Подобное же упоминается в старовавилонской версии 2-й таблицы (строка III:1): «Молоко звериное сосал он!» [Дьяконов, 1981. С. 131]. Здесь, однако, не указывается, что это было молоко его матери, и говорится скорее о том, что Энкиду вырос в дикой природе [Wasserman, 2005. С. 597].

^{2005.} С. 597]. ³⁹ Отдельного рассмотрения требует сохранившийся изобразительный материал (изображения черепах, например, на печатях и стелах).

О. Г. Лэйярд (1817-1894) описывает, как один из его слуг поймал в реке черепаху длиной 90 см. Он упоминает об отношении арабов к черепахам как к прожорливым и агрессивным животным, в частности, о том, как, по рассказам другого слуги, черепаха в воде утащила одного человека и затем проглотила [Layard, 1853. С. 245].

Начиная со 2-го тыс. до н. э. в письменных источниках на аккадском языке встречаются два основных термина для обозначения черепах: raqqu (вероятно, Raphetus euphraticus) и šeleppû (вероятно, Mauremyus caspica). Их идентификация обусловлена прежде всего тем, что чаще всего в аккадских текстах они описываются как пресноводные. Для сухопутной же Testudo graeca ibera использовалось выражение šeleppû ša tābali «черепаха-шелеппу суши» [Weszeli, 2009. С. 179-180]. Термины šeleppû и raqqu сохранились до наших дней в арабском языке как أَرْقُ Слова со сходным корневым составом и семантикой известны также в эблаитском и арамейских языках, в языке мехри, а также в арабских диалектах [SED II. C. 252, 265-266].

3. Шумерские литературные произведения

В художественной литературе Древней Месопотамии черепахи представлены в двух шумерских произведениях: «Нинурта и черепаха» и «Цапля и черепаха». По сюжету «Нинурты и черепахи» бог подземных вод-Абзу⁴⁰ и мудрости Энки, желая отомстить воинственному богу Нинурте, создает из глины Абзу черепаху ba-al-gu $_{7}$ (то же, что и акк, raqqu), чтобы та, затаившись, схватила его и утянула под воду. Нинурте, однако, удается выбраться, и тогда черепаха начинает рыть под собой яму, в которую Нинурта и проваливается [ETCSL 1.6.3]. В «Цапле и черепахе» черепаха níg-bún-na (то же, что и акк. šeleppû) разоряет гнездо цапли, сбрасывая ее яйца в воду, после чего набрасывается на саму цаплю и когтями царапает ей лоб до крови. При первом же появлении черепахи она описывается как «вздорная» (шум. lú du₁₄ mú-а-ke₄ — досл. «тот, что начинает ссору») и «злобная по природе» (шум. har-ra-an gig-ga-ke4 — досл. «путь неудобства»). В этом тексте черепаха изображается (сначала в виде автопортрета, потом это же повторяет цапля) так: глазами, пастью и языком черепаха похожа на змею, укусом — на щенка, ее лапы маленькие, живет она в огородах и любит проводить время в грязи, сама же она сравнивается с «кирпичом в печи» (sig4 udun-na) и с «пыльной корзиной (для переноски глины)» (giš.dusu sahar-ra)⁴¹. Здесь же говорится, что черепаха ловит рыбу, разбивает яйца, набрасывается на карпов и жаб [ETCSL 5.9.2].

Известно также упоминание черепахи níg-bún-na в художественном сравнении в одном из шумерских сказаний о Гильгамеше «Гильгамеш, Энкиду и под-

160 Ex oriente lux

41

⁴⁰ Шум. abzu (акк. apsû) — подземный пресноводный океан, дающий начало родникам, рекам и озерам; обиталище бога Энки (акк. Эа); Загробный же мир, согласно верованиям жителей Месопотамии, находился ниже уровня Абзу [Black, Green, 1992. C. 27].

¹¹ Ср. перевод В. К. Афанасьевой: «В те дни черепаха, склочница, полная черных помыслов — // «О, цапля, с цаплею да разожгу ссору!» // Я, черепаха, с цаплею да разожгу ссору!» // Она, глаза ее — глаза змеиные — «Да разожгу с ней ссору!» // Зубы ее — зубы змеиные — «Да разожгу с ней ссору!» // Язык ее — язык змеиный — «Да разожгу с ней ссору!» // С ручон-ками слабыми, с ножонками слабыми — «Да разожгу с ней ссору!» // Черепаха — кирпич печной — «Да разожгу с ней ссору!» // Что, словно лопата, все время в земле копошится — «Да разожгу с ней ссору!» // Что, словно лопата, все время в земле копошится — «Да разожгу с ней ссору!» // Что, словно да разожгу с ней ссору!» // Что, словно лопата, все время в земле копошится — «Да разожгу с ней ссору!» // Корзина с землею неумытая — «Да разожгу с ней ссору!» // Афанасьева, 1997. С. 317].

земный мир». Плывущий на лодке в Загробный мир бог Энки попадает под сильный град, от которого сотрясается киль его лодки, как будто бы она «наткнулась на черепах»⁴² (шум. níg-bún-na // še-en-bún-na du₇-àm) [ETCSL 1.8.1.4].

4. Медицинские тексты, заклинания и тексты-предсказания (*omina*)

Из аккадских медицинских текстов известно, что мясо и панцири как *raqqu*, так и *šeleppû* использовались в приготовлении различных лекарств и снадобий. Например, кости *Rafetus euphraticus* включены в состав отвара, который, в сочетании с пивом, советовалось употреблять при нерегулярных маточных кровотечениях [Scurlock, 2014. С. 577, 581]. Также и мясо *Mauremyus caspica* рекомендовалось есть женщинам при проблемах родовой деятельности [Scurlock, 2014. С. 600, 604]. В заклинании старовавилонского периода говорится о слюне, желтозеленого цвета, как черепаха *šeleppû* [UET V №85:6]. Помимо этого, согласно одному шумерскому заклинанию, мясо níg-bún-na могло очистить и освободить от наложенного проклятия, а царю обеспечить удачу [Owen, 1981. С. 42-43]. Черепахи засвидетельствованы в аккадских текстах-предсказаниях и сонниках, например: «если он (во сне) поймает черепаху в реке, в печали (*далее текст поврежден*)» [Оррепheim, 1956. С. 287]. Подобные упоминания говорят о том, что жители Древней Месопотамии были хорошо осведомлены не только о существовании этих животных, но и об особенностях их биологии.

5. Археологические свидетельства

Имеются и зооархеологические свидетельства использования черепах в Месопотамии. Так, в Телль-Шех-Хамаде (северная Сирия) при раскопках одного богатого дома 1-й пол. 1-го тыс. до н. э. были обнаружены остатки разделанной Rafetus euphraticus, что может говорить об отношении к черепашьему мясу как к деликатесу, по крайней мере, в этом регионе. Известно также погребение VI-V вв. до н. э. в Кавушан Хююке (верховья р. Тигр, юго-восточная Турция), в котором были найдены кости и карапаксы⁴³ 21 черепахи, из которых 17 принадлежат Rafetus euphraticus, 3 — Mauremyus caspica, и 1 — Testudo graeca ibera. На многих костях Rafetus euphraticus наблюдаются надрезы и следы обработки, вероятно, с целью дальнейшего приготовления и употребления в пищу. Эта находка может свидетельствовать о том, что черепахи использовались в Месопотамии в культовых целях и были связаны с почитанием духов умерших [Berthon, et al., 2016. С. 115-121].

6. Ритуалы месяца Абу

Встречаются также и упоминания черепах в хозяйственных и административных документах, где речь могла идти о поставках их мяса, яиц и панцирей

Ex oriente lux 161

4-

⁴² Ср. перевод В. К. Афанасьевой: «Вокруг киля ладьи Энки // Они рассыпаются, как черепахи» [Афанасьева, 1997. С. 215].

⁴³ Карапакс — спинной щит панциря черепахи, состоящий из костной основы и рогового покрытия.

[Salonen, 1970. С. 167-168, 214, 300-301]. Интересны два старовавилонских письма, в которых от адресатов требовалось доставить мясо raqqu и $\check{s}elepp\hat{u}$ к месяцу $\mathsf{Aбy}^{44}$. В одном из них цель поставок не уточняется: a-na iti.NE.NE.GAR 2 ba.al.gi.ku₆ \grave{u} 20 níg.bún.na.ku₆ $\mathsf{m}.\check{s}u$ -mu-um-li-ib- $\check{s}i$ li-[ib-lam] «К месяцу $\mathsf{Aбy}$ двух черепах-raqqu и 20 черепах- $\check{s}elepp\hat{u}$ Шумум-либши пусть мне принесет» [AbB V №267:13-16]. В другом, являвшимся указанием вавилонского царя Самсудитаны, цель поставок названа прямо: ba.al.gi.ku₆.ḫi.a \grave{u} níg.bún.na.ku₆.[ḫi.a] a-na ki.sì.ga iti.NE.NE.GAR [i]h-ha- $\check{s}e$ -hu «черепахи-raqqu и черепахи- $\check{s}elepp\hat{u}$ требуются для подношений умершим⁴⁵ в месяце $\mathsf{Aбy}$ » [AbB VI №51:4-6]. Примечательно то, что месяц $\mathsf{Aбy}$ ассоциировался именно с почитанием Гильгамеша как бога, связанного, в свою очередь, с подземным миром. В тексте ассирийской «Астролябии» (Astrolabe B) $\mathsf{Aбy}$ прямо называется месяцем Гильгамеша: arah d.Giš- $g\acute{i}m$ -maš [George, 2003. C. 126-127].

Вывол

Судя по медицинским текстам, заклинаниям и предсказаниям, черепахи (в первую очередь, их мясо) воспринимались жителями Месопотамии, безусловно, положительно. Вероятно, похожего рода «гастрономическую пользу» они могли приносить и духам умерших: либо захороненные вместе с погребенными (ср. погребения в Кавушан Хююке), либо в виде ритуальных подношений усопшим (ср. поставки к месяцу Абу). Живые же черепахи, как с точки зрения жителей древней Месопотамии (ср. текст «Цапля и черепаха»), так и для современных ее обитателей (ср. упомянутые заметки О. Г. Лэйярда), наделены в большей степени отрицательными качествами.

Таким образом, сравнение Энкиду с черепахами в устах Хумбабы не только намекало на его необычное появление на свет, но могло также подчеркивать отношение говорящего к Энкиду как к агрессивному и наглому существу, в то же время отсылая читателя к тематике Загробного мира, являющейся сквозной для Эпоса о Гильгамеше в целом.

Библиография

- Афанасьева, В. К. От начала начал. Антология шумерской поэзии / Вступ. ст., пер., коммент., словарь В. К. Афанасьевой. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. — 496 с. + 1,5 л. илл. — («Мифы, эпос, религии Востока. Bibliotheca Universalia»).
- 2. Дьяконов, И. М. «О все видавшем» со слов Син-лике-унинни, заклинателя. Эпос о Гильгамеше / Пер. И. М. Дьяконова // Афанасьева, В. К. Я открою тебе сокровенное сло-

162 Ex oriente lux

,

⁴⁴ Месяц Абу (лог. iti.NE.NE.GAR) в стандартном месопотамском календаре являлся 5-м по счету месяцем и приходился примерно на июль-август. Название месяца перешло впоследствии в еврейскую и арабскую календарные традиции. Абу был связан с праздниками и ритуалами культа умерших, когда духи Загробного мира могли проникнуть в мир живых [Cohen, 1993. C. 299, 320, 457].

⁴⁵ акк. kispu (лог. ki.sì.ga) «funerary offering» [CAD K. C. 425]; «Totenopfer» [AHw. C. 487].

⁴⁶ Далее идет следующий текст: [ki]-ma tup-pi an-ni-a-am ta-am-ma-ra [lú.m]å.hi.a níg.šu ri-iš-[ma]rduk e li ba lum ša i-na kar zimbir.ki ja-ah-ru-rum [iz]-za-az-zu [ba.a]l.gi.ku₀.hi.a ѝ níg.bún.na.ku₀.hi.a [li-]ba-[r]u-ma «как вы увидите эту мою табличку, [лодочники], подчиненные Риш-Мардука, ..., что служат на пристани Сип-пар-Яхрурума, пусть ловят черепах-raqqu и черепах-šeleppû» [AbB VI №51:7-13].

- во. Литература Вавилонии и Ассирии. Перевод с аккадского / Сост. В. К. Афанасьевой и И. М. Дьяконова. М.: Худож. лит., 1981. 351 с.
- 3. **Коган,** Л. Е. Гильгамеш И. М. Дьяконова: попытка реставрации / Вступ. ст. Л. Е. Когана; пер. с акк. и коммент. Р. М. Нуруллина // Вестник древней истории. 2012. №№3–4 (282–283). С. 191–232, 220–263.
- 4. **AbB** V: Kraus, F. R. Briefe aus dem Istanbuler Museum / Bearb. von F. R. Kraus. Leiden: Brill, 1972. xvii, 151 S. (Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung; Heft 5).
- AbB VI: Frankena, R. Briefe aus dem Berliner Museum / Bearb. von R. Frankena. Leiden: Brill, 1974. — viii, 151 S. — (Altbabylonische Briefe in Umschrift und Übersetzung; Heft 6).
- AHw: Soden, W. von Akkadisches Handwôrterbuch / W. von Soden. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1965–1974. xvi, 1592, xv S.
- Black, J. Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia: An Illustrated Dictionary / J. Black, A. Green. — London: The British Museum Press, 1992. — 190 p.
- 8. **Berthon, R.** Buried with turtles: the symbolic role of the Euphratics soft-shelled turtle (*Rafetus euphraticus*) in Mesopotamia / R. Berthon, Y. S. Erdal, M. Mashkour, G. Kozbe // Antiquity. 2016. №90. P. 111–125.
- CAD: The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago / The University of Chicago. — Chicago, 1956–2010. — Vol. A1–Z.
- Cohen, M. E. The Cultic Calendars of the Ancient Near East / M. E. Cohen. Bethesda, MD: CDL Press, 1993. — xxiii, 504 p.
- ETCSL: The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature: [Электронный документ]. URL: (http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/). Проверено 04.11.2019 / J. A. Black, et al. — Oxford, 1998–2006
- George, A. R. The Babylonian Gilgamesh Epic: Introduction, Critical Edition and Cuneiform Texts / A. R. George. — Oxford: Oxford University Press, 2003. — xxxv, 741 p., iii, 743–986 p., 147 pl. — Vol. 1–2.
- 13. Layard, A. H. Discoveries among the ruins of Niniveh and Babylon: with travels in Armenia, Kurdistan, and the desert: being the result of a second expedition undertaken for the trustees of the British Museum / A. H. Layard. New-York: Putnam, 1853. 549 p.
- 14. **Oppenheim, A. L.** The Interpretation of Dreams in the Ancient Near East. With a Translation of an Assyrian Dream-Book / A. L. Oppenheim // Transactions of the American Philosophical Society. 1956. Vol. 46, №3. P. 179–373.
- 15. **Owen, D. I.** Of Birds, Eggs and Turtles / D. I. Owen // Zeitschrift für Assyriologie. 1981. №71. S. 29–47.
- Salonen, A. Die Fisherei im Alten Mesopotamien nach sumerisch-akkadischen Quellen: eine lexikalische und kulturgeschichtliche Untersuchung / A. Salonen. — Helsinki: Academia Scientiarum Fennicae, 1970. — 314 p., 51 pl.
- 17. **Scurlock, J. A.** Sourcebook for Ancient Mesopotamian Medicine / J. A. Scurlock. Atlanta, GA: SBL Press, 2014. xix, 764 p.
- 18. **SED II**: Semitic etymological dictionary. Vol. II: Animal Names / A. Militarev, L. Kogan; with contrib. by A. Arakelova, et al. Münster: Ugarit-Verlag, 2005. xci, 415 p.
- UET V: Letters and Documents of the Old-Babylonian Period. Ur Excavations Texts, V / H.
 H. Figulla, W. J. Martin. London; Philadelphia, PA: British Museum and University Museum of Pennsylvania, 1953. 80 p., cxlii pl.
- 20. Wasserman, N. Offspring of Silence, Spawn of a Fish, Son of a Gazelle...: Enkidu's Different Origins in the Epic of Gilgameš / N. Wasserman // —AnExperienced Scribe Who Neglects Nothing". Ancient Near Eastern Studies in Honor of Jacob Klein / Ed. by Y. Sefati, et al. Bethesda, MD: CDL Press, 2005. P. 593–599.
- Weszeli, M. Schildkrôte / M. Weszeli // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie. Band 12; 3./4. Lieferung. Schild — Schwert. — Berlin; New-York: Gruyter, 2009. — S. 179–182.

Панкова Валентина Викторовна

РОМАН-ЭПОПЕЯ КАМЛЕШВАРА ""ИТПЕ PAKISTAN""КАК ОБРАЗЕЦ ЖАНРА ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНА

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра индийской филологии 4 курс (бакалавриат) pavalyanka@mail.ru

Pankova Valentina

KAMLESHWAR"S EPIC NOVEL ,,,KITNE PAKISTAN"" ASAN EXAMPLE OF THE POLITICAL NOVEL

St.Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Indian Philology 4 year student (B.A.)

В статье рассматриваются жанровые особенности романа Камлешвара --Kitne Pākistān". Особое внимание уделяется композиции, образной системе и идейному содержанию романа. Кроме того, сделана попытка дать определение данному жанру на современном этапе его развития.

The article touches upon the genre features of Kamleswar's novel —Kitn₽ākistān". Particular attention is paid to the composition, the imagery system and the ideas of the novel. In addition, an attempt was made to define this genre at the present stage of its development.

Ключевые слова: Камлешвар, политический роман, литература хинди, современная индийская литература

Key words: Kamleshwar, political novel, hindi literature, modern indian literature

Политическая проза - довольно молодое литературное направление, которое стало популярно в послевоенный период двадцатого века. Настроение общества, шокированного зверствами, совершаемыми фашистскими режимами, нашли свое выражение в новых литературных формах, сосредоточенных вокруг политических тем. На этапе своего зарождения политическая проза характеризуется сложной структурной взаимосвязью между политической идеологией и фундаментальными вопросами бытия и литературы. Наиболее актуальные проблемы того времени, связанные с экономическими кризисами, войнами, расовой и гендерной дискриминацией также нашли отражение в литературе, создаваемой в рамках этого направления.

Важно отметить, что жанр политического романа можно понимать в широком и узком смысле. В широком значении он представляет собой «роман, в сюжетнофабульной основе которого лежит политический конфликт, единоборство в сфере властных отношений, рожденное, в конечном счете, столкновением различных политик (различного уровня и масштабов)» [Проскурин, 1997. С.10]. Узкое же понимание жанра менялось на протяжении его развития. Так до 1940-х годов под

политическим романом подразумевалась одна из разновидностей исторического романа, после Второй Мировой войны жанр приблизился по духу к соцреализму, обретая все большее агитационное содержание, а на современном этапе в политических романах больше внимания уделяется его художественной значимости, появляется большое количество общих рассуждений и меньше идеологических лозунгов.

Растущее с ходом антиколониальной борьбы национальное и политическое сознание в Индии отражалось и в индийской художественной литературе, в том числе и на английском языке. Взаимосвязь между вымыслом и политическим сознанием была важным фактором, который позволил первым создателям политической прозы сделать это течение столь популярным. Национальная идея, оказавшая влияние на каждую сторону жизни индийского общества во времена Ганди и движения за независимость, была наиболее благоприятной почвой для развития политического романа.

Пробуждение политического сознания и борьба за независимость привели к повторному открытию — и даже воссозданию — традиционной культуры в 1920-40-ые годы. [Sarma, 1990. Р.74] Ранние индийские политические романисты, писавшие на английском языке (такие как Мулк Радж Ананд (Mulk Raj Anand; 1905-2004), Раджа Рао (Raja Rao; 1908-2006), Р. К. Нараян (R. K. Narayan; 1906-2001), Камала Маркандея (Kamala Markandaya; 1924-2004), Кушвант Сингх (Khushwant Singh; 1915-2014) и другие), были буквально порабощены идеей о великом прошлом и светлом будущем Индии [Очерки истории литератур Индии, 2014. С.279-280]. Как пишет известный индийский критик Манмохан К. Бхатнагар (Маптонан К. Внаtпадаг): «Индо-английские романы, написанные в период до обретения независимости, изображали достоверную картину движения к свободе, отражали идеологию гандизма и ее влияние на общество, тогда как романы, написанные после независимости, поднимали вопросы политической идеологии, а также социального и политического состояния страны» [Вhatnagar, 2003. Р.у].

Период сразу после обретения независимости стал для Индии эпохой кратковременного роста надежд и волнений. Эйфория от с трудом полученной свободы вскоре прошла, закончилось сентиментальное прославление национализма, и действия национального правительства начали подвергаться критической оценке. Чувство разочарования нашло свое отражение в индийской художественной литературе того времени. Появилась новая плеяда писателей, которые экспериментировали над разнообразными темами и стилями повествования и подходили к написанию романов с большей свободой. Они внедрили в индийскую литературу новые формы, что не могло не сказаться на сложности рассмотрения политики. В своих романах политические писатели этого периода (такие как Наянтара Сахгал (Nayantara Sahgal; b.1927) и Анант Гопал Шерорай (Anant Gopal Sheroray)) «...последовательно предпринимали попытки изменить английский язык или же отказаться от него. Они использовали новую лексику, синтаксические конструкции, пословицы и идиомы, наполненные уникальным индийским колоритом» [Sarma, 1990. P.238-239].

Салман Рушди (Salman Rushdie; b.1947), О. В. Виджаян (О. V. Vijayan; 1930-2005), Шаши Тхарур (Shashi Tharoor; b.1956)— это лишь некоторые из романистов нового поколения, идейное содержание и даже эстетика произведений которых определяется современной социально-политической ситуацией.

Камлешвар — выдающийся писатель хинди XX века, один из основателей движения «новый рассказ». Его роман-эпопея «Kitne Pākistān» является практически единственным политическим романом на хинди. Именно за этот поздний роман Камлешвар получил множество наград, в том числе премию Литературной академии в 2003 году и государственный орден «Падма Бхушан» в 2005 году.

Все события романа «Кitne Pākistān» происходят на глазах главного героя — Автора. У него нет имени, на протяжении всего повествования к нему обращаются просто «адиб» (аdīb — дословно «литератор», «автор»). Он и его помощник Махмуд способны перемещаться во времени и пространстве. Кроме всего прочего, Автор является судьей на суде истории, где он призывает к ответственности всех виновных в разрушении мирового порядка.

Композиция романа «Кitne Pākistān» очень сложна. Он написан в жанре обрамленной повести, и состоит из 42-х не равных по объему глав, которые включают в себя рамочное повествование и несколько циклических вставных сюжетных линий, кроме того, в романе есть одиночные вставные эпизоды, которые вводятся исключительно для иллюстрации определенных идей основного повествования. При этом одна глава не всегда равна одному эпизоду, сюжетная линия может прерываться другой, а затем возобновляться вновь. В некоторых случаях глава оказывается равной эпизоду, но в других — эпизод может развиваться на протяжении всего романа. Общая экспозиция романа отсутствует — Камлешвар сразу погружает своего читателя в повествование. Кроме того, важно отметить, что фабулу романа невозможно вычленить из общего потока повествования. Также отсутствует и общая развязка всего романа, хотя она есть отдельно у циклических сюжетных эпизодов.

Вставные эпизоды в романе расположены по принципу спирали: от настоящего к прошлому, от прошлого к настоящему, а затем снова в прошлое. Чаще всего временной скачок происходит между главами, так, например, в 9 главе описывается политический конфликт в Косово в 1998 году⁴⁷, а в 10 главе снова перед читателем предстает история Бута Синха⁴⁸, действие которой происходит примерно в 1946-1947 годах. Однако переход может осуществляться и в рамках одной главы. Именно так, в той же 9 главе, сначала перед нами предстает Руна, служанка Гильгамеша⁴⁹, которая несет его голос к Автору. Сам же Автор находится вне времени, но после ухода Руны действие переносится во времена политического конфликта в Косово.

Также важно отметить соотношение пространства и времени в романе. Здесь перед нами предстает сразу 4 типа хронотопа. Во-первых, циклический хронотоп. Он заключается в том, что в конце произведения мы приходим в ту же точку, с которой оно началось. Так, в романе «Kitne Pākistān» действие заканчивается в 1998 году (Автор попадает в больницу из-за ядерных испытаний в Индии и Пакистане), а начинается оно на год позже, в 1999 году, во время Каргильской войны 50. Во-вторых, сам суд расположен вне времени и пространства, на нем присутствуют как представители прошедших веков, так и ныне живущие. Таким образом, в

4

⁴⁷ Вооруженный конфликт, вспыхнувший в феврале 1998 года между албанскими повстанцами и Союзной Республикой Югославией.

⁴⁸ Персонаж одного из циклических вставных эпизодов романа.

⁴⁹ Правитель шумерского города Урука (XXVII — XXVI вв. до н. э.), персонаж шумерских сказаний и аккадского эпоса.

⁵⁰ Пограничный вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном, произошедший в 1999 году.

романе задается хронотоп вечности. В-третьих, присутствует еще и нелинейный хронотоп, появляющийся благодаря тому, что все эпизоды романа расположены по принципу спирали. В этом свете особенно важно, что роман заканчивается раньше, чем начинается. Это в очередной раз подчеркивает то, что, несмотря на все перемещения во времени и пространстве, никто, даже Автор, не может избежать событий, вызванных созданием Пакистана. Кроме того, в первой же главе перед нами предстает ключевой для идейного содержания романа хронотоп дороги из Индии в Пакистан, когда Автор и его возлюбленная Видья едут на каникулы из университета.

Все происходящие события мы видим глазами Автора, но при этом в романе присутствует повествователь, который явно понимает все, что происходит, однако раскрывает нам лишь то, что видит сам Автор. Представляется, что Камлешвар неспроста не дает имя своему герою. Возможно, для того чтобы сделать его бесконечным, неограниченным временем и пространством. С другой стороны, он является важным для романа собирательным образом литератора.

Автор начинает слышать голоса лишь после получения голоса Гильгамеша. Будучи судьей на суде истории, он выполняет мессианские задачи — предоставляет слово угнетенным и устанавливает справедливость.

Как нам становится ясно, все циклические эпизоды — это истории, которые пишет сам Автор. Так, перед нами открывается еще один пласт образности — проблема творца и времени. Эти рассказы — некий долг Автора перед историей, именно поэтому он постоянно просит освободить его от обязанностей судьи и позволить закончить их. Перед читателем предстает образ непонятого писателя, мессии, который оказывается неспособен исполнить свой долг перед человечеством. В 16 главе предстает целое поселение литераторов, пророчества и предостережения которых человечество просто проигнорировало. Им не нашлось места в современном мире, поэтому они живут в некоем подобии лагеря беженцев посреди пустыни. В нем можно встретить Кабира 1, Л.Н. Толстого, Рабиндраната Тагора 2, Рахула Санкритьяяна 3, А.П. Чехова, Премчанда 4, Бертольта Брехта 5, других. Важно также и то, что именно творец, китайский писатель Лу Синь 6, вступает с политиками в спор, в котором всеми силами пытается уберечь историю от искажений.

В своем романе Камлешвар трактует историю с позиции того, что ее всегда вершат политики, и именно они виновны перед жизнью, временем и человечеством. Он возлагает ответственность за все трагедии на конкретных людей, которые приняли решения, приведшие к ним. Эпизод присутствия Аурангзеба⁵⁷ в суде

⁵¹ Средневековый индийский поэт-мистик, выдающийся реформатор движения бхакти, классик литературы хинди.

⁵² Индийский писатель, поэт, композитор, художник, общественный деятель, автор современного гимна Инлии

⁵³ Индийский писатель, общественный деятель и путешественник, которого называют одним из наиболее активно путешествующих ученых Индии.

⁵⁴ Индийский писатель, публицист, сценарист, писавший на языках урду и хинди; первый президент Ассоциации Прогрессивных Писателей Индии.

⁵⁵ Немецкий драматург, поэт и прозаик, театральный деятель, теоретик искусства, основатель театра «Берлинер ансамбль».

⁵⁶ Китайский писатель, оказавший большое влияние на развитие литературы и общественно-политической мысли Китая первой половины XX века; основоположник современной китайской литературы.

⁵⁷ Падишах Империи Великих Моголов под именем Аламгир I в 1658—1707 годах, при котором Могольская империя достигла наибольшей протяженности и могущества.

также подчеркивает то, что у народа и политиков в романе разная мораль. Люди, стоящие у власти, не раздумывают о том, как их действия скажутся на жизни остального населения, ведь их интересует лишь собственная выгода. Кроме того, мало кто из их современников осмелится заявить об их неправоте, поэтому политики и уверены в том, что их решения — единственно верные.

Таким образом, главными в романе являются именно фигуры политиков, и основой всего является политический конфликт, а все остальные конфликты это лишь его следствие. Такая идейная иерархия романа убедительно свидетельствует в пользу того, что «Kitne Pākistān» следует рассматривать, в первую очередь, как политический роман.

Собиратель слез, пота и снов является символом идей анти-индуизма: в мире не существует ни кармы, ни дхармы, а лишь произвол тех, кто находится у власти. Поэтому все бесполезно: сожалеть, трудиться и грезить. Иллюстрацией этой идеи также являются повторяющиеся в романе эпизоды смерти Дара Шикоха⁵⁸ — истинного правителя и сына, убитого предателями из-за эгоистических стремлений его брата Аурангзеба, желавшего быть падишахом. Показателен для идейного содержания романа и эпизод изнасилования во время войны простой мирной женщины, сначала солдатами противника, а затем и собственного государства. Из-за решений политиков история приняла такой оборот, когда стало неважно, праведную или греховную жизнь вели люди, расплата за необдуманные политические шаги настигла всех.

В романе Камлешвар использует слово «Пакистан» в качестве метафоры для объяснения многочисленных разделов, которые происходили или по-прежнему происходят по всему миру из-за кастовых, расовых, религиозных, национальных и других различий. Он несколько раз подчеркивает, что «гибель Пакистана — в его создании» [Kamleśvar, 2002. Р.300], именно поэтому он сравнивает его с разрушенными цивилизациями. Однако эта метафора используется не только обозначения территориальной дезинтеграции, но и как символ пропасти между людьми из-за их нетерпимости и ненависти друг к другу. Поэтому автор не просто исследует причины появления «Пакистанов», но и обращается к обществу с призывом сохранения дружеских отношений для предотвращения появления новых «Пакистанов».

Кроме этого в романе присутствует огромное количество образов-символов. С одной стороны, они похожи на олицетворение, однако являются героями повествования (Ганга, Ямуна и др). С другой точки зрения, эти образы-символы напоминают аллегорию, что также не до конца верно, так как эти персонажи обладают собственной волей. В качестве рассказчика в некоторых частях произведения также выступает Время, именно оно помогает в вынесении приговоров важным историческим личностям. Помимо присутствия множества реальных персонажей, в романе также появляется Культура в облике женщины, три великие реки Северной Индии (Ганга, Ямуна и Ченаб), Хиросима, 17 век, 1857 год и даже Кали-юга⁵⁹. Таким образом, различные персонажи прошлого предстают перед Автором как жертвы, правонарушители или как свидетели истории, чтобы высказаться в суде человечества.

168 Ex oriente lux

 ⁵⁸ Старший сын и наследник могольского падишаха Шах Джахана, убит своим братом Аурангзебом в 1659 году во время борьбы за престол.
 ⁵⁹ Четвертая из четырех юг, или эпох, в индуистском временном цикле; характеризуется падением нрав-

У Четвертая из четырех юг, или эпох, в индуистском временном цикле; характеризуется падением нравственности, поскольку добро в мире уменьшается до одной четверти от первоначального состояния.

Важно отметить и образ Видьи, особенно в свете смены ее имен. На протяжении романа ее имя менялось дважды: во время погромов и на пути в Пакистан к ней обращались Пари, а после принятия ислама она стала Парвин Султаной. Само имя «Видья» переводится как знание или мудрость, символом чего и является эта героиня. После принятия ислама в Пакистане она становится Парвин, что, возможно, соотносится с реальной исторической фигурой Парвин Хаят — первой женщины-президента Народной партии Пакистана в Лахоре. Имя сына Видьи также не случайно. Возможно, его прототипом является Парвез Мушарраф — премьер-министр (1999-2002) и президент (2001-2008) Пакистана.

Также важно отметить, что в изобилующем современными политическими фигурами Пакистана и аллюзиями на них романе не прослеживается никаких отсылок к именам индийских политиков периода раздела и сами они практически не появляются в романе. Возможно, таким образом, Камлешвар хотел подчеркнуть, что вина за все случившееся лежит именно на плечах политиков Англии и Пакистана. Кроме того, сам роман написан скорее не об Индии и ее разделе, а именно о Пакистане — государстве, чья гибель заключена в его создании.

Poman-эпопея Камлешвара «Kitne Pākistān» является образцом жанра политического романа на основе следующих заключений:

- 1. В основе всего романа лежит политический конфликт.
- Судьбы всех героев романа находятся в тесной связи с политическим конфликтом и в прямой зависимости от него.
- 3. Главными фигурами романа являются политики, так именно от их действий зависит все происходящее в нем.
- Герои постоянно соотносят реально существующую ситуацию со своими идеальными представлениями об устройстве общества.

Библиография

- 22. Очерки истории литератур Индии (X-XX вв.)/отв.ред. С.О. Цветкова. СПб.:Изд-во СПбГУ, 2014. 320 с.
- 23. Проскурин Б. М. Английский политический роман XIX века (Проблемы генезиса и эволюции)/Б.М. Проскурин. М.: Типография МПГУ, 1997. 35с.
- Bhatnagar M.K. Modern Indian English Novel: A Critical Study of the Political Motif/ M.K. Bhatnagar. — Delhi: Atlantic, 2003. – 264p.
- Sarma G. P. Nationalism in Indo-Anglian Fiction/ G.P. Sarma. New Delhi: Stosius Inc., 1990.— 391p.
- Singh C.S.- Spectrum History of Indian Literature in English/ R.S. Singh, C.S. Singh. New Delhi: Atlantic, 1997.– 273p.
- 27. Kamleśvar Kitne Pākistān/ Kamleśvar. Dillī: Rājpāl, 2002. 364p.

Проничева Анна Андреевна

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПИСКОВ РУКОПИСЕЙ «МА-КАМАТ» АС-СУЙЮТИ И АЛ-ХАРИРИ

Санкт-Петербургский Государственный университет Восточный факультет, кафедра арабской филологии 4 курс (бакалавриат) pronicheva-anya@mail.ru

Pronicheva Anna Andreevna

COMPARATIVE ANALYSIS OF "MAQAMAT" OF AS-SUYUTI AND OF AL-HARIRI

Saint Petersburg State University Faculty of Oriental Studies, Department of Arabic Philology 4 year student (B.A.)

Эта статья посвящена сравнительному анализу списков макам ас-Суйюти и ал-Харири, хранящихся в Восточном отделе библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Автор статьи проводит кодикологический анализ этих рукописей (размер, качество бумаги, почерк, состояние переплёта и др.), а также исследует их содержание. С помощью сравнительно-литературоведческого, статистического и других видов анализа была предпринята попытка исследовать макамы ас-Суйюти как произведение автора позднесредневековой эпохи.

This article deals with the comparative analysis of the manuscript copies of as-Suyuţi and al-Hariri maqamas stored in the Eastern department of the Academic Library named after M. Gorky, St. Petersburg State University. The author conducts codicological analysis of these two manuscripts (size, paper quality, handwriting, condition of the cover and etc.) and examines the content of these works. With the help of comparative literary, statistical and other types of analysis, the author made an attempt to study as-Suyuţi's Maqamat as a work of the author of the Late Medieval Period

Ключевые слова: ас-Суйюти, ал-Харири, макама, рукопись, письменная традиция, арабо-мусульманская литература.

Key words: as-Suyuţi, al-Ḥariri, maqama, manuscript, written tradition, Arabic and Islamic literature.

Признанный самым плодовитым автором в мусульманском мире в прошлом и в настоящем, Джалалуддин ас-Суйюти (1445-1505) представлен практически во всех жанрах научной и литературных сфер, существовавших в эпоху мамлюков. Спустя столетия после смерти ас-Суйюти, его произведения остаются авторитетными источниками в области исламского права, теологии, суфизма, хадисоведения.

В рукописном фонде Восточного отдела научной библиотеки СПбГУ хранится его сочинение (список №752) под названием «макамат ар-райахин», что в переводе означает «Макамы об ароматных растениях». Рукопись датируется XVIII веком. Место создания — Египет. Имя переписчика неизвестно. В каталоге Карла

Броккельмана также упоминаются макамы ас-Суйюти на различную тематику: «ал-макамат ас-сундусиййя фи ль-хабар валидэй хэйр ал-бариййа», «ал-макама ал-вардиййа», «ар-рашф аз-зулаль мин ас-сихр ал-халяль», «ал-макамат» и некоторые другие произведения [Brockelmann, 1902. С. 147].

Размеры рукописи — 21 см и 15 см. Количество листов — 48. Картонный переплёт рукописи с клапаном, обтянутый кожей коричневого цвета находится в хорошем состоянии. На переплёте заметны потёртости. Переплёт рукописи украшен медальоном миндалевидной формы, расположенным в центре на обеих его крышках. В медальон вписан растительный узор. На клапане также размещён маленький медальон более округлой формы, с растительным орнаментом внутри. Украшения переплёта выполнены в технике тиснения. По краям переплёта и клапана помещена широкая тиснёная рамка с геометрическим узором.

Бумага рукописи европейская, высокой плотности, бежевого оттенка, матовая и шероховатая на ощупь. Со временем листы рукописи потемнели по краям. На некоторых присутствуют пятна коричневатого оттенка, однако это не мешает чтению рукописи. На бумаге отчетливо видны линии верже. Водяные знаки (филиграни), которые характерны для бумаги европейского производства, отсутствуют.

При создании рукописи были использованы только два цвета чернил — черный и красный. Со временем чернила не выцвели и сохранили свой насыщенный цвет. Основной текст рукописи выполнен чернилами черного цвета. Красными чернилами выделены промежутки между частями бейтами, названия макам, находящихся в сборнике, а также некоторые словосочетания, встречающиеся в каждой макаме. Также красными чернилами выделены имена поэтов, богословов, историков, чьи работы цитирует в своих макамах ас-Суйюти.

Почерк рукописи — *насх*, разборчивый и читаемый. Текст не вписан в рамку. В целом, в рукописи отсутствуют украшения, не считая разделений между двумя частями бейтов, выполненных в виде трех каплевидных элементов красного цвета.

На страницах рукописи присутствуют кустоды, выполненные чернилами черного цвета. В тексте списка также встречаются комментарии, написанные неразборчивым почерком и менее качественными чернилами. На первом листе чернилами красного цвета написаны названия макам, помещенных в сборник, а именно:

- 1. ал-макама ал-мискиййа ва хийа макамат ат-тиб (лл. 13а-20а):
- 2. ал-макама ат-туфахиййа (лл. 20а-30б);
- 3. ал-макама аз-зумуррудиййа фи ль-хадрават (лл. 306-35а);
- 4. ал-макама ал-фустукиййа (лл.35б-38б);
- 5. ал-макама ал-йакутиййа (лл. 386-48а).

На лл. 1a-13a помещена «ал-макама ал-вардиййа», но еè название не вынесено в оглавление на 1 листе списка.

Список №424 также принадлежит рукописному фонду Восточного отдела научной библиотеки СПбГУ. Данный список представляет собой собрание 50 макам Мухаммада ал-Харири (1054-1122) — арабского писателя, поэта и филолога. В творчестве этого филолога и стилиста из Басры жанр макамы обрѐл свою совершенную форму. Его макамы были канонизированы ещѐ при жизни, до настоящего момента коллекция его макам остаѐтся образчиком жанра. Список рукописи датируется 1697 годом.

Количество листов в списке — 177, не считая 6 пустых листов в начале и 4 пустых листов в конце, по всей видимости, оставленных для пометок владельцев.

Переплèт рукописи, сделанный из картона и обтянутый тонкой кожей коричневого цвета, находится в сравнительно хорошем состоянии. Из украшений на переплèте представлен изящный миндалевидный медальон, выполненный с двух сторон в технике тиснения.

Бумага рукописи европейская, не очень плотная, с глянцевой фактурой, кремового цвета. Текст списка №424 выполнен чернилами черного и красного цветов. Основной текст рукописи выполнен чернилами черного цвета, а красными чернилами были выделены названия макам, находящихся в сборнике. Почерк, которым написаны макамы, — некрупный *насх*, с легким наклоном в левую сторону.

Из особенностей оформления рукописи можно выделить наличие многочисленных комментариев, которые располагаются сбоку от основного текста, над и под ним. Комментарий также вписан вертикально и горизонтально среди строк самого текста. Комментарий выполнен черными чернилами, однако, другим почерком — наста_алик, очень мелким и местами неразборчивым.

Сравнительный анализ списков «Макам» ас-Суйюти и ал-Харири

С X в. термин *«макама»* закрепился за плутовской новеллой⁶⁰ в более узком смысле, а в более широком — за рассказом, в котором в уста главного протагониста произведения вкладывалась авторская речь. Главный герой — красноречивый плут, бродяга, люмпен. Он появляется в разных образах и в различных публичных местах, например, на рынке, в мечети, на кладбище или в общественной бане. Он использует свою сообразительность, чтобы обманывать людей, манипулировать их эмоциями и чувствами, с тем, чтобы они сами отдали ему свои деньги. Такой герой был олицетворением быта арабо-мусульманского города [Meisami, Starkey, 1998. С. 507]. Уже со второй половины IX века образы деклассированных элементов, выпавших из общественной жизни, изгоев, критически относящихся к действительности, стали проникать в арабо-мусульманскую литературу, например, через произведения ал-Джахиза (776-868) [Фильштинский, 1991. С. 281]. В целом, можно выделить некоторые особенности этого жанра [Тептюк, 2013. С. 81]:

- 1. макама написана ритмизованной рифмованной прозой (садж).
- 2. плутовской сюжет;
- главные герои это вымышленный рассказчик и красноречивый хитрец;
- 4. мотив странствий, мотив пути;
- текст макамы перемежается строками стихотворений, а также пословицами и отрывками из хадисов и сур Корана.

Количество макам в сборнике

За каноническое количество макам принято считать их количество в сборниках ал-Хамадани и ал-Харири. Однако, это число варьируется в зависимости от автора коллекции макам и сюжетов.

172 Ex oriente lux

_

⁶⁰ Макаму можно лишь условно сравнить с европейской плутовской средневековой новеллой, это сравнение не отражает всей сути арабского жанра.

В рассматриваемом нами списке рукописи ал-Харири находится 50 макам. В список ас-Суйюти включено всего 6 макам. Вероятнее всего, он не задавался целью писать свой цикл в подражание ал-Харири или ал-Хамадани. В список рукописи не помещèно введение от ас-Суйюти, из которого мы бы смогли наверняка узнать о намерении автора.

Типы сюжетов

Макамы ас-Суйюти кардинально отличаются от макам ал-Харири в сюжетном аспекте. В сборнике макам ас-Суйюти, хранящимся в рукописном отделе библиотеки СПбГУ, нет макам, которые были бы посвящены теме путешествий. Что любопытно, несмотря на данное автором заглавие «Макамат» произведение скорее относится к жанру посланий (рисаля) или жанру диспута (муназара), для которых как раз характерен широкий спектр рассматриваемых тем. Муназара — литературный жанр, в котором два или более одушевленных или неодушевленных героя спорят между собой, какой из них обладает наилучшими качествами. Безымянный повествователь становится свидетелем спора благоухающих цветов и ароматических растений о том, кто среди них является главным, самым ценным и полезным. Например, в «ал-макама ал-вардиййа» диспут происходит между розой, нарциссом, жасмином, египетской ивой, фиалкой, шиповником, водяной лилией, миртом, базиликом и хной. После того, как каждый цветок высказал свое мнение, в сюжете появляется некий ученый человек. Он решает спор растений, приведя несколько высказываний, в котором утверждается, что хна — самая главная среди растений в этом и последующем мирах: «сказал: когда услышали душистые растения эти сведения о его превосходстве, то опустили они свои головы покорно и склонили шеи свои послушно...». 62

В творчестве ал-Харири, как известно, жанр макамы обретает четкие очертания. Ал-Харири задал канон плутовской макамы, а также далее разрабатывает и «отшлифовывает» риторическую макаму. Речь главного героя, плута, использующего свое красноречие для заработка, становится обязательным элементом каждой из макам, а стихи часто представляют кульминацию речи главного героя

Главный герой, рассказчик и дополнительные персонажи

Следуя традиции ал-Хамадани, ал-Харири выводит в своих макамах двух главных героев — Абу Зейда ас-Саруджи и ал-Хариса ибн Хаммама, от лица которого ведèтся повествование. Некоторое сходство с макамами ал-Харири демонстрирует первая макама в сборнике ас-Суйюти. Повествование ведèтся от первого лица неизвестного рассказчика. В начале указана фиктивная цепь передатчиков с аллегорическими именами: «Рассказал нам ар-Раййан со слов Абу Райхана со слов Абу аль-Варда, а тот со слов соловья на ветке от взгляда человека на созвездия в саду со слов проливного дождя...»

⁶² Здесь и далее арабский текст приводится в переводе автора.

Ex oriente lux 173

,

⁶¹ Появление жанра макамы, без сомнения, связывают с именем ученого-филолога ал-Хамазани (967-1007).
Он был первым, кто употребил это давно известное слово для определения литературного жанра.

В следующей «ал-макама ал-мискиййа» безымянный рассказчик передает, что сказали эмиры благовоний мускус, амбра, шафран и цивет перед красноречивым имамом. Далее он описывает достоинства и пользу каждого благовония.

В *«ал-макама ат-туфахиййа»* героями выступают плодовые деревья: гранат, лимон, айва, яблоко, груша, зизифус и персик, для каждого из которых у рассказчика есть описание их полезных свойств, с опорой на айяты Корана и хадисы.

В «ал-макама аз-зумуррудиййа» описаны характеристики следующих овощей и растений таким же образом, как и в «ал-макама ат-туфахиййа»: тыква, цикорий, латук, портулак, окра, джут, мальва.

Следующая макама в сборнике — *«ал-макама ал-фустукиййа»*, где также представлено несколько растений из семейства ореховых: фисташка, миндаль, фундук, каштан, земляной миндаль, кедровый орех.

У ас-Суйюти нет героев, которые бы объединили этот цикл макам. Мы не знаем ничего достоверно о рассказчике, от лица которого ведèтся повествование. По нашему предположению, особенность, которая может объединить эти макамы — это наличие исключительно неодушевлèнных героев, так или иначе связанных с природой и идущих на пользу здоровья человека: деревья, цветы, орехи, минералы.

Соотношение прозаического и поэтического текста

Анализ соотношения прозы и поэзии в макамах ал-Харири уже был произведѐн многими исследователями [Парижский, 2011. С. 27] (проза — 77%, поэзия — 23%). По всем макамам в сборнике ас-Суйюти можно вычислить следующее приблизительное соотношение: 72% ритмизированной прозы, 18% поэзии.

Композиционное построение макам

Основными элементами классической макамы ал-Харири являются [Ауэзова, 1993. С. 8-9]:

- 1. **Э** экспозиция, связанная с рассказчиком;
- Я явление главного героя;
- 3. **Р** речь главного героя;
- 4. **H** получение главным героем награды;
- 5. **О** опознавание рассказчиком главного героя;
- 6. **У** уход главного героя;
- 7. С следование рассказчика за главным героем;
- 8. Д диалог рассказчика с главным героем;
- Р расставание персонажей.

По всей видимости, ни один из этих элементов в полной мере не подойдет для описания композиционной структуры макам ас-Суйюи. Мы предлагаем приблизительную схему, состоящую из композиционных элементов подходящих для макам ас-Суйюти:

- 1. В краткая вводная фраза от лица неизвестного рассказчика;
- Э(1) эпизод описания полезных характеристик благовония, драгоценного камня, растения и проч.
- 3. **Э(2), Э(3), ...** последующие эпизоды описания главных героев и их качеств и свойств либо от лица самих героев, либо от рассказчика. Около 5-10 эпизодов в одной макаме.
- Р разрешение спора главных героев, заключительная часть, рассказчик определяет самое лучшее и полезное растение, камень, дерево и проч., опираясь на хадисы и айяты Корана.

Таким образом, персонажи макам ас-Суйюти кардинальным образом отличаются от привычных нам плутовских типажей ал-Харири и ал-Хамадани. Ас-Суйюти отказывается от мотивов плутовства и нищенствования.

Из важного следует отметить, что макамы ас-Суйюти лишились трèх базовых характеристик, определяющих специфику жанра: плутовской или риторический сюжет, вымышленные повествователь и главный герой, которые объединяли бы цикл макам, а также традиционная вводная фраза.

Список макам ас-Суйюти является ярким примером того, насколько порой чуждыми были особенности жанра макамы для авторов позднего средневековья. Как было упомянуто выше, практически все его макамы имеют условное отношение к макамам классиков жанра. И если бы ас-Суйюти сам не назвал бы свои произведения «Макамами», мы бы могли отнести их к жанру диспута или послания. Чтобы не произошло размытия границ жанра макамы, при анализе макам постклассических авторов нам следует учитывать особенности и художественные принципы, которые они использовали при их написании.

Библиография.

- 1. Ауэзова, З.-А. М. Особенности развития жанра макамы в арабской литературе, XI-XIII вв./ З.-А. М. Ауэзова. Автореф. канд. дис. СПб.: СПбГУ, 1993. 18 с.
- 2. Парижский, С.Г. Соотношение поэзии и прозы в макамах на иврите XII-XIII вв. / С. Г. Парижский. Автореф. канд. дис. СПб.: СПбГУ, 2011. 35 с.
- 3. Тептюк, П. С. Некоторые особенности классической макамы / П. С. Тептюк // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2013. №4. С. 79-84.
- 4. Фильштинский, И. М. История арабской литературы, X-начало XVIII века. / И. М. Фильштинский. М.: Наука, 1991. 726 с.
- Brockelmann, C. Geschichte der Arabischen Litteratur. 2 Band. / C. Brockelmann. Berlin: Verlag von Emil Felber, 1902. — 714 s.
- Hämeen-Anttila J. The Early Maqama towards Defining a Genre // Asiatische Studien: Zeitschrift der Schweizerischen Asiengesellschaft. — 1997. — Band 57. — P. 577-599.
- Maqāma // Encyclopedia of Arabic Literature / edited by Julie Scott Meisami and Paul Starkey. 1st ed. London: Routledge, 1998. P. 507-508.

Пустоветова Алина Геннадьевна

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ ОЦУИТИ «ZOO»

НИУ ВШЭ-Санкт-Петербург Школа социальных наук и востоковедения, Департамент востоковедения и африканистики 4 курс (бакалавриат) howaboutnet@gmail.com

Pustovetova Alina

THE ISSUE OF SOCIAL ISOLATION IN THE OTSUICHI"S SHORT STORY COLLECTION "ZOO"

HSE University-Saint-Petersburg Saint-Petersburg School of Social Sciences and Area Studies Department of Asian and African Studies 4 year student (B.A.)

В статье на примере двух рассказов Оцуити рассматриваются особенности отображения им проблемы социальной изоляции. Предпринимается попытка определить социальный контекст, оказавший влияние на работы автора, провести анализ его избранных работ, а также изучить некоторые литературные приемы, при помощи которых автор очерчивает данную проблему.

The article examines the features of displaying social isolation problem by presenting two Otsuichi stories as an example. An attempt is made to determine the social context that influenced the work of the author, to analyze his selected works, and also to study some literary methods which the author uses to outline this problem.

Ключевые слова: современная японская литература, постмодернизм, Оцуити, социальная изоляция, отчуждение

Key words: contemporary Japanese literature, postmodernism, Otsuichi, social isolation, alienation

Некоторые социальные процессы двух последних десятилетий XX в. наложили серьезный отпечаток на культурный облик японского общества и на японскую литературу в частности. Так, например, 1980-ые гг. — это период «экономики мыльного пузыря» и «экономического богатства». Именно тогда в социальноповседневной жизни японцев происходят резкие перемены: широко доступными становятся новые технологии, распространяются компьютеры и телевидение, укрепляется влияние средств массовой информации. Городское пространство также качественно преобразовывается за счет активного процесса урбанизации, в следствие которого, в свою очередь, растет социальное напряжение и дистанция между людьми, а человеческие взаимоотношения становятся натянутыми и отстраненными [Чертушкина, 2008. С. 158].

В 1990-ые гг., когда «мыльный пузырь» лопнул, на смену «богатству» пришла сложная экономическая ситуация и проблемы с трудоустройством, затронувшие людей разных возрастных категорий. Особое влияние это также оказало на формирование интровертных и упаднических настроений среди всех слоев населения, популярными стали различного рода теории о конце света (например, большую популярность снискали предсказания Нострадамуса, которые упоминаются в рассказе Оцуити «В падающем самолете»).

Неудивительно, что именно тогда получил распространение термин *сякайтэкина хикикомори* 社会的な引きこもり, под которым подразумевают людей, решивших вести уединенный, изолированный образ жизни [Чертушкина, 2008. С. 160].

Подобного рода социальные и экономические колебания, ломка привычных установок оказали огромное влияние на социально-культурное восприятие японцев. Молодые писатели также были вынуждены искать новые средства литературного выражения, отвечающие современности и ее социальной повестке. Это нашло свое выражение и в японской постмодернистской литературе.

Одним из ярких ее представителей является Оцуити (乙一) (наст. имя Адати Хиротака (安達 寬高), р. 1978) — популярный в Японии молодой писатель, работающий преимущественно в жанрах детектива, фэнтэзи, мистического и психологического триллера. Одна из его главных работ — сборник рассказов «ZOO» был выпущен в 2003 г., а поэже был переиздан в 2006 (тогда его разделили на части и добавили еще один рассказ).

Один из доминирующих социальных мотивов в сборнике — проблема изоляции, которую представляется целесообразным рассмотреть на примере двух рассказов, где она прослеживается наиболее ярко и отчетливо.

К этой проблеме автор подробно обращается в рассказе-триллере «Кадзари и Ёко» (カザリとヨーコ), где речь идет о двух сестрах-близнецах, старшая из которых — Ёко — подвергается всяческого рода нападкам со стороны матери и сестры. Связано это с мучительным для матери разводом, вину за который женщина возлагает именно на главную героиню, ее собственную дочь. Атмосферу чуждости и замкнутости девушки автор транслирует через пространство (так, например, девушка живет в отдельном, обособленном от остального жилого пространства чулане). Надеждой на лучшую жизнь для Ёко становится встреча с Судзуки, одинокой женщиной, такой же изолированной и отчужденной, как и она сама, поскольку ее взрослая дочь прервала все социальные контакты. Однажды Ёко видит, как сестра задевает рукой вазу с водой и опрокидывает ее на ноутбук матери — одну из самых ценных вещей в жизни женщины. В тот же день, узнав о смерти Судзуки, Ёко окончательно «ломается» и принимает решение убежать от действительности. Для этого она убеждает сестру в том, что мать узнала о проступке и обязательно ее накажет; позже же Ёко и вовсе предлагает ей на время поменяться обликами, чтобы принять назначенное сестре наказание на себя. Однако в порыве гнева мать, уверенная, что убивает нелюбимую дочь, сталкивает с

крышу саму Кадзари в чужом облике и выдает случившееся за самоубийство; выжившая же героиня сбегает из дома, таким образом вырываясь из плена гнетущей действительности.

Именно через преступление и бегство от реальности отчаявшаяся и сломанная героиня борется с обстоятельствами. Примечательно, что толкнувшее ее на это состояние внутренней пустоты и отчужденности обусловлено внешними факторами (а не поступками самой героини); это принципиально отличает Ёко от типичного потерянного героя японского постмодернизма, зачастую загоняющего себя в состояние одиночества и отчаяния своими собственными действиями [Хронопуло, 2009. С.111-112].

В произведении также прослеживается отсылка к важной для литературы романтизма теме доппельгангера — двойника, обычно родственника или мистического друга, антагонистичного главному герою и стремящегося занять его место. В постмодернистском же рассказе Оцуити роли переворачиваются и теперь уже протагонист, сломанный внешними обстоятельствами, «отнимает» позицию другого, занимающего более выгодное положение в социуме персонажа.

Изложение, что характерно для большинства произведений Оцуити, ведется от первого лица: так он создает иллюзию устного повествования, вместе с тем фокусируясь на психологическом состоянии персонажа-рассказчика. Примечательно, что автору удается сочетать динамичность и психологизм, при этом также вплетая в текст бытописательские элементы. Эмоциональное же состояние Ёко автор зачастую передает особым способом, через пищу: ощущение гнета и бессилия — через постоянный голод девушки (лишенная матерью еды, та вынуждена доедать за сестрой); надежды и эмоциональной удовлетворенности — через еду, которую ей дает Судзуки (та, в свою очередь, не только кормит девушку, но и дает ей книги, т.е. предоставляет также ментальную и духовную пищу).

Проблема изоляции оказывается тесно увязанной с другими социальными мотивами, которые обычно и обозначаются как некоторого рода катализаторы отчужденности. В особый фокус берется тема развода и неполной семьи, переданная через изображение матери-одиночки с двумя детьми. Автор несколько раз посредством размышлений и реплик Ёко указывает на то, что именно развод оказал разрушительное влияние как на отношения ребенка и матери, так и на психологическое состояние обеих. Кроме того, прослеживается и мотив суицида, который все в окружении Ёко воспринимают как нечто уже обыденное и привычное, своего рода естественный исход для человека, терпящего неудачи в жизни. Примечательно, что разрушительное взаимодействие родителя и ребенка здесь не ограничивается отношениями Ёко и Кадзари с матерью; оно также показано через призму взаимоотношений Судзуки и ее дочери, которая покинула свою пожилую мать, бросив ту в одиночестве. Так автор отсылает нас к социальной проблеме негативной динамики отношений между стареюшим родителем и взрослым ребенком, указывая на это как на одну из причин отчужденности.

Характерным для Оцуити можно также назвать произведение «В падающем самолете» (落ちる飛行機の中で)— своего рода рассказ-пьесу (для создания иллюзии устного повествования в данной работе автор пользуется приемом диалогового построения). Действие его разворачивается на захваченном преступником самолете,

гле между двумя попутчиками завязывается разговор. Оказывается, что один из них — продавец, неудачлив на работе и в семейной жизни: несмотря на то, что он выбрал любимую профессию, способностей к ней у него не оказалось и по служебной лестнице он продвинуться не смог. Из-за провалов на работе от него ушла жена, поэтому он, купив препарат для эвтаназии, решается совершить самоубийство прямо на пороге ее дома. Собеседником мужчины является женшина его же возраста: изнасилованная в старшей школе. она так и не смогла оправиться от психологической травмы, замкнувшись в себе и отгородившись от окружающего мира. Не простив сломавшего ее жизнь человека, она узнает его адрес; женщина намеревается отомстить, убив его дочь; именно поэтому она оказывается на борту самолета. Однако самолет захватывают, а продавец, видя, что его собеседница боится погибнуть в авиакатастрофе, решает продать ей свой препарат для эвтаназии. Разговор попутчиков прерывает пареньпреступник, он рассказывает о том, что с самого детства мать растила его с установкой на необходимость поступления в Токийский университет; когда у него это не получилось в пятый раз, он принял решение покончить жизнь самоубийством, при этом забрав с собой и жизни других людей. В конце концов главная героиня решается купить шприц и ввести себе препарат, однако раствор оказывается обычным плацебо: выжившей же женщине благодаря череде удачно сложившихся обстоятельств удается застрелить преступника. Выйдя из самолета, она отправляется в дом изнасиловавшего ее в старшей школе мужчины, чтобы убить его дочь, но находит себя неспособной убить еще и девочку.

И вновь, что характерно для японской психологической литературы современности и прозы Оцуити в частности, главных героев в произведении оказывается исключительно немного (в данном случае три); при этом все они остаются безымянными, а образы их достаточно размыты, хотя и наделяются чертами ярких и хорошо узнаваемых социальных архетипов, позволяющих читателю узнать их и дорисовать. Так реципиент текста вовлекается в повествование, вплетается в текстовую структуру и становится своего рода соавтором.

В данной работе Оцуити использует простые, но вместе с тем емкие предложения; само же повествование ведется от первого лица (однако при этом и два других главных героя органично вплетаются в канву текста при помощи диалоговых построений), оно динамично, наполнено неожиданными сюжетными поворотами, изобилует комичными, утрированными ситуациями. Прослеживается и постмодернистский прием размытия границ между сном и явью. Автор также отчетливо передает психологическое состояние героев; само же отчуждение у него вновь транслируется через пространство, в данном случае представленное изолированным самолетом, оторванном от всего остального мира.

Таким образом, отверженными и социально не включенными у Оцуити оказываются именно молодые герои, а причиной такого психологического тупика в большинстве случаев становятся внешние обстоятельства (в частности, негативная динамика семейных отношений; социальное давление, вызванное установкой на соответствие социальным нормам и ожиданиям). Примечательно и то, как герои Оцуити находят выход из тупика: они либо бегут от реальности, либо идут на преступление, нередко из реципиента насилия превращаясь в непосредственного его отправителя.

Библиография

- Хронопуло Л.Ю. «Потерянный» герой японского рассказа конца XX-начала XXI вв. // Вестник СПбГУ. Серия 13, Востоковедение и африканистика. 2009. Вып. 2. С.108-112.
- 2. Чертушкина Е.В. Хироси Сэгикути о проблемах школы в современном японском обществе // Россия и АТР. 2008. Вып. 2. С. 155-163.
- 3. Оцуити. Кадзари то Ё:ко // ZOO 1. Кадзари и Ёко // ZOO 1. Токио, 2006. С. 7-56. (На япон.яз.).
- Оцуити. Отиру хико:ки-но нака-дэ // ZOO 2. В падающем самолете // ZOO 2. Токио, 2006. С. 161-225. (На япон.яз.).

Цветкова Елена Владимировна

ПОСЛОВИЦЫ О РОДИТЕЛЯХ И ДЕТЯХ НА ЕГИПЕТСКОМ ДИАЛЕКТЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра арабской филологии 4 курс (бакалавриат) lenaatsvetkova@gmail.com

Tsvetkova Elena

PROVERBS ABOUT PARENTS AND CHILDREN IN THE EGYP-TIAN DIALECT OF THE ARABIC LANGUAGE

St.Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Arabic Philology 4 year student (B.A.)

В статье анализируются отношения между родителями и детьми на основе египетских народных пословиц. В качестве источника материала выступает сборник пословичных выражений Ахмада Теймура «Народные пословиць». В ходе исследования были даны транскрипции пословиц на египетском диалекте арабского языка в соответствии с заявленной темой, смысловой перевод, а также примечания, уточняющие их значение и употребление. К некоторым пословицам приведены возможные русские эквиваленты. В работе рассматриваются такие темы как родительская любовь, воспитание детей, наследование родительских черт, образ мачехи, отчима и внебрачного ребенка.

The article analyzes the relationship between parents and children based on Egyptian folk proverbs. The source of the material is the collection of proverbial expressions of Ahmad Teymur's "People's Proverbs". During the study, transcriptions of proverbs in the Egyptian Arabic dialect were given in accordance with the stated topic, semantic translation, as well as notes clarifying their meaning and usage. To some proverbs, we gave possible Russian equivalents. This article touches upon such topics as parental love, parenting, inheritance of parental traits, the image of stepmother, stepfather and illegitimate child.

Ключевые слова: Египетский диалект, арабский фольклор, пословицы, семья

Key words: Egyptian dialect, Arabic folklore, proverbs, family

Одной из неотъемлемых составляющих фольклорной традиции египетского народа, несомненно, являются пословицы. Они представляют собой источник морально-нравственных устоев, опыта предыдущих поколений и в сжатой форме отражают национальный менталитет.

Современный египетский литератор Ханна аль-Фахури пишет в работе, посвященной арабским афоризмам и пословицам: «Арабы, как и другие восточные народы вообще и семитские в частности, наиболее склонны к мудрым изречениям и пословицам, которые постоянно у них на языке. Они подкрепляют ими свои слова, объясняют свои дела, расплескивают их в горе и радости, приводят их по

поводу всех событий своей жизни... так что пословицы становятся своего рода резервом житейского опыта, законом жизни, украшением старости, руководством в организации домашних дел, дел племени и всего народа» [ريال المالة على المالة المالة

Посредством изучения этих языковых единиц можно реконструировать пословичную или паремиологическую картину мира, отражающую базовые культурные ценности. Она же в свою очередь является частью языковой картины мира в целом.

Термину «пословица» дано великое множество определений, кроме того, существует проблема дифференциации этого понятия и поговорки. В рамках арабского языка оба этих термина объединяются лексемой /matal/ (мн. ч. /amtal/). В переводе на русский язык она означает: 1) пример, образец; 2) подобие; 3) пословица, поговорка; 4) басня, притча [Баранов, 1994. С.727].

Ниже приводятся оригиналы пословиц (в латинской транскрипции, с учетом особенностей произношения египетского диалекта арабского языка), их перевод на русский язык с комментариями, показывающими, как в локальной культуре истолковывается данная пословица. К некоторым пословицам приведены возможные русские эквиваленты для сравнения. На основе приведенных языковых единиц можно сформировать некоторые представления о менталитете и пословичной картине мира египтян в сфере семьи, в частности о взаимоотношениях между родителями и детьми.

1. /'awwil bīḍa lilġurāb/ = Первое яйцо ворону

В соответствии с традиционными представлениями, дети — смысл жизни и брака. Конечно, их смерть — это большое горе для родителей. Это выражение говорится в качестве утешения тем, кто потерял первого ребенка. Неслучайно здесь используется образ ворона, который едва ли не повсеместно считается связанными с миром мертвых, посредником между жизнью и смертью.

2. /ˈilˈizz baˈad ˈilwālidēn hawān/ = Хорошая жизнь после родителей — унижение.

Несомненно, потеря родителей также является большим горем для человека, после которого его жизнь уже никогда не будет прежней. Тяжесть этой утраты передает и русская пословица: *Нет родителей — нет покровителей*.

3. /ʻilbaṭṭīḫa mā tikbarš ʻillā fī bētihā/ = Арбуз не растет нигде, кроме как в своем доме

Это устойчивое выражение образно говорит о том, что ребенок не может быть воспитан и выращен нигде, кроме как в своей семье.

- 4. /'ibnak 'alā mā trabb $\bar{\imath}/=$ Твой сын (такой), каким ты его воспитал
- 5. /'ēb 'ilwalid min 'ahlu/ = Недостаток сына от его семьи

Соответственно, характер человека формируется на основе его наследственности и родительского воспитания, а также условий, в которых он рос. Именно от семьи он берет все хорошее и все плохое.

- **6.** /ibn 'ilwiz 'awwām/ = Сын гуся пловец
- 7. /ilḥayya tiḥllif ḥuwayya '/ = Змея наследует змее
 - 8. /ˈālūː lˈilḥarāmīː ibnak bīsraʻ. ʻālː mā ištarāhš miʻ issūʻ/ = Говорят вору: Твой сын ворует. Отвечает: Он не купил (воровство) на рынке

Эти аллегорические изречения снова утверждают, что ребенок перенимает черты как положительные, так и отрицательные, от своих родителей. На русском языке есть множество близких по смыслу пословиц, например, Каков род, таков и приплод, Каков корень, таков и плод, Какая матка, такое и дитятко, Яблоко от яблони недалеко падает, Каков дуб, таков и клин, каков батька, таков и сын и др.

9. /ibn 'idd \bar{i} b m \bar{a} yitrabb \bar{a} š/ = Сын волка не воспитывается

Развивает эту тему данное высказывание, говорящее о человеке, наследующем черты своих родителей, которые не искоренить воспитанием. Оно обладает отрицательным оттенком. Сравните с русской пословицей: Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит.

10./ʻabūk ʻilbaşal wa 'ummak ʻittūm mnēn lak 'irrīḥa 'iṭṭayiba yā mšūm/ = Отец твой — лук, а мать твоя — чеснок, так как ты можешь приятно пахнуть. несчастный

Помимо характера или внешности, человек наследует и социальный статус своих родителей.

11./ʻin kibir ʻibnak ḫāwī/ = Когда твой сын вырастет — будь ему братом

Смысл пословицы заключается в том, что, когда сын вырастает, отец должен быть ему другом.

12./il'um t'aššiš w'il'ab yṭaffīš/ = Мать вьет гнездо, а отец — выгоняет

Здесь противопоставляются отец и мать по их отношению к детям. Если мать окружает их заботой и любовью, то отец стремится поскорее выпустить их в большой мир. Вероятно, под этим подразумевается замужество/женитьба.

- 13./ʻilhunfisa šāfit bintahā ʻa 'ilhīṭ, ʻālat: dī lūlīyya fī h̄t̞/ = Божья коровка видела свою дочь на стене; Сказала: Это жемчуг в нитке
- 14./'il'ird $f\bar{\imath}$ 'ēn ummu ġaz \bar{a} l/= Обезьяна в глазах матери газель

Надо отметить, что египтяне отождествляют обезьяну с негативными качествами, как подлость и низость, а газель — это воплощение грациозности. Родители безмерно любят своих детей и иногда не замечают пороков своих детей, представляя их в лучшем свете. То есть, каким бы плохим ни был ребенок, для матери он всегда хорош. И русские пословицы затрагивают эту тему: Дитя, хоть и криво, а отиу с матерыю мило, Всякой матери свое дите мило.

15./ˈil'ab ˈāši' w ˈil'um gayrāna w ˈilbint ḥayrāna / = Отец любит, жена ревнует, а дочь в недоумении

Данное выражение употребляется в качестве порицания образа жизни, противоречащего установленным порядкам, как семьи, так и конкретного человека, в частности.

16./'abū 'ilbanāt marzū'/ = Отец дочерей счастливый

Это выражение может произноситься в качестве шутливого утешения того, у кого рождаются дочери, и нет ни одного наследника. Поскольку сын — это продолжатель рода, защитник чести семьи и наследник имущества, то родители с нетерпением ждали именно появления на свет мальчика. Дочка же после замужества покидала своих родителей и уходила в семью мужа.

17./'uḥṭub ilbintak 'bl mā tuḥṭub l'ibnak/ = Сватай свою дочь прежде, чем сосватаешь своего сына

Подразумевается, что первая забота отца — найти дочери хорошего мужа, который позаботится о ней. Вероятно, это связано с тем, что в Египте, как и во всем арабском мире, крайне важно выдать дочь замуж, тем самым придерживаясь установленных традиций. Наличие мужа делает ее более почитаемой в социуме и защищает честь и достоинство как ее самой, так и ее семьи. Кроме того, дочь — «это материальная и моральная ответственность, и отец молится, чтобы она не опозорила семью, и мечтает о дне, когда он передаст эту ответственность другому мужчине» [Ахунов, 2014. С.89].

- 18./'um il'aḥras ti'rif biluġā ibnahā/ = Мать немого знает язык своего сына То есть мать всегда понимает своего ребенка и знает, что тот хочет.
- 19./'ad'ī 'alā waladī wa'akrah man yi'ūl: 'amīn/ = Я могу проклинать своего сына, но ненавижу того, кто скажет: аминь

Пословица о материнской любви к своим детям. В пылу гнева она может наговорить им всякого, но не перестает их сильно и глубоко любить. Однако мать возненавидит любого, кто так же отнесется к ее детям. Схожей идеей о материнской любви, которая проявляется и в гневе, говорят и русские пословицы: Мать высоко руку поднимет, да не больно опустит, Материны побои не больны, Мать и побьет, да не пробьет, а чужая погладит, да проглядит.

20./min t'am şiğīrī balaḥa nizilt ḥalāwithā fī baṭnī/ = (Кто-то) покормил моего ребенка фиником, я почувствовал его сладость в своем животе

Эта пословица также отражает сильную любовь родителей к своим детям, а также расположение к тем, кто проявил заботу о них.

21./i'lmi'aza 'il'ayyāṭah mā yākulši ibnahā 'ilddīb/ = Коза кричит, (чтобы) волк не ел ее сына

То есть мать защищает своих детей от любых опасностей, с которыми они могут столкнуться.

22./'ilbadriyya 'allimat 'ummahā irri 'iyya / = Ягненок поучает мать стада

Аллегорическое выражение о детях, которые пытаются научить старших тому, чему сами родители их и научили.

23./ibn 'ilḥarām ḫallāš l'ibn 'ilḥalāl ḥāga/ = Незаконорожденный сын ничего не оставил законнорожденному

Словосочетание /ibn ilharām/ = незаконнорожденный сын также употребляется как грубое ругательство в чей-либо адрес. В традиционном арабском обществе к ребенку, рожденному вне брака, априори будут плохо относиться, приписывая ему самые негативные качества. Например, он может считаться хитрым и ушлым.

24. /illī māya 'raf 'abū 'ibn ḥarām/ = Тот, кто не знает своего отца, — подонок

Это выражение говорится в качестве упрека человеку, который пренебрегает своими родителями. В египетском обществе принято сохранять верность семье и соблюдать обязанности по отношению к ней. Отец является главой семьи в соответствии с патриархальными традициями. Дети должны постоянно оказывать ему уважение и покорность. Отказ от своих родителей делает их безродными в глазах своей семьи, а также окружающих людей [Ахунов, 2014. С.87]. Сравните с русской пословицей: Плохой сын имя хорошего отца позорит.

- 25./ḥāga mā thimmak waṣṣī ʻalēhā goz ʻummak/ = Если тебе не важно, то попроси у отчима
- 26./ˈālūː yā guḥā, mirāt abūk tiḥibbak? 'ālː hiyya igganninit?!/ = (Они) сказали: О, Джуха⁶³. Жена твоего отца любит тебя? (Он) ответил: Она сошла с ума?!
- 27./mirāt 'il 'ab suhṭa min irrab/ = Жена отца (как) гнев от Бога

Эти пословицы отражают стереотипную установку на безусловное негативное отношение мачехи/отчима к детям супруга/супруги от первого брака. За неимением специальных лексем «отчим» и «мачеха» используются соответственно лексические конструкции /goz 'il'umma/ = муж матери и /mirāt 'il'ab/ = жена отца. Сравните с русским пословицами: Горько от мачехи пасынку, несладкой и ей от него, Иному счастье — мать, а иному — мачеха.

Анализ приведенных пословиц позволяет сделать некоторые выводы. Рождение сына всегда является более желательным и предпочтительным, чем рождение дочери. Когда сын вырастает, родители воспринимают его как взрослого, равного себе. Ключевая задача отца заключается в выборе дочери хорошего мужа, который станет о ней заботиться и обеспечивать ее. Мать окружает своих детей заботой, защищает их от опасностей большого мира. Родители могут так сильно любить своих детей, что перестают замечать их явные недостатки, которые могут быть и следствием их же воспитания и наследственности. Тема преемственности поколений, наследственности является важной частью египетской культуры и общества. При этом довольно часто главными действующими лицами пословиц, отражающих эту тему, становятся животные. Семья определяет как характер, так и социальное положение человека. Она определяет его поведение, а также должно

3

 $^{^{63}}$ Джуха — это персонаж арабского фольклора, являющийся действующим лицом многих анекдотов, а порой и бытовых сказок.

следить за тем, чтобы оно соответствовало нормам, принятым в обществе. Члены семьи не должны забывать, что они несут ответственность за честь семьи, которую должны беречь. Образы мачехи и отчима в египетских народных пословицах имеют однозначную негативную коннотацию и противопоставляются образам матери и отца. Отрицательную оценку имеет и ребенок, рожденный вне брака.

Приведенные возможные русские эквивалентны египетским народным пословицам подчеркивают общность социально-исторического опыта, отраженного в соответствии со своеобразными национальными особенностями.

Библиография

- 1. Ахунов А.М. Основы этнографии стран Арабского востока: учебное пособие для студентов вузов/ А.М. Ахунов. Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2014. 336 с.
- 2. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь/ Х.К. Баранов. Ташкент: «Камалак», 1994. 727 с.
- 3. Жигулев А.М. Русские народные пословицы и поговорки/ А.М. Жигулев. М., 1965. 359 с.
- Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок/ В.П. Жуков. М.: Рус. яз., 1991. — 538 с
- Кирей Н.И. Этнография арабов Передней Азии и Северной Африки/ Н.И. Кирей. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1996. — 390 с.
- Badawi E.., Hinds M. A dictionary of Egyptian Arabic // Arabic English/ E. Badawi. Beirut: Librairie du Liban, 1986. — 998 p.
- . س . . أخذ بر تاشا أزج ٢٠١٤ الأمثل انعزبت . . أحذ بر تاشا . ٦. ٤٩٢.
- . ٨٨ . ص دار ان عارف ١٤نق أزج ١٩٥٦ . ان حكى أأل بيال في انف اخر ما ٨٨ .

Швец-Тэнэта-Гурий Ульяна Олеговна

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ФИЛИППИНАХ: СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра филологии Юго-Восточной Азии 4 курс (бакалавриат) ulmat@bk.ru

Shvets-Teneta-Gurii Uliana

CURRENT ISSUES IN LANGUAGE POLICY IN THE PHILIP-PINES: JUDICIAL AND LEGAL SYSTEM

St.Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of South-East Asia philology 4 year student (B.A.)

В статье на примере стенограмм судебных заседаний в залах судов Филиппин рассматриваются роли стенографистов и переводчиков в ходе слушаний, а также проблемы, с которыми сталкиваются работники судов и судебно-правовая система на Филиппинах. Сделана попытка проследить, как работа переводчиков и стенографистов отражается на работе судов Филиппин и на возможности свидетелей, обвиняемых и истцов отстаивать свои права в ходе слушаний.

The paper deals with court transcripts in the courts of the Philippines and addresses the roles of stenographers and interpreters during the court hearings, as well as problems faced by court officials and the judicial system in the Philippines. An attempt was made to trace how the work of interpreters and stenographers affects the work of Philippine courts of the Philippines and witnesses, accused and plaintiffs' ability to assert their rights during the hearing.

Ключевые слова: Филиппины; судебно-правовая система на Филиппинах; языковая политика на Филиппинах; судебные переводчики; проблемы языковой политики.

Key words: the Philippines; court system in the Philippines; language policy in the Philippines; court interpreters; issues in language policy.

Филиппины — многонациональное, многокультурное и многоязычное государство, где по данным сайта Этнолог [Eberhard et al. 2019]⁶⁴ зарегистрировано 187 языков, из которых два являются государственными: английский и национальный язык филипино. Языковое многообразие приводит к ряду проблем в таких сферах, как образование, пресса, радио и телевидение, религия, банковское дело и судебноправовая система.

Филиппины более трехсот лет являлись колонией Испании. В 1898 году в результате испано-американской войны Филиппины были переданы США. Колонизация Филиппин американцами привела к значительным изменениям в государственном устройстве Филиппин. США ввели американскую систему образования, согласно которой обучение в школах стало вестись на английском языке. С при-

Ex oriente lux

187

,

⁶⁴ Ethnologue: Languages of the World. URL: https://www.ethnologue.com/country/PH

ходом американцев на Филиппины английский язык стал занимать доминирующую роль во всех сферах филиппинского общества.

В 1946 году Филиппины обретают независимость. Еще до обретения независимости остро встал вопрос о необходимости учреждения национального языка. На Конгрессе 13 августа 1934 года [Almario, 2015. С.15] Фелипе Р. Хосе предложил использовать тагалог в качестве языка, на котором был бы основан национальный язык Филиппин. В связи с тем, что подавляющее большинство населения Филиппин говорило на отличных от тагалога региональных языках, выбор его в качестве основы для создания национального языка вызвал большие споры, так как носители других региональных языков хотели использовать свои родные языки для этой цели. Главными претендентами на эту роль кроме тагалога стали себуано и илокано [Almario, 2015. С.15].

В декабре 1937 года Постановлением №134 [Redmond, 2009. С.86] было принято решение в пользу тагалога [Фролова, 2011. С.404]. Его провозгласили «общенациональным языком Филиппин» [Фролова, 2011. С.405]. В августе 1959 г. Хосе Ромеро из Министерства образования издал Закон №7, который предписывал переименовывать тагалог в национальный язык пилипино [Redmond, 2009. С.86]. Тем не менее, тагалог не перестал быть тагалогом от смены названия. В связи с тем, что подавляющее большинство населения Филиппин говорило на других региональных языках, споры о выборе тагалога в качестве основы для национального языка страны не прекратились.

В 1987 году Комиссия по языку филипино переименовывает национальный язык пилипино в филипино [Фролова, 2011. С.405]. В Конституции 1987 года, статье XIV, главе «Язык», разделе 6 говорится: «национальным языком Филиппин считается филипино. По мере его развития он должен быть доработан и обогащен на основе существующих на Филиппинах родных и других языков» [Фролова, 2011. С.405]. Тогда же на законодательном уровне был утвержден и английский. В разделе 7 Конституции 1987 года говорится: «В области образования и коммуникаций (общения) официальным языком Филиппин считается филипино и до тех пор, пока законом не предусмотрено иное, английский» [Конституция 1987 г., статья XIV, раздел 7].

В XXI веке до сих пор возникают споры, что такое национальный язык филипино и отличается ли он от тагалога. Национальный язык филипино продолжает быть таким же неродным языком для многих филиппинцев, как и английский. Изза колониальной истории страны и истории создания национального языка филипино английский язык в XXI веке занимает доминирующую роль во многих сферах жизни филиппинцев, в том числе и в судебно-правовой системе, в которой до сих пор судопроизводство и слушания ведутся преимущественно на английском языке, которым многие филиппинцы не владеют [Martin, 2013. C.17].

На утвердившуюся роль английского языка в качестве языка судебноправовой системы влияет еще и тот факт, что «филипино все еще не подходит для использования в качестве языка закона» [Gonzalez, 1996. C.229]. А. Гонсалес объясняет это тем, что «юридическая терминология на филипино все еще не разработана на должном уровне» [Gonzalez, 1996. C.231].

Попытки внедрения национального языка филипино в судебно-правовую систему на Филиппинах были связаны с отдельными личностями, энтузиастами и сторонниками национального языка, а не с государственной языковой политикой.

К таким людям относятся бывший судья окружного суда Макати⁶⁵ Де ла Рама, который в 2007 году инициировал использования языка филипино в уголовном деле, а также Кесарь Пералехо, который по своей инициативе перевел Гражданский кодекс 1974 года, Пересмотренный Уголовный Кодекс (1993а), Пересмотренный Семейный Кодекс (1993b) и Кодекс местного самоуправления 1991. Он также издал англо-филиппинский юридический словарь.

На государственном уровне в 2007 году была предпринята попытка проводить судебные разбирательства на государственном языке филипино. Верховный суд поручил трем судам первой инстанции в Булакане⁶⁶ проводить разбирательства на филипино. Это нововведение назвали «Булаканским экспериментом 2007 года» [Martin, 2013. С.1]. В ходе этого эксперимента стенографисты прошли курсы переквалификации в юридическом колледже Булаканского государственного университета, где их обучали делать записи на филиппинской стенографической системе икилат [Martin, 2013. С.1].

В статье от 22 ноября 2009 года в газете «Филстар» [Balabo, 2009] указано, что обучение прошли не только стенографисты, но также судьи, адвокаты и другие работники суда. Семинар назывался «Подготовка судей к использованию языка филипино в суде» Соднако, как пишет И. Мартин, «Булаканский эксперимент» можно считать потерпевшим неудачу, поскольку «только один суд первой инстанции продолжил ведение судебной практики на языке филипино» и «практика продолжалась до 2012 года и прекратилась из-за кончины судьи Бухата» [Магtin, 2013. С.1]. Все другие суды первой инстанции продолжили проводить слушания на английском языке и в значительной степени полагаются на письменные и устные переводы [Маrtin, 2013. С.1].

В связи с этим судебные переводчики в судебно-правовой системе на Филиппинах играют большую роль в ходе судебных разбирательств. И. Мартин в работе «Правосудие утеряно в переводе? Судебный перевод на Филиппинах»⁶⁸ анализирует практику устного перевода в зале суда, а также определяет, с какими проблемами сталкиваются переводчики: «в зале суда переводчики имеют дело не только с юридическими понятиями, но они также должны решать языковые проблемы перевода, а именно семантические, грамматические, практические и культурные проблемы судебного перевода» [Маrtin, 2013. С.2].

Судебные переводчики работают в тесной связке со стенографистами, готовя протоколы судебных заседаний и стенограммы [Martin, 2013. С.5]. И. Мартин анализирует стенограммы трех гражданских дел, сравнивая официальные стенограммы, записанные со стенографических заметок, со стенограммами, которые И. Мартин транскрибировала, основываясь на аудиозаписях тех же судебных разбирательств. Поскольку анализ И. Мартин стенограмм и работа с ними вызывает вопросы, а именно необоснованное построчное деление и упущенные важные моменты в анализе, был проведен дополнительный анализ стенограмм, приведенных И. Мартин в ее работе, на основе которого были выявлены основные проблемы, с которыми сталкиваются переводчики и стенографисты в ходе работы в залах судов Филиппин.

⁶⁵ Макати — город в столичном регионе Филиппин.

⁶⁶ Bulacan (тагальский) — провинция Филиппин, расположена в центральной части острова Лусон к северу от столицы страны Манила.

^{67 «}Pagsasanay ng mga Hukom Ukol sa Paggamit ng Wikang Pilipino sa Hukuman»

⁶⁸ «Is Justice Lost in Translation? Court Interpreting in the Philippines», Philippine Journal of Linguistics 43, 2013

Сравнительный анализ двух стенограмм (официальной и записанной И. Мартин с аудиозаписи) видны искажения, которые появились в ходе работы стенографиста. Например, в официальной стенограмме появляется номер химического отчета, когда на самом в ходе слушания номер отчета не прозвучал.

«Официальная стенограмма: ...which findings was put into writing as Chemistry Report No. D-348-02; (Перевод: и выводы были изложены в письменном виде в химическом отчете № D-348-02:)»

«Стенограмма с аудиозаписи: ...which findings was put into writing, was put into writing as chemistry science report. (Перевод: и эти результаты были зафиксированы в письменной форме в химическом отчете)» [Маrtin, 2013. С.13].

Кроме этого, в ходе работы самих переводчиков возникают искажения. В одном из фрагментов стенограммы адвокат защиты уточняет у обвиняемого, та ли это первая страница документа, которую он подписал. Высказывание адвоката переводчик переводит, опуская «первая страница» и спрашивает, тот ли это документ, который подписал обвиняемый.

«Адвокат: And you said that — this is not **the first page** of the original document you signed. (: И Вы сказали, что это не первая страница исходного документа, который Вы подписали)».

«Переводчик: Sinasabi mo hindi yan **yung original document** na pinirmahan mo. (Вы говорите, что это **не исходный документ**, который Вы подписали)» [Martin, 2013. С.16].

Кроме моментов искажений, наблюдается излишний перевод в случаях, когда свидетель знает английский и отвечает на вопросы самостоятельно на английском языке, но переводчик по какой-то причине продолжает дублировать на английском языке то, что сказал свидетель [Martin, 2013. С.8].

Кроме этого, переводчики иногда не справляются с выполнением перевода. В одной из стенограмм видно, как в работу переводчика вмешивается судья со словами —Hinit yan talaga ang sinabi" (Это не то, что было сказано) [Martin, 2013. С.16], и берет на себя работу переводчика, продолжая допрос свидетеля на филипино самостоятельно.

Ошибки и искажения высказываний объясняются отсутствием у переводчиков должной подготовки. В новостных сводках также обращают внимание на тот факт, что судебные переводчики на службе у государства часто не имеют профессиональной подготовки, хотя судебный переводчик с тагальского языка — это штатная должность в региональных судах первой инстанции. Многие переводчики начинают работать в судах сначала как работники судов, имея юридическое образование. Затем они начинают выполнять кроме административных обязанностей еще функции переводчиков. И только после нескольких лет работы переводчики получают или не получают квалификации в области судебного перевода.

Нынешняя ситуация на Филиппинах в области права и языка типична для постколониальных стран, где колониальный язык долгое время служил языком управления и права. Даже во время колониального периода, когда язык колонизатора господствовал, граждане, кроме привилегированного слоя населения, не овладевали вторым языком [Gonzalez, 1996. C. 231].

Учитывая работу стенографистов, И. Мартин спрашивает «надежны ли официальные судебные записи для точного отображения того, что происходит в зале суда?» [Martin, 2013. C.5]. А учитывая то, как работу выполняют переводчики, возникает вопрос: насколько точны данные (показания свидетелей и то, что происходит в зале за-

седания), на которые опирается суд при вынесении решения по делу, если показания всех сторон процесса искажаются в ходе работы стенографистов и переводчиков?

Таким образом, для всех сторон судебного процесса, как для работников суда (адвокатов, стенографистов, переводчиков), так и для тяжущихся сторон и свидетелей, использование английского языка, которым они в полной мере не овладели, остается большой проблемой. В языковой политике в судебно-правовой системе в XXI веке английский язык занял прочное место из-за неразработанности и нестандартизированности национального языка филипино с точки зрения юридического стиля. Английский язык как язык законов и язык судебных слушаний и документации приводит к языковым проблемам, с которыми сталкивается как местное население, которое им или совсем не владеет или владеет исключительно на бытовом уровне, так и работники судов — стенографисты и переводчики.

Во многих работах, посвященных вопросам языковой политики в судах, рассматривается только роль переводчика. Однако, к актуальным проблемам языковой политики в судебно-правовой системе на Филиппинах стоит отнести не только качество выполнения перевода, но также и вопрос толкования английских слов стенографистами, для которых английский язык тоже не является родным языком, и в силу большой нагрузки они не всегда пишут стенограммы, опираясь на аудиозаписи судебных заседаний, что приводит к искажениям.

Таким образом, актуальные проблемы языковой политики на Филиппинах в судебно-правовой системе связаны не только с политикой государства в этой области, но также и с работой стенографистов, судебных переводчиков и неготовностью национального языка филипино к использованию в судебной практике.

Библиография

- Almario V.S. Pagpaplanong Wika at Filipino. / V.S. Almario. Manila: Komisyon sa Wikang Filipino, 2015. — 174 p.
- 2. Gonzalez, A. Incongruity between the Language of Law and the Language of Court Proceedings: The Philippine Experience. / A. Gonzalez // Language and Communication. 1996. Vol. 16 № 3. p. 229 234.
- 3. Martin, I.P. Is Justice Lost in Translation? Court Interpreting in the Philippines / Isabel Pefianco Martin // Philippine Journal of Linguistics 43. 2013. p. 17.
- 4. Redmond, M. Mother Tongue as bridge language of instruction: policies and experiences in Southeast Asia. / M. Redmond. Thailand: The Southeast Asian Ministers of Education Organization (SEAMEO), 2009. 208 c.
- Фролова Е.Г. Некоторые аспекты современной языковой ситуации в Большой Маниле / Е.Г. Фролова // Pilipinas muna! Филиппины прежде всего: К 80-летию Геннадия Евгеньевича Рачкова / Отв. ред. и сост. М.В. Станюкович. — СПб.: МАЭ РАН, 2011. — С.404 - 425 с.
- Balabo, D. Filipino in court proceedings gains headway / Dino Balabo // Philstar Global, 22 November 2009. [Электронный документ] URL: https://www.philstar.com/nation/2009/11/22/525158/filipino-court-proceedings-gains-headway. Проверено 23.10.2019
- 1987 Constitution of the Republic of the Philippines. [Электронный документ] URL: http://hrlibrary.umn.edu/research/Philippines/PHILIPPINE%20CONSTITUTION.pdf Проверено 23.10.2019.
- Eberhard, D. M. Ethnologue: Languages of the World. Twenty second edition / D.M. Eberhard, G. F. Simons, Ch. D. Fennig // Dallas, Texas: SIL International. Online version. [Электронный документ] URL: https://www.ethnologue.com/country/PH. Проверено 23.10.2019.

Раздел III. Культура, религия

Анфилова Наталья Владимировна

ТРАДИЦИОННЫЙ ДОМ СЕВЕРНЫХ ТОРАДЖЕЙ И ЕГО ОРНАМЕНТ

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра филологии Юго-Восточной Азии 4 курс (бакалавриат) win.al.0100010@yandex.ru

Anfilova Natalya

TRADITIONAL HOUSE OF NORTHERN TORAJA AND ITS ORNAMENTATION

St.Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Philology of South-East Asia 4 year student (B.A.)

Результаты организованных автором полевых исследований в регионах Тана Тораджа и Торажда Утара, Индонезия, предлагаемые в данной статье, дают представление о современной жизни северных тораджей. Культурные особенности этой этнографической группы, главным образом, раскрываются посредством описания и анализа традиционного дома (tongkonan) и обращения к символической стороне его орнаментации.

The article represents the results of the field researches organized by the author in the Regencies of Tana Toraja and Toraja Utara, Indonesia, providing an overview of modern life of Northern Toraja. Cultural peculiarities of this ethnic group are uncovered by means of the description and analysis of the ancestral Torajanese house (*tongkonan*) and the contemplation of the symbolic aspect of its ornamentation.

Ключевые слова: тораджи, Тана Тораджа, Тораджа Утара, традиционный дом, *tongkonan*, орнамент, узоры, символ, архетип

Key words: Toraja, Tana Toraja, Toraja Utara, ancestral house, *tongkonan*, carvings, ornamentation, symbol, architype

Эта статья знакомит отечественного читателя с одной из этнографических групп уникального народа тораджа, раскрывает особенности традиционного дома тораджей и его орнамента, представленного декоративной резьбой. Акцент делается на символической стороне отдельных элементов орнамента.

Материалы, являющиеся основой работы, собраны автором в ходе индивидуального полевого исследования, проводившегося с января по июнь 2019 года в районе городов Макале и Рантепао (пров. Южный Сулавеси, Индонезия). Впоследствии собранные данные были верифицированы и дополнены с опорой на индонезийские и западные исследования; для корректировки данных и словарного анализа послужили лексические словари.

Этнические группы тораджей ранее освещались в отечественной литературе, например, в трудах таких этнологов, как Е.В. Ревуненкова, В.Г. Трисман, А.И. Кузнецов; тем не менее, с момента исследований этих ученых прошли десятилетия, за которые в жизни народов Сулавеси произошли существенные изменения. Стоит сказать, что, по сравнению с другими подвергшимися модернизации народами мира, глобализационные изменения не столь глубоко отразились на народностях тораджей: таким образом, описания многих традиций и обычаев, предоставленные вышеуказанными этнологами до сих пор имеют некоторую актуальность. Значимость новых полевых работ раскрывается не столько в обновлении определенных данных, сколько в том, что посредством проведенного исследования в отечественной этнографии впервые освещается тема традиционного орнамента тораджей, представляющего антропологическую и этнопсихологическую ценность в связи с архаичностью и архетипичностью своих элементов.

Сегодня этнические группы тораджей населяют регионы 19 Луву и Энреканг на юге, Тана Тораджа, Тораджа Утара на севере, Пинранг и Мамаса на западе и Кота Палопо на северо-востоке. По данным 2009 года, численность тораджей, проживающих на о. Сулавеси, составляет более 600,000 человек [Z.Hamka, 2009. р.103], хотя общая численность превосходит 1 миллион [В.Г. Трисман, А.И. Кузнецов, 1966. с.566]. Главным образом, народности тораджей различаются по лингвистическому признаку; в связи с этим, различные исследователи выделяют 3-4 подгруппы тораджей [В.Г. Трисман, А.И. Кузнецов, 1966. с.566]. Всего на территории их проживания насчитывается 5 языков/диалектов: Toraja-Sa'dan, Kalumpang, Mamasa, Tae' и Talondo' [Ethnologue: Электронный ресурс] — которые, тем не менее, целесообразнее отнести к диалектам, поскольку носители способны понимать друг друга, не переходя на официальный (индонезийский) язык. Стоит заметить, что современная молодежь тораджей менее склонна употреблять локальный язык в повседневном общении и предпочитает использовать индонезийский, а также с малых лет стремится к овладению английским.

В статье речь пойдет о культуре северных тораджей, где среди всех указанных групп наиболее развита традиция декоративной резьбы на стенах традиционных домов [Р. Manurung, 2017. р. 112]. Но перед тем как перейти к описанию традици-

⁶⁹ Регион или *kabupaten* является единицей территориального деления Индонезии второго уровня, над которым стоит деление на провинции. *Kabupaten* также иногда переводится как уезд [Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 21, 2001].

онного дома и его функций, необходимо кратко охарактеризовать быт и мировоззрение северных тораджей. Основными занятиями до сих пор являются земледелие (культивирование суходольного риса, какао, кофе) и животноводство (отличительной чертой тораджей среди народов Южного Сулавеси является разведение буйволов, свиней и собак, что не характерно для соседних регионов с преимущественно мусульманским населением; в больших количествах разводят домашних и певчих птиц; в заливных полях разводятся клариевый сом и рисовый угорь). Также в регионе развивается добыча смолы и полезных ископаемых. Существенная часть населения задействована в мелкой торговле и сфере услуг питания.

В общественном строе тораджей происхождение и родовой статус продолжают играть существенную роль, несмотря на переустройство современного индонезийского общества. Это отчасти объясняется фактом того, что представители знатных родов имеют возможность получать значительные доходы за счёт начального капитала и, главным образом, родственных и дружеских связей, которые обеспечивают высокую должность или способствуют ведению коммерческой деятельности. Материальная составляющая в культуре тораджей играет не меньшую роль, чем статус, доставшийся по наследству. Символом финансового благополучия является буйвол, социальные и религиозные функции которого раскрываются далее в ходе анализа элементов орнамента.

Последнее, что важно охарактеризовать перед переходом к описанию традиционного дома и его орнамента — это система верований современных тораджей. Справедливо заметить, что глобализация менее всего затронула данную сферу их жизни: в обществе тораджей невозможно встретить представителя, который назвал бы себя атеистом или агностиком. Мировоззрение большинства тораджей продолжает существовать в синкретизме христианства 70, привнесенного голландцами, с исконными верованиями Aluk To Dolo — «путь/завет предков». Согласно верованиям Aluk To Dolo, над человеком имеют власть три вида высших сил: Puang Ma'tua (Всевышний Бог), Deata-deata (божества) 1 и Tomembali Puang (души предков, которые оберегают живущие поколения) [Tangdilintin, Syafei, 1977. р.22]. Верховное Божество Puang Matua поддерживает равновесие дня и ночи и напрямую ассоциируется с солнцем (allo), что находит свое отражение в архитектурном орнаменте традиционного дома [Р. Мапигипд, 2017. рр. 114-115].

Традиционный дом северных тораджей называется tongkonan, что происходит от слова «tongkon» — «сидение», а сам термин дословно переводится как «место для сидения» [J.Tammu, H. van der Veen, 2016. р.678]. В настоящее время tongkonan не используется для жилья, но играет большую роль в социальной и культурной жизни тораджей. Практически каждая семья в регионах Тана Тораджа и Тораджа Утара имеет 1-2 ряда традиционных домов, составляющих вместе деревню (5-20 традиционных домов) как историческое место поселения общины/семьи.

Сейчас тораджи живут в частных домах современного типа, преимущественно расположенных вблизи трасс и дорог, но традиционные дома напоминают им о

194 Ex oriente lux

,

⁷⁰ Примечательно, что в колониальный период христианизация встретила резкий отпор со стороны местного населения; только после обретения Индонезией независимости, голландские миссионеры, продолжавшие служение на островах, добились первых существенных результатов (10% протестантов среди тораджей в 1950) [H.Nooy-Palm, 1988. pp.12-18]. На данный момент, согласно переписи региона Тана Тораджа на 2006 год, протестантизм исповедуют 69,15% населения и 16,97 % являются католиками [Internet Archive Wayback Machine: Электронный ресурс].

⁷¹ Трое основных божеств: Deata Tangngana Langi (небесное божество), Deata Kapadanganna (земное божество) и Deata Tangngana Padang (подземное божество).

жизненном укладе прародителей. Именно в местах расположения традиционных домов происходит поддержание старых традиций: в особых случаях, таких как свадьба, похороны, День Благодарения или иное крупное событие, тораджи, заблаговременно пригласив как можно больше гостей, обустраивают в своей фамильной деревне площадку для мероприятия. Таким образом, все социально значимые события проводятся в окружении традиционных домов, которые в то же время служат зрительными подмостками для гостей.

Tongkonan также способен выступать маркером социального статуса. Изначально, только аристократия могла позволить себе возведение традиционных домов. Сейчас тораджи выделяют особый вид традиционного дома — *tongkonan layuk*, что переводится как «высокий дом», который принадлежит знати [J.Tammu, H. van der Veen, 2016. pp.282, 678] и среди обыкновенных традиционных домов выделяется своими размерами, а также может иметь специальный орнамент, указывающий на статус дома.

Существуют специальные типы традиционных домов, служащие временной гробницей усопшего родственника, что, как правило, также маркируется при помощи орнамента⁷². Тело родственника может храниться в традиционном доме до нескольких лет, пока семья усопшего не соберет достаточно денег на пышные похороны с дорогостоящими жертвоприношениями буйволов. После этого тело будет помещено в семейный склеп, пещеру или утес скалы для традиционных захоронений; тело младенца также может быть похоронено на дереве в сооружении, напоминающем гнездо. Тораджи, несмотря на христианское большинство, не переняли обычай захоронения усопших в земле; вышеперечисленные способы захоронения являются древней традицией, всегда сопровождаемой мумифицированием трупов сразу после смерти. Глобальные изменения затронули только саму технологию мумифицирования: если раньше процедура проводилась знахарями при помощи растительных ингредиентов, то теперь она обеспечивается медицинскими центрами и совершается с использованием формалина. Обработка тела усопшего формалином не является привилегией определенного сословия: ею пользуются все семьи без исключения.

Единственный тип традиционного дома, сохранивший свою непосредственную функцию — это *alang*: традиционный дом наименьшего размера, который использовался и продолжает использоваться для хранения риса [J.Tammu, H. van der Veen, 2016. р.7]. *Alang* может не отличаться от стандартного традиционного дома по набору элементов орнамента, однако его выделяют меньшие размеры и расположение, противоположное традиционному дому, который, в свою очередь, всегда ориентирован на север [Р. Manurung, 2017. р.116].

Культурная ценность традиционного дома тораджей наиболее ярко раскрывается в его информативной функции. Орнамент, покрывающий *tongkonan*, эволюционировал вместе с развитием общества северных тораджей, и в ходе этой эволюции появлялись новые элементы резьбы, обогащавшие значение каждого отдельного символа. Посредством этих символов *tongkonan* хранит и передает ценную инфор-

 $^{^{72}}$ Примером служит узор под названием Pa'doti Siluang, где слово siluang обозначает под одним покрывалом/саронгом, корень doti имеет два значения: 1) чèрная магия, сглаз, 2) название узора на традиционном доме, где покоится женщина знатного рода. Таким образом, данный тип орнамента служит маркером того, что дом используется в качестве временной гробницы аристократки; вместе с тем орнамент несет смысловое содержание для мужской половины тораджей, говорящее, что хотя женщина в обществе тораджей чтима и уважаема, она в то же время может стать причиной больших бедствий, если не соблюдать осторожность. Pa'doti Siluang имеет две вариации, изображения которых приведены далее [S.J. Sande, 1991. p.28-29].

мацию о религиозных и социальных концепциях северных тораджей из поколения в поколение. Хотя сейчас в Тана Тораджа и Тораджа Утара о значениях большинства элементов орнамента могут рассказать лишь немногие старцы, дешифровка резьбы на традиционном доме начинает вызывать к себе новую волну интереса в связи с безусловной пользой для поддержания культуры тораджей, а для западной науки содержание символов может послужить не только богатым этнографическим материалом, но и базой для исследования архаичного сознания и иных психических феноменов, например, явления архетипов коллективного бессознательного.

Резной орнамент традиционного дома полностью выполнен в четырех цветах: чёрный, желтый, красный и белый. Хотя каждому из цветов приписываются различные значения, данная традиция прежде всего обусловлена ограниченным набором красящих пигментов, доступных в прошлом. Наиболее выраженным значением обладают элементы орнамента, обрамленные в квадратные формы одного размера. Внутри форм чаще всего встречаются изображения растений, животных и абстракции в виде фигур со строгой геометрией. Далее приведен ряд примеров указанных элементов орнамента с кратким анализом и толкованием значений.

Название первого описываемого фрагмента — *Pa'tedong*. Здесь и далее названия всех фрагментов начинаются с префикса {pa-}⁷³, который в данном случае, сочетаясь с существительным, создает значение предмета, сделанного по типу, образцу или форме предмета, обозначаемого этим существительным [J.Tammu, H. van der Veen, 2016. р.xviii]. Таким образом, поскольку *tedong* обозначает «буйвол», *Pa'tedong* может переводиться как «изображение буйвола». *Pa'tedong* данного или другого вида встречается практически на любом традиционном доме северных тораджей, поскольку это животное представляет большую материальную и социальную ценность. Число рогов буйвола, размещаемых на фасаде дома знати, демонстрирует, насколько стар и богат род, поскольку каждая пара рогов — это буйвол, принесенный в жертву на похоронах предка по прямой линии. Другим большим событием, связанным с этим животным, являются бои буйволов, на которых участники делают большие денежные ставки. Таким образом, изображение буйвола на традиционном доме символизирует материальное благополучие.

Следующий фрагмент — *Pa barre Allo*, что обозначает «круг солнца». Это изображение также имеет несколько вариаций, приведенных под абзацем. В некоторых толкованиях данный фрагмент обозначает не солнце, а легендарного прародителя *Neq Limbongan*, ассоциируемого со стихией воды и дающим жизнь колодцем, который никогда не иссякает [S.J. Sande, 1991. р.3], хотя также есть толкователи, которые меняют значения этих двух фрагментов местами. Справедливо, что оба фрагмента могут претендовать на роль солнца, поскольку в первом случае четыре луча прямо указывают на ориентацию по сторонам света⁷⁴, в то время как четыре окружности на втором изображении могут обозначать солнце в четырех позициях над горизонтом. Существуют также более узнаваемые многочисленные вариации солнечного круга, который, как правило, располагается в левой и правой частях фронтона, а сверху на

⁷³ {pa'-}/{paq-}, {pan-}, {pay-} и {pam-} являются алломорфами префикса {pa-} [S. Biring, L.R. Pararrungan, 1984. p.70].

⁷⁴ Ориентация по сторонам света является неотъемлемой частью культуры тораджей как группы этносов, живущих в зоне экватора. На ней построены религиозно-мифологические концепции Aluk To Dolo, что имеет влияние на быт и архитектуру. Так, tongkonan всегда обращен фасадом на север, который ассоциируется с создателем мира Puang Ma tua. Юг, в свою очередь, ассоциируется с местом обитания душ предков (Puya), где правит божество Pong Lalondang [J. Tammu, H. van der Veen, 2016. p.458].

обоих солнцах изображается по петуху. Солнце является символом верховного божества *Puang Ma 'tua*, обозначает величие и благородство [S.J. Sande, 1991. p.4].

Более необычным феноменом представляется наличие морских символов в традиционном орнаменте народа, живущего на удаленном от берега горном массиве. Это могут быть изображения водорослей или ракушек, а также абстракции, отсылающие к ним, по словам толкователей. В качестве примера можно привести фрагмент под названием Pa'bungkang Tasik, что значит «морской краб» [J.Tammu, H. van der Veen, 2016. p.639]. Подобный символ на традиционном доме интерпретируется как то, что удача и достаток могут прийти с моря даже в ту семью, которая живет на высокогорье. Хотя название тораджей происходит от бугийского словосочетания to riaja — дословно «люди вершин» или «горцы», — их архитектура передает историю богатого опыта мореплавания предков тораджей, пришедших на Сулавеси с севера. Неслучайно крыша традиционного дома северных тораджей имеет форму лодки. Согласно религиозной концепции Aluk To Dolo, крыша дома в то же время является небесным транспортом Puang Ma'tua; получается, что верховное божество, как и прародители современных тораджей, плывет с севера на юг на своем транспорте. Предположительно, что тораджи, в отличие от других народов Южного Сулавеси, смогли сохранить память о столь далеком историческом прошлом и другие архаичные элементы своей культуры за счёт географической изоляции, а также традиций животноводства и земледелия, обеспечивающих самодостаточность мирного быта и отсутствие нужды во внешних контактах.

Библиография

- 1. Коригодский Р.Н. Большой индонезийско-русский словарь/ Сост. Р.Н. Коригодский, О.Н. Кондрашкин, Б.И. Зиновьев, В.Н. Лощагин. М., 1990. Том 1, 2. 495 с.
- 2. Трисман, В.Г. Народы Сулавеси / В.Г. Трисман, А.И. Кузнецов // Губер, А.А. Народы Юго-Восточной Азии/ А.А. Губер [и др.]; под общ. ред.С.П.Толстова. М., 1966. 772 с.
- Biring, S. Struktur Bahasa Toraja Sa'dan/ S. Biring, L.R. Pararrungan. Jakarta, 1984. 138 p.
- 4. Hamka, Z. Corak pemikiran keagamaan Gurutta H. Muh./ Z. Hamka. Puslitbang Lektur Keagamaan, 2009. p. 312.
- Manurung, P. Daylighting and architectural concept of traditional architecture: The Tongkonan in Toraja/ P. Manurung // Yogyakarta.: Universitas Kristen Duta Wacana, 2017. — Vol 14, No 1. — pp. 111-126.
- 6. Sande, J.S. Toraja in Cravings/J.S. Sande. Ujung Padang,1991. 81 p.
- Tammu, J. Kamus Toraja-Indonesia/ J.Tammu, Dr. H. van der Veen. Rantepao: P.T. Sulo, 2016. — 716 p.
- 8. Tangdilintin, L.T. Toraja: An introduction to a unique culture// L.T. Tangdilintin, M. Syafei// Tana Toraja: Lepongan Bulan Foundation. Makale, 1977. 250 p.

Электронные ресурсы:

- 9. Ethnologue: Languages of the World [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ethnologue.com/ Проверено 04.11.19.
- Internet Archive Wayback Machine [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20060529201932/http://www.toraja.go.id/sosial.php Проверено 04.11.19.

Балуева Екатерина Вадимовна

ОБРАЗ КИТАЯ ВО ФРАНЦУЗСКИХ СМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «LE MONDE»)

Уральский Федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина Уральский гуманитарный институт Департамент международных отношений, кафедра востоковедения 2 курс (бакалавриат) balueva.yek@yandex.ru

Balueva Ekaterina

THE IMAGE OF CHINA IN FRENCH MEDIA (ON THE BASIS OF «LE MONDE » NEWSPAPER MATERIALS)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin
Institute of Humanities, Department of Oriental Studies
2 year student (BA)

В исследовании рассматривается образ Китайской Народной Республики на материалах французской газеты «Le Monde». Приведены отдельные статьи, проанализированы фразы и выражения, наиболее ярко характеризующие образ Китая. Предпринята попытка проанализировать комплексную характеристику образа и сформировать представление об основных векторах деятельности Китая, которые представлены в ключевых французских СМИ.

The study examines the image of the People's Republic of China in the French newspaper «Le Monde». Author considers separate articles, phrases and expressions that most clearly describe the image of China: analyzes the complex characterization of the image, forms an idea of the main vectors of China's activity, which are presented in the key French media.

Ключевые слова: Китай, Франция, СМИ, образ Китая, анализ. Key words: China, France, media, image of China, analysis.

Современные СМИ активно обсуждают современные политические и экономические мировые тенденции. Китай является важнейшей частью этих процессов: на данный момент Китай является одной из самых быстроразвивающихся стран мира. Развитие китайской экономики сильнейшим образом влияет на мировую экономику. [Михеев, 2008]. Китайские корпорации играют все большую роль в отраслях высоких технологий, авиастроения, машиностроения. Однако, помимо экономического воздействия, Китай имеет влияние и в политической жизни мира. Сейчас Китай играет одну из главных ролей на политической арене наряду с США [Портяков, 2018. С.220].

Для анализа статей необходимо понимать, что существуют определенные культурные различия между Китаем и Францией, так как в Китае большую роль играет Коммунистическая Партия Китая [Румянцев, 2017. С.47], а во Франции в качестве формы правления создана либеральная демократическая республика [Лапина, 2018. С.48].

Источниками данного исследования стали статьи газеты «Le Monde» за март 2018 г. и март 2019 г. Выбор данной газеты обоснован тем, что она является независимым изданием, а также наиболее тиражируемой во Франции (323 366 экземпляров на август 2019 г.). Помимо этого, интересной представляется возможность наблюдения и изучения идеологического противостояния, основанного на том, что газета «Le Monde» отражает леволиберальные взгляды, однако, публикует множество материалов о Китае, в котором, как известно, большое влияние имеет коммунистическая партия.

Выбор указанных месяцев для исследования материала обоснован тем, что в марте 2018 г. была отменена статья в Конституции КНР, ограничивающая срок власти председателя двумя сроками, что вызвало резонанс во французских СМИ, а в марте 2019 г. Си Цзиньпин посетил страны Европы, в частности, Италию и Францию, для проведения переговоров.

В связи с большим количеством статей при отборе материала акцент делался на статьи, которые затрагивали экономику, международные отношения Китая и других стран, а также роль Китая в политической жизни мира. Выборка статей происходила по наличию в заголовке слов «Chine, chinois» («Китай», «китайский, китайские»). При анализе статей использовались следующие словари: толковый словарь французского языка Larousse, французско-русские словари: ABBYY Lingvo Live, Multitran.

Одной из главных тем, обсуждаемых в данных аналитических статьях является личность Си Цзиньпина и его действия. В статьях говорится о том, что Си Цзиньпин — «тот, кто стремится к неограниченной власти», так как 25.02.2018 Коммунистическая Партия Китая объявила о том, что Си Цзиньпин будет переизбираться на второй срок правления, а также предложила убрать из Конституции статью, которая ограничивает полномочия председателя КНР двумя сроками подряд. Встречаются такие выражения: «le vrai visage de Xi Jinping» («истинное лицо Си Цзиньпина»): «un pouvoir personnel sans limites» («неограниченная личная власть»); «la concentration du pouvoir» («концентрация власти») [Editorial le Monde, 2018]. В статьях также говорится о недовольстве китайских граждан решением КПК: «Xi Jinping est le noyau dirigeant» («Си Цзиньпин является правящим ядром»), «On a déjà un parti unique, alors un président qui ne part plus» («У нас осталась только одна партия, но и президент больше не уходит»), «président à vie» («пожизненный президент»). В данном контексте также примечателен термин «Хі Zedong» («Си Цзэдун») (имеется в виду Мао Цзэдун), что говорит об авторитарном характере его власти и крайней приверженности коммунистической идеологии [Berdoletti, 2018].

Большое внимание в статьях уделяется современным экономическим тенденциям и противостоянию двух сверхдержав, Китая и США. Данное явление особенно раскрывается в статье «La Chine réagit aux sanctions américaines par une première salve de taxes» (Китай реагирует на американские санкции первым залном торговых пошлин»). В статье говорится о том, что Китай готов к торговой войне, а ее начало зависит лишь от реакции США на действия Китая («La Chine est prête pour une guerre commerciale. Est-ce que celle-ci va éclater? Cela dépend des Etats-Unis.»). Однако, подчеркиваются враждебность США и гибкость Китая: «La Chine avait tenté jusqu'au dernier moment de désamorcer la crise» («Китай до последнего пытался предотвратить этот кризис.»). Здесь активно используются фразы и слова: «une première salve» («первый залп»); «imposer» («наложить»); «une guerre

commerciale» («торговая война»); «éclater» («разорваться»); «désamorcer la crise» («предотвратить кризис») [Leplâtre, 2018]. В данной статье использованы глаголы, которые показывают динамичность и непостоянство происходящего. Подчеркивается с помощью вопросно-ответной формы неясность и невозможность предугадать исход и следующие шаги сторон данного конфликта. Кроме того, употребляется лексика на военную тематику: «война», «разорваться», «залп», что говорит о том, что, по мнению журналистов, противостояние Китая и США со временем ужесточается и принимает форму «войны».

Наиболее актуальной темой, освещаемой в газете за март 2019 г. является визит Си Цзиньпина во Францию и его переговоры с Эммануэлем Макроном, Ангелой Меркель и Жан-Клодом Юнкером.

В статье «Union européenne-Chine: le bon virage de Paris» («Евросоюз — Китай: удачный ход Парижа») Китай позиционируется как страна-гигант, способная поглотить Евросоюз: «Chine — géant qui aime jouer» («Китай — великан, который любит играть»), а Евросоюз — «Les petits 28» («28 малышей», имеется в виду Евросоюз, так как в нем состоит 28 стран), также употребляются выражения «la competition chinoise», («китайское соревнование»), «la puissance chinoise» («китайская мощь»). Однако также упоминается совместное противостояние Китая и Евросоюза против США: «Аnti-Trump» («Анти-Трамп»), а формат сотрудничества Китая и Евросоюза назван многосторонним («le multilatéralisme»). Данный вид сотрудничества выступает против американской односторонности («l'unilatéralisme americain») [Editorial le Monde, 2019]. Данная статья говорит о противостоянии с США и политикой, направленной против США.

В статье «La rivalité sino-américaine bat son plein en Europe centrale et orientale» («Китайско-американское соперничество в самом разгаре в Центральной и Восточной Европе») раскрывается соперничество США и Китая и влияние данного соперничества на Европу. Данное сопротивление характеризуется как «une féroce competition» («жесткая конкуренция»). «L'Europe centrale est vulnerable» («Центральная Европа уязвима»), именно так говорится о Европе, поскольку США и Китай пытаются ее «поделить» (diviser l'Europe») [Каuffmann, 2019].

Тема китайско-европейского сотрудничества поднимается в статье «Face à Xi Jinping, Macron, Merkel et Juncker exigent un multilatéralisme «plus équilibré»» («Лицом к Си Цзиньпину Макрон, Меркель и Юнкер требуют «более уравновешенной» разносторонности») [Semo, 2019]. Также в статьях, посвященных этим переговорам, встречаются фразы, характеризующие сотрудничество Китая и Евросоюза: «poser les bases d'un partenariat euro-chinois fort» («заложить основы для сильного евро-китайского партнерства»), «les relations entre le Vieux Continent et l'empire du Milieu restent marquées par de fortes tensions sur le plan commercial» («Отношения между Старым Континентом и Центральной Империей остаются отмеченными сильной коммерческой напряженностью»). В статьях присутствуют такие слова как: «poser» («установить»); «un partenariat euro-chinois fort» («еврокитайское сотрудничество»); «fort» («сильный»); «le Vieux Continent» («Старый Континент»); «l'empire du Milieu» («Центральная Империя»); «de fortes tensions» («сильная напряженность»); «une approche coordonnée» («скоординированный подход»); «éviter» («избежать»); «l'esprit de compétition» («дух соперничества»); «d'une même voix» («одним голосом»); «рагler» («говорить»); «un défi» («вызов»); «un partenaire» («партнер»); «gagnant-gagnant» («беспроигрышный»). [Ducourtieux,

Pietralunga, Stroobants, 2019]. Таким образом, здесь присутствуют метафоры («le Vieux Continent» («Старый Континент»), «l'empire du Milieu» («Центральная Империя»)), которые говорят о том, что Китай воспринимается как Центральная Империя, Центральное государство, в какой-то степени, главенствующее. Также здесь говорится о сотрудничестве между странами, присутствует призыв к диалогу, выраженный различными глаголами.

Возвращаясь к теме экономического влияния Китая, необходимо упомянуть проект «Один пояс — один путь», включающий в себя «Новый шелковый путь» и «Морской Шелковый путь XXI века». Данные явления отражены в ста-The «Routes de la soie «L'Occident incapable de trouver une stratégie cohérente, à la mesure du défi que jette la Chine»» («Шелковые пути: «Запад не может найти последовательную стратегию, соразмерную с вызовом Китая»), где встречаются фразы и выражения: «le nouvel ordre économique mondial» («новый мировой экономический порядок»); «la puissance montante» («восходящая держава»); «la puissance établie» («установившаяся держава») [Carmona Y., Pham M., 2019]. «Le président chinois en tournée dans une Europe qui l'attend de pied ferme» («Президент Китая в турне в Европе, которая его ждет.»). Главной целью визитов во Францию и Италию главы КПК, Си Цзиньпина, является продвижение политики «Нового Шелкового Пути» и стратегии «Один пояс — один путь». Италия оказалась первой из стран Большой Семерки, подписавших меморандум с Китаем о «Новом шелковом пути». В представленной статье имеются выражения: «tout hautement significatif» («высоко значимый»); «ambiguïtés» («двусмысленность»); «ambitions» («амбиции»); «surmonter» («преодолеть»); «divergences» («разногласия») [Lemaître, Pedroletti, Stroobants, 2019]. Таким образом, демонстрируется неоднозначность в отношениях между Европой и Китаем, а также разногласия между странами Европы.

Таким образом, образ Китая в газете «Le Monde» ассоциирован с авторитарным характером коммунистической власти Си Цзиньпина. Также делается акцент на экономическую мощь Китая и его соперничество с США в виде санкций и пошлин. Китай является главным соперником США не только в экономике, но и в политике: по мнению авторов «Le Monde», Китай постепенно «захватывает» Европу. Важными для понимания образа Китая является анализ сино-французских отношений. В статьях говорится о готовности Китая к сотрудничеству, но не без ноты доминирования над Западом. Также большое внимание уделяется современным внешнеполитическим инициативам КНР, а именно — проектам «Один пояс — один путь», «Новый шелковый путь», которые должны в конечном итоге «опоясать» и «захватить» весь мир.

Образ Китая, создаваемый газетой «Le Monde» - это влиятельная, сильная, консервативная страна, но при этом инновационная и прогрессивная не только в экономическом и технологическом секторах, но и в политике, благодаря современным инициативам, исходящим от Китая. Для Франции и французского народа Китай — это «страна-гигант», которая готова не только воевать, но и распространять свою власть в мире под руководством «правящего ядра», бессменного Си Цзиньпина.

Библиография

- Berdoletti B. «Le «mandat à vie» de Xi Jinping suscite le malaise en Chine. [Электронный документ]. URL: https://www.lemonde.fr/asie-pacifique/article/2018/03/05/le-mandat-a-vie-de-xi-jinping-suscite-le-malaise-en-chine 5265829 3216.html?xtmc=chine chinois&xtcr=474, Проверено 27.10.2019.
- Carmona Y., Pham M.. Routes de la soie: «L'Occident incapable de trouver une stratégie cohérente, à la mesure du défi que jette la Chine». [Электронный документ]. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2019/03/22/routes-de-la-soie-l-occident-incapable-de-trouver-une-strategie-coherente-a-la-mesure-du-defi-que-jette-la-chine 5439784 3232.html. Проверено 27.10.2019.
- 3. Chine: l'avènement de l'empereur Xi, aux pouvoirs sans partage. [Электронный документ]. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2018/03/02/l-avenement-de-l-empereur-xi-5264662 3232.html?xtmc=chine chinois&xtcr=477. Проверено 27.10.2019.
- Ducourtieux C., Pietralunga C., Stroobants J.-P. Face à la Chine, l'Europe cherche l'union. [Электронный документ]. - URL: https://www.lemonde.fr/economie/article/2019/03/22/commerce-investissements-face-a-la-chine-l-europe-cherche-l-union 5439603 3234.html. Проверено 27.10.2019.
- Kauffmann S. La rivalité sino-américaine bat son plein en Europe centrale et orientale. [Электронный документ]. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2019/03/27/la-rivalite-sino-americaine-bat-son-plein-en-europe-centrale-et-orientale-5442008 3232.html?xtmc=chine chinois&xtcr=10. Проверено 27.10.2019.
- Lemaître F., Pedroletti B., Stroobants J.-P. Le président chinois en tournée dans une Europe qui l'attend de pied ferme. [Электронный документ]. - URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2019/03/20/l-ue-durcit-le-ton-face-a-la-chine 5438687 3210.html. Проверено 27.10.2019.
- Leplâtre S. La Chine réagit aux sanctions américaines par une première salve de taxes. [Электронный документ].URL: <a href="https://www.lemonde.fr/economie/article/2018/03/23/la-chine-reagit-aux-sanctions-americaines-par-une-premiere-salve-de-taxes-5275266-3234.html?xtmc=chine-chinois&xtcr=441. Проверено 27.10.2019.
- Semo M. Face à Xi Jinping, Macron, Merkel et Juncker exigent un multilatéralisme «plus équilibré». [Электронный документ]. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2019/03/26/face-a-xi-jinping-macron-merkel-et-juncker-exigent-un-multilateralisme-plus-equilibre 5441553 3210.html?xtmc=chine chinois&xtcr=13. Проверено 27.10.2019.
- Union européenne-Chine: le bon virage de Paris. [Электронный документ]. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2019/03/27/ue-chine-le-bon-virage-deparis 5441971 3232.html?xtmc=chine chinois&xtcr=9. Проверено 27.10.2019.
- Лапина, Н. Ю. Формирование общенациональной элиты. Время Макрона: Кто пришел к власти во Франции / Н. Ю. Лапина // Власть и Элиты. — 2018. — №5. — С.25-53.
- 11. Михеев В.В. Роль Китая в глобализующемся мире. [Электронный документ]. URL: http://www.strana-oz.ru/2008/3/rol-kitaya-v-globalizuyushchemsya-mire. Проверено 27.10.2019.
- 12. Портяков, В.Я. Китай в современной мировой политике (По материалам общественнополитической и научной периодики КНР) / В. Я. Портяков // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2018. - №23. — С. 215-222.
- 13. Румянцев, Е. Н. Си Цзиньпин и новое поколение руководителей коммунистической партии Китая / Е. Н. Румянцев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. №5. С. 47-64.

Гранкина Дарья Геннадьевна

«ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА» — ПЕРВЫЙ ВО-СТОКОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ В РОССИИ

Дальневосточный федеральный университет, Департамент истории и археологии 4 курс (бакалавриат) grankina.dg@students.dvfu.ru

Grankina Daria

«ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL» — THE FIRST JOURNAL OF ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA

Far Eastern Federal University, Department of Universal History and Archaeology 4 year student (B. A.)

Данный материал посвящен востоковедческому журналу «Известия Восточного института», который зародился на рубеже XIX — XX вв. В статье рассматривается история «Известий», которая разделяется на 2 этапа: первый этап — с 1990 г. по 1921 г., второй — с 1994 г. по настоящее время.

This article is devoted to the "Oriental Institute Journal", which was born at the turn of XIX-XX centuries. The history of the journal, which is told in the article, is divided into 2 stages: the first stage - from 1900 to 1921, the second one - since 1994 to the present day.

Ключевые слова: востоковедение, вузовское научное издание, научная периодика, «Известия Восточного Института», история Дальневосточного государственного университета, история ДВФУ.

Key words: Oriental studies, university scientific publication, scientific periodicals, "Oriental Institute Journal", history of Far Eastern State University, history of FEFU.

К концу XIX века в России существовало несколько центров востоковедения: в Москве, Казани и Санкт-Петербурге. Крупнейшими высшими учебными заведениями являлись Лазаревский институт восточных языков в Москве, который специализировался только на армянской, грузинской, татаро-турецкой, арабской и персидской словесности; Казанская первая гимназия, в которой кроме названных языков преподавали ещѐ монгольский, маньчжурский и китайский [Валеев, 2005. С. 41]. В результате реформирования в середине XIX века направлений по востоковедению создан факультет восточных языков в Петербургском университете, который состоял из пяти разрядов: арабско-персидско-турецко-татарского, монголо-калмыцко-татарского, китайско-маньчжурского, еврейско-арабского, армяно-грузино-татарского, санскрито-персидского.

Существование своего печатного органа не было редкостью для высших заведений в конце XIX века. Примером могут послужить «Ученые записки», издаваемые в Казанском университете с 1834 г., которые содержали документы об учреждении (протоколы заседаний совета университета, общие сведения и т. д.), науч-

ные публикации по всем направлениям подготовки, в том числе и по языкознанию. В Петербурге выпускались «Учёные записки Академии наук», а позже «Известия Академии наук», в которых находятся статьи по лингвистике, филологии и другим гуманитарным, естественнонаучным и техническим направлениям. Внимание привлекает тот факт, что в образовательных учреждениях приоритет в изучении востоковедения отдавался странам Ближнего Востока, исключениями являлись Китай и Монголия.

В 1899 г. состоялось открытие Восточного института в городе Владивосток, в задачи которого входили подготовка специалистов по восточным странам и языкам и исследование Китая, Кореи, Японии и Монголии. Необходимость основания нового высшего учебного заведения вызвана расширением связей России с данными странами [Серов, 1994. С. 14]. С первого года работы вуза создан журнал "Известия Восточного института". Особенностью рассматриваемого нами издания было то, что он стал единственным в России печатным органом, преследовавшим цель изучение стран Дальнего Востока.

Цель данной статьи — рассмотреть историю организации и деятельности журнала «Известия Восточного института» на протяжении двух этапов: первый — с 1900 г. по 1921 г. и второй — с 1994 г. по настоящее время. Источниковой базой послужили выпуски за первый и второй периоды, библиографический указатель, выпущенный в 2018 г. научной библиотекой ДВФУ, статьи по истории востоковедческих институтов.

Необходимость создания «Известий» обуславливалась несколькими причинами. Во-первых, информирование о важных событиях Восточного института, Так, например, первый выпуск не содержал научных публикаций, он знакомил с Восточным институтом и включал в себя статью, посвященную основанию Восточного института, торжественный акт его открытия, положение и правила о приеме в институт, описание форменной одежды студентов и протокол заседания Конференции Восточного института за 1899-1900 акал. г. Во-вторых, потребность в собственном печатном органе вызвана нехваткой учебной литературы по востоковедению, преподавателям нужен был источник учебных и учебно-методических материалов. Преподавателям приходилось использовать иностранную литературу, так как русские пособия печатались в небольшом количестве экземпляров, из-за чего они становились труднолоступными. Следующей, не менее важной задачей вузовских журналов, существовавших к началу XX века (а его имело почти кажлое высшее учрежление в России) было информирование руководства, коллег и общественности об основных результатах своих научных исследований и педагогического труда. Из фундаментальных работ в журнале можно назвать работу Кюнера «Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен», опубликованную в 1912 г. [Кюнер, 1912.], учебное пособие Е. Г. Спальвина «Практические японские разговоры», состоящее из нескольких частей: первая — «Практические японские разговоры: пособие для изучения простейших форм японского разговорного языка и для введения в японскую письменность.» [Спальвин, 1909.] и вторая часть — «Японская армия: пособие для изучения важнейших японских военных терминов» [Спальвин, 1909.].

За 1900 — 1922 гг. вышли в свет 67 томов издания, на их страницах опубликовано 328 работ, наибольшее число принадлежит следующим направлениям: японоведение — 95, китаеведение — 76, корееведение — 33 и монголоведение — 21 и др. [Еланцева, 2015. С. 39].

Авторами журнала стали преподаватели, выпускники и студенты Восточного института, а также авторы, которые не входили в штат университета, например, британский дипломат Астон Уильям Джордж [Астон, 1903] или Франке Отто [Франке, 1908], немецкий историк, синолог, профессор Колониального института в Гамбурге, который работал переводчиком в Китае. Если подробнее рассмотреть биографии авторов, то среди них можно увидеть и выпускников Казанского университета (например, Ершов М. Н.), Петербургского университета (Кохановский Н. И., Кюнер Н.В., Подставин Г. В., Позднеев А. М., Позднеев Д.М, Рудаков А.В., Цыбиков Г. Ц., Шмидт П. П., Спальвин Е. Г., который на протяжении долгих лет возглавлял «Известия Восточного факультета»). В ходе работы нам удалось выявить наиболее активных отечественных авторов публикаций в «Известиях». Большинство названых авторов принадлежат к выпускникам СПбГУ. Именно они заложили основу для развития востоковедения на Дальнем Востоке.

Таблица. **Наиболее активных отечественных авторов публикаций в** «Известиях»

ФИО автора	Количество опубликованных материалов	Образование
Рудаков Апполлинарий	10	Выпускник
Васильевич		Санкт-Петербургского университета
Кюнер Николай Васильевич	5	Выпускник
		Санкт-Петербургского университета
Спальвин Евгений	6	Выпускник
Генрихович		Санкт-Петербургского университета
Шмидт Петр Петрович	6	Выпускник
		Санкт-Петербургского университета
Кохановский Николай	4	Выпускник
Иванович		Санкт-Петербургского университета
Гребенщиков Александр	3	Выпускник
Васильевич		Восточного института
Мендрин Василий	3	Выпускник
Мелентьевич		Восточного института

Таблица составлена автором по данным библиографического указателя «Известия Восточного Института» (начало XX века): из фондов библиотек Владивостока» (С. 95-145).

«Известия Восточного института» с первых выпусков стали популярными в России и заграницей. Востоковедческие журналы на Западе систематически реферировали «Известия Восточного института». Инициатива по обмену изданиями исходила от зарубежных научных, государственных и учебных заведений [Серов, 1994. С. 27]. Но все изменилось в переломный момент в истории России. В 1920-е гг. положение университета ухудшилось. На это повлияли политическая обстановка и отсутствие финансирования. В связи с этим печатный орган в Государственном Дальневосточном университете, в состав которого в 1920 г. вошёл Восточный институт, был закрыт.

В своем развитии «Известия Восточного института» прошли два этапа: первый этап — с 1900 г. по 1920-е гг., второй — с 1994 г. по настоящее время.

Второй этап в истории журнала начался спустя 70 лет после закрытия печатного органа в 1922 г., когда Ученый совет восточного факультета и ректорат ДВГУ приняли решение о восстановлении издания. Их целью стало создание емкого информационного источника, в котором были бы собраны сведения о прошлом и современном развитии стран АТР.

Возрождение журнала, в первую очередь, связано с необходимостью повышения публикационной деятельности ученых. Воссозданный журнал позволял распространять научные знания и учебно-методический опыт в области востоковедения. Известно, что с начала 1960-х гг. профессорско-преподавательский состав Восточного факультета, а затем Восточного института накопил интеллектуальный потенциал, который нуждался в научном оформлении и распространении через публикации.

Следующая задача, которая ставилась перед возрождаемым журналом — не только опубликовать работы опытных ученых, но и дать возможность молодым преподавателям, аспирантам и студентам поделиться своими наработками в научной и профессиональной деятельности. Работа редакторов с авторами была очень тесной: несколько раз статьи могли отправиться на доработку. Кроме того, возрожденные «Известия Восточного института» задумывались как важнейший источник материалов и научных статей по истории Дальневосточного государственного университета (ныне ДВФУ).

Существенный аргумент в пользу возобновления издания «ИВИ» напрямую был связан с необходимостью повышения статуса дальневосточного университета, одним из компонентов которого выступало наличие в вузе своего научного журнала.

К настоящему времени, т.е. за четверть века, увидели свет 43 выпуска с почти 650 материалами. «Известия Восточного института» являются ценным источником по изучению Азиатско-Тихоокеанского региона. В журнале прослеживается зарождение востоковедения, высшего образования и востоковедческой науки на российском Дальнем Востоке. Журнал является уникальным источником учебнометодических материалов и исторических данных о странах АТР и Восточном институте.

Благодаря упорному труду, терпению, стараниям редакторов и авторов, поддержке университета журнал достиг определенных высот. Он зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Современные «Известия» доступны в электронной версии на сайте научной электронной библиотеке elibrary.ru и на сайте Дальневосточного Федерального университета.

Данный журнал важен как исторический источник при подготовке диссертационных исследований. Это подтверждают диссертации Благодер Юлии Гариевны «Образ Китая в письменных свидетельствах российских путешественников и дипломатов XVII - начала XX вв.» и Лю Лицю «История вузовского китаеведения на Дальнем Востоке России: конец XIX— начало XX вв.», в которых авторы не раз обращаются к «Известиям».

Библиография

- «Известия Восточного Института» (начало XX века): из фондов библиотек Владивостока: библиографический указатель / Дальневосточный федеральный университет, Научная библиотека; авт.-сост. С. А. Баубекова; науч. ред. О. П. Еланцева, библиогр. ред. Т. В. Поликарпова. — Владивосток, 2018. — 264 с. — Режим доступа: http://elib.dvfu.ru/vital/access/manager/ Repository/vtls:000875285
- 2. Астон, В Г. История японской литературы. Кн. I-V / пер. с англ. слушателя II курса Вост. Ин-та, подъесаула Василия Мендрина С. 163-174.
- 3. Валеев, Р. М. Феномен университетского востоковедения в Казани: истоки и развитие (XIX начало XX вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2005. Т. 147, кн. 2. С. 35-48.
- Еланцева, О. П. Научный журнал «Известия Восточного института»: история становления и развития // Известия Восточного института. 2015. № 1 (25). С. 39-49.
- Кюнер, Н. В. Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен. Вып. 1, ч. І: Статистико-географический очерк Кореи. Ч. ІІ: Экономический очерк Кореи. Отдел І: Сельское хозяйство / Н. В. Кюнер. — Владивосток: Тип. Вост. Ин-та, 1912. — 712 с. разд. паг. — [Известия Восточного Института; т. XLI-XLIII]
- Серов, В. М. Становление Восточного института (1899-1909 гг.) // Известия Восточного института. — 1994. — № 1. — С. 14-36.
- 7. Спальвин, Е. Г. Практические японские разговоры: пособие для изучения простейших форм японского разговорного языка и для введения в японскую письменность. Ч. 1: Японский текст: (на четных страницах в форме китайско-японского смешанного письма канна-мадзари-бун, на нечетных же в форме чисто японского письма каннабун) / Е. Г. Спальвин. Владивосток: Типо-литогр. Вост. Ин-та, 1909. 449 с. разд. паг. [Известия Восточного Института; т. XXVI]
- Спальвин, Е. Г. Японская армия: пособие для изучения важнейших японских военных терминов: Особое приложение к «Практическим японским разговорам». Ч. ІІ: Подстрочный иероглифический словарь / Е. Г. Спальвин. — Владивосток: Типо-литогр. Вост. Ин-та, 1909. — 159 с. разд. паг. — [Известия Восточного Института; т. XXVIII, вып. 2].
- 9. Франке, О. Земельные правоотношения в Китае / разрешенным автором пер. с нем. Под ред., с прим. и доп. Н. И. Кохановского, преподавателя юрид. наук в Вост. Ин-те. Владивосток: Паровая типо-литогр. газ. «Дальний Восток», 1908. 146 с. разд. паг. [Известия Восточного Института; т. XXIII, вып. 1]

Забелина Дарья Андреевна

ДУРАКИ И ШУТЫ В ФИЛИППИНСКОМ НАРОДНОМ ТЕАТРЕ

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет Профиль индонезийско-филиппинская филология 4 курс (бакалавриат) darya zabelina@mail.ru

Daria Zabelina

FOOLS AND CLOWNS IN THE PHILIPPINE FOLK DRAMA

Saint-Petersburg State University Faculty of the Asian and African Studies Major: Indonesian and Philippine Philology 4 year student (B.A.)

Данная статья посвящена комическим персонажам (шутам и дуракам) в филиппинском народном театре. Кратко описана история жанра филиппинского народного театра (комедья) и выявлены его главные жанрообразующие особенности. Далее рассмотрены комические персонажи — пусонги в классической комедья: их имена, поведение, тематика шуток. В конце поднимается вопрос о пусонгах в современных комедья.

The article is dedicated to the comic characters, clowns and fools in the Philippine national drama. There is a brief history of the main genre of the Philippine folk drama — komedya and a list of its genre peculiarities, followed by the description of the comic characters including their names origin and meaning, behavior and jokes focus. At the end there is an examination of the clowns and fools in the modern komedya.

Ключевые слова: театр, Филиппины, шут, дурак, пусонг, комедья, драма. **Key words:** theater, the Philippines, clown, fool, pusong, komedya, drama.

Комические персонажи в филиппинском народном театре — шуты и дураки, называются пусонгами. Слово —рхопд" с тагальского языка можно перевести как 1) —жоун, паяц, шут" 2) — дуговство, фиглярство", 3) — бурассудство, неосмотрительность", 4)—нагость" [Рачков, 2012. С.269]. Комические персонажи были заимствованы из Испании вместе с европейской театральной традицией. Исследование пусонгов невозможно без обращения к жанру комедья, так как только там встречаются эти персонажи.

Комедья (другое название — моро-моро) — это филиппинский драматический жанр, пик популярности которого приходится на период с середины XVIII по середину XIX века. Жанр возник в ходе испанизации, которую проводили колонизаторы Филиппин. Сюжет комедья строится по шаблону — война христиан и мусульман, в которой неизменно побеждают христиане. В качестве антагонистов выступают две влюбленные пары: принц-христиании и принцесса-мусульманка, принц-мусульмании и принцесса-христианка, пьеса заканчивается их свадьбой. Таким образом, комедья была создана как инструмент пропаганды католичества.

Однако этим ее роль не ограничилась, и со временем комедья стала главным драматическим жанром на Филиппинах.

Знакомство филиппинцев с европейской театральной традицией началось с литургических драм религиозных мистерий, посредством которых испанские монахи распространяли и укрепляли новую веру [Fernandez, 1996. С. 12].

Возникновению жанра комедья предшествовало знакомство филиппинцев с испанской комедией. Известно о том, что в 1598 году на Филиппинах была поставлена первая комедия, приуроченная к визиту в Манилу епископа Педро де Агурто [Fernandez, 1996. С.6]. Ее автором был священник-иезуит Висенте Пуче. Согласно Тионгсону, текст был написан на латыни [Tiongson, 1998. С.2], в то время как Дорин Фернандес писала, что текст был на испанском языке [Fernandez, 1996. С.6].

В 1637 году впервые была показана комедийная пьеса на тему победы христиан над мусульманами: «Большая комедия о взятии поселения Корралат и завоевании гор». Постановка была приурочена к победе генерал-губернатора Себастина Иртадо де Коркеэра над султанатом Корралат на острове Минданао, с которым велась война на протяжении двух десятилетий [Fernandez, 1996. С.8]. Несмотря на то, что в «Большой комедии» впервые была поднята тема вражды мусульман с христианами, она еще не была произведением в жанре моро-моро. Ее не стоит считать даже предшествующей данному жанру, так как кроме стихотворного размера, формы и темы вражды мусульман с христианами, других общих элементов нет. Эта комедия была написана на испанском языке и соответствовала всем особенностям испанского драматического жанра. Еще одним важным отличием является то, что в «Большой комедии» в качестве мусульман выступили жители Минданао, то есть Филиппин, в то время как в комедья для этой цели всегда использовались далекие земли, например, Марокко или Турция.

К сожалению, многие комедья, особенно ранние представители этого жанра, не сохранились. Поэтому невозможно установить, когда было создано первое произведение в жанре комедья, а также провести черту, разграничивающую комедию и комедья. [Колтыга, 2017. С.2]. Однако известно, что с середины XVIII по первую четверть XIX века произошел процесс разделения двух жанров комедии на непосредственно саму комедию, то есть на жанр, привезенный на Филиппины испанцами и на ответвившуюся от него комедья [Fernandez, 1996. С.61], обязательными элементами которой были следующие черты:

- Стихотворная организация текста. Существует два размера, которыми пишется комедья. Первый — двенадцатисложник с цезурой после шестого слога, такой размер называется *плоса* [Fernandez, 1996. С.62]. Второй — восьмисложник, называющийся *романс* или *хакира*.
- Наличие сцен баталья, представляющих собой сцены сражения христиан и мусульман. Для этих сцен ставится специальная хореография, включающая большое количество сражений на мечах, копьях. Герои пользуются деревянными мечами, чтобы атаковать противника или, наоборот, парировать его выпады, бой не похож на обычное сражение на мечах, в него включены элементы из арниса де мано⁷⁵и пасодобля⁷⁶.

⁷⁵Арнис или Эскрима — филиппинское боевое искусство. Включает в себя техники рукопашного боя, работу с оружием (бамбуковые палки, ножи). Для арниса характерны пластичность и быстрота, сближение

- Романтические сцены синтахан. Любовь в комедья идеализируется, она оказывается той силой, которая способна преодолеть все запреты и противоречия, существующие между представителями разных конфессий. Возникновение любви является зачином комедья, определяет дальнейший ход событий, провоцирует военные конфликты между государствами, правителями которых являются родители возлюбленных.
- Обязательное появление комических персонажей *пусонгов*, то есть шутов или дураков, которые обычно являлись слугами главных героев [Fernandez, 1996. C.61].

Кроме того, события комедья всегда происходят не на Филиппинах, а в далеких экзотических странах, например, в Турции, Албании или Армении. Текст комедья написан на одном из местных языков, в большинстве своем это тагальский. Комедья — это дидактический жанр. Он призван объяснять, что такое честь, любовь и героизм [Fernandez. 1985. C. 211].

В середине XIX века комедья подверглась критике со стороны наиболее образованных филиппинцев, в том числе илюстрадос⁷⁷, хорошо знакомых с европейским театром того времени. Комедья ругали за напыщенность, варварство и сумасбродность [Mendoza, 1976 C.24].

В 1902 г. Филиппины стали колонией Америки по результатам испаноамериканской войны (1898 г.), что стало причиной серьезных социальнополитических изменений на Филиппинах, во время Второй Мировой войны Филиппины были оккупированы японцами, в 1945 г. была провозглашена независимая республика Филиппины. Из-за столь серьезных изменений жизни на Филиппинах, в XX столетии популярность комедья сошла на нет. Хотя жанр не исчез вовсе, комедья ставилась во многих маленьких городах Филиппин [Tiongson, 1998. С.9]. В наши дни многие ученые и исследователи проявляют интерес к комедья. Так, в 2008 году в рамках празднования столетия Филиппинского Государственного университета, Факультет Гуманитарных наук и литературы организовал первый народный фестиваль комедья. Согласно замыслу декана факультета Гуманитарных наук и литературы, Вирхильо Альмарио, фестиваль был первым шагом в утверждении комедья в качестве национального театра современных Филиппин [Тiatco, 2015. С.43].

Однако вокруг современной комедья ведется много дискуссий. Жанр в своей классической форме не может существовать сейчас из-за того, что многие ценности устарели. Главным образом, речь идет о мусульманском конфликте. С тех пор, как Филиппины стали суверенным государством, правительство страны пропагандирует идеи мирного сосуществования и братства всех народов, проживающих на архипелаге. Тематика войн христиан и мусульман теперь не соответствует политическому курсу Филиппин [Fernndez, 1996. С.70].

на опережение при контратаках, передвижение по треугольной схеме. Де мано — от испанского — demmo" — руками.

⁷⁶Пасодобль - испанский танец, имитирующий корриду, был перенят филиппинцами и впоследствии стал восприниматься как часть местной культуры. С испанского -раsodoble" — двойной шаг. Постановка корпуса в танце соответствует позе матадора, движения можно интерпретировать как битву с быком.

⁷⁷Отисп. Ilustrado «просвещенный», название филиппинской интеллигенции, части местных уроженцев, получивших образование в испанский колониальный период. Илюстрадос составили основу филиппинских движений за обретение независимости и проведение реформ во многих областях жизни.

Как уже говорилось ранее, пусонг — это филиппинский термин, современные исследователи используют его для обозначения комических персонажей в комедья. Так как же идентифицировать пусонга в комедья? В соответствии с европейской театральной традицией список всех персонажей дается в афише. Текст самой комедья писался на местных языках (чаще всего - на тагальском), но афиша и авторские ремарки были на испанском. Поэтому обычно пусонга обозначали испанским словом — bton" (шут), также встречается слово — bton" — украк" потагальски. У пусонгов, как и у других персонажей комедья, были личные имена. Лучший способ дать точную и краткую характеристику персонажу — это говорящее имя, поэтому у пусонгов были самые говорящие и забавные имена [Mendoza, 1976. С.41]. Например, Видадаз (bugasok — бззаботный, небрежный", bogsa — оукрамененый наркотиком") или Talingting (—особая забота, особое внимание"). — Таке имена воспринимались филиппинцами как народные и одновременно забавные" [Мојагеs, 1976. С.58].

Другим важным элементом распознавания в пусонге комического персонажа был его внешний вид, дополнявший образ, создаваемый актером. Поэтому в комедья на роль шутов выбирали либо необычайно низких, либо очень высоких людей. Так же было предпочтительно, чтобы актер имел большое пузо. Актеры должны были быть болтливыми, чтобы не растеряться и умело вставлять фразы, которых не было в сценарии [Mendoza, 1976. С. 41].

Костюмы пусонгов были совершенно разнообразными. Иногда это был —жассический многоцветный комбинезон арлекина или же костюм циркового клоуна" [Меndoza, 1976. С.51], при этом костюм мог иметь только один рукав, что выглядело довольно причудливо, а башмаки быть неправильной формы, из-за чего процесс подъема на сцену и спускания с нее становился очень забавным. Лицо очень сильно напудривали, от чего оно выглядело совсем белым, а губы, наоборот, ярко вырисовывали, что делало мимику еще более выразительной и смешной. Иногда пусонги носили повседневную одежду, но делали это нелепо или неправильно: они могли надеть шорты на брюки, соломенную шляпу с несочетающейся с ней пижамой [Тiongson,1998. С. 21].

Всем персонажам комедья следует сражаться. Пусонги не были исключением. В соответствии с комической ролью, их оружие было карикатурным. Контраст между тем, как воинственно размахивали шпагой пусонги, и тем, что эта шпага представляла собой либо миниатюру настоящего оружия, либо была обрублена, становился еще одной причиной для смеха, как и момент, когда это —насолноценное" оружие вытаскивали из настоящих полноразмерных ножен [Mendoza, 1976. С.52]. Также их оружием могли быть бамбуковые палки, иногда очень длинные или очень короткие, обращаться с ними было неудобно, неловкость, с которой пусонги управлялись с этими палками, также вызывала смех у зрителей [Tiongson, 1998. С.12].

Обычно шуты были слугами главных героев. Они несли еду и вино, занимались чревоугодием, поглощали вино, дрались друг с другом на бамбуковых палках, наряжались в иностранные костюмы, делали вид, что пьяны, гонялись за детьми из зала [Tiongson, 1998. С.12]. Иногда пусонги делали неприличные комплименты дамам в зрительном зале в присутствии их мужей, последним следовало смеяться, несмотря на то, что они могли не находить выходки шутов забавными [Мојагеs, 2010. С.59].

Пусонги были трусливыми, ленивыми, часто выказывали неуважение к происходящему, но одновременно с этим отличались сообразительностью и дерзостью. По ходу пьесы они нередко неожиданно появлялись на сцене и также неожиданно с нее исчезали. Помимо этого, они часто начинали шутить в страшные и грустные, словом, самые напряженные эпизоды [Mendoza, 1976. С.41].

Считалось, что актер, исполнявший роль пусонга, умело справился со своей ролью, если он вызывал смех у публики не за счет того, что вел себя, как круглый дурак, а, наоборот, за счет находчивости и остроумия [Mendoza, 1976. С. 41].

Пусонгам в классической комедии присущ скатологический и вульгарный юмор. Например:

```
-Был бы я
Здешним королем
Я бы приказал отрезать яички жеребцам- охотникам"<sup>78</sup>
[«Винау пд Sigesmundo", 1913. С. 25]
Или же
— У мвя уже в желудке пусто
Я сначала съем
Рис, который я завернул с собой"<sup>79</sup>
[—Внау пд Sigesmundo", 1913. С. 24]
```

Они так же шутливо комментировали события и других персонажей пьесы [Fernandez, 1996. С.9, 64]. Как уже говорилось выше, комедья отличалась чрезмерной напыщенностью, манере игры актеров был присущ пафос. Своим бесцеремонным поведением: прерыванием других персонажей, кривлянием, пародией, пусонги возвращали зрителей из сказочного, экзотического и далеко мира, где, согласно сюжету, происходили события комедья, в реальный мир Филиппин того времени.

Также объектами насмешек становились государственные служащие и другие уважаемые люди, иногда под такими шутками скрывалась жесткая критика общественной жизни, при этом пусонги могли снижать стиль языка, вставлять фразы, которых не было в сценарии [Tiongson, 1998. С. 35]. Так, в 1840 году в городе Санта-Круз должна была быть поставлена комедья для одного из городских праздников, однако накануне события мэру города стало известно, что он сам будет высмеян в постановке за то, каким образом он сажает людей в тюрьму. В результате представление не состоялось, так как актеры были арестованы [Мојагеs, 2010. С.59].

В XIX и начале XX века авторы использовали шутовских персонажей комедьи как средство для того, чтобы осветить социальные и политические проблемы того времени. В качестве основного примера стоит привести пьесу —Оросын и Зафира" Франциско Балагтаса. В ней один из шутов грубо критиковал служащих гражданской гвардии, которые могли запросто подвесить на цепях в тюрьме за руки и за ноги представителей местного населения только за то, что те не имели при себе документов, удостоверяющих личность. Шут также осуждал началь-

71

⁷⁸ Перевод автора.

⁷⁹ Перевод автора.

ников, которые после того, как их выбрали на должность, начинали лениться и не выполняли свою работу [Tiongson, 1998. C.21].

В 1970 году филиппинская исследовательница и родоначальница современного изучения комедья Фелисидад Мендоса в рамках праздника —Театры мира", организованного Филиппинской театральной Ассоциацией, создала комедья —Принцесса Перлита". В ней доктор Мендоса постаралась учесть все самые важные черты классической комедья [Mendoza, 1976. С.190]. Так в пьесе появился и пусонг, названный просто —дурак"80. Этот персонаж часто передразнивает героев пьесы и говорит разные глупости. Однако его шутки нельзя назвать грубыми или вульгарными.

```
—Дурак И что же будет с тобой, коль проиграешь? 
Будешь продавать рыбу в разнос! (Подражает движением (манерам) трех (принцесс), толкается, уходя, смеетя) "81 [Мендога, 1976. С.213], 
—Подождите, подождите, я тоже потанцую! 
Если сравнивать с ними, то Дурак лучше 
(Еще какое-то время смешит зрителей своими дурачествами) "82 [Мендога, 1976. С.213].
```

К сожалению, создатели современных комедья уделяют мало внимания комическим персонажам, иногда вовсе пренебрегая ими. Например, в 1989 году режиссер Джонас Себастьян в Университете Филиппин поставил уже упомянутую комедья —Оросын и Зафира". В своей постановке он хотел сделать акцент на изящность языка, которым писал Балагтас. Себастьян убрал пусонга как такового из комедья, потому что считал его устаревшим и непонятным современной ему публике, юмористические же элементы были вставлены в реплики остальных персонажей [Tiongson, 1998. C.44].

В наиболее новой из известных автору работ в жанре комедья⁸³, — Вубботу у Сэма" Криса Мартинеса, филиппинского режиссера, сценариста и кинопродюсера, только четыре действующих лица — две девушки и два мужчины, комических персонажей там нет.

Тем не менее, пусонг — это жанрообразующий персонаж, обязательный элемент классической комедья. Его отсутствие в современных произведениях комедья можно объяснить сложностями вопроса восстановления жанра. На данный момент комедья не удалось вернуть себе позицию главного театрального жанра на Филиппинах. Создавая новые произведения, каждый автор ищет пути изменения жанра так, чтобы он соответствовал современным запросам и был интересен современному филиппинскому зрителю, в результате на свет появляются отличные друг от друга и от образцов классической комедья произведения. Современная комедья еще не сформировалась окончательно.

Ex oriente lux 213

'n

⁸⁰ Таг. -bobo".

Перевод автора Таг. -bobo".

⁸¹ Перевод автора.

⁸² Перевод автора.

⁸³ Вопрос о жанровой принадлежности данного произведения спорен. Дело в том, что оно не отвечает почти ни одной из классических характеристик комедья. Возможно, что, называя свою пьесу — amedya", автор лишь хотел перевести термин комедия на тагальский язык.

Библиография

Источники:

- 1. Buhay Nang Principe Sigesmundo. Comedia, Manila, 1913.
- Martinez, C. Laugh trip: dalawangkomedya/ C. Martinez. Quezon City: Milflores Publishing Inc., 2006. — 106 p.

Литература:

- Fernandez, D. G. Palabas Essays on Philippine theater history / D. G. Fernandez. Quezon City: ADMU Press, 1996. — 274 p.
- 2. Fernandez, D. G. The komedya: Folk Drama and Total Communication / D. G. Fernandez. Quezon City: ADMU Press, 1985. 218 p.
- 3. Mendoza, F. M. The comedia (moro-moro) re-discovered; with invaluable help and assistance from Andres Arboleda, Jr... / F. M. Mendoza. Manila, 1976. xv, 309 p.
- 4. Mojares R. B. Notes for the production of a Brechtian komedya / R. B. Mojares, Philippine humanities review Vol.11/12.-Diliman, Quezon City: The University of the Philippines Press: College of Arts and letters, 2009/2010. Pp. 53-64
- 5. Tiatco A. P. Entablado: Theaters and performances in the Philippines / A. P. Tiatco. Diliman, Quezon City: The University of the Philippines Press, 2015. xii, 184 p.
- Tiongson, N. G. Komedya / N. G. Tiongson. Philippine theater: history and anthology: Komedya. Quezon City: University of the Philippines Press, 1999. 675 p.
- О. В. Колтыга Фииппинская комедья как пример межкультурного влияния" / Колтыга
 О. В. Межцивилизационные контакты в странах Юго-Восточной Азии: исторические
 перспективы и глобализация. Нестор-история, Санкт-Петербург, 2017. 386 с.
- 8. О. В. Колтыга, Пьеса Франциско Балагтаса Оросман и Зафира" /Колтыга О.В.- магистерская диссертация. СПбГУ, Санкт-Петербург, 2010. 176 с.

Князева Анна Александровна

ФАКТОР РЕЛИГИИ В ПРОБЛЕМЕ СУИЦИДОВ В СОВРЕМЕН-НОЙ ЯПОНИИ

Санкт-Петербургский Государственный университет Факультет международных отношений, кафедра американских исследований 3 курс (бакалавриат) annak111@mail.ru

Knyazeva Anna

RELIGION FACTOR IN SUICIDE IN MODERN JAPAN

St. Petersburg State University School of International Relations, Department of American Studies 3 year student (B.A.)

Перед японским обществом уже более 20 лет остро стоит проблема высокого числа самоубийств, причины которых довольно разнообразны: психологические, экономические, социальные проблемы, проблемы в семье и с противоположным полом. Правительство ведёт активную и достаточно успешную политику по предупреждению сущидов. В статье анализируется, как понимание и восприятие смерти, сформированное синтоизмом и буддизмом, влияет на решение о добровольном уходе из жизни.

The problem of a high number of suicides which reasons are quite various is particularly acute for Japanese society more than 20 years: psychological, economic, social problems, problems in the family and with the opposite gender. The Government has an active and successful suicide prevention policy. The paper analyses how the understanding and perception of death, shaped by Shinto and Buddhism, influences the decision to commit self-slaughter.

Ключевые слова: Япония; суицид; религия; синтоизм; дзэн-буддизм; смерть

Key words: Japan; suicide; religion; Shinto; Zen Buddhism; death

Проблема суицидов остается актуальной для японского общества на протяжении уже более 20 лет. Несмотря на то, что Япония характеризуется высоким уровнем жизни, по числу и уровню суицида современная Япония намного превышает показатели наиболее развитых стран. На данное явление оказало влияние множество факторов, один из которых будет являться ключевым в данной работе, а именно религиозный.

Для начала стоит дать общую характеристику проблемы. Всплеск суицидов произошел в 1998 году, когда число суицидов резко возросло примерно в 1,5 раза (с 22 тыс. до 32, 5 тыс. человек). Эксперты связывают это событие, в первую очередь, с экономическим спадом конца 1990-х - начала 2000-х годов, вызванным кризисом «экономики мыльных пузырей» и проблемами на рынке труда [Квашис, 2017, С.81].

По данным Всемирной организации здравоохранения [11], в 2016 году в Японии в результате самоубийства погибло 23,532 тыс. человек. По данным же веб-

сайта Nippon.com с отсылкой на «Статистику самоубийств» Полицейского управления Японии [2], в 2018 году число самоубийств составило 20,598 тыс. человек, то есть достиг показателя начала 90-х годов. В целом отмечается позитивная тенденция к снижению числа самоубийств.

Стоит отметить основные характерные черты суицидов как явления в Японии. Во-первых, категорией людей, чаще всего совершающих самоубийства, являются мужчины трудоспособного возраста (старше 40 лет), при этом в мире в целом самоубийства наиболее распространены среди молодежи и женщин. По статистике за 2016 год доля возрастной группы от 19 до 39 лет составляла 24,4%, а среди лиц в возрасте старше 40 лет — 69,6%. Во-вторых, особое внимание привлекает то, что самой распространенной причиной ухода из жизни (52,3% случаев) являются проблемы со здоровьем (чаще всего депрессии и болезни мозга). Далее следуют экономические и бытовые проблемы (17,7%), проблемы в семье (15,7%), проблемы на работе (9,3%), отношения с противоположным полом (3,5%) [10].

Также к суицидам относят такое явление как «кароси», или смерть от переутомления. В Японии самоубийство, вызванное переутомлением на работе, признано несчастным случаем на производстве, влекущим страховые выплаты. Правительство и частные компании активно борются с переработками. Так ряд компаний устанавливают максимальное число часов сверхурочной работы и устраивают «дни без переработок».

Говоря в целом о мерах борьбы с суицидами, стоит отметить, что в 2006 году Правительство Японии (первой из стран, входящих во Всемирную Организацию здравоохранения) приняло «Основной акт по предотвращению самоубийств», предусматривающий комплекс профилактических мер. Целью было за 10 лет уменьшить число самоубийств на 20%. Эти цели были перевыполнены: в 2016 г. показатели суицида приблизились к значениям 1990-х годов. Поэтому в июле 2017 г. правительство приняло «Новые руководящие указания по предупреждению самоубийств», в соответствии с которыми к 2026 г. планируется их дальнейшее снижение — за 10 лет как минимум на 30% [Квашис, 2017. С.82].

Рассматривая причины данного явления, стоит отметить значимую роль религии, ведь именно она формирует картину мира человека, в том числе его понимание и отношение к жизни и смерти. По данным на 2016 год, в Японии насчитывалось 84,7 млн синтоистов, 87,7 млн буддистов. Прибавив к этому 9,8 млн японцев, исповедующих христианство и другие религии, то получившееся число (182,2 млн) превышает фактическую численность населения Японии примерно на 40% [7]. Данное явление связано с особенностью исторического развития и сосуществования двух ключевых для Японии религий — синтоизма и буддизма школы дзэн. Рассмотрим их более подробно.

Самой древней религией в Японии является синтоизм (букв. «Путь богов»). В отличие от мировых религий — христианства, буддизма и ислама, здесь отсутствует основатель. Этот факт приводит к тому, что синтоизм воспринимается как стиль жизни.

Синтоизм основан на анимистических верованиях японцев и поклонении множеству божеств «ками». Считается, что «ками» - это духовная сущность, которая находится внутри материальных объектов (камней, деревьев) или является духом конкретной местности. Особыми проявлениями «ками» являются души умерших. «Ками» незримо сосуществуют с людьми, оказывая влияние на их поведение, мысли и чувства. Также «ками» оказывают значительное влияние на ми-

ропорядок в целом [Романова, 2017. С.197]. Основной же целью жизни человека, согласно синтоистским традициям, является гармоничное сосуществование с природой, в том числе и с «ками».

Говоря о синтоистском понимании смерти, стоит отметить, что, в отличие от Китая, в котором более всего ценилось долголетие и бессмертие, у японцев эта религия воспитывала любовь ко всему недолговечному. Во многом это связано с особыми природными условиями, когда природный катаклизм мог в один миг лишить человека всего, что он имел. Более того, в синтоизме изменчивости придается настолько сакральный смысл, что даже храмы в определенное время принято полностью перестраивать.

Примечательной особенностью является то, что по синтоистским традициям не принято хоронить усопших на территории храма. Сами священнослужители связывают это с тем, что в храме происходит только служение «ками» и для погребения на территории храма не предусмотрено места.

В связи с тем, что, как говорилось выше, «ками» в виде душ умерших предков живут среди людей, а также тем, что в синтоизме понятия добра и зла относительны [Кукина, 2017. С.115], как такового загробного мира или Ада в синтоизме не существует. Тем не менее, смерть воспринимается так трагедия, и японцы, как и все люди, ее боятся. Исследователи сходятся во мнении, что страх смерти заключается не в самом факте, а в ее ритуальной нечистоте (так, например, серьезно больным людям не разрешается посещать храмы). Однако для того, чтобы нейтрализовать этот страх, они наполняют свою жизнь весельем и радостью, которыми сопровождаются, например, свадьбы и или фестивали при храмах («мацури»).

Помимо синтоизма, огромное влияние оказывает дзэн-буддизм, который начал проникать в Японию с материка приблизительно в V — VI веках. Термин «дзэн» обычно характеризуют как освобождение и очищение разума [Ипатов, 2017. С.36], что можно трактовать как освобождение и очищение ума от оков мира страданий, иногда через аскезу и всевозможные отречения.

В буддизме присутствуют привычные европейцам рай и ад. Однако душа человека не находится там вечно, а лишь до тех пор, пока не исчерпает свою карму. В связи с этим, в отличие от синтоизма, в буддизме существует тщательно разработанный ритуал похорон, призванный обеспечить душе легкое путешествие.

Согласно древнеиндийским буддийским трактатам, смерть, наряду с рождением, старостью и прочим, является основной характеристикой мира страдания. Однако смерть в контексте буддизма не демонстрируется как трагедия, а воспринимается одновременно как конец, и как начало. Таким образом, само негативное восприятие смерти не исчезает, однако оно предстает неотъемлемой частью человеческой жизни.

Основным инструментом избавления от страха смерти, по мнению буддистов, считается изменение восприятия смерти в целом. Последователи буддизма стремятся достичь просветления, то есть состояния, при котором полностью исчезает страх смерти, и конец физического существования перестает иметь существенное значение. Очень часто великие буддистские учителя, чувствуя приближение смерти, дают наставления своим ученикам, стараясь подчеркнуть этим отсутствие разницы между жизнью и смертью [Ипатов, 2017. С.36].

Особого внимания заслуживает то, как трактуется смерть в кодексе самурая «Бусидо». Настоящий самурай, как последователь дзэн-буддизма, должен был не

страшиться смерти и всегда быть к ней готовым. Считалось, что «чем дольше самурай будет помнить о смерти, тем дольше он будет исполнять долг верности и хранить семейный долг» [Богомазова, 2013. С.5]. В связи с этим самураи стремились жить здесь и сейчас, всегда помня о смерти, что исключало совершение неблаговидных поступков [Клири, 2001. С.34].

В контексте данной темы невозможно не упомянуть о таком ритуале, как «сэппуку» (букв. «вспарывание живота»), или, как чаще всего этот термин можно встретить на Западе, «харакири» (более просторечное). Этот ритуал ярко демонстрирует систему приоритетов самурая, ведь к этому ритуалу прибегали в случае, если была затронута честь самого самурая или его хозяина - даймè, а также в знак верности ему. Тем самым воин демонстрировал мужество перед лицом страданий и смерти и чистоту помыслов. Женщины из самурайских родов также совершали ритуальное самоубийство, однако посредством перерезания горла или удара в сердце. Последний акт сэппуку был совершен в 1970 году известным японским писателем Мисимой Юкио — ярого сторонника идеалов Бусидо.

Самураи, как наиболее образованный и влиятельный класс, являлись образцом для гражданского населения. В этой связи вполне естественно то, что они также придавали особое значение добровольному уходу из жизни. Существуют разные виды самоубийств (в зависимости от ситуации), например, «дзюнси» или смерть вослед, совершаемая в случае потери важного человека (суверена, супруга, ребенка), или же «инсэки-дзисацу», самоубийство вследствие осознания своей ответственности за случившееся (например, в случае совершения серьезной ошибки).

Некоторые подобного рода самоубийства имеют место даже в послевоенной Японии. Так, в 1985 году большой резонанс на западе получила попытка живущей в США японки, после измены мужа, совершить самоубийство вместе с ребенком. Женщина выжила, но ребенка спасти не удалось. Такой вид самоубийства называют «синдзю», или самоубийство по сговору. Чаще всего совершается влюбленными из—за невозможности быть вместе («дзеси») или всей семьей («иккасиндзю»). Подобные случаи подвержены романтизации и находят отражение в искусстве, чаще всего в театре (трагедия «Самоубийство влюбленных на Острове Небесных Сетей» Мондзаэмона Тикамацу для кукольного театра бунраку), литературе (повесть «Исповедь «неполноценного» человека» Дадзая Осаму) и кинематографе (фильм по произведениям Мисимы Ю. «Меч» режиссера Мусуми Кэндзи) [3].

Возвращаясь к разговору о религии, стоит отметить, что в современном японском обществе она продолжает играть значимую роль, несмотря на то, что многие японцы называют себя нерелигиозными. Это связано, в первую очередь с тем, что религия и религиозные обряды воспринимаются как неотъемлемая часть повседневной жизни [8]. Также стоит отметить, что для Японии характерно смешение религиозных течений. Приход буддизма в Японию не привел к кровопролитным религиозным войнам. Синтоисты восприняли Будду как «ками», а последователи буддизма рассматривали «ками» как воплощения Будды. Таким образом, большинство японцев не воспринимают синтоизм и буддизм как отдельные религии, и каждой из них отведено свое место в их жизни.

Итак, после проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Проблема самоубийств продолжает остро стоять перед японским обществом, что тормозит его развитие. Причины этого явления разнообразны: психологические,

социальные, экономические проблемы. Благодаря мерам Правительства наблюдается положительная тенденция к уменьшению числа суицидов. При этом религия играет в этом явлении не последнюю роль. Именно синтоизм и дзэн-буддизм как основные религиозные течения формировали отличное от европейского понимание смерти, суть которого заключается в том, смерть — это неотъемлемая часть жизни, в связи с чем японцы не пытаются ее избежать. Также это приводит к тому, что самостоятельный уход из жизни не осуждается, а в некоторых случаях считается показателем благородства и силы духа. Несомненно, такое отношение к суициду негативно сказывается на проблеме в целом.

Библиография

- 1. Богомазова, Н.Л. Отражение философии кодекса чести «Бусидо» в японском менталитете: традиции и современность / Н.Л. Богомазова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. №1. С. 3-9.
- В Японии отмечен рекордно низкий коэффициент самоубийств с момента начала сбора статистических данных в 1978 году [Электронный документ]. - URL: https://www.nippon.com/ru/features/h00381/. Проверено 6.11.2019.
- Егорова Т.В. Мотив самоубийства в японской литературе, на примере повести Осаму Дадзай «Исповедь —неолноценного" человека» // Современный дискурс-анализ [Электронный документ]. — URL: http://discourseanalysis.org/ada23/st252.shtml. Проверено 6.11.2019.
- 4. Ипатов, А.М. Традиционные представления японцев о смерти / А.М. Ипатов // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 33-42.
- 5. Квашис, В.Е. Самоубийства и убийства в современной Японии (к проблеме взаимосвязи тенденций) / В.Е. Квашис, И.М. Настуев // Общество и право. 2017. №4. С. 81-86.
- Кукина, О.С. Духовное наследие синтоизма в контексте современности / О.С. Кукина // Философия времени: онтологические начала и ценностные дискурсы: сб. тр. Всерос. конф. — Саратов, 2017. — С. 114-118.
- 7. Религии в Японии: количество верующих на 40% превышает количество населения [Электронный документ]. URL: https://www.nippon.com/ru/features/h00226/. Проверено 6.11.2019.
- 8. Романова, М.И. Синтоизм в современной Японии / М.И. Романова, К.Ю. Титов // сб. тр. науч.-прак. конф. ТОГУ, Хабаровск. 2017. С.197-202.
- 9. Симадзоно, С. Японцы и религия: «нерелигиозность» и «подобие религии» [Электронный документ]. URL: https://www.nippon.com/ru/in-depth/a02901/ . Проверено 6.11.2019.
- Такахаси, Ё. Самоубийства: факты и причины [Электронный документ]. URL: https://www.nippon.com/ru/currents/d00266/. Проверено 6.11.2019.
- 11. Suicide rate estimates, crude. Estimates by country [Electronic resource]. URL: http://apps.who.int/gho/data/node.main.MHSUICIDE Accessed at 6.11.2019

Лунева Александра Игоревна

ЯВАНСКИЙ МИФ О БОГИНЕ ЮЖНОГО МОРЯ НЬЯИ РОРО КИДУЛ

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова Институт стран Азии и Африки, кафедра филологии Юго-Восточной Азии, Кореи и Монголии 2 курс (магистратура) yatagai.rohler@gmail.com

Luneva Alexandra

JAVANESE MYTH ABOUT GODDESS OF THE SOUTHERN OCEAN NYAI RORO KIDUL

Lomonosov Moscow State University Institute of Asian and African Studies, Department of Southeast Asia, Korea and Mongolia Philology 2-year student (M.A.)

В статье рассматривается два наиболее известных мифа о яванской морской богине Ньяи Роро Кидул. На основе структурных элементов мифов сделана попытка отследить генезис этого персонажа от древнего хтонического божества, персонифицировавшегося в образе змеи, до героини современной популярной культуры.

The article discusses the two most popular myths about the Javanese sea goddess Nyai Roro Kidul. Based on the structural elements of myths, was made an attempt to trace the genesis of this character from an ancient chthonic deity personified in the form of a snake to the heroine of modern popular culture.

Ключевые слова: Ява, Индонезия, мифология Юго-Восточной Азии, Ньяи Роро Кидул, кеджавен, яванская мифология

Key words: Java, Indonesia, Southeast Asian mythology, Nyai Roro Kidul, kejawen, Javanese mythology

Яванский мифо-ритуальный комплекс

Яванцы, населяющие Запад и Восток острова Ява, являются самой многочисленной этнической группой Индонезии. На территории страны их численность составляет около 85 млн. человек. К Яванскому миру, как культурно-языковому ареалу, также относятся сунданцы (Западная Ява) и мадурцы (населяющие небольшой остров Мадура к Северо-Востоку от Явы). Вместе с яванцами их численность составляет около 150 млн. Яванская культура уходит корнями в глубокую древность, литература на яванском языке раньше всех появилась на территории будущей страны Индонезии. В зависимости от этнической группы в традициях и культуре существуют различия, однако их вариативность не так велика. Сегодня центрами яванской культуры являются два города бывшего царства Матарам (1588-1681): Джокьякарта и Суракарта.

В религиозном плане Ява уникальна и не имеет аналогов в мире: из-за последовательных волн культурно-религиозного влияния (индуизма, буддизма, ислама и христианства) у яванцев сложился особый синкретический комплекс религиозных верований. Официально большинство яванцев исповедуют ислам (первые свидетельства о чèм — XI в. 84, основное время распространения — рубеж XV-XVI вв.), однако среди них также встречаются как христиане (протестанты и католики), так и буддисты, индуисты. В общих чертах ислам на Яве можно разделить на «традиционный», «суфийский», «мистический», «либеральный», «синкретический» для одной части общества, и «модернистский», «чистый», «пуританский» для другой.

В этих условиях яванский фольклор сохраняет истории о духах, призраках, местных богах. Эти верования получили название кеджавен (от яв. *Jawa/Jawi* — «Ява»); оставаясь мусульманами, многие яванцы по сей день следуют мистике кеджавен, что также хорошо гармонирует с государственной идеологией (*Pancasila*), согласно которой ислам не является государственной религией.

Кеджавен как религия (agama Jawa) — это смесь индо-буддийских, тантрических, суфийских и древних анимистических влияний.

Богиня Южного моря **Ньяи Роро Киду**л (яв. «госпожа-дева Юга») является одним из самых многогранных персонажей яванского мистицизма. «Ньяи» означает «госпожа», «Роро» трактуется двояко — «дева» по-староявански и «горе, печаль» по-новоявански. «Кидул» в яванском языке имеет значение «юг; южный» [Фролова, 2012. С.76]. Особенно сильно культ Ньяи Роро Кидул развился вместе с распространением ислама на Яве. Мифы, посвященные этой богине, имеют крайне смешанные и разносторонние корни. Существует два магистральных мифа: о еè происхождении от бросившейся в море сунданской (западнояванской) принцессы и о любовных отношениях богини с принцем Сенопати (1586-1601), основателем царства Матарам на Центральной Яве в XVI веке, о чем упоминается в хрониках «Бабал Танах Лжави» (яв. Babad Tanah Jawi — «История яванской земли»). Это общее название для огромного количества рукописных хроник, написанных на новояванском языке. «Бабад Танах Джави» является одним из немногих источников индонезийских легенд, которые ученые используют, чтобы осветить аспекты распространения ислама в Индонезии из-за нехватки первичных источников [Ricklefs, 1991. Р.9-10]. Ещѐ одним источником, в котором упоминается Ньяи является хроника «Серат Чентини» (яв. Serat Centini — Книга Ченти-

В фольклоре существует разграничение понятий «мифа» и «сказки», а также точки их соприкосновения. «Сказка обычно трактуется как явление чисто художественное, а в мифе неразличимы элементы бессознательно-поэтические, зачатки религиозных и донаучных представлений, часто имеются следы связи с ритуалами» [Мелетинский, 1998. С.284]. Тем не менее на практике сложно понять, как именно и на каком конкретно этапе своего жанрового генезиса миф становится сказкой. Различные гуманитарные науки обращаются к материалам этих «мифологических сказок». Разнящиеся мнения учѐных создают ещѐ большую путаницу в и без того сложной теории разграничения мифа и сказки.

Ex oriente lux 221

Q

⁸⁴ «Старейшие свидетельства присутствия мусульман на острове относятся еще к XI веку: в местечке Леран на Восточной Яве находится могила с надгробием, датируемым 1082 годом» [ван дер Молен, 2012. С.116].

Тем не менее, зачастую в фольклоре миф и сказка перемешаны. Мелетинский указывает, что «первобытный миф принципиально этиологичен и принципиально повествователен. События давно прошедших времен первотворения оказываются своеобразными "кирпичиками" мироустройства. Поэтому противопоставление мифа и сказки как относящихся к разным сферам - "мировоззрения" и "повествования" — несостоятельно» [Мелетинский, 1998. С.287]. Поэтому для изучения фольклора Нусантары используется термин «мифологическая сказка».

Сунданская сказка

У сунданцев (Западная Ява) существует легенда, по своей структуре больше напоминающая волшебную сказку. В ней Ньяи Роро Кидул, как правило, фигурирует под именем Деви Кадита (Кандита) и считается дочерью правителя западнояванского королевства Паджаджаран (1482-1579). Элементы мифа о превращении принцессы в могущественную богиню разнятся. Самым распространенным считается более поздний вариант: из-за проклятия завистливой мачехи/сводной сестры прекрасная принцесса заболела проказой, что вынудило ее покинуть дворец и принять аскезу (сказочная оппозиция мачеха — падчерица указывает на деградацию мифа до волшебной сказки). Либо же принцесса отказывала слишком многим женихам, и отец в сердцах отослал ее прочь. Так или иначе, проведя в аскезе в лесу какое-то время, она оказалась на скале с видом на Южное море (имеется в виду Индийский океан). Отчаявшись обрести былую жизнь, она бросилась в темные глубины океана, где была принята духами и стала прекрасной королевой Южного моря. По другой версии, ее звал в пучину таинственный голос, за которым она последовала [Wessing, 1997. Р. 102].

В каждой версии сказки отправной точкой сюжета является изгнание принцессы. Приняв в лесу аскезу, она становится отрезана от всего остального общества, что символизирует еè социальную смерть. И многие аспекты еè изгнания, такие как кожная болезнь или желание сохранять незамужний статус, ставят принцессу за грань принятых общественных норм. [Jordaan, 1984. Р.320]. Пренебрегая которыми, намеренно или нет, еè изгоняют, то есть она переносится из сферы жизни людей в сферу жизни сверхъестественного — лес, где постепенно начинается процесс еè очищения, входящий в свою кульминацию в момент, когда принцесса бросается в море. Она обретает силы, новый статус и власть, но уже не в мире живых, утерянный с еè изгнанием из королевской семьи баланс восстанавливается.

Ньяи и власть

Яванский вариант мифа о Ньяи Роро Кидул ведèт своè начало из XVI в. и является, пожалуй, самым известным сюжетом о Ньяи на Яве, до сих пор циркулирующем в устной передаче. Главным структурным элементом мифа является встреча богини с Сенопати, основателем Матарама. Этот миф подробно описан в хрониках «Бабад Танах Джави». Будущий правитель, стремясь создать новое государство, предавался аскезе на южном побережье Явы. Его медитации были столь активны, что океан начал бурлить и пениться. Это встревожило королеву духов, и она вышла на поверхность, чтобы узнать в чèм дело. Сенопати поведал прекрас-

ной Ньяи о своих желаниях, и она пообещала помочь ему одержать победу. Затем хроники описывают путешествие Сенопати в подводный дворец богини, где он провел три дня и три ночи, после чего вернулся на поверхность, обученный править государством и умеющий руководить армией духов, вверенных ему богиней. Эта часть мифа является мифологической универсалией: герой совершает путешествие в мир мертвых (подземное или подводное царство), возвращаясь оттуда живым и невредимым, он побеждает смерть и проходит обряд инициации. В обмен на власть над Явой богиня просит, чтобы Сенопати, а также все его потомки, вступали с ней в брак. Несмотря на то, что Сенопати является мусульманином, что неоднократно упоминается в тексте, он соглашается на подобные условия сделки и получает власть над Явой.

Учитывая тот фактор, что в культурно-религиозной и идеологической жизни яванских государств до и во времена доминанты индо-буддийских течений заметно присутствовал шаманизм, учение о магической энергии кесактен (от санскритизма sakti — «сила») приобрело ритуальную форму.

Шаманский подход к концепции силы, власти и харизмы сохранился и по сей день. И обретением сакти озабочены многие яванские правители, в числе которых и современные политики. Именно поэтому молодому правителю Сенопати было так важно заверить яванцев в том, что он несмотря на то, что исповедует ислам, всè ещè является носителем сакти. Развернув обширную «пиар компанию» своих отношений с местной богиней, он легитимизировал своè право занять трон. Это подтверждает предположение автора, что в XVI веке почитание богини моря уже было распространено.

Змея и золото: Ньи Блоронг

Тем не менее, богиню связывают не только с еè функцией передачи власти. Истоки почитания Ньяи Роро Кидул не совсем ясны. Существуют свидетельства о более древнем происхождении этого образа, поскольку есть общий австронезийский вариант мифа об основателях новых государств, которые вступают в брак с принцессами, найденными в бамбуке или появляющимися волшебным образом из морской пены. Так, в мифологии бугийцев и макасарцев с острова Сулавеси есть легенда о происхождении из волн жены верховного бога. Однако именно о культе богини, берущем своè начало в древности, невозможно говорить, не упомянув Ньи Блоронг, ещè одного персонажа яванского мистицизма.

«Книга Чентини» (Serat Centini) упоминает, что прекрасная Ньи Блоронг является дочерью Рату Ангинангин (в тексте сказано, что она и есть королева Южного Моря). Она вышла замуж за гигантского змея по имени Джака Лилунг [Ranggasutrasna, 1981. Р.70-71]. Также есть версия, что Ньи Блоронг — это имя Ньимас Деви Анггатари, дочери Ньимас Деви Анггисты, младшей дочери одиннадцатого короля Чарингин Курунг, что отличает еè от Ньяи Рату Кидул. Образ Ньи Блоронг и связанные с ним мифы очень известны в яванской среде. Есть несколько различных версий того, какое место этот персонаж занимает в локальной системе верований. Чаще всего считается, что Ньи Блоронг — это принцесса, жившая во дворце на берегу Южного моря и обладавшая огромной мистической силой сакти. Во время полнолуния она предстает в облике прекрасной девушки, но с уменьшением луны постепенно принимает форму огромной призрачной змеи

(ular siluman). Она многие тысячелетия предавалась аскезе (bertapa), чем заслужила титул любимицы Ньяи Роро Кидул (иногда еè даже считают дочерью богини) и место во главе войска подводного мира духов.

Ей также было поручено вводить людей в заблуждение, чтобы заставлять их заключать с ней сделку. Основной функцией этого персонажа является наделение богатством того, кто решится провести кровавый ритуал песугихан (яв. pesugihan) и отдаст Ньи Блоронг человеческую душу в обмен на золото. Согласно правилам, сначала Ньи Блоронг всегда предлагает отказаться от задуманного и не сердится, если человек решит отступиться. Затем в качестве компенсации за богатство в мире живых проситель вынужден пообещать отдать свою или любую другую человеческую душу (tumbal) в рабство духам Южного моря, которые будут издеваться над этой душой до конца времен. Согласно условиям договора, полученное богатство также проклято и будет насылать несчастья на всех потомков человека, заключившего контракт. Отдав свою душу, проситель вступает в сексуальный контакт с Ньи Блоронг, после чего она принимает форму девушки со змеиным хвостом, с которого стряхивает золотые чешуйки: они и есть обещанное богатство. Ньи Блоронг, заключающая сделки с простыми людьми, это, своего рода, версия «Ньяи Роро Кидул для бедных», потому что сама королева Южного моря заключает слелки только с представителями нарского рода, претендующими на трон.

Как и Ньяи Роро Кидул, Ньи Блоронг любит зелѐный цвет и часто изображается в зелѐных одеждах. Обычно еѐ фольклорный облик — это прекрасная девушка с золотым змеиным хвостом вместо ног. Неизвестно, как Ньи Блоронг приобрела такую внешность, однако некоторые исследования утверждают, что такой образ является своего рода мифологическим противопоставлением прекрасной девушки и смертельно опасной змеи, что подчѐркивает еѐ двоякую сущность, так как она часто сбивает людей с праведного пути, искушая богатством.

Будучи полководцем подводной армии духов, Ньи Блоронг, с одной стороны, является защитником и стражем царства богини Южного моря, а с другой - ответственна за пополнение войска. Из этого следует, что она также переправляет души заключивших с ней контракт в подводный мир, играя роль «яванского Харона».

Змеиная богиня

Приведѐнные факты позволяют сформировать предположение о том, что Ньи Блоронг и Ньяи Роро Кидул — разные версии одного персонажа, каждая из которых выполняет свою отдельную функцию. Скорее всего, в древности существовал культ хтонического женского божества, ассоциировавшегося у яванцев с морем, луной и змеями. Подтверждение связи с местным мифологическим субстратом встречается в работах антропологов: например, у кхмеров и чамов божество океана персонифицировалось в образе змеи [Brakel. 1998. P.259]. Можно сделать вывод, что мифы о морской богине демонстрируют более древние слои генезиса.

Основой природы богини является еè дуальность. Она властвует над жизнью и смертью, ассоциируется с мраком подземного мира, но в то же время еè расположение обеспечивает процветание всему живому. Такая двойственность проявляется и в характере богини, она непредсказуема и никому не подчиняется, как

сам океан, но обеспечивает благосостояние и защиту тем, кому благоволит. Как и еè расположение к людям, внешний вид богини бесконечно меняется. Когда луна слабеет, она предстаèт уродливой старухой, а когда перерождается, вновь становится прекрасной девственницей. Поэтому еè символ-зооморф — змея, которая сбрасывает свою кожу. Отчасти поэтому змеи, которые чаще всего ассоциируются с «нижним миром», являются постоянными спутниками богини. Как в целом во всей Южной и Юго-Восточной Азии, на Яве существует тесная связь между правителями и хтоническими существами, часто в форме змей, обеспечивающими их право на власть, а также связь между змеями, земледелием и плодородием.

И хотя сейчас богиня, по большей части стала персонажем игр для мобильных телефонов (Mobile Legends) и детских сказок, по сей день в некоторых прибрежных городах сохраняются традиционные запреты на зеленый цвет одежды, потому что это любимый цвет богини, а в некоторых отелях ей отведены специальные вечно пустующие комнаты, драпированные зеленым, в которых постоянно обновляются подношения.

Библиография

- 1. *Brakel, C.* Sandhang-pangan for the Goddess. Offerings to Sang Hyang Bathari Durga and Nyai Lara Kidul // Asian Folklore Studies, vol. 56, 1997, p. 253-283.
- 2. *Jordaan, R.E.* The mystery of Nyai Lara Kidul, Goddess of the Southern Ocean // Archipel, vol. 27, 1984, p. 99-116.
- Ranggasutrasna, Ng. Centhini: Tambangraras-Amongraga / Ng. Ranggasutrana Jilid I, 1991, hal. 70-71.
- Ricklefs, M.C. A History of Modern Indonesia since 1300 / M.C. Ricklefs 2nd Edition, 1991, p 9-10.
- Wessing, R.A. Princess from Sunda. Some aspects of Nyai Roro Kidul // Asian Folklore Studies, vol. 56, 1997, p. 317-353.
- 6. Wessing, R.A. Spirits of the Earth and Spirits of the Water: Chthonic Forces in the Mountains of West Java // Asian Folklore Studies, vol. 47, 1988, p. 43-61.
- 7. Ван дер Молен, В. «Двенадцать веков яванской литературы». Обзорный курс / В. Ван дер Молен Издательство СПбГУ, пер. А. К. Оглоблина, 2016, с. 216.
- 8. *Фролова, М. В.* Яванская мифология в современном индонезийском романе Буди Сарджоно "Ньяи Роро Кидул богиня Южных морей" // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2012, с. 76–81.

Мазеина Мария Вячеславовна

ОБРАЗ МИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ОММЁДО В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Уральский Федеральный университет Факультет международных отношений, кафедра востоковедения 4 курс (бакалавриат) mariia.mazeina@yahoo.com

Mazeina Mariia

MYSTICAL PRACTICE ONMYOUDO IN JAPANESE MODERN CULTURE

Ural Federal University
Faculty of International relationships, Department of Oriental Studies
4 year student (B.A.)

Аннотация: В статье проанализирован образ японской мистической практики Оммедо в произведениях современной культуры. Особенное внимание уделено изображению ритуалов, духов-помощников сикигами, а также фигуры легендарного оммедзи Абэ-но-Сэймэя. Сделана попытка выявить причины популярности темы Оммедо в современной культуре и возникновения популярных вариантов интерпретаций классических образов.

Abstract: The paper analyzes Japanese mystical practice Onmyoudo in modern Japanese culture. The paper especially focuses on portraying rituals, conjured beings shikigami and legendary onmyouji Abe no Seimei. The author also tries to follow the reasons of popularity of Onmyoudo in modern culture and the origins of common interpretations of classic images.

Ключевые слова: японская культура, Оммедо, оммедзи, сикигами, Абэ-но-Сэймэй **Key words:** Japanese culture, Onmyoudo, onmyouji, shikigami, Abe-no-Seimei

В V — VI веках в Японии под влиянием даосизма и буддизма, а также синтоизма и местных верований сформировалась уникальная система мысли и оккультных практик Оммеро. С учреждением государственного ведомства Оммере, отвечавшего за использование Оммеро во благо страны, кланы оммерзи, т.е. людей, практикующих Оммеро, стали весомой политической силой, а само учение оказывало влияние на многие стороны жизни японцев.

Оммеро было запрещено правительством Мэйдзи в 1870 году как суеверие, и вновь развиваться данная тема начала лишь в конце XX столетия, а в конце XX — начале XXI веков в Японии возник «бум Оммеро» — всплеск интереса к данному учению в художественных произведениях.

Долгое время Оммедо оставалось малоизученной областью японской культуры и истории. Серьезные научные труды на эту тему начали появляться лишь в конце 1980-х годов. Примерно в это же время интерес к Оммедо стали проявлять и авторы художественных произведений.

Профессора М. Хаяси и М. Хайек приходят к выводу, что в каждую эпоху Оммеро имело свою особенную специфику и выделяют 3 группы: придворное

Оммедо, средневековое Оммедо и популярное Оммедо [Hayashi, 2013. Р. 2.]. Последняя категория, о которой и пойдет речь далее, представляет собой синтез традиционного Оммедо и современной культуры, понятный без предварительного изучения. В настоящее время в японской массовой культуре можно проследить влияние Оммедо на многие произведения, однако среди исследователей тема Оммедо в современной культуре только начинает набирать популярность.

Всплеск интереса к тематике Оммедо в художественных произведениях прослеживается с началом публикации серии романов Х. Араматы «Столичная история» в 1985 — 1987 годах. Под впечатлением от своей дискуссии с антропологом К. Комацу о природе мистики в японском фольклоре и книги С. Мураямы «История японского Оммедо» Арамата решил использовать легенду о Тайра-но-Масакадо, политическом деятеле периода Хэйан и перенести еè в настоящее время [Науаshi, 2013. Р. 2.]. В числе основных действующих лиц романа значится семья оммедзи Цутимикадо, потомков легендарного оммедзи Абэ-но-Сэймэя.

Немногим позднее, в 1988 году, свет увидел первый том серии романов «Оммедзи» авторства популярного писателя Б. Юмэмакуры. Роман описывает приключения Абэ-но-Сэймэя и его друга Минамото-но-Хиромасы. Завоевав любовь публики, «Оммедзи» послужил основой для одноименной манги авторства Р. Окано, двух телевизионных сериалов и двух художественных фильмов. Таким образом «Оммедзи» продолжил дело «Столичных историй» и привел к «буму Оммедо» в японской популярной культуре. С тех пор вышли десятки произведений, полностью или частично построенных на теме Оммедо.

Оммедо как мотив в популярной культуре привлекает два вида аудитории. С одной стороны, появление «традиционной японской магии» в современной культуре интересно японским потребителям, для которых Оммедо — это неотъемлемая часть собственной культуры и истории, пускай и забытая на долгие поколения. С другой стороны, экзотический вариант изображения магии пробуждает любопытство у западной аудитории. Несмотря на непривычные магические техники, произведения об оммедзи хорошо ложатся на классический и понятный сюжет о могущественном волшебнике, побеждающем зло, который был известен на Западе задолго до расцвета популярности Оммедо в японской современной культуре.

Также, по мнению исследователя Массачусетского университета Лоры Миллер, популярность Оммедо служит некоторой формой эскапизма. Истории об оммедзи переносят в волшебный мир, часто — в эпоху Хэйан, которая считается золотым веком японской истории [Miller, 2014. Р. 40]. Наконец, в Японии традиционно силен интерес к различного рода гаданиям и оккультным учениям.

Очевидно, что та картина, которую мы наблюдаем в современной культуре — это собирательный образ символов, которые у массового зрителя ассоциируются с Оммеро: духи-помощники сикигами, бумажные амулеты, пятиконечные звезды, ограниченный набор ритуалов и, конечно же, образ легендарного оммерзи Абэ-но-Сэймэя, при котором, как принято считать, Оммеро достигло наибольшего расцвета.

Из таких источников, как сборник рассказов сэцува «Рассказы, собранные в Удзи» [пер. Свиридов, 2019] и исторической повести «Великое зерцало» [пер. Дьяконова, 2000] мы можем получить некоторое представление об Абэ-но-Сэймее. Историческая литература воспевает его исключительные проницательность, мудрость и талант в использовании мистических сил. Что касается визуальной передачи, то до наших дней сохранились преимущественно изображения и статуи оммедзи в посвя-

щенных ему храмах, где оммедзи изображается дородным мужчиной средних лет в церемониальных одеждах, типичных для Хэйанской эпохи.

Образ Абэ-но-Сэймэя в современной культуре отличается от исторического. Традицию задал роман Юмэмакуры Баку «Оммедзи» [Юмэкакура, 1988], где Сэймэй выделяется на фоне других действующих лиц по всем возможным параметрам. В первую очередь, Юмэмакура (а вслед за ним — и авторы адаптаций) делает своего героя нечеловечески красивым, и описания его внешности от главы к главе становятся все более и более витиеватыми. Также, хоть автор и не указывает возраста Сэймэя, это уже определенно не мужчина средних лет. Р. Окано, адаптировавшая романы «Оммедзи» в одноименную мангу, в точности следует описаниям Сэймэя, данным Юмэмакурой, и изображает оммедзи утонченным белокожим молодым мужчиной. Это оказало огромное влияние на многочисленных авторов, которые брались за изображение Абэ-но-Сэймэя в своих работах.

Примечательно, что, несмотря на попытки создать образ «японского Мерлина», такая трактовка героя-колдуна идет вразрез с западной традицией изображать могущественного волшебника седовласым старцем. Даже в романах Юки Мицуру «Юный мастер Инь-Янь» [Мицуру, 2001], во время действия которых Абэ-но-Сэймэй уже находится в преклонном возрасте, значительную часть сюжета зритель наблюдает проекцию его души, которая выглядит как Сэймэй в его лучшие годы. Миллер предполагает, что подобное изображение оммедзи связано с необходимостью обеспечить произведениям финансовый успех: герои с приятной внешностью привлекут большую аудиторию, в частности — мощную женскую фанбазу. Об успехе такого подхода свидетельствует то, что в начале двухтысячных годов в синтоистских храмах, посвященных Абэ-но-Сэймэю, стали появляться толпы школьниц, которые воспринимали легендарного оммедзи скорее как кумира, нежели как божество [Miller, 2014. Р. 30].

Что касается характера этого героя, то, в отличие от средневековой литературы, всè не так однозначно. Определенно, Сэймэй предстает харизматичным человеком, резко контрастирующим со своим окружением не только благодаря внешнему виду, но и феноменальным способностям, невероятной мудрости, проницательности и т.д. Несмотря на то, что технически Сэймэй является служащим Оммèрè, он кажется выше формальностей: посещает лишь избранные встречи, не отказывает себе в удовольствии потешиться за счет коллег и ни с кем не советуется по поводу своих действий [Kiejziewicz, 2017. Р. 260].

Однако оммедзи редко изображается как безусловно положительный герой. Зачастую он представляется хитрым и довольно жестоким персонажем. Методы, которыми Сэймэй достигает результата, вызывают сомнения — в случае необходимости оммедзи без раздумий жертвует своими сикигами или окружающими. Источником вдохновения могли послужить легенды о том, что матерью Сэймэя являлась лисицаоборотень кицунэ. Тем не менее, он все же не создает впечатление антигероя.

Из сказанного выше может показаться, что Абэ-но-Сэймэй является ключевой фигурой для современных произведений об оммедо, но это не совсем так. Поскольку действие художественных произведений последних лет главным образом происходят в современное читателю время, Абэ-но-Сэймэй все чаще лишь упоминается в ходе повествования как историческая личность. Кроме того, зачастую Абэ-но-Сэймэй является в той или иной степени предком главного героя-оммедзи. Например, в романах Юки Мицуру «Юный мастер Инь-Янь» [Мицуру, 2001] главному герою он приходится дедом, в то время, как в романах К. Адзано «Токийские вороны»

[Адзано, 2010] и манге Ё. Тамоцу «Оккультные служащие полуночи» [Тамоцу, 2015] Абэ-но-Сэймэй приходится далеким предком основных действующих лиц. Тем не менее, практически каждое произведение, где так или иначе затрагивается тема Оммеро, делает уважительную отсылку к Абэ-но-Сэймэю, явную или скрытую.

Если отвлечься от фигуры Абэ-но-Сэймэя и проследить образ героя-оммедзи в современных произведениях, то в подавляющем большинстве случаев это будет персонаж школьного возраста. Следуя законам жанра «сенэн» (реже — «седзе»), авторы наделяют своих главных героев чертами персонажей типажа «обычный японский школьник», зачастую неудачников и изгоев, которые при помощи упорного труда, следования собственным моральным принципам и поддержки друзей постепенно становятся сильнее и добиваются признания. Оммедзи-подростки сосредоточены на получении новых знаний и умений, что хорошо ложится на типичный для сенэнов сюжет о главном герое, который в начале своего пути ничего не умеет, но тяжелым трудом постепенно прокладывает себе дорогу к силе и славе. Такой выбор продиктован общими тенденциями в массовой культуре.

Не менее важное место занимает и образ духов-прислужников сикигами. В исторической литературе встречаются упоминания антропоморфных и зооморфных форм духов-помощников, а также способность оммедзи превращать своих сикигами в неодушевленные предметы. На свитке «Летопись о плачущем Фудо» Абэ-но-Сэймэй изображен в окружении послушных сикигами в виде уродливых существ гуманоидной формы. Кроме этого, известны описания аморфных сикигами.

Во всех современных интерпретациях духи-прислужники имеют привлекательный вид — как милых зверушек, так и прекрасных молодых людей и девушек. Это также отвечает задаче привлечения большой аудитории.

Иногда, как и в традиционных описаниях, встречаются сикигами негуманоидной формы и сикигами в форме бумажных кукол. Однако, поскольку духи-помощники зачастую выступают в качестве верных спутников и друзей оммедзи, авторы произведений отдают предпочтение гуманоидным формам: таким образом проще показать коммуникацию между персонажами. Кроме того, сохраняются традиционные техники превращения сикигами в различные формы — как в живых существ, так и в неодушевленные предметы, — в зависимости от нужд оммедзи.

Если кто-то из сикигами и имеет в своем облике отсылки к демонической природе (рога, хвосты, звериные уши и т.д.), то это является частью японской эстетики «каваии⁸⁶» и ставит своей целью не обезобразить сикигами, а, напротив, сделать его привлекательнее. С другой стороны, это является прямым указанием на то, что данный персонаж не является человеком. Помимо этого, для того, чтобы выделить сикигами на фоне других персонажей, зачастую духи-помощники изображаются в традиционных одеждах Хэйанской эпохи.

Прослеживается тенденция использования персонажей японского фольклора в качестве сикигами. Особенно ярким примером является игра «Оммедзи», где в качестве духов-помощников выступают самые разнообразные представители японского фольклора, легенд, мифов и т. д.

Другая немаловажная составляющая — ритуалы. Классическое Оммедо представляет собой сложный комплекс ритуалов и практик, изучение которых требует

229

⁸⁵ Сѐнэн — жанр, рассчитанный на мальчиков и юношей в возрасте от младшей до старшей школы. Сѐдзѐ — жанр, рассчитанный на девочек и девушек того же возраста.

⁸⁶ К эстетике «каваии» относится всѐ, что можно счесть милым, прелестным.

длительного времени и знаний в различных сферах. Большое внимание уделялось составлению гороскопов, изучению небесных карт, толкованию знамений, составлению личных запретов и т. д.

В популярной культуре авторы зачастую идут по пути сознательного упрощения. Главная задача этих ритуалов — развлечь зрителя или читателя, но не переутомить и притупить внимание. Как правило, популярные произведения об оммедзи ограничиваются двумя типами ритуалов: хэнбаи (защита от злых духов) и тсуина (экзорцизм) [Кіејгіеwісz, 2017. Р. 262]. Важное место занимают боевые заклинания. В большинстве случаев, арсенал оммедзи представлен классическим набором: бумажные амулеты, сикигами, распространенные мантры и возможность делать предсказания. Редкое произведение обходится без различных интерпретаций пентаграммы в виде пятиконечной звезды, также называемой колокольчиком Сэймэя. Одним из главных символов Оммедо также являются бумажные амулеты *о-фуда*. Для активации заклинаний оммедзи складывают пальцы в определенную печать. Помимо этих практически обязательных атрибутов, некоторые авторы прибегают к менее распространенным способам визуализации — например, к изображению буддийских сутр прописью.

Изучение небесных карт, предзнаменований, составление гороскопов и прочая «бумажная» работа либо не упоминается вовсе, либо остается за кадром.

Зачастую изображение ритуалов модернизируется авторами для большей зрелищности и визуальной привлекательности и иногда не имеет ничего общего с классическими вариантами. Авторы произведений используют классические ритуалы Оммедо как отправную точку и могут свободно изменять их, соединять между собой и добавлять собственные изобретения [Kiejziewicz, 2017. P. 261].

Несмотря на значительное искажение и упрощение образа Оммедо в современной культуре, его можно назвать важным способом сохранения практически вымершего традиционного учения. После реставрации Мэйдзи и послевоенного периода немало традиционных практик и учений Японии были утрачены, и на данный момент правительство Японии старается их восстановить. Однако едва ли можно ожидать, что современные люди начнут массово изучать оккультную практику, но благодаря массовой культуре почти исчезнувшая часть японских культуры и истории будет сохраняться и не предастся забвению окончательно.

Библиография

- 1. Адзано, К. Токийские вороны: Гнездо ворона /К. Адзано/ Токио: Кадокава, 2010. 333 с.
- 2. Мицуру, Ю. Юный мастер Инь-Янь / Ю. Мицуру. Токио: КадокаваБунко, 2001. 221 с.
- 3. О:кагами Великое зерцало / пер. со старояп., исследование и комментарий Е.М. Дьяконовой. — СПб.:Гиперион, 2000. — 288 с.
- Оммедзи. [Электронный документ]. URL: https://store.steampowered.com/app/551170/Onmyoji/ Проверено 28.05.2019
- Рассказы, собранные в Удзи / пер. Г. Г. Свиридова; под ред. А. Н. Мещерякова. СПб.:Гиперион. 2019. — 440 с.
- Тамоцу, Ё. Оккультные служащие полуночи /Ё. Тамоцу. Токио: КадокаваСетэн, 2015. 146 с.
- 7. Юмэмакура, Б. Оммедзи / Б. Юмэмакура. Токио: Бунгэйсюндзю, 1988. 297 с.
- 8. Hayashi, M. Onmyōdō in Japanese History/ M. Hayashi, M. Hayek//Japanese Journal of Religious Studies 40/1. 2013. P. 1 18.

- Kiejziewicz, A. Japanese magic on the screen. Onmyōdō and onmyōji in the popular cinema/ A. Kiejziewicz // Maska. Krakov, 2017. P. 255 — 265.
- Miller, L. Extreme Makeover for a Heian-Era Wizard/ L. Miller // Mechademia 3: Limits of the Human / ed.by FrenchyLunning. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014. P. 30 — 45.

Махлаюк Артур Николаевич

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛЬВА В ИКОНОГРАФИИ ЗАПАДНЫХ ЖЕНСКИХ БОЖЕСТВ И БОГИНИ ДУРГИ

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра индийской филологии 2 курс (бакалавриат) artur.makhlaiuk@protonmail.com

Artur Makhlaiuk

THE LION IN THE ICONOGRAPHY OF WESTERN FEMALE DEITIES AND GODDESS DURGA

St. Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Indian Philology 2 year student (B.A.)

Данная статья посвящена изучению взаимовлияния культов различных женских божеств в Малой Азии, Греции, Месопотамии, Индии. Основным направлением исследования была выбрана иконография, были изучены нумизматические и художественные источники, а также посвященные им научные работы. Некоторые особенности изображения богинь в западных (по отношению к Индии) культах позволяют сделать вывод об их влиянии на иконографический образ индийской богини Дурги.

This article presents a comparative study of the cults of various female deities in Asia Minor, Greece, Mesopotamia, and India. The study has been focused on iconography, numismatic and visual art sources have been compared, and various texts devoted to the cults of female deities have been analyzed. It has been demonstrated that some features of female deities as they were depicted in Western (relative to India) cults had certain influence on depicting the Indian goddess Durga.

Ключевые слова: Дурга; женские божества; Кушанская империя; Потниа Тхерон; Нана **Key words:** Durga; female deities; Kushan empire, Potnia Theron, Nana

Различные культы богини матери были широко распространены по всему миру с древнейших времен. Обычно самые древние формы подобных культов включали в себя только одно женское божество, однако с течением времени культы изменялись и появлялось все больше различных женских божеств. Такого рода культы были широко распространены на территориях современной Индии, Малой Азии, Греции и других близлежащих территориях. Безусловно, эти регионы не могли не влиять друг на друга, следствием чего являются многочисленные сходства в различных аспектах культуры и религии. Одним из направлений компаративистских исследований может быть изучение иконографии женских божеств, которые сопровождались львами. Прежде всего, следует обратить внимание на сходство так называемой Потниа Тхерон, или Госпожи Животных, культ которой зарождается примерно в шестом тысячелетии до нашей эры и впоследствии в различных вариантах распространяется на территории Малой Азии, Греции и Месопотамии, Шумеро-Аккадских женских божеств и индийской богини Дурги. Основным аспектом изучения куль-

та женских божеств в данной работе будет иконография, поскольку именно через нее можно проследить возможное влияние изображения неиндийских женских божеств на иконографию индийской богини Дурги.

Сначала обратимся к изображениям женских божеств на западе от Индии, которые в иконографии отображались вместе со львами. В Чаталгуюке была найдена статуэтка женщины, по бокам которой находятся львы. Данная статуэтка датируется 6 тысячелетием до нашей эры и считается на данный момент одним из самых ранних изображением Богини Матери в окружении львов. В дальнейшем такой же образ будет использоваться для богинь в разных культурах близлежащих регионов. Помимо вышеупомянутой статуэтки из Чаталгуюка, к одним из самых ранних изображений можно отнести изображения горной богини из древних критских святилищ, которая, согласно многим исследованиям, считается родственной малоазиатской богине Кибеле [Зайцев, 2005. С.54]. Здесь стоит отметить, что чаще всего богиня Дурга сравнивается именно с Кибелой, а также шумерской Инанной и аккадской Иштар. Интересно, что помимо изобразительных сходств можно обнаружить и сходства в ритуальных гимнах и текстах, посвященных богине Инанне и Дурге (например, ужасный крик, который издает богиня, и ужас, который она внушает, описывается как в шумерских гимнах, например, в гимне Инанне [Sioeberg, 1977, P.3-45], так и в текстах, обращенных к Лурге, Олнако на мой взгляд, при проведении исследований о влиянии на индийскую иконографию следует обратить большее внимание на кушанскую богиню Нану, которая безусловно родственна Иштар и Инанне, а ее изображения были широко известны на территории Индии. Однако перед более подробным изучением данных кушанской нумизматики следует рассмотреть еще одно женское божество, которое относят к культу Потниа Тхерон — богиню Кибелу. О происхождении культа Кибелы до сих пор ведутся споры. Отмечается, что Кибела может являться греческой формой имени богини Кубабы [Albright, 1928-29. Р. 229-231], однако некоторые исследователи считают, что перед тем, как прийти в Грецию, ее имя трансформировалось во фригийской среде [Laroche, 1960. P.113-128]. Имя «Кубаба» появляется в нескольких клинописных текстах из поселения Кюльтепе-Канеш [Vermaseren, 1987. P.12]. Что касается иконографии, то здесь интересны как ранние, так и более поздние изображения богини. К примеру, в древнем городе Каркемиш было найдено изображение процессии к богине Кубабе, восседающей на троне, который поллерживается львом [Hawkins, 1981, P. 147–176]. Впоследствии уже на греческих, фригийских и даже римских предметах культа и искусства Кибела изображается со львом на коленях, со львом около трона или же со львами. запряженными в колесницу. В Римскую империю Кибела попадает в конце III в. до н.э. и становится там известной как Mater Deum Magna Idaea [Bogh, 2007. Р.308] или же Идейская мать богов (от топонима — горы Иды). Римское изображение богини схоже с более ранними изображениями из других регионов, однако приобретает черты современной на тот момент скульптуры. Богиня также сидит или на льве, или в окружении львов. К культу Потниа Тхерон помимо Кибелы относят и греческую богиню Артемиду, которая часто изображается в схожей с Кибелой манере.

Теперь обратим внимание на иконографические изображения богини Наны или Нанайи. Ее культ является своеобразным продолжением культа Иштар или Инанны, при этом считается, что имя Нана неиранское, хотя сам образ богини ассимилировался с иранской Анахитой [Дьяконова, 1967. С.77]. В эллинистический

периол Нана часто ассоциировалась с греческой Артемилой, были даже построены храмы Артемиды-Наны в городе Дуро-Европос на Евфрате [Azarpay, 1976. Р.537]. Сам культ был широко распространен в долине реки Евфрат. Кроме того, культ Наны был распространен и в Бактрии, где, скорее всего, не имел связей с греческой Артемидой. Для данного исследования также интересны изображения Наны на чашах из Хорезма, поскольку именно там можно обнаружить различные ее отображения, которые наиболее схожи с индийской иконографией, однако они более поздние — датируются VI-VII веком н.э. Там Нана изображается с четырьмя руками, восседающая на льве; по этому поводу С.П. Толстов пишет, что богиня, которая опирается на льва. — это частое явление для хорезмийского пантеона. и предполагает, что Нана по сути является Анахитой, которая «прошла путь синкретизации с божествами индобуддийского круга» [Толстов, 1948. С.200-201]. Однако здесь стоит отметить, что у Кушанской империи скорее всего были связи с Хорезмом, а в середине III в. Хорезм, как и часть Кушанской империи, возможно был завоевана Шапуром I и вошел в состав империи Сасанидов [Бонгард-Левин, 1985. С.408], поэтому можно говорить о взаимовлиянии иконографических образов женских божеств. Также в Трансоксиане встречаются изображения богини в колеснице, которая запряжена львами [Аzarpay, 1976. Р.539]. Скорее всего, изображение колесницы, запряженной львами, в данном случае объясняется влиянием изображений ассирийской богини Иштар, которая часто изображалась стоящей на спине льва.

Для изучения влияния вышеописанных женских божеств на иконографию богини Дурги, большое значение имеют монеты периода Кушанской империи, потому что в этот период процветали связи с западными государствами вплоть до Рима, следствием чего и было широкое разнообразие божеств, которые изображались на монетах этого периода [Бонгард-Левин, 1985, С.464]. Помимо внешних связей, важно отметить, что на монетах Кушанской империи появляются иранские божества, что, вероятно, можно расценить как доказательство влияния Бактрии на империю [Бонгард-Левин, 1985, С.464].

Поскольку основной целью работы является изучение изображения женских божеств, то я подробнее остановлюсь на богине Нане или Нанайе, которая, как было сказано выше, ассоциировалась с иранской Анахитой [Бонгард-Левин, 1985. С.464]. Ее первые антропоморфные изображения относят к периоду кушанских правителей, а именно Канишки I и Хувишки; до этого встречались лишь изображения льва с надписью NANAIA [Gardner, 1886. Р.119]. На большинстве монет, которые относят ко времени правления Канишки I и Хувишки, Нана изображается стоящей безо льва со скипетром в руке, однако на одной из золотых монет Хувишки она уже изображается восседающей на спине льва боком. Скорее всего, подобный «эллинистический» тип изображения богини, которая сидит боком на спине животного пришел в данные регионы вместе с захватом этих территорий греками. Помимо надписей NANA или NANAIA на монетах различных периодов (бактрийских, индо-греческих, индо-скифских королей) встречаются также и надписи ОММО с изображениями богини под ними. Данную надпись можно трактовать как имя Ума (также одна из ипостасей Дурги) [Rapson, 1897. Р.324].

Богиня Дурга имеет схожую с Кибелой историю развития: она ведет происхождение от неарийских культов богини матери. Кроме того, одна из ипостасей Дурги также почиталась как горная богиня, о чем и говорит имя Парвати — «горная». На территории Индии Дурга имеет несколько вариантов иконографического

отражения, а также у нее огромное количество различных атрибутов, которые она держит в своих зачастую многочисленных руках. Важным аспектом иконографии богини Дурги является ее вахана, то есть ездовое животное, отсюда и происходит один из эпитетов Дурги — simhavahini, то есть восседающая на льве. В иконографии Дурга может изображаться и на льве, и на тигре, хотя в некоторых текстах, как например Маркандея-пурана, мы можем увидеть, что даны конкретные указания на ездовое животное богини. Однако большинство текстов, в которых даны мифологические сюжеты, являются более поздними сочинениями, нежели обсуждаемые в данной работе источники. Лев может появляться не только в иконографическом отображении Дурги Симхавахини, но и в некоторых других, например, Дурга Махишасурамардини, то есть Дурга, которая убивает демона Махишу. С самого зарождения и в дальнейшем на протяжении веков сюжет убиения демона Махиши имел большую популярность в Индии, поэтому он приобрел огромное количество вариаций. Среди более поздних, но и более отдаленных от северозападных границ Индии изображений стоит выделить настенный барельеф из Махабалипурама (данный барельеф относят к 7-9 веку н.э.), где Дурга изображена в погоне за демоном Махишей верхом на льве. Кроме того, встречаются скульптурные отображения Дурги или ее ипостаси Парвати, где лев находится в ногах у сидящей богини, такие изображения также схожи с доступными изображениями женских божеств из западных территорий. Особого внимания заслуживает еще одна форма Дурги — Бхадракали, которая передвигается на колеснице, запряженной четырьмя львами, что скорее всего является влиянием неиндийской иконографии.

Возвращаясь к нумизматическим источникам, следует обратиться к монетам правления династии Гуптов, которая начинается после Кушанской империи. На их монетах можно найти различные вариации отображения богини со львом. Например, на золотых монетах Чандрагупты II можно встретить изображения богини, которая сидит на льве или верхом, или боком, при этом лев может быть идущим или лежащим [Altekar, 1957. P.114-115]. Кроме того, важным аспектом этих монет является появление некоторых атрибутов, которые свойственны Дурге, например, лотос [Altekar, 1957. P.116].

Таким образом, кратко изучив историю и иконографию женских божеств в регионах Малой Азии, Греции, Крита, Индии и прочих, можно с некоторой долей уверенности предположить, что на отображение Дурги и ее ипостасей в Индии в значительной степени повлияли иконографические сюжеты божеств неиндийского происхождения. Скорее всего, проникновение на территорию Индии началось при греческих завоеваниях и в индо-греческих государствах, а продолжилось и усилилось во времена Кушанской империи, поскольку в это время на монетах совмещены как божества индийского, так и неиндийского происхождения.

Библиография

- 1. Бонгард-Левин, Г.М. Индия в Древности / Г.М. Бонгард-Левин, Г.Ф. Ильин. М.: Наука, 1985. 758 с.
- 2. Дьяконова, Н.В., О. И. Смирнова К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде // Советская Археология. 1967. №1. С. 74-83.
- 3. Зайцев, А.И. Греческая религия и мифология: Курс лекций / Под ред. Л.Я.Жмудя. —М.: Издательский центр «Академия», 2005. 208 с.

- 4. Толстов, С. П. Древний Хорезм: Опыт историко-археологического исследования / С.П. Толстов. М.: МГУ, 1948. 440 с.
- Albright, W.F. The Anatolian Goddess Kubaba // Archiv fuer Orientforschung. 1928-29. P. 229-231.
- Altekar, A.S. The Coinage of the Gupta Empire / A.S. Altekar. New Delhi: Numismatic Society of India. 1957. 491 p.
- 7. Azarpay, G. Nana, the Sumero-Akkadian Goddess of Transoxiana // Journal of the American Oriental Society. 1976. vol. 96, № 4. P. 536–542.
- Bogh, B. The Phrygian Background of Kybele // Numen. 2007. vol. 54, № 3. P. 304–339.
- Gardner, P. The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum / P.Gardner. London: Gilbert and Rivington, Ltd. 1886. 193 p.
- Hawkins, J. D. Kubaba at Karkamis and Elsewhere // Anatolian Studies. 1981. № 31. P. 147–176.
- 11. Laroche, E. Koubaba, debase Anatolienne, et le probleme des origines de Cybele // Elements orientaux dans la religion grecque ancienne. 1960. P.113-128.
- 12. Rapson, E.J. Two Notes on Indian Numismatics // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1897. № 29. P. 319-324.
- 13. Sjoeberg, A. W. Miscellaneous Sumerian Texts, II // Journal of Cuneiform Studies 29. 1977. №1. P. 3-45.
- Vermaseren, M.J. Corpus Cultus Cybelae Attidisque vol. I / M.J. Vermaseren. Leiden: Brill, 1987. — 593 p.

Меркулова Ксения Евгеньевна

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭТНОПСИХОЛОГИИ ЯПОНСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет Институт международных отношений, кафедра алтаистики и китаеведения 4 курс (бакалавриат) akella.199817@gmail.com

Merkulova Ksenia

THE STUDY OF THE ETHNOPSYCHOLOGY OF JAPANESE MANAGEMENT

Kazan (Volga region) Federal University Institute of International Relations, Department of Altaic studies and Sinology 4 year student (B.A.)

В данной статье рассматриваются черты и особенности этнопсихологии японского менеджмента и управления компаниями через призму исторического и культурологического влияния данной страны. Производится раскрытие терминов «Менеджмент в японском стиле» и «Японский дух с Западным обучением».

The paper discusses the features and characteristics of the ethnopsychology of Japanese management and company operation through the prism of the historical and cultural impact of this country. The terms —Japanese-style management" and —Japanese spirit with Western training" are disclosed.

Ключевые слова: экономическая этнопсихология, буддийская экономика, менеджмент в японском стиле, кайдзен, система «НЭНКО»

Key words: economic ethnopsychology, buddhist economics, Japanese-style management, kaizen, —NEIKOU" system

Наиболее интересной с точки зрения влияния этнических особенностей на экономику в общем и на менеджмент в частности для экономической этнопсихологии является Япония. Данную страну часто приводят как пример слияния культурноповеденческих аспектов с экономической частью жизни общества. Одной из основных особенностей можно назвать заимствование американских и европейских систем в модель японского управления. В основном большинство огромных достижений компаний, составляющих японскую экономику, — это результат блестящего смешения западных технологий с системой управления, основанной на особых характеристиках японского общества. Именно разработка подобных смешений систем позволила Японии стать первым полностью индустриализированным незападным обществом в послевоенный период. Известная японская фраза 和建洋才 (wakonyousai) [Abegglen, 2006. C.73], которая переводится как «Японский дух с Западным обучением», хорошо отражает характер управления и подход к нему.

Система менеджмента, характеризующая японские фирмы в сфере отношений между работниками и руководством, на японском звучит как 日本的経営 (nihonteki keiei) [Abegglen, 2006. С.73], что переводится как «Менеджмент в япон-

ском стиле». Успешное японское управление зависит от таких факторов как подбор, обучение персонала и система вознаграждений, которые были построены на отличительных аспектах японской культуры.

Выделяют шесть основных, характерных факторов японского управления:

- 1. Гарантия занятости и создание обстановки доверительности;
- 2. Гласность и ценности корпорации;
- 3. Управление, основанное на информации;
- 4. Управление, ориентированное на качество;
- 5. Постоянное присутствие руководства на производстве;
- 6. Поддержка чистоты и порядка.

Под всеми этими факторами и особенностями менеджмента лежит японский менталитет, этнопсихология экономического поведения японцев, история страны восходящего солнца. Можно перечислить подобные элементы, которые повлияли на создание такой непохожей на западные системы управления:

- гомогенность и традиционная закрытость общества;
- наличие двух преобладающих религий синтоизма и буддизма;
- небольшая территория, постоянные стихийные бедствия, отсутствие полезных ископаемых, большая зависимость от импорта сырья и топлива;
- дзен-буддизм, традиции самурайского сословия и традиции уважения перед старшим поколением;
- единение нации после войны, оскорбленное национальное достоинство, осознание бизнесом социальной ответственности и необходимость быстрого развития после войны.

В целом японское управление отличает упор на улучшение человеческих отношений: согласованность, групповую ориентацию, моральные качества служащих, стабильность занятости и гармонизацию отношений между рабочими и управляющими. Однако стремление японцев работать с максимальной отдачей кроется не только в каких-то мистических чертах их национального характера, а в использовании продуманной до мелочей, четко организованной и в то же время гибкой и адаптивной системы управления трудовыми ресурсами, которая выступает как один из ключевых элементов японской системы управления производством в целом. Основными «столпами» данной системы, на которых базируется управление всеми компаниями Японии, являются:

- социальный договор между фирмой и работником [Abegglen, 2006. С.73];
- система продвижения и оплаты труда на основе стажа работы 年功序列 (nenkou joretsu) система «НЭНКО» [Abegglen, 2006. С.74];
- система профсоюзной организации 企業内組合 (kigyonai kumiai) [Abegglen, 2006. С.74].

Если говорить о социальном договоре между фирмой и работником, то первое, что нужно отметить это пожизненная система найма. Это не юридическое право, это дань традиции. Она представляет собой систему трудоустройства, когда компании принимают сотрудников на долгосрочный период или же до самого выхода на пенсию. Естественно, существуют ситуации, по причине которых происходят плановые сокращения и увольнения по собственному желанию, но такое происходит редко и только в самых крайних случаях. Конечно, когда мы говорим о данной системе, стоит упомянуть, что такой способ найма рабочей силы распространен в основном в крупных корпорациях и компаниях. Обычно компании раз в

год проводят набор персонала и делают это из нескольких определенных университетов или колледжей. То есть между фирмами и учебными заведениями есть негласный договор о трудоустройстве новоиспеченных специалистов. Такие отношения работника и компании можно сравнить с отношениями самурая и его господина, что в контексте истории Японии приобретает явную следственную связь прошлого и настоящего.

Даже в период, когда японские компании испытывают серьезные финансовые трудности, сотрудники остаются на своих рабочих местах. В Японии организация морально обязана заботиться о каждом своем сотруднике и обеспечивать ему постоянные условия труда. А в ответ эта система дает предпринимателям активных и преданных тружеников, готовых работать не покладая рук.

Устраиваясь на работу, сотрудник подписывает с фирмой соглашение, которое трудно назвать «трудовым», это похоже свидетельство о взаимных отношениях, похожих на семейные [Цветов, 1987. С.215]. В соглашении перечислено, что будет делать компания: какую положит начальную заработную плату, какими темпами будет ее увеличивать, условия медицинского обслуживания, сумма страхового пособия в случае производственной травмы, будущие льготы, количество отпускных дней и тому подобное. Другими словами, «семья» прописывает границы «заботы» о новом сотруднике. Со стороны работника в соглашении очень расплывчато записано: «...посвящать всего себя труду» [Цветов, 1987. С.215]. Фирма рассчитывает, что это замотивирует работника отдавать ей «долг признательности» [Цветов, 1987. С.215], как возвращает такой долг семье сын. В свою очередь это хорошо сказывается на социально-экономической среде общества, когда в сложной экономической обстановке население нуждается в стабильности, чем и обеспечивает данная система, и в ответ на это население готово работать еще больше ради своей компании и улучшения экономической ситуации в стране. Преимущество пожизненного найма заключается в том, что сотрудники впитывают культуру компании на протяжении всей своей карьеры. В результате среди них растет командный дух, готовность придерживаться общей корпоративной этики и держаться вместе, чтобы преодолевать кризисы.

Еще одним важным элементом управления является система продвижения и оплаты труда на основе стажа работы, известной нам как система «НЭНКО», которая является физическим воплощением дани японцев старшему поколению. Это японская система пролвижения работников в соответствии с его или ее близостью к выходу на пенсию. Она предусматривает распределение заработной платы, премий и выплат, изменение служебного положения в зависимости от стажа работы в данной компании [Корчагина, 2013.]. Преимущество системы в том, что она позволяет старшим сотрудникам получать более высокую заработную плату до выхода на пенсию и что старшие работники обычно приносят больше опыта в руководящую верхушку. В соответствии с этим принципом уровень заработной платы каждого сотрудника устанавливается с учетом его возраста, рабочего стажа на данном предприятии, а также его производственных заслуг, которые оцениваются, как правило, не ранее чем по истечении 10-летнего стажа работы на нем [Корчагина, 2013.]. Достижение такого срока занятости на предприятии является также условием первого продвижения работника по служебной лестнице [Корчагина, 2013.]. Крупные японские корпорации предоставляют работникам множество дополнительных льгот: надбавки на содержание семьи, оплата проезда к месту работы, медицинского обслуживания, социального страхования и другие выплаты

на социальные нужды [Корчагина, 2013.]. Недостаток системы заключается в том, что она не позволяет новым, молодым талантам быстро набраться опыта, а те, у кого есть специальные навыки, не могут быть повышены до уже переполненных руководящих должностей.

Но в настоящий момент эта система претерпевает изменения. Например, Toyota прекращает выплату за выслугу лет всем сотрудникам, и аналогичное решение было объявлено Hitachi Ltd, Matsushita Electric и Canon [Abegglen, 2006. С.86]. Это четыре наиболее влиятельные и «традиционные» компании Японии с точки зрения системы менеджмента. Подобные изменения не удивительны: в быстро стареющей Японии молодые кадры, которых становится меньше, станут оцениваться выше и будут получать более высокую зарплату, чем старшинство в будущем.

Если говорить о третьем «столпе» японского менеджмента, системы профсоюзов, то вначале следует указать на их отличие от западных профсоюзов. Японский профсоюз состоит из работников только одной компании, в которую входят все сотрудники до руководящих должностей. В то время как на западе профсоюзные организации представляют работник определенных профессий и с определенными навыками (например, профсоюз работников автомобильной промышленности, профсоюз учителей). В Японии профсоюз закреплен за определенной компанией, что указывает на полное единство всех работников со своей компанией, ради которой они трудятся. Профсоюзные объединения — это еще один пример того, как японская компания представляет собой интегрированную социальную систему, сообщество, в котором все сотрудничают в общих интересах.

Как указывалось, одной из особенностей управленческой системы в Японии являются принципы «дзен». Дзен берет свои истоки из буддийской религии. Сам же буддизм проник в Японию из Китая и, распространившись по всей стране, практически слился с местной культурой и религией настолько сильно, что даже имеет свои проявления в современности. Можно сказать, что современная буддийская культура дзен стала более универсальной, способной предложить новые бизнес-модели и понимание этики современного делового человека [Уланов, 2016. С.107].

Вследствие этого в 50-х годах XX века образовалось целое отдельное течение — буддийская экономика. Так как к тому времени уже начали работать законы глобализации, то об учениях дзен-буддизма узнали и в западных странах. Заинтересовавшись отличным от Запада влиянием философско-религиозных учений на все сферы жизни, европейские исследователи начали изучение этой темы. Благодаря этому в 1955 году термин «буддийская экономика» был введен в употребление английским экономистом Эрнестом Шумахером. В 1966 году Шумахер впервые публикует свою работу «Буддийская экономика» в книге «Asia: А Handbook», которая позже была переиздана в сборнике 1973 года «Малое прекрасно: экономика, в которой люди имеют значение». В самой Японии главным исследователем буддийской экономики стал Шиничи Иноу. В 1997 году он выпускает свою книгу под названием «Буддизм в работе: новый подход к менеджменту и бизнесу», в которой он раскрывает идею буддийского срединного пути развития в экономике, как идеальный баланс между капитализмом и социализмом. Иноу определяет буддийскую экономику в терминах трех моделей, которые универсально приемлемы, поскольку они безвредны для окружающей среды. Они перечислены следующим образом:

1. Это экономическая система, которая приносит пользу всем;

- 2. Она защищает универсальные ценности терпимости и мира;
- Такая щадящая экономическая модель спасет землю от истощения и разрушения природных ресурсов.

Еще одним подобным примером следования принципам дзен-буддизма в управленческой сфере можно назвать появление такой практики или даже философии как «Кайдзен» (от яп. 改善 (kaizen) — «реформа», «усовершенствование»). Впервые философия кайдзен была применена в ряде японских компаний (включая Toyota) в период восстановления после Второй мировой войны, и с тех пор распространилась по всему миру. Кайдзен фокусируется на непрерывном совершенствовании процессов производства, разработки, вспомогательных бизнеспроцессов и управления, а также всех аспектов жизни. Главная мысль заключается в том, что без совершенствования в компании не должно проходить ни дня [Имаи, 2017. С.11]. Так можно привести в пример такой сложный для страны послевоенный период. После Второй мировой войны многие компаний Японии начинали буквально с нуля. Без постоянного движения вперед предприятия не могли выжить, и кайдзен превратился в образ жизни. Кроме того, по счастливому стечению обстоятельств в 1950-е и начале 1960-х гг. японский прогресс и самосовершенствование были подпитаны заимствованным опытом западных специалистов, который позволил поднять концепцию кайдзен на новые высоты. Однако большинство новых моделей и стратегий управления, методов и инструментов, которые широко применяются в Японии сегодня, были разработаны позднее непосредственно в Японии и представляют собой качественный сдвиг в управлении [Имаи, 2017. С.12].

Основываясь на всем вышесказанном, можно сказать, что японский менеджмент имеет свои этнопсихологические особенности, которые отличаются от большинства западных систем управления компаниями. Они все уходят корнями в японскую историю и менталитет. Существует преемственность поколений, преклонение старшинству, групповое решение проблем как в крупных, так и в мелких компаниях, что является отголоском японском этнопсихологии. А дзенбуддистская философия очень универсальна для современной жизни, как в сфере бизнеса, так и в повседневной среде. Она отлично отвечает запросам современных японских производств о качестве продукции, удовлетворении клиентуры и развития сотрудников. Данная философская концепция главным образом говорит о человеческом совершенствовании и гармонии ума и духа, что естественно хорошо ложится на основы японского менеджмента и экономики Японии.

Библиография

- 1. Имаи, М Кайдзен. Ключ к успеху японских компаний / Масааки Имаи; пер. И. Гутман. М.: Альпина Паблишер, 2011. 274 с.
- 2. Корчагина, А. С. Японский менеджмент / А. С. Корчагина. [б.м.]. : Научная книга, 2013.
- 3. Уланов, М. С. Буддизм и современный бизнес / М. С. Уланов // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2(30). С. 164 171.
- 4. Цветов, В. Я. Пятнадцатый камень сада Рѐандзи / В. Я. Цветов. М. : Политиздат, 1987. 384 с.
- Abegglen, J. C. 21st century Japanese management: new systems, lasting values / J. C. Abegglen. New York: PALGRAVE MACMILLAN, 2006. 205 p.

Миронова Дарья Робертовна

ФЕНОМЕН ХАЛЛЮ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Казанский (Приволжский) федеральный университет Институт международных отношений, кафедра алтаистики и китаеведения 3 курс (бакалавриат) yoonverner@gmail.com

Mironova Darya

THE HALLYU PHENOMENON AND ITS INFLUENCE ON THE COUNTRIES OF EAST ASIA

Kazan Federal University Institute of International Relations, the Department of Altaic and Chinese Studies 3 year student (B.A.)

Статья посвящена феномену Халлю. В ней дается краткая характеристика феномена и анализируется его культурное влияние на соседние страны. В результате анализа было выявлено, что данный феномен и по сей день играет немаловажную роль в консолидации стран Восточной Азии, а также способствует подъему национального самосознания внутри самой Республике Корея.

The article is devoted to the Hallyu phenomenon. It gives a brief description of the phenomenon and analyzes its cultural impact on neighboring countries. As a result of the analysis, it was revealed that this phenomenon to this day plays an important role in the consolidation of East Asian countries, as well as contributes to the rise of national identity within the Republic of Korea itself.

Ключевые слова: Южная Корея, Халлю, Корейская волна, страны Восточной Азии, драма, к-поп, корейская поп культура

Key words: South Korea, Hallyu, Korean Wave, East Asia, drama, k-pop, Korean Pop Culture

Еще в прошлом столетии о Корее люди знали не так много, да и мало кто ей интересовался. Однако с конца 90-х годов ее культура начала свое активное распространение, от Китая, Японии, затем до Юго-Восточной Азии и прямиком на Запад. В 1999 году журналисты из Поднебесной, впечатленные возрастающей популяризацией южнокорейских фильмов в их стране, подарили миру термин, известный как Hallyu. Халлю — китайский термин, который в переводе звучит как «Корейская волна», служит для обозначения феноменального роста популярности корейской культуры, которая включает в себя абсолютно все: начиная от фильмов, дорам, музыки, и заканчивая онлайн играми, косметикой и корейскими блюдами. Также стоит отметить, что не каждая корейская драма, фильм или эстрадная песня будут являться «Hallyu», независимо от того, насколько они популярны в Корее. Корейской волной будут считаться только те, которые имеют успех среди зарубежной аудитории. Существует еще один термин, который звучит как «Кататься на Корейской волне». Он означает стремление узнать больше о корейской

культуре. Подъем этого феномена за последние два десятилетия был захватывающим, и на этом он не останавливается.

Южная Корея — удивительная страна. После десятилетий зависимости от Японии, а также последовавшей за ней Корейской войной, которая разделила некогда единую страну надвое, для Кореи наступили тяжелые времена. Эта страна на протяжении долгих лет оставалось бедной, но трудолюбивый и волевой характер корейцев привел их к небывалому успеху. За последние десятилетия Южная Корея стала очень богатой и футуристической. В 1960-е годы ВВП на душу населения в Корее был очень низким, но сегодня Южная Корея является 11-й по величине экономикой в мире.

Внезапно весь мир обратил внимание на Южную Корею, и вскоре их культура приобрела огромное количество последователей, благодаря чему Корея стала одним из значимых экспортеров поп-культуры. Корейская волна была благословением для Кореи, ее бизнеса, культуры и имиджа страны. С начала 1999 года Халлю стал одним из крупнейших культурных явлений в Азии. Отмечается также вмешательство правительства, в частности, принятие Основного закона о поощрении индустрии культуры в 1999 году (с бюджетом в 148,5 млн. Долл. США) и учреждение Агентства по культуре и контенту под руководством Министерства культуры и туризма в 2001 году.

В 21 веке Халлю является самой обсуждаемой проблемой на Корейском полуострове. Восход Халлю показывает «высокий статус восточно-азиатской культурной индустрии» на мировой культурной арене. В этом отношении Корейская волна может быть успешным примером стратегии культурной трансформации, нацеленной на нишевый рынок Восточной Азии, в соответствии с культурной глобализацией и децентрализацией проамериканского культурного производства. Успех этого феномена возрастает с каждым днем, а количество фанатов уже достигает 90 млн. человек. Можно с уверенностью сказать, что благодаря политике мягкой силы Республика Корея добилась невероятных результатов, усиливая свое влияние посредством культурного феномена.

Свое развитие Халлю начала с распространения корейских сериалов. Вторым этапом развития Корейской волны стали артисты, которые покоряют своими динамичными танцами, музыкой, характерной лишь для корейского современной культуры, а также необычными видеоклипами. Следом за ними приходит и третий этап, включающий в себя моду, корейские блюда, косметику и даже компьютерные и мобильные игры.

Успехом Халлю в Азии считается преимущество продажи в аналогичной культуре из-за относительной культурной близости азиатов по сравнению с западными культурными продуктами. Хотя изначально феномен вызывал антикорейские настроения из-за высокой конкуренции с Китаем и Японией, но со временем представители медиаиндустрии согласились с тем, что Корея играет важную роль в консолидации азиатского общества. Это способствовало созданию музыкальных шоу в Китае и совместному производству телевизионных драм с Японией.

Туризм. Министерство культуры, спорта и туризма Республики Корея активно использует южнокорейских звезд для привлечения иностранных туристов. И не безуспешно. Ведь Корейская волна действительно служит магнитом для привлечения в Республику Корея туристов со всего мира. Благодаря Халлю страна испытала огромные изменения в этой сфере. За 10 лет (с 2006 до 2016 гг.) количество туристов увеличилось почти втрое, чему, несомненно, поспособствовала

стремительная популяризация корейской культуры. Согласно данным туристической организации, количество иностранных туристов, посетивших Южную Корею в феврале 2019 года, составило 1 210 280 человек, что на 15% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Среди всех иностранных туристов больше всего страну посетили жители Китая и Японии. Известно, что количество туристов из Китая увеличилось на 31,3% до 453 379 человек, а количество туристов из Японии увеличилось на 26,7% до 213 200 человек. Но туризм — не единственное, на что повлияла Корейская волна.

Китай, Тайвань, Гонконг. Китай был первой страной, попавшей под влияние Халлю. На китайских телеканалах корейские сериалы вешали чаше, чем все вместе взятые зарубежные. Кроме того, корейская поп музыка была очень популярна на Тайване и в Гонконге. Из-за этого продукты китайской культуры оказались в дефиците, и Китай решил ограничить часы трансляций южнокорейских сериалов на китайском телевидении. Но это не продлилось долго. Через пару лет Китай начинает активное сотрудничество с Южной Кореей, стирая национальные границы. В Китае многие вещательные компании подверглись влиянию корейских развлекательных программ, таких как «Бегущий человек»; в 2014 году SBS анонсировала китайскую версию этой программы, «Hurry Up, Brother», которая стала главным хитом в категории программ, известных как «разнообразие горолской деятельности». Но, к сожалению, уже в 2016 году Китай прекращает свое сотрудничество из-за соглашения Южной Кореи и США об установлении комплекса противоракетной обороны ТНААD, так как это угрожает безопасности Китая. Лабы зашитить свою национальную безопасность, китайское правительство ограничило распространение Корейской волны на территории страны, не позволяя Корее получить экономическую выгоду. Были отменены многие встречи фанатов южнокорейской культуры, концерты музыкальных групп, а также в начале 2017 года правительство Китая приостановило групповые туры китайцев в Южную Корею. Эти санкции привели к значительным финансовым потерям для корейской индустрии развлечений. Прибыль компании SM Entertainment снизилась на 18% с июля 2016 года, что привело к потере рыночной стоимости на 150 миллионов долларов, YG Entertainment - на 32%, что составило убыток в 230 миллионов долларов. Помимо этого многие китайско-корейские телешоу были также приостановлены. Но уже в 2017 году Китай начал снимать запрет на Халлю, после того как правительства Южной Кореи и Китая объявили о соглашении относительно спора о ТНААД.

На Тайване и в Гонконге ситуация обстояла чуточку иначе. Изначально тайванцы негативно относились к Южной Корее, но взлет популярности Корейской волны изменил их взгляды, что поспособствовало развитию отношений Тайваня и Республики Корея. На Тайване были открыты телестанции для вещания корейских дорам, а также на некоторых каналах были выделены специальные эфиры для показа южнокорейских сериалов.

Япония. Министерство иностранных дел Японии считает, что популярность корейской волны в Японии привела к взаимному культурному обмену. Распространение Халлю в стране восходящего солнца впервые началось с трансляции драмы —Змняя соната", которая имела невероятный успех. Вслед за ней популярность настигла таких корейских поп-исполнителей как ВоА и DBSK. Последние смогли взорвать японские музыкальные чарты, а также получили приглашение на престижное новогоднее шоу Kōhaku Uta Gassen, присутствие на котором является

эталоном. Также большой успех в Японии имела музыкальная поп группа Big Bang, занимавшая высокую позицию в японском чарте Oricon. Одной из ведущих звезд стал актер, певец и режиссер Чан Гын Сок, сыгравший главные роли в известных драмах: «Ты прекрасен», «Мой питомец», «Красавчик», а также «Дождь любви». Начиная с 2010 года, признание также получили две женские попгруппы — Girl's Generation и Kara. Многие корейские музыкальные исполнители обрели известность после дебюта в Японии.

Но были и те, кто выступал против корейской волны. Причина этому - сохраняющееся напряжение между корейским и японским народами. Это привело к многочисленным протестам, в которых участвовали сотни японцев, выступая против распространения Халлю на территории своей страны. Протесты были в основном организованы критиками корейской поп-культуры при поддержке правых напионалистов.

Китайские фанаты считают Корею прогрессивной и выдающейся страной, а у японцев изначально было предвзятое отношение к Корее, у них были стереотипы о корейском народе как о постколониальном обществе. Но благодаря Корейской волне многие жители Японии изменили свое отношение в положительную сторону. Они уважают способность корейцев сочетать модернизацию и традиционные ценности. На примере Кореи японцы хотят восстановить свои утраченные ценности.

Корейские драмы для азиатских народов — пример баланса и гармоничного развития традиций и современности, они также подчеркивают любовь и уважение, выдвигая на первый план семью и крепкие национальные взаимоотношения.

Можно сказать, что благодаря Корейской волне страны Азии изменили свое отношение не только к Корее, но и к своим ценностям, истокам. Кроме того, идея национального родства азиатских народов находит все больше откликов. Основываясь на вышесказанном, будет целесообразно отметить, что Халлю внесла значительный вклад в развитие культур стран Азии, а также подняла национальный дух, сближая родственные народы.

На сегодняшний день Корейская Волна уже проникла во все страны, продолжая увеличивать свою фан базу. Используя Халлю, Республика Корея добилась огромного влияния на мировой арене. Кроме того, благодаря данному феномену произошла очень быстрая интеграция южнокорейской современной культуры не только в страны Азии, но и на Западе. Также следует отметить, что Халлю повлияла на отношение Азиатских стран к Южной Корее: азиатская аудитория сформировала новые образы корейского народа. Этот феномен стимулирует чувство азиатской идентичности. Япония и Китай заново открывают для себя то самое родство азиатских народов, находят традиционные ценности, утраченные в процессе модернизации. Благодаря Корейской волне страны Азии изменили свое отношение не только к Корее, но и к своим ценностям, истокам. Кроме того, идея национального родства азиатских народов находит все больше откликов. Халлю внесла значительный вклад в развитие культур стран Азии, а также подняла национальный дух, сближая родственные народы.

В будущем будет интересно наблюдать за тем, как эта страна продолжает вводить новшества и использовать огромный потенциал и популярность «Корейской волны» для поддержания интереса мировой аудитории. Если корейцы сделают ставку не на чрезмерную коммерциализацию Халлю, а на формирование и реализацию своей идентичности, это может поспособствовать продолжению роста успеха общества, экономики и культуры.

Библиография

- The Global Impact of South Korean Popular Culture: Hallyu Unbound / Valentina Marinescu [et al.] Lexington Books, 2014. — 166 p.
- 2. Chua, Beng Huat, East Asian Pop Culture: Analysing the Korean Wave / Chua, Beng Huat, Koichi Iwabuchi, Hong Kong University Press, 2008. 320 p.
- 3. Kim Bok-rae. Past, Present and Future of Hallyu (Korean Wave) Vol. V/American International Journal of Contemporary Research, 2014-2015. 154-160 p.
- 4. Hyejung Ju. The Korean Wave and Korean Dramas, 2018. 21 p.
- Rishav Kumar Roy The Influence of Korean Pop Culture in East and Southeast Asian Nations / Rishav Kumar Roy, Suraj Tripathi // International Journal for Advance Research and Development [Электронный документ]. — URL: https://pdfs.semanticscholar.org/ff6e/0f13b9e210da82734dbdd700d490a56f4f94.pdf
- 6. Информационное агенство Regnum. Названо количество туристов, посетивших Южную Корею в феврале: [Электронный документ]. URL: (https://regnum.ru/news/2596597.html)

Пивоварчук Влада Витальевна

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЯПОНСКИХ СЛАДОСТЕЙ ВАГАСИ В ПЕРИОД ЭДО (1603-1867) И ИХ РОЛЬ В ТРАДИЦИОННОЙ ЧАЙНОЙ ЦЕРЕМОНИИ

Санкт-Петербургский Государственный Университет Восточный факультет, кафедра японоведения 4 курс (бакалавриат) vlada vp@mail.ru

Pivovarchuk Vlada

HISTORY OF JAPANESE SWEETS WAGASHI DURING THE EDO PERIOD (1603-1867) AND THEIR ROLE IN TRADITIONAL TEA CEREMONY

St. Petersburg State University Faculty of Asian and African Studies, Department of Japanese Studies 4 year student (B. A.)

В статье рассматриваются основные особенности философии традиционной чайной церемонии в Японии в период Эдо, основные виды японских сладостей вагаси, появившихся в это время, а также их отличительные особенности и роль в чайном ритуале.

The article presents the main features of the philosophy of traditional tea ceremony in Japan during the Edo period, the main types of Japanese sweets *wagashi*, which appeared at that time, as well as their distinctive features and role in the tea ritual.

Ключевые слова: *вагаси*, традиционные японские сладости, период Эдо, чайная церемония

Key words: wagashi, traditional Japanese sweets, Edo period, tea ceremony.

Вагаси 和菓子 — общее название для всех видов традиционных японских сладостей, которые занимают особое место в культуре питания японского народа. Именно через такой аспект материальной культуры, как сладости вагаси, история которых тесно связана с еще одним важным компонентом японской культуры — традиционной чайной церемонией, можно понять основные моральные, эстетические и философские принципы мировоззрения японского народа, черты его культурной самобытности и национального характера, а также отношение к окружающей природе и жизни в целом.

На рубеже XVII в. Япония вступает в новый период своей политической жизни. В 1603 г. титул сѐгуна, верховного правителя государства, получает представитель дома Токугава — Токугава Иэясу, который положил начало последнему в истории Японии сѐгунату, просуществовавшему до 1867 г. Это время было ознаменовано окончательным завершением объединения страны, укреплением центральной власти, строительством новой столицы Эдо (современный Токио), а также закреплением жѐсткой социальной иерархии общества и дальнейшим развитием философских и эстетических принципов буддийского учения дзэн. Все

меры по установлению стабильной обстановки в обществе способствовали подъему благосостояния граждан, росту городов и расцвету городской культуры, неотъемлемым компонентом которой стала чайная церемония [Игнатович, 2011. С. 164-165].

Начиная ещѐ с XVI в., чайная церемония начала активно ассоциироваться с таким направлением буддийского учения как дзэн, основные понятия которого определялись эстетическими категориями $\mathit{ea6u}$ \mathfrak{C} и $\mathit{ca6u}$ \mathfrak{F} \mathfrak{C} , передающими идеи внутреннего благородства и красоты, скрывающихся за внешней простотой и неказистостью. Эти идеи легли в основу четырѐх благородных истин классической чайной церемонии — гармонии ba fa , благодеяния $\mathit{kэй}$ fa , чистоты $\mathit{cэй}$ fa и умиротворения $\mathit{dзяку}$ fa [Григорьева, 1993. С. 366].

«Гармония» предполагает внутреннее единство между участниками чаепития, когда перестают ощущаться различия между гостями и мастером, и все присутствующие становятся неким внутренним однородным целым. Этот принцип также подразумевает гармонию духовного состояния и мирской жизни, упорядоченность мироздания, естественную гармонию человека с природой. Обретение человеком естественности, освобождение от условности сознания и бытия, наслаждение красотой природы — всè это скрытые цели чайной церемонии, получившие внешнее выражение в гармонии и простоте чайной комнаты, естественной красоте всей утвари и интерьера, а также внешнего вида японских сладостей. Гармония подразумевает отсутствие искусственности и скованности в движениях мастера чая, общую атмосферу непринуждèнности, а также включает в себя сложный баланс в композиции живописных картин, росписи чайной утвари и красоты сладких угощений, дизайн которых напрямую связан с образами природы и времени года.

«Благодеяние» предполагает, что участник чаепития должен с почтением относиться к собравшимся в чайной комнате, к своему настроению, к действу и к окружающим вещам. «Чистота» — это участие в чайной церемонии только с чистым сердцем и помыслами, без каких-либо корыстных намерений. Чистота отождествляется с добром, очищение ассоциируется с обретением покровительства богов, и, следовательно, со здоровьем и получением всевозможных благ. «Умиротворение» — это спокойное состояние духа как мастера, так и гостей [Носкова, 2010. С. 71].

Согласно принципам ваби и саби, любой объект природы или материальный предмет обладает своей неповторимой красотой, изысканностью и утонченностью, несмотря на неброский, «бедный» внешний вид. Именно неяркость и простота вещей должны были помочь человеку освободиться от привязанности к внешнему миру и понять истинную сущность бытия. Каждый элемент чайной церемонии, например, экстерьер, интерьер, утварь, еда, в том числе и сладости, а также движения мастера во время чайного ритуала должны были оказывать эстетическое воздействие на участников церемонии, направляя тем самым на создание определенного психического состояния и постижения высшего смысла бытия. Философия чайной церемонии учит обращать внимание на прекрасное в простых, обыденных вещах — «это соединение искусства с буднями жизни» [Овчинников, 2005. С. 37].

В период Эдо чайная церемония приобретает всѐ большую популярность среди широких слоѐв населения японских островов, способствуя тем самым появлению новых видов сладостей, эстетическая сторона которых также видоизменилась

под влиянием философии чайного действа. Именно в период Эдо производство сладостей достигает своего расцвета.

Благодаря торговле с европейскими державами и расширением собственного производства сахарного тростника на острове Окинава, сахар становится общедоступным продуктом. В стране начинают производить новые виды сладостей, так называемые *омогаси* 重菓子, или «сырые сладости», и хигаси 干菓子, или «сухие сладости». Именно эти два вида вагаси становятся традиционными сладостями чайной церемонии.

Основным видом чая, который используется в чайной церемонии, является порошковый чай маття 抹茶, имеющий слегка горьковатый вкус. Поэтому основной задачей вагаси стало придать чайному напитку более тонкий вкус. Кроме того, сладости выполняли вспомогательную роль в чайной церемонии не только с практической стороны, но и способствовали эстетическому наслаждению. Цвет, форма, изображение цветов, листьев, животных — всè стало носить сезонный характер и олицетворяло то или иное время года, явление природы или праздник [Channell Soei, 2016. Р. 67].

Начиная с периода Эдо, чайную церемонию стали разделять на два вида: официальную тядзи 茶事 и менее формальную тякай 茶会. Последняя даёт возможность каждому желающему ощутить всю красоту чайного ритуала в более непринужденной обстановке. Сначала гости заходят в чайную комнату и подходят к нише mоконома 床の間, чтобы насладиться красотой вывешенного в ней свитка с иероглифической надписью или помещенного там же букета цветов. После чего участники располагаются рядом с котелком с горячей водой и приготовленными для церемонии предметами: чашей для воды мидзусаси 水指, емкостью с зеленым чаем тябако 茶箱, чашей для чайного напитка тяван 茶碗, бамбуковым ковшиком хисяку 柄杓, ложечкой тясяку 茶杓 и венчиком тясэн 茶筅 [Оки, 2009. С. 82-83]. Затем в комнату заходит мастер чайного действа и начинает готовить ароматный напиток. Процесс приготовления чая проходит в полной тишине. Церемония сопровождается скрупулезно выверенными действиями мастера, в то время как гости следят за происходящим, вслушиваясь в звуки огня и закипающей воды. Во время такого чайного ритуала, как правило, заваривают одну чашу более легкого чая усумя 薄茶 отдельно для каждого гостя и подают сладости хигаси, среди которых может быть сухое печенье, конфеты из сахара и масла или рисовые крекеры сэмбэй.

Перед тем как начать заваривать чай, мастер подаёт на подносе сладости, олицетворяющие тот или иной сезон, и белую бумажку, на которую каждый гость кладёт себе сладость. После чего мастер насыпает полторы ложки зелёного чая в чашу, наливает воду с помощью специального ковшика и взбивает напиток венчиком, пока на поверхности не появится большое количество пузырьков, и затем передает чашу с приготовленным чаем первому гостю. Когда он опустошает чашу, мастер моет посуду и готовит в ней чай для следующего участника церемонии. Во время такого ритуала в комнате царит более свободная атмосфера, и гости ведут непринуждённую беседу [India International Centre Quarterly, 1976. Р. 160-1611.

Во время более официального чайного ритуала *твдзи* участники церемонии наслаждаются густо заваренным чаем койтя 濃茶, а также лѐгкими закусками кайсэки 懷石 и сладостями омогаси. Перед употреблением чайного напитка, для приготовления которого используют больше порошка и меньше воды, при этом растирая порошок в густую массу, гостям подают сначала поднос с лѐгкими закусками, а затем сами сладости. Но, как и в любом другом чайном ритуале, сладо-

сти подают перед чаем, чтобы сбалансировать его горьковатый вкус. Обычно их берут заострѐнными палочками-пиками куромодзи 黒文字. После чего следует небольшой перерыв, во время которого гости могут отдохнуть в чайном садике или поразмышлять над изречением, расположенным в нише. Затем гости возвращаются в чайную комнату, и мастер начинает готовить чайный напиток. Во время такого ритуала мастер заваривает чай в одной чаше, которую гости передают по кругу, по очереди наслаждаясь вкусом прекрасного напитка. Каждый гость делает три глотка, вытирает салфеткой место, к которому прикасались его губы и передаёт чашу соседу. Употребление чая из общей посуды символизирует единение всех участников церемонии [Оки, 2009. С. 67-76].

Как и в предыдущие периоды, отличительной особенностью японских сладостей в эпоху Эдо было использование исключительно натуральных ингредиентов, таких как красные бобы *адзуки*, агар-агар, рисовая мука, сладкая картошка (батат), орехи, различные сезонные фрукты и другие продукты растительного происхождения. Также при их изготовлении могли добавлять зелѐный чай, травы и натуральный цветочный нектар [Арутюнов, 1968. С. 133].

Ещѐ одной важной особенностью вагаси стало их сезонное оформление, отличающее их, главным образом, от западных сладостей. Форма, цвет и текстура сладостей вагаси были связаны с различными природными образами и четырьмя временами года. Изображения цветов, рек, снега, осенних листьев являлись отражением того или иного времени года и показывали красоту меняющейся природы, тем самым поддерживая эстетическое удовольствие у участников чайной церемонии. Именно во время чайного действа особенно хорошо можно проследить смену типов вагаси в зависимости от сезона, когда мастер руководствуется выбором того или иного вида сладости в соответствии с временем года за окном. Поэтому все японские сладости также можно разделить на осенние, зимние, весенние и летние. К летним вагаси, появившимся в период Эдо и дошедшим до наших дней, можно, например, отнести адзуки ёкан 小豆羊羹 (желеобразная сладость, сделанная из бобовой пасты адзуки), к осенним — цукими данго 月見団子 (круглые рисовые шарики), к весенним — сакура моти 桜餅 (рисовое пирожное, завернутое в соленый лист вишневого дерева), а к зимним — мамэ дайфуку 豆大福 (рисовая лепѐшка с бобами) [Ябу, 2015. С. 52-56].

Для японцев большую роль играло именно наслаждение внешней красотой сладостей, нежели самим вкусом. Поэтому при изготовлении вагаси руководствовались, прежде всего, выбором сезонных природных мотивов, часто с отсылкой на поэтические образы. Те образы природы, которые воспевали известные японские поэты и писатели в своих произведениях, переносили на внешний вид сладостей, а названия различных растений, фруктов, птиц и животных, которые также упоминали в классической литературе, в частности в трехстишиях хокку 発句, обычно использовали в названиях вагаси [Нипоника にぼにか, 2014. С. 10]. Так, часто можно встретить сладости, в названиях которых используют названия таких растений, как сакура 桜, гортензия адзисай 紫陽花, хризантема кикука 菊 華, или, например, такие словосочетания, как «цветение сливы» (фуку умэ 福梅), «весеннее поле» (хару-но но 春の野) и «летний пион» (нацу ботан 夏牡丹). Многие сладости называют в честь каких-либо птиц или животных, символизирующих счастье, здоровье или долгую жизнь. Например, образ журавля и черепахи в названии сладости *иурукамэ* 鶴亀, что дословно переводится как «журавль и черепаха», символизирует долголетие. Ассоциации названий сладостей с поэтическими образами природы, воспеваемыми в работах таких великих японских поэтов как, например, Мацуо Басе 松尾芭蕉 (1644-1694) или Кобаяси Исса 小林一茶

(1763-1828), позволяли участникам чайной церемонии часами проводить время в приятной беседе об искусстве и поэзии.

Таким образом, сладости стали занимать важное место в чайной церемонии в период Эдо и активно вошли в повседневную жизнь всего японского народа. Форма, названия, история и вкус сладостей, зачастую содержавшие в себе отсылки к наиболее значимым культурным явлениям своего времени, стали хорошим поводом к размышлениям и обсуждению во время чайного ритуала. Они стали выполнять вспомогательную роль в чайной церемонии, дополняя как практическую, так и эстетическо-философскую концепцию чайного искусства.

Библиография

- Channell Soei, R. The book of Chanoyu / R. Channell Soei. Kyoto: Tankosha, 2016. 96 p.
- 2. Арутюнов, С. А. Современный быт японцев / С. А. Арутюнов. М.: Наука, 1968. 232 с
- 3. Григорьева, Т.П. Красотой Японии рожденный / Т. П. Григорьева. М.: Искусство, 1993. 464 с.
- 4. Игнатович, А. Н. Чайное действо / А. Н. Игнатович. М.: Стилсервис, 2011. 493 с.
- 5. Овчинников, В. В. Сакура и дуб / В. В. Овчинников. М.: ACT, 2005. 570 с.
- 6. Ябу Мицуо 藪光生. Вагаси 和菓子 (Японские сладости) / Мицуо Ябу. Токио: Кадокава бунко 角川文庫, 2015. 189 с.
- 7. Садо бунка кэнтэй косики тэкисуто 茶道文化検定公式テキスト (Официально утвержденный учебник по чайной культуре) / Оки Акира 大木明 [и др.] Киото: Танкося 淡交社, 2009. 152 с.
- 8. Chanoyu: the Japanese tea ceremony // India International Centre Quarterly, Vol. 3, No. 2 (April 1976). P. 159-161.
- 9. Япония-страна сладостей // Нипоника にぼにか、№12. Токио: Издание Министерства иностранных дел, 2014. 28 с.
- Носкова, В. Б. Философия чайной церемонии. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiva-chavnoy-tseremonii.

Смирнова Анастасия Михайловна

ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА АФГАНИСТАН XIX В.

Санкт-Петербургский Государственный университет, Восточный факультет, Кафедра теории общественного развития стран Азии и Африки, I курс магистратуры nez22@mail.ru

Smirnova Anastasia Mikhailovna

FEMALE LOOK AT AFGHANISTAN 19TH CENTURY

St. Petersburg State University, Faculty of Oriental Studies Department of Theory of Social Development countries of Asia and Africa, I year (master course)

В статье подробно рассматривается исторический источник, а именно «Журнал бедствий в Афганистане, 1841–42» (A Journal of the Disasters in Afghanistan, 1841–42). Проведен анализ источника и перевод наиболее значимых с точки зрения изучения Афганистана моментов.

The article examines in detail a historical source, namely, the Journal of Disasters in Afghanistan, 1841–42. The analysis of the source and the translation of the most significant moments from the point of view of studying Afghanistan are carried out.

Ключевые слова: история, Афганистан, источник, перевод.

Key words: history, Afghanistan, source, translation.

Борьба с британской агрессией — это характерная черта истории Афганистана с первой трети XIX по первую четверть XX вв., поскольку Британское правительство стремилось расширить свое политическое влияние в странах Среднего Востока и в частности в Афганистане, геополитическое положение которого представляло стратегическую важность.

Тему противостояния между Великобританией и Афганистаном правомерно назвать достаточно хорошо изученной, поскольку существует довольно большое количество исследовательских работ по данному вопросу. В основе большинства таких работ лежат сведения очевидцев - изданные дневниковые записи участников военных событий. Несмотря на то, что подобные работы часто цитируются в научной литературе, следует отметить, что исследователю необходимо обращаться к записям очевидцев для получения более четкого представления, как об исторических событиях, так и о культурном фоне изучаемого периода.

Исторические события, рассмотренные в данной работе, охватывают период первого военного столкновения Великобритании и Афганистана 1838–1842 гг., вызванного стремлением Великобритании обезопасить свою колонию — Британскую Индию — от возможных посягательств со стороны России и Персии.

В ходе написания работы использовались сведения и данные из трудов отечественных и зарубежных исследователей на русском и английском языках.

В книге Халфина Н.А. —Прожи британской агрессии в Афганистане" (М., 1959) наиболее полно освещается вопрос о британской экспансии в Афганистане и борьбе афганского народа за независимость. Несмотря на то, что в работе заметна просоветская идеологическая составляющая, и многие выводы представлены с этой точки зрения, работа до сих пор остается крайне актуальной и полезной для изучения истории Афганистана.

Работу Патрика Макрори — Исория неудачного отступления из Кабула" (Лондон, 1966) (Масгогу Р. Signal Catastrophe; The Story of the Disastrous Retreat from Kabul) можно считать полным и всеохватывающим исследованием по первой англо-афганской войне, поскольку она содержит глубокий анализ фактов по всему периоду кампании. Однако главным образом автор фокусирует внимание именно на сюжете отступления британского контингента из страны.

В данной работе приводится лексика (названия предметов быта, растений и т.д.) на языках дари и пушту. Для их перевода были использованы пушту-русский словарь М.Г. Асланова (1966), персидско-русские словари Ю.А. Рубинчика (1970) и М. А. Гаффарова (1976), урду-русский словарь З. Ансари (1964), а для обозначения этих слов были использованы варианты транскрипций, приведенных в работе Г.П. Сердюченко — Рсская транскрипция для языков зарубежного Востока (варианты транскрипций для дари (фарси-кабули))".

Афганские имена собственные приведены в соответствии с вариантами их написания на русском языке, уже устоявшимися в отечественной востоковедной традиции.

Следует сказать, что в работе для обозначения британских военных объединений будет использоваться термин —инфакая армия", поскольку армия состояла не только из собственно британских офицеров, но в большей степени из индийских наемных соллат.

Мы не будем подробно останавливаться на военных событиях первой англоафганской войны. Скажем лишь, что конфликт, вызванный колонизационными устремлениями Великобритании и желанием законного афганского монарха вернуть себе власть в стране, имел место в 1838-1842 гг., война началась 1 октября 1838 г. с обнародования в Симле манифеста, согласно которому правитель Афганистана Дост-Мухаммад-хан⁸⁷ должен был быть свергнут. Манифест был подписан тремя сторонами: Великобританией, правителем Пенджаба и законным наследником афганского престола Шуджой уль-Мульком⁸⁸. Совместные британско-индийские войска должны были оказать помощь армии законного монарха вернуть престол. С приходом на территорию Афганистана индской армии летом 1839 г. прилив денег и появление спроса на некоторые товары имели свои положительные стороны, в частности, оживили экономику страны, но вскоре присутствие в Афганистане иностранцев стало вызывать недовольство населения, проявлявшееся отдельными восстаниями в разных частях страны. Дальнейшее пребывание частей индской армии в Афганистане было пол угрозой. 5 ноября 1840 г.

Ex oriente lux 253

37

 $^{^{87}}$ Дост-Мухаммад-хан (23 декабря 1793 — 9 июня 1863, Герат) — афганский эмир (с 1834 г.), сын главы племени баракзаев

⁸⁸ Шуджа-шах Дуррани (4 ноября 1785 — 5 апреля 1842) — сын Тимур-шаха Дуррани, второго правителя Дурранийской империи, считался законным претендентом на власть в Кабульском княжестве и во всем Афганистане.

Лост-Мухаммал, узнав, что его семья находится под охраной англичан, добровольно сдался англичанам в Кабуле и был сразу же отправлен в Индию. С этого момента пребывание англичан в Афганистане окончательно теряло смысл, и афганское население все сильнее настаивало на том, чтобы иностранцы покинули страну.

В конце сентября 1841 г. племя гильзаев перекрыло все горные проходы, велушие из Кабула в Лжелалабал, прервав сообщение англичан с Индией. 2 ноября 1841 г. была проведена атака на дома британской миссии в Кабуле. Это событие стало поводом для всеобщего восстания, и 6 января 1842 г. части индской армии покинули Кабул. Почти сразу же афганцы начали атаковать отступавших, и в условиях сурового зимнего климата практически никто из них не добрался до Индии, небольшая группа британских офицеров с семьями оказалась в плену у афганцев после резни на перевале Хорд Карбул и содержалась под стражей в течение девяти месяцев. Из всего кабульского гарнизона, не считая попавших в плен к Акбар-хану⁸⁹ и тем спасших свою жизнь, уцелел только один человек, доктор Брайдон.

Следует отметить, что существует большое количество литературы, посвященной деталям отступления британской армии из Кабула. Данный сюжет довольно подробно описан в таких трудах, как «История Афганистана» (Ромодин В.А., Массон В.М.)

Гораздо более интересно будет ознакомиться с теми моментами, которые показались участнице событий наиболее важными.

Среди заложников оказалась леди Флоренция Сэйл, супруга офицера британской армии Роберта Генри Сэйла. На протяжении всего своего пребывания в плену леди Сэйл вела дневник, где подробно описала все выпавшие ей испытания.

Нельзя сказать, что жизнь Флоренции Сейл освящена подробно. В частности, из книги Сары Паркер (Sarah E Parker) известно, что она родилась в 1790 г. в Малрасе, в семье служащего, а в 1809 г. вышла замуж за британского офицера Роберта Сейла, с которым и отправилась в Афганистан. О ее жизни там можно узнать из ее собственного дневника, а также существует сборник портретов [Еуге, 1843. С.39] тех, кто оказался в плену у афганцев во время первой англо-афганской войны, среди которых есть портрет леди Сейл. После гибели мужа в 1845 г. Флоренция получала государственную пенсию и на несколько лет была удостоена чести проживать в особняке, принадлежавшем королевской семье. Только в это время леди Сейл жила в Лондоне, а вся ее жизнь была связана с британскими владениями в Индии [Parker, 2005. С. 18]. Флоренция Сейл умерла в 1853 г. во время путешествия в Южную Африку.

В 1843 г. на основе заметок леди Сейл была опубликована книга под названием «Журнал бедствий в Афганистане, 1841-42» (A Journal of the Disasters in Afghanistan, 1841-42). Книга состоит из трех частей или глав с краткими названиями, отражающими ход происходивших событий: «Кабул», «Отступление из Кабула» и «Плен». При печати была сохранена дневниковая форма записи текста, то есть каждое зафиксированное леди Сейл происшествие имеет точную дату.

Повествование начинается в сентябре 1841 г., а заканчивается в сентябре 1842 г. В предисловии автор пишет, что фиксировала не только личные впечатления,

⁸⁹ Акбар-хан (1813–1845) — сын Дост-Мухаммад-хана, возглавил национальные силы в Кабуле в 1841– 1842 гг. во время противостояния британской экспансии

но и некоторые официальные новостные данные, которыми могли располагать пленники в их непростых условиях. Здесь же леди Сейл отмечает личные качества офицеров, с которыми ей довелось встретиться.

Леди Сейл посчитала важным описать состояние афганских войск и дать им характеристику: «У афганцев есть ряд преимуществ перед нашими войсками. Одно из них заключается в том, что их пешие воины вступают в бой отдохнувшими. Делается это так: каждый всадник берет с собой одного пешего воина и довозит его до места сражения» [Sale, 1843. C.14]

В XIX в. афганская конница состояла из крупных и мелких хорошо экипированных землевладельцев, и, как отмечает леди Сейл, их обозные пони превосходно справлялись с рельефом местности: «Если честно, мне кажется, что афганские лошади умеют взбираться по скалам ничуть не хуже горных коз»[Sale, 1843. С.14]. Что касается вооружения, то, по словам автора, британцы воевали с гораздо более современным оружием, однако афганские джазаилы (старинная пушка небольшого калибра, возилась на верблюдах) стреляли гораздо дальше, чем ружья британцев. «Поэтому, пока афганцы находятся вне досягаемости нашего оружия, наши войска терпят поражения от их смертоносных орудий»[Sale, 1843. С.14].

Флоренция Сейл делится впечатлениями о том, что в Афганистане воинов начинают воспитывать еще в детстве: Здесь каждый мужчина - прирожденный воин, у каждого маленького мальчика уже есть свой нож - оружие, при помощи которого ожесточившиеся крестьяне нанесли нам непоправимый урон. У каждого афганца было по три-четыре ножа разного размера, от длинного, как сабля, до короткого кинжала»[Sale, 1843. С.71]. Говоря о ненависти местного населения к британским захватчикам, автор упоминает несколько фактов, связанный уже не столько с афганской, сколько с исламской традицией. Она поясняет, что вражду разжигали муллы, которые «пророчили огненную Геенну тем, кто не присоединится к газавату, а рай, наполненный прекрасными Гуриями, должен был стать компенсацией тем, кто погибнет в войне за веру»[Sale, 1843. С.71].

Британской пленнице удалось увидеть и такой интересный с этнографической точки зрения обряд, как похороны. После одного из сражений, в ходе волнений, начавшихся в Кабуле, группа британцев, среди которых оказалась и леди Сейл, нашла тело богато одетого воина, однако его голова была отрезана. «Афганцы поступают так, когда у них нет возможности забрать тело убитого товарища с собой. Они просто отрезают голову и с ней проводят традиционный для ислама обряд похорон. Следует отметить, что афганцы строго соблюдают обрядовые традиции» [Sale, 1843. C.19].

Оказавшись в плену, Флоренция Сейл и ее спутники проводили много времени с представителями афганской знати (автор не раз говорит о том, что, хотя их передвижение обратно к Кабулу и сопровождалось неизбежными для перехода через горный перевал трудностями, в целом афганцы относились к пленникам с большим уважением, и всячески старались сделать их жизнь комфортнее, насколько это было возможно). Автор делится своими впечатлениями о бытовой жизни афганцев, и в частности описывает крепость, в которой жил брат Дост Мухаммад-хана — Мухаммад Шах-хан (т.е. ни много ни мало, родной брат самого уважаемого человека в Афганистане).

—Крепсть находится у подножья первой горной гряды на пути в Кафиристан. Она окружена рвом и ложной насыпью. Построенные из глины стены нельзя назвать толстыми. Внутренняя часть крепости состоит из шести комнат и подвалов (таһх ана — ゼ ∸ — подвал), эти помещения предназначены для вождя и его любимой жены, а остальные три жены живут в помещениях снаружи"[Sale, 1843. С.56].

Судя по этим описаниям, можно сделать вывод, что то, что автор называет словом — пепость", по сути, крепостью назвать сложно. Постройка, конечно, имела форму и атрибуты крепости, однако не была похожа на крепость Газни или Бала - Хисар. Жилище Мухаммад Шах-хана - это, скорее, укрепленная усадьба, нежели крепость. Постройка, которая по меркам Афганистана XIX в. могла принадлежать только довольно состоятельному и уважаемому человеку, по представлениям жительницы Великобритании того же столетия не казалась чем-то выдающимся, что еще раз подчеркивает состояние бедности афганского населения в этот период.

Окунувшись в бытовую жизнь афганцев, Флоренция Сейл не забыла упомянуть, чем питалось местное население. —Сегодняна обед нам подали огромную тарелку риса с творожным сыром в центре (дей - در دисломолочный продукт индийского происхождения.), политая топленым маслом"[Sale, 1843. С.64]. По ее словам, это любимое блюдо афганцев, хотя сама она считает его несъедобным.

В записях пленницы есть небольшая заметка о таком атрибуте одежды некоторых афганцев, как лунги (ぐぐ). Лунги - это полоса синей клетчатой ткани с красными краями, которую наматывают как тюрбан. Носят ее в основном афганцы. Хайберцы носят более яркие люнги различных оттенков желтого цвета [Sale, 1843. C.51].

Наиболее важная запись в журнале Леди Сейл, с точки зрения изучения быта и культуры Афганистана XIX в., посвящена женщинам. Действительно, какими бы ни были наблюдательными побывавшие в Афганистане мужчины, в силу исламских традиций им бы не удалось описать вещи, связанные с бытом женщины. С другой стороны, сама Флоренция Сейл с большим интересом описывает одежду и привычки женщин, чем военные события или природные особенности страны.

Согласно воспоминаниям автора, она и другие британские пленницы обедали вместе с женщинами из семьи Мухаммад Шах-хана. На обеде присутствовали три жены Мухаммад-Шах-хана, несколько жен Дост-Мухаммад-хана, а также мать обоих вождей и две их незамужних сестры. Кроме того, с обедом всем присутствовавшим помогали две девушки-прислужницы.

—Открвенно говоря, все женщины были склонны к полноте и одеты довольно безвкусно", - пишет леди Сейл. По ее словам, платья афганок были выполнены из грубых тканей и выглядели неэлегантно. Платье главной жены Мухаммад-Шаххана было сшито из традиционного кабульского шелка со вставками из ситца на спине (в целях экономии ткани), и оно, по мнению автора, оказалось самым богатым. Платье, которое скрывало практически все тело, —пходило на ночную рубашку", но на рукавах, а также по всей длине спереди и по бокам и оно было расшито монетами или другими изделиями из серебра или золота, например, полумесяцами. Нагрудник доходил вверху до подбородка, а внизу до талии и ниже и был выполнен из рядов монеток, скрепленных вместе так, что когда женщина садилась, они свисали гирляндами до колен. Золотые украшения были только у

главной жены, остальные девушки довольствовались серебром. — Изукрашения не были похожи на то, что мы привыкли называть ювелирными изделиями. Украшение для носа в виде семи достаточно крупных жемчужин, обрамляющих изумруд, было самым красивым украшением из всех, что я когда-либо видела". Некоторые женщины носили огромные серьги из золота или серебра.

Что касается волос, то раз в неделю, после посещения бани, женщины заплетали их во множество мелких косичек и смазывали чем-то похожим на смолу. Незамужние девушки заплетали волосы в плоскую косу и пускали ее вокруг головы так, чтобы волосы прилегали к линии бровей. —От этого казалось, что у девушки тяжелый взгляд". Такая имитация сросшихся бровей у незамужних девушек символизировало то, что они — дети природы. Однако после свадьбы девушки тщательно следили за тем, чтобы волоски между бровями были удалены. К тому же, девушки любили подчеркивать и без того неестественно резкую дугу бровей.

Кабульские женщины очень любили использовать красную и белую краску, причем в отличие от индианок, они красили не только ногти, но и кисти рук до запястий. —Казафсь, что их руки были испачканы кровью, что на наш европейский взгляд выглядело ужасно". Леди Сейл описала даже растение, из которого делали краску для украшения рук: —Длятих целей использовали определенное растение. Лицевая сторона листа этого растения блестит так, как будто покрыта инеем, но его обратная сторона красная, и если сдавить этот листок, он выделит краску" [Sale, 1843. C.68].

Когда девушки находились в доме, они набрасывали на голову и плечи чаддах (альтернативное произнесение слова ч адар - قادر - чадра), как это делают в Индии, но когда девушки выходили на улицу, они должны надевать бурку, руй банд (فن تن — вуаль) и обматывать ноги тканью. Завершали образ туфли на каблуке без задника, подкованные железом [Sale, 1843. С.68].

В заключении следует сказать, что дневник Флоренции Сейл охватывает разные аспекты афганской жизни первой половины XIX в. Большая часть записей посвящена трудностям, которые автор перенесла, находясь в плену у афганцев, эти сведения будут полезными при конкретном рассмотрении эпизода отступления британских войск из Кабула. С точки зрения данной работы, наибольшую ценность представляет отрывок дневника, посвященный женской одежде и некоторым особенностям жизни знатных афганок того периода (окраска рук хной, выбор ткани для платьев). Будучи женщиной, Флорентина Сейл смогла увидеть и подробно описать то, что согласно исламской традиции, было скрыто от мужских глаз.

К другим важным моментам можно отнести описание того, как афганцы поступают с телами убитых в бою товарищей, как они ведут бой, что едят простые люди, как выглядит жилище знатных афганцев.

Автор также приводит некоторые афганские слова, а в начале изданного дневника присутствует небольшой глоссарий использованных в нем афганских слов, записанных автором, естественно, в том виде, в котором она эти слова услышала. К словам прилагается перевод, опять же, основанный на личном опыте автора.

Таким образом, дневник леди Сейл является источником этнографического характера. и. несомненно. полезен при изучении Афганистана XIX в.

Библиография

Источники

- Sale F. A Journal of the Disasters in Affghanistan, 1841–42/ F. Sale. New York, 1843. 100 p.
- 2. Литература на русском языке
- 3. Массон В. М. История Афганистана: В 2-х т. Т. 2. Афганистан в новое время / АН СССР. ИНА. М.: Наука, 1965. 552 с.
- 4. Сердюченко Г.П. Русская транскрипция для языков зарубежного Востока. / Г.П. Сердюченко. М.: Наука, 1967. 369 с.
- 5. Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. начало XX в.). М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 210 с.

Литература на английском языке

- Eyre V. Prison Sketches, Comprising Portraits of the Cabul Prisoners, and Other Subjects/ V. Eyre. - London, 1843. - 67 p.
- Parker S. Grace and Favour: A Handbook of Who Lived Where in Hampton Court Palace, 1750–1950/ S. Parker. - Historic Royal Palaces, 2005. - 180p.

Словари

- Бирюлев С.В., Ансари З. Урду-русский словарь/ З. Ансари. М.: Советская энциклопедия, 1964. - 890 с.
- 9. Асланов М.Г. Пушту-русский словарь/ М.Г. Асланов. М.: Русский язык, 1985. 1008 с.
- 10. Гаффаров М. А. Персидско-русский словарь: Т. 1–2. / М.А. Гаффаров. М.: Наука, 1976. 2 т.
- 11. Рубинчик Ю.А. Персидско-Русский словарь/ Ю.А. Рубинчик. М.: Русский язык, 1983. 1613 с.

Тухтаева Екатерина Рустамовна

ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПА «СЯО» НА РАЗВИТИЕ КОНФУЦИАН-СКОЙ МОДЕЛИ «ЖЭНЬ» И МОИСТСКОЙ МОДЕЛИ «ВСЕОБЩЕЙ ЛЮБВИ И ВЗАИМНОЙ ВЫГОДЫ»

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет ИМО, Кафедра алтаистики и китаеведения 3 курс (бакалавриат) tuhtaeva99@bk.ru

Tukhtaeva Ekaterina

THE INFLUENCE OG THE PRINCIPLE OF «XIAO» ON THE DEVELOPMENT OF CONFUCIAN MODEL OF «REN» AND THE MOIST MODEL OF «UNIVERSAL LOVE AND MUTUAL BENEFIT»

Kazan (Volga region) Federal University Institute of International Relations Department of Altaic and Chinese Studies 3^{year} student (B.A.)

В статье рассматривается влияние принципов «сяо» и «жэнь» на процесс зарождения и становления моистского концепта «всеобщей любви и взаимной выгоды». Отдельное внимание уделяется роли концепта «всеобщей любви и взаимной выгоды» в административной и социальной сферах. Освещаются вопросы о социальном равенстве, заботе о ближнем и благополучном развитии Поднебесной с точки зрения конфуцианцев и моистов.

The article discusses the influence of the principles of «xiao» and «ren» on the process of the birth and formation of the moist concept of «universal love and mutual benefit». Special attention is paid to the role of the concept of «universal love and mutual benefit» in administrative and social spheres. The matter of social equality, neighbor principle and prosperous development of China from the point of view of Confucians and Moists is covered.

Ключевые слова: Моизм; «всеобщая любовь и взаимная выгода»; административное управление; конфуцианство; «сяо»; «жэнь».

Key words: Moism; «universal love and mutual benefit»; administration management; Confucianism: «xiao»: «ren».

Великий учитель Кун-цзы и Учитель учителей Мо, работая над созданием собственных доктрин, стремились разрешить вопрос грамотного управления государством в целях достижения благополучия и процветания Поднебесной. Каждый из них в своих трудах избирал исторический промежуток времени, который, являясь идеальным, давал или мог дать ответы на экономический, политический и социальный вызов современности. Именно поэтому в их трудах уделено большое внимание анализу образа старого общественного уклада, совершенномудрых правителей того времени, когда Поднебесная процветала. В «Ли Цзи» про те далекие времена сказано:

«Когда господствовала великая справедливость, Поднебесная была общей, тогда избирали мудрых и способных, полагались на доверие, сохраняли мир и согласие. Поэтому люди относились как к близким родственникам не к одним только своим родственникам, называли детьми не одних только своих детей. Старики имели опору на закате своих дней, возмужавшие имели себе применение, юные подрастали, вдовые, сирые, одинокие и больные имели пропитание, мужчины получали свою долю, а женщины находили себе пристанище. Люди скорее готовы были бросить богатство на земле, но не стали бы прятать его у себя; скорее вообще не напрягали бы свои силы, чем стали бы использовать их для своей собственной пользы. По этой причине не возникало злых умыслов, не было воровства и разбоя, двери не запирались...» [Крюков, 1972. С. 6].

Очевидно, речь идет об отлаженной системе естественной социальной поддержки населения, опорой для которой служат традиции и обычаи древности. Однако стоит учитывать исторический промежуток, к которому обращается автор. Свойственное для данного этапа смещение фокуса с общины на отдельную семью еще не произошло, Поднебесная пока еще остается общей: нет потомственной родовой знати, бедных и голодных. Логично, что при отсутствии «камня преткновения» в виде богатств, статуса, земельного надела или свободы, люди «сохраняли мир и согласие».

Это же сложнее было воплотить в условиях общества времен Чуньцю. Колоссальные изменения и новая политическая обстановка трактуют условия, в которых все вышеперечисленное представляется труднодостижимым. В ответ на системный запрос на изменения возникают различные философские школы, через диспут стремящиеся найти адекватное для своего времени решение. Период «расцвета 100 школ» важная веха в философской жизни Древнего Китая.

Вопросы управления государством в это время выходят на первый план в философских диспутах. Причиной тому можно назвать одну из особенностей развития китайской философской мысли: отсутствие четкой границы между философией и политикой. В данной работе мы рассмотрим основообразующий конфуцианский принцип взаимоотношений между людьми на всех уровнях — «сяо», а также его влияние на развитие моистской модели «всеобщей любви и взаимной выгоды».

Сыма Цянь в своем труде «Ши цзи» подмечает, что ««Поднебесная стремится к одной цели, но для достижения ее существуют сотни планов, все стремятся к одному и тому же, но ведут к этому разные пути» [Древнекитайская философия, 1973, С.312]. По мнению историографа, каждое из философских направлений имеет как преимущества, выгодно отличающие его от других, так и недостатки, которые не поддаются осмыслению. Достоинством конфуцианства был назван «этический принцип между государем и подданным, отцом и сыном». Свойственная чжоу-луской модели и развитая впоследствии Конфуцием патерналистская формула государственности в совокупности с принципом «сяо» отлично справлялась с задачами структуризации и социального регулирования, необходимых в условиях внутренней и внешней экономической и политической неопределенности. Опиравшийся на традиции и хорошо обоснованный с этической точки зрения принцип впоследствии выполнял функцию морального барьера, защищая знать и верхние слои от социальных (общественных) потрясений. Подтверждение этому находим у Конфуция в «Лунь юй»:

«Мало людей, которые будучи почтительными к родителям и уважительными к старшим братьям, любят выступать против вышестоящих. Совсем нет людей, которые не любят выступать против вышестоящих, но любят сеять смуту» [Древнекитайская философия, 1973, С.140].

Основополагающим в принципе «сяо» можно назвать беспрекословное подчинение младших воле старших. Данный принцип пронизывает всю структуру учения от регулирования отношений между государем и подданным до отношений к родителям и поведения во время совершения похоронного ритуала и ношения траура. В трактате «Лунь юй» уделяется особое внимание объяснению малейших деталей в отношениях между родителями и детьми. Нормы поведения по отношению к старшим в семье и роде, ситуации повседневного характера подробно освещаются в трактате благодаря вопросам, которые ученики задают Великому Учителю. Это отношение к социуму одновременно стирает личные границы (поскольку младшие всегда должны беспрекословно подчиняться старшим, а значит не имеют права выбора) и вместе с этим четко очерчивает их, отделяя одну семью, один клан от другого. Конфуций, опираясь на «сяо» развивает идею о социальной гармонии, Мо-цзы — о социальном равенстве, в этом есть их принципиальное различие. Ли «обрамляли» и структурировали человеческие отношения. По словам Кун-изы «почтительность без ритуала [ли] приводит к суетливости: осторожность к боязливости; смелость без ритуала приводит к смутам; прямота без ритуала приводит к грубости.» [Древнекитайская философия, 1973, С.155]. Подтверждение данной точки зрения находим и в «Чжун юй»:

Учитель сказал:

- Если править силой жёстких указаний, Наводить порядок с помощью кнута, Люди будут ускользать от наказаний И утратят чувство меры и стыда. Если править, добродетель сохраняя, Наводить порядок, ритуал призвав, Вот тогда народ, стыду внимая, Будет исправлять порочный нрав. [Абраменко, 2017. С. 98]

Управлять государством мог только совершенномудрый правитель «шэн ван», распространяющий собственную благодетель и «дэ» на народ, своим примером воспитывающий, указывающий к какому идеалу нужно стремиться. А народ, внимая мудрому примеру, будет меняться. В этом заключается отличительная особенность конфуцианской доктрины: базисом всей системы управления является пример, который подает правитель. Этому примеру следуют цзюнь-цзы, а вслед за ними стремится достичь совершенства и народ.

Как известно, в моистской терминологии также важное место занимает определение «совершенномудрый», однако оно несет в себе немного иное значение. Прежде всего, в трактате Мо-цзы термин употребляется вместе с сословно нейтральным словом «человек», что снова указывает на стройную доказательную базу и приводит читателя к идее равенства и принципу «почитания единства»:

«Если совершенномудрый человек считает своей задачей наведение порядка в Поднебесной, то ему необходимо исследовать, почему возникают беспорядки,

только тогда он сможет навести порядок». [Древнекитайская философия, 1973, С.192]

Идея анализа происходящих событий не нова и для конфуцианства, однако благородный высокообразованный муж всегда стремится найти ответ в записанной мудрости древних. Поскольку цзюнь-цзы «не создает, а передает», опорой при принятии решения были поступки совершенномудрых, то есть исторические прецеденты. Мо-цзы же выдвигает обратный тезис. Совершенномудрый человек, бесспорно, образован, но кроме знания великих канонов, он обладает мощным аналитическим аппаратом. Ему под силу понять первопричину беспорядков: нелюбовь людей к друг другу.

«Что такое беспорядок? Это то, что сын любит себя, но не любит отца, поэтому во имя своей выгоды он наносит ущерб отцу...» [Древнекитайская философия, 1973, С.192] Эта нелюбовь находит место на всех уровнях человеческих отношений. Ведь если сын не любит отца, как может подданный любить государя и свою страну, приносить им выгоду? Но если и государь не любит свое царство, как может он любить другое царство? Продолжая рассуждать, Учитель Мо приходит к такому выводу:

«Если отсутствует взаимная любовь между людьми, то непременно появляется взаимная ненависть; если правитель и его подчиненные не питают взаимной любви, то нет милости и верности; если между отцом и сыном нет взаимной любви, то нет родительской любви и почитания родителей; если между братьями нет взаимной любви, то нет согласия между ними; если между людьми Поднебесной нет взаимной любви, то сильный непременно подчиняет слабого, богатый непременно оскорбляет бедного, знатный непременно кичится перед простолюдином, хитрый непременно обманывает простодушного ...» [Древнекитайская философия, 1972, С.192-193]

Подобным образом, в одном предложении, в котором четко и ясно прослеживается структура, Мо-цзы простым языком, понятным каждому, отслеживает и находит первопричину раздора и беспорядка в Поднебесной. Не ограничиваясь простым указанием на неэффективность и узкую направленность предложенных конфуцианством добродетелей, он приводит собственные аргументы в поддержку введения принципов «всеобщей любви и взаимной выгоды». Более того, между строк можно заметить еще одну простую мысль: «сяо», «жень», «ли» и другие конфуцианские добродетели созданы для борьбы со следствием. Они скрывают причину — нелюбовь людей — за нормами ритуала и правилами поведения. Подобно врачу предлагает Учитель вести борьбу с «недугами»: взаимной ненавистью и отдельной любовью. «Сторонники отдельной любви в результате порождают великое зло в Поднебесной. Поэтому следует отвергнуть отдельную любовь...» [Древнекитайская философия, 1972, С.193]

Таким образом, трактат Мо-цзы указывает на основополагающую ошибку в понимании причин смуты и беспорядков в Поднебесной. Отталкиваясь от концепта «всеобщей любви и взаимной выгоды», он последовательно выстраивает ряд принципов, также основанных на всеобщей любви. Соблюдение естественных базовых норм является «лекарством» и «профилактикой» гармонии и порядка не только в отдельных кланах и царствах, но и во всей Поднебесной.

Особого внимания стоит тот факт, что идеи, которые проповедовал Мо-цзы, корнями своими уходят в древность не только потому, что он многократно ссылается на совершенномудрых правителей древности, но и потому, что идеи о соци-

альном равенстве, развитые им до политического принципа, содержаться и «Ши пзине»:

Личного вы не даете примера,
К службе закрыт благородному путь,
К вам у народа разрушена вера,
Но государя нельзя обмануть!
Будьте воздержаны, дух свой смирите,
Низким, как щит, не вверяйте закон,
К службам доходным пути преградите
Этой ничтожной родне ваших жен! [Древнекитайская философия, 1972, С.82]

Здесь четко прослеживаются идеи, которые могли послужить основой для выдвинутых Мо-цзы принципов «почитания мудрости и единства». Они тесно связаны с концепцией «всеобщей любви и взаимной выгоды». Объединять и структурировать общество по Мо-цзы должно было не беспрекословное подчинение и высокие моральные качества, развить, воспитать и применять которые могли позволить себе лишь представители высших кругов общества, но любовь всеобщая, в представлении Мо-цзы, не ограничена условностями сословного и иного порядка. Она позволяет человеческим отношениям расцвести, раскрыться в полной мере. Подобно тому, как небо любит каждого, так и люди должны любить, уважать и помогать друг другу в зависимости от социального положения и достатка

Конфуцианскую любовь, то есть принцип «сыновней почтительности», по мнению М.Л.Титаренко, «они [моисты] называли такую любовь «отдельной» или «корыстной любовью», «псевдолюбовь» (бе ай). Существование «корыстной любви» и стремление за счет других получить для себя выгоду монеты объявляли причиной всех зол. «Отдельная любовь» сравнивалась с любовью к себе вора, который любит свой дом и грабит чужой во имя собственного благополучия.» [Титаренко, 1985. С.132].

Всеобщая любовь — это воля Неба, она, в отличие от конфуцианского понимания, познаваема и доступна каждому. Между небом и простым людом нет проводника в виде цзюнь-цзы, который, следуя небесному велению, подает пример и воспитывает народ. Мо-цзы же утверждает, что сердце каждого человека способно внимать воле Неба и исполнять ее. Любить ближнего своего, не делать зла и стремиться искоренять его на территории Поднебесной — это задача каждого, утверждает он. Более того, всеобщая любовь и взаимная выгода — это наивысший критерий справедливости, поскольку все приносят пользу государству и правителю, который, в свою очередь, приносит пользу государству и всему народу, не выделяя аристократические слои. Эти требования в полной мере отражают запрос той части населения, чьи интересы представлял Мо Ди, а именно свободных общинников, торговцев и ремесленников.

Подводя итог, отметим, что конфуцианство, безусловно, сыграло одну из важнейших ролей в формировании моизма, как самобытного философского течения. Как альтернатива конфуцианской модели устройства мира и государственной системы вырабатываются принципы «всеобщей любви и взаимной выгоды». Социальное равенство, забота о ближнем и благополучное развитие не отдельных кланов и царств, а всей Поднебесной красной нитью проходят через трактат Мо-

цзы. Более толерантное, выступающее в защиту широких слоев населения учение быстро становится популярным. Люди, уставшие от разорительных войн и экономической, социальной и политической неопределенности, падения уровня жизни находят в учении Мо-цзы ответы на вопросы и четкий план действий для наведения порядка и оздоровления системы.

Библиография

- 1. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М., «Мысль», $1972 \, \mathrm{r.} 363 \, \mathrm{c.}$
- 2. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2. М., «Мысль», 1973 г. 384 с.
- 3. Китайская философская классика в поэтических переводах: «Чжун юн», «Лунь юй», «Сань цзы цзин», в 2-х т. / В.П. Абраменко. М.: ИДВ РАН, 2017. 348 с.: ил. (т. 2).
- 4. Крюков М. В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М.: Наука, ГРВЛ, 1972. 326 с.
- 5. Титаренко М. Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. 245 с.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

EX ORIENTE LUX

Четвёртая международная студенческая конференция востоковедов и африканистов

Санкт-Петербург, 1-2 ноября 2019 г.

Сборник избранных статей конференции

EX ORIENTE LUX

The 4th International Student Conference on Asian and African Studies
St. Petersburg, November 1-2, 2019
Collection of Selected Conference Articles

Отв. ред.: А. В. Челнокова Верстка и дизайн В. А. Виноградов

Печатается без издательского редактирования

Издательство «Скифия-принт» Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10 Тел.+7(812) 982-8394 e-mail: skifia-print@mail.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 30.10.2019 Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Печать цифровая. Бумага офсетная. Тираж 20 экз. Заказ № 6696

Отпечатано в типографии «Скифия-принт». Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10